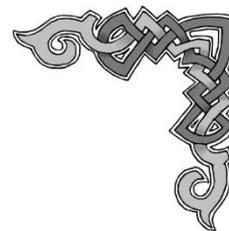

ООО «Наука и образование»

**ГУМАНИТАРНЫЕ,
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

Всероссийский научный журнал

www.online-science.ru

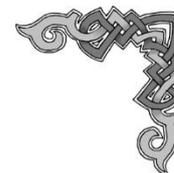

**№ 7
2020**

**ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

2020, № 7

(печатная версия Всероссийского научного журнала
«Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» –
www.online-science.ru)

Основан в 2010 г.

ISSN 2220-2404 (печать) ISSN 2221-1373 (on-line)

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ журнал «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» включен в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77-71757 от 30 ноября 2017 г.

Регистрационное свидетельство ФГУП НТЦ «Информрегистр» № 573 от 04.10.2011 г.

Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека
(Российский индекс научного цитирования)
№ 223-07/2011R от 15.07.2011 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Бугаенко Юлия Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры уголовного права юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Шелкова Елена Андреевна

ПЕРЕВОДЧИК:

Шелкова Елена Андреевна

КОРРЕКТОР:

Попов Михаил Юрьевич

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «Наука и образование»

ФГБОУ ВПО
«Адыгейский государственный университет»

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

350049, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Красных партизан, 371, оф. 28

тел. (861) 226-08-65

Электронный адрес: milena.555@mail.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель редакционного совета

Хунагов Рашид Думаличевич – Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доктор социологических наук, профессор, ректор Адыгейского государственного университета;

Члены редакционного совета:

Атоян Корюн Лукашевич, доктор экономических наук, профессор, ректор Армянского государственного экономического университета. Республика Армения;

Вишневецкий Кирилл Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России;

Волков Юрий Григорьевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, научный руководитель института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Голенкова Зинаида Тихоновна, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения, учебно-образовательного центра Института социологии РАН;

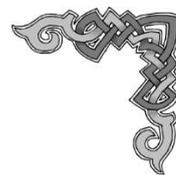
Гришай Владимир Николаевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Эссентукский институт управления, бизнеса и права

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор. Южный федеральный университет;

Зеленский Владимир Дмитриевич, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Кубани, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, руководитель программ магистерской подготовки юридического факультета Кубанского аграрного университета;

Игнатов Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России;

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Кубанского государственного университета;

EDITORIAL BOARD:

Chairman Editorial Board:

Hunagov Rashid Dumalichevich – Honoured Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Doctor of Social Sciences, Professor, President of Adyghe State University;

Members of the editorial Board:

Koryun L. Atoyan, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Armenian State Economic University. The Republic of Armenia;

Kirill V. Vishnevetskiy, Doctor of law, professor, chief of department of criminal law and criminology Krasnodar Ministry of Internal Affairs university of Russia;

Yuri G. Volkov, Honored scientist of the Russian Federation, Ph.D., professor, research supervisor of Sociology and Regional Studies Institute of Southern Federal University;

Zinaida T. Golenkova, Honored Public Figure of Science, Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Director of the Institute of Sociology of the Academy of Sciences;

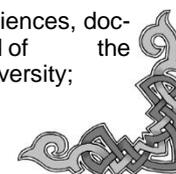
Vladimir N. Grishay, doctor of Sociology, Professor, Professor, of General humanitarian and natural Sciences, Essentuki Institute of management, business and law

Alexander Viktorovich Dyatlov, doctor of Sociology, Professor. Southern Federal University;

Zelensky V. Dmitriyevich, the Honored lawyer of Russian Federation, doctor of law, professor, the Honored lawyer of Kuban, the Honourable worker of higher education of the Russian Federation, the head of programs of master preparation of law department of the Kuban agricultural university ;

Aleksandr N. Ignatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Crimean branch of the Krasnodar University the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Valery V. Kasyanov, Doctor of Social Sciences, doctor of historical sciences, professor, head of the history of Russia at the Kuban State University;

Карепова Светлана Геннадьевна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований Российской академии наук;

Кашкаров Алексей Александрович, доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России;

Клещина Елена Николаевна, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России;

Когербаева Айнура Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель ООП «Экономика и управление народным хозяйством» (менеджмент). Киргизско-Российский славянский университет. Бишкек, Кыргызстан;

Коновалов Станислав Иванович, Заслуженный сотрудник МВД России, доктор юридических наук, профессор, профессор Ростовского института защиты предпринимателя;

Куемжиева Светлана Александровна, кандидат юридических наук, профессор, доцент кафедры гражданского права юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Кузнецов Вячеслав Николаевич, член-корреспондент РАН, доктор социологических наук;

Маркова-Мурашева Светлана Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории государства и права Кубанского государственного университета;

Маркович Данило Ж., профессор Белградского университета. Сербия;

Невский Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского института МВД России по научной работе, начальник научно-исследовательского центра № 1;

Нарбут Николай Петрович, доктор социологических наук, профессор, первый заместитель декана, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов;

Образиев Константин Викторович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин, Университет прокуратуры Российской Федерации

Пан Давей, доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии Шанхайской академии общественных наук. Китайская народная республика;

Пудовочкин Юрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права. Российский государственный университет правосудия

Svetlana G. Karepova, candidate of sociological sciences, leading researcher of Institute of socio-political researches of the Russian Academy of Sciences;

Aleksey A. Kashkarov, doctor of law, associate professor, Head of the department of criminal law and criminology Crimean branch of the Krasnodar university of the Ministry of Internal affairs of Russia;

Elena N. Kleshchina, doctor of law, professor of chair of criminal trial of the Ministry of Internal Affairs Moscow university of Russia;

Aynura A. Kogerbayeva, doctor of Economics, professor, head of OOP «Economy and Management of the National Economy» (management). Kyrgyz-Russian Slavic university. Bishkek, Kyrgyzstan;

Stanislav I. Konovalev, Honored police officer of Russia, the doctor of law, professor, professor of the Rostov institute of protection of the businessman;

Svetlana A. Kuemzhieva, Candidate of Law Sciences, professor, associate professor of civil law of legal faculty of the Kuban state agricultural university of I.T. Trubilin;

Vyacheslav N. Kuznetsov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Social Sciences;

Svetlana A. Markova-Murasheva, doctor of law, professor, professor of chair of the theory, history of state and law of the Kuban state university;

Daniel J. Markovic, professor, University of Belgrade. Serbia;

Sergei A. Nevsky, doctor of law, professor, deputy chief of the All-Russian scientific and research institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on scientific work, the chief of research center № 1;

Narbut N. Petrovich, doctor of sociological sciences, professor, first deputy dean, head of the department of sociology of the Russian university of friendship of the people;

Konstantin V. Obrazhiyev, doctor of law, professor, head of the department of criminal and legal disciplines University of prosecutor's office of the Russian Federation

Pan Dawei, Doctor of Social Sciences, Professor of Sociology, Director of the Institute of the Shanghai Academy of Social Sciences. Chinese People's Republic;

Yury E. Pudovochkin, doctor of law, professor, professor of department of criminal law. Russian state university of justice

Пусько Виталий Станиславович, Заслуженный работник высшей школы РФ, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры политологии МГТУ им. Н.Э. Баумана;

Романова Анна Ильинична, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и управления в городском хозяйстве Казанского государственного архитектурно-строительного университета;

Рыкова Ирина Николаевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра отраслевой экономики Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов РФ;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор кафедры управления персоналом и социологии Ростовского государственного экономического университета;

Силин Анатолий Николаевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Западно-сибирского филиала Института социологии РАН;

Снимщикова Ирина Викторовна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и финансового менеджмента Кубанского государственного технологического университета имени И.Т. Трубилина;

Соколова Галина Николаевна, Заслуженный работник образования Республики Беларусь, доктор социологических наук, профессор, заведующая отделом экономической социологии ГНУ «Институт социологии» НАН;

Сумачев Алексей Витальевич, доктор юридических наук, профессор, Югорский государственный университет;

Тузиков Андрей Римович, доктор социологических наук, профессор, декан факультета промышленной политики и бизнес-администрирования Казанского национального исследовательского технологического университета;

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор. Краснодарский университет МВД России;

Фархутдинов Инсур Забирович, доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник, Институт государства и права Российской академии наук, главный редактор научного журнала «Евразийский юридический журнал»;

Харитонов Евгений Михайлович, академик РАН, доктор социологических наук, директор Всероссийского научно-исследовательского института риса.

Vitaly S. Pusko, The honored worker of the Higher school of the Russian Federation, the Doctor of Philosophy, professor, professor of chair of political science of MGTU of N.E. Bauman;

Romanova Anna Ilyinichna, doctor of Economics, professor, the head of the department of economy and management in municipal economy of the Kazan state architectural and construction university;

Rykova Irina Nikolaevna, doctor of Economics, professor, the head of the Center of branch economy of Research financial institution of the Ministry of Finance of the Russian Federation;

Samygin Sergei Ivanovich, doctor of sociological sciences, professor of department of personnel management and sociology of the Rostov state economic university;

Anatoly N. Silin, Honored Worker of Science of the Russian Federation, doctor of sociological sciences, professor, the chief researcher of the West Siberian branch of Institute of sociology of RAN;

Irina V. Snimschikova, doctor of Economic Sciences, professor of economics and financial management at the Kuban State Technological University named of I.T. Trubilin;

Sokolova Galina Nikolaevna, Honoured worker of formation of Republic of Belarus, professor, the doctor of sociological sciences, the manager of department economic sociology of the GNU «Institute of sociology» of NAN;

Alexey V. Sumachev, doctor of jurisprudence, professor, Yugra state university

Jolly-boats Andrey Rimovich, doctor of sociological sciences, professor, the dean faculty of industrial policy and business administration of the Kazan national research technological university;

Ivan V. Uporov, doctor of historical sciences, the candidate jurisprudence, professor. Krasnodar university Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;

Insur Z. Farkhutdinov, doctor of jurisprudence, the leading researcher, Institute of the state and right of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of the scientific journal «The Euroasian legal magazine»;

Evgeny M. Kharitonov, academician of RAS, doctor of sociological sciences, director of the All-Russian research institute rice.

Самыгин Сергей Иванович,

Соколова Галина Николаевна.

Примите наши самые искренние и теплые поздравления с Днем Рождения и пожелания крепкого здоровья, успешной и плодотворной работы. Пусть в жизни всегда сопутствует хорошее настроение и неиссякаемый оптимизм. Желаем Вам новых творческих успехов!!!

Редакция журнала

СОДЕРЖАНИЕ:

Поздравления	6
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Батыков И.В. Измерение сходства до степени смешения в социологических исследованиях: влияние фактора различительной способности	15
Глаголева А.В., Земская Ю.Н., Кузнецова Е.А. Гражданский потенциал студентов российских вузов (на примере студентов ИМЭБ РУДН)	22
Змияк К.В. Эффективность управления и факторы формирования и развития профессиональной компетенции руководителя в муниципальной школе	25
Качанов А.В., Ивлева А.С. Электоральное поведение как социально-политический феномен	29
Коркия Э.Д., Мамедов А.К., Макарова Е.А. Потребление как атрибут современной цивилизации: история и новые тренды	34
Махиянова А.В., Мавлюдов А.А., Морозова О.Н. Здоровье населения через призму проектного подхода (на материалах опроса общественного мнения)	40
Мельникова Н.Е., Александрова А.А. Чтение в студенческой среде: темпы, объемы, предпочтения	44
Мельникова Н.Е., Дмитренко М.С. Кинотрейлер в фокусе визуальной культуры	48
Михайлова А.В., Попова Л.Н. Цифровые инструменты адаптации персонала в малых предприятиях: региональный опыт	53
Неверов А.В., Онзимба Ленюног Ж.Б. Социальные эффекты развития элементов инновационной инфраструктуры (на примере технопарков и университетов)	58
Попов М.Ю., Абдулаева Э.С. Особенности социализации личности в старости	69
Скляр А.С. Управление органами внутренних дел в системе государственного управления: общетеоретические аспекты	75
Хорошкевич Н.Г. Изучение подходов к оценке внутренней организации работы органов государственного и муниципального управления	79
Челенкова И.Ю. «Ценности» в контексте социологии управления	83
Чжан Лэй Проблемы современного состояния социальной стабильности в Китае	87
Чхвимиани Э.Ж., Афаунов А.З., Тарасенко Д.В. Институциональный анализ стабильности государства и угроза экстремизма: актуальный анализ ситуации в России	90
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Абрамян С.К., Голубкина К.В. Организационно-правовые формы проектов на основе ГЧП	97

Аверин А.Н., Понеделков А.В., Стельмах С.А., Семеренко А.С. Сохранение языкового многообразия в Российской Федерации	100
Балдаева Р.А. О некоторых особенностях договора аренды земель сельскохозяйственного назначения	106
Василькова Е.А. Обеспечение государственной целостности Российской Федерации посредством применения механизма федерального вмешательства: сущностный аспект	111
Василькова Е.А., Овинникова Р.В. Содержание федерального вмешательства: зарубежный опыт	115
Веренич И.В. Этапы возникновения и становления криминалистического учения о преодолении противодействия расследованию преступлений	118
Глинщикова Т.В., Степкина К.В. Некоторые аспекты сферы действия Конвенции ООН «О договорах международной купли-продажи товаров» 1980 г.	124
Коргулев А.Г. Соотношение предмета и объекта преступления	127
Кужахметова С.Н. Историко-правовой обзор взаимодействия милиции и населения в сфере охраны общественного порядка и борьбы с преступностью в СССР	132
Лебедь К.А. Обоснованность судебного решения в гражданском процессе	135
Магницкий Н.Д. Система контроля за формированием средств бюджетов государства и муниципальных образований	141
Маркелов С.В., Маркелова О.Н. Начало становления пенитенциарной системы России	144
Мата С.В. Проблемы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 230.1 и 230.2 УК РФ	147
Матвеева Е.Ю. Специальная договорная конструкция договора в пользу третьего лица как специальная договорная конструкция в праве России	151
Михайлов Д.О. Некоторые вопросы освобождения от уголовной ответственности по законодательству Республики Беларусь	156
Науменко О.А. Способы совершения «спортивного» хулиганства и вандализма в криминалистическом анализе преступлений, совершаемых в период проведения массовых спортивных мероприятий	162
Помазанский А.Е., Шманцарь Ю.А., Гасанова Р.Б. Криминалистические и конституционно-правовые аспекты предвыборной агитации посредством электронных сообщений и Интернет-ресурсов	165
Попов Е.А., Штырхунова Н.А. Эффективность применения норм Федерального закона «О транспортной безопасности»	169
Родригес Да Роша А.А. Актуальные проблемы арбитражного соглашения	172
Рыжова Ю.В. Правовые основы деятельности уголовно-сыскной полиции по борьбе с общеуголовной преступностью в Российской империи	178
Сафонов А.А., Варченко И.А. К вопросу о следственных ситуациях при расследовании незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ	181
Семенихина Т.Н. Особенности проведения осмотра места происшествия при проверке заявления (сообщения) о дистанционном мошенничестве	184
Соловяненко Н.И. Юридическая характеристика документации, технических данных и иной информации в составе единой технологии	187

Шалимов Е.Е. Современная правоприменительная практика в сфере борьбы с финансированием экстремистской деятельности	191
Штырхунова Н.А., Попов Е.А. Реализация норм федерального закона «О транспортной безопасности»	194
Щебляков Е.С. Особенности профилактических мер борьбы с хищениями домашних животных	197
Ярошенко О.Н. РЕТРАГИРОВАНА Юридический анализ вовлечения в занятие проституцией, особенности квалификации и профилактики совершения данного преступления	200
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Александрова И.Б. Проблемы и решение импортозамещения на региональном уровне	209
Барашева Е.В. Особенности экономического инструментария оценки регулирующего воздействия в системе государственного управления развитием субъектов Российской Федерации	212
Голубкина К.В., Абрамян С.К. Механизм реализации проектов на основе государственно-частного партнерства	216
Ермаков Р.В. Пути развития современных методов управления инновационными предприятиями	219
Жигунов Э.А. Оценка конкурентоспособности предприятия на основе формирования факторной системы анализа конкурентной среды	224
Жигунова Т.С. Междисциплинарность как ключевая характеристика научного исследования индустрии туризма и гостеприимства	226
Звягин Л.С. Оценка современных методик управления инновационными предприятиями	228
Калыгина В.В. Оценка современного участия граждан РФ в международной трудовой миграции	232
Киселева Л.С. Систематизация категории «благополучие» на основе фасетной классификации	237
Костюченко С.Б. Актуальные проблемы обеспечения высокотехнологичным оборудованием российских промышленных предприятий в условиях внешнеэкономических санкций	241
Остальцев А.С. Современные методологические подходы к моделированию экономического роста предприятий	245
Петрова С.И. Потребление продуктов культуры в современном контексте	249
Рим Алнажар Влияние пандемии на развитие страхового рынка Сирии	254

CONTENTS:

Congratulations	6
SOCIOLOGICAL SCIENCES	
Ivan V. Batykov Measuring similarity to the extent of confusion in sociological research: the influence of the distinctiveness factor	15
Anna V. Glagoleva, Yuliya N. Zemskaya, Evgeniya A. Kuznetsova The civic potential of students of Russian universities (on the example of the students of IWEB RUDN University')	22
Kristina V. Zmiyak Management efficiency and factors of formation and development of professional competence of the head in a municipal school	25
Anton V. Kachanov, Anna S. Ivleva Electoral behavior as a socio-political phenomenon	29
Eka D. Korikya, Agamali K. Mamedov, Elena A. Makarova Consumption as attribute of modern civilization: history and new trends	34
Alina V. Makhyanova, Albert A. Mavlyudov, Oksana N. Morozova Public health through the prism of the project approach (based on the materials of the public opinion poll)	40
Nataliia E. Melnikova, Alyona A. Alexandrova Reading in the student environment: pace, volume, preferences	44
Nataliia E. Melnikova, Mikhail S. Dmitrenko Movie trailer in focus of visual culture	48
Anna V. Mikhaylova, Lyudmila N. Popova Digital tools of adaptation of personnel in small enterprises: regional experience	53
Aleksandr V. Neverov, Lenyungo Zh.B. Onzimba Social effects of infrastructure innovative elements development (on the example of technoparks and universities)	58
Mikhail Yu. Popov, Elita S. Abdulayeva Features of socialization of the person in old age	69
Alexey S. Sklyarov Management of internal Affairs bodies in the public administration system: general theoretical aspects	75
Natalya G. Horoshkevich Explore approaches to assessing internal organization of work of state and municipal administration bodies	79
Inessa Yu. Chelenkova «Values» in the context of sociology of management	83
Zhang Lei Problems of the current state of social stability in China	87
Eduard Ju. Chkhvimiani, Anzor Z. Afaunov, Denis V. Tarasenko Institutional analysis of state stability and the threat of extremism: an analysis of the situation in Russia	90
JURISPRUDENCE	
Syuzanna K. Abramyan, Ksenia V. Golubkina Organizational and legal forms of PPP-based projects	97
Alexander N. Averin, Alexander V. Ponedelkov, Sergey A. Stelmax, Alina S. Semerenko Preserving linguistic diversity in the Russian Federation	100

Rimma A. Baldaeva About some features of the agricultural land lease agreement	106
Evgenia A. Vasilkova Ensuring the state integrity of the Russian Federation through the application of the mechanism of federal intervention: the essential aspect	111
Evgenia A. Vasilkova, Raisa V. Ovinnikova The content of federal intervention: foreign experience	115
Igor V. Verenich Stages of the emergence and formation of a forensic training on overcoming the opposition to the investigation of crimes	118
Tatiana V. Glinshchikova, Kristina V. Stepkina Some aspects of the scope of the 1980 un Convention on Contracts for the International Sale of Goods	124
Alexander G. Korgulyev Correlation of the subject and object of the crime	127
Saule N. Kuzhakhmetova Historical and legal review of interaction between the militia and the population in the field of public order protection and crime control in the USSR	132
Konstantin A. Lebed Substantiated court decision in civil proceedings	135
Nikita D. Magnitskiy The system of control over the formation	141
Sergey V. Markelov, Olga N. Markelova The beginning of formation of penitentiary system of Russia	144
Sergey V. Mata Problems of qualification of crimes under Art. 230.1 and 230.2 of the Criminal Code of the Russia	147
Elena Yu. Matveeva A contract in favor of a third party as a special contractual structure in Russian law	151
Dmitry O. Mikhailov Some issues of exemption from criminal liability under the legislation the Republic of Belarus	156
Oksana A. Naumenko Methods of committing «sports» hooliganism and vandalism in the forensic analysis of crimes committed during mass sports events	162
Andrey E. Pomazanskiy, Ulia A. Shmantsar, Rozaliia B. Gasanova Forensic and constitutional aspects of election campaigning via electronic messages and Internet resources	165
Evgeny A. Popov, Natalya Al. Shtyrkhunova Effectiveness of application of the federal law «on transport security»	169
Da Rocha Anastasia A. Rodrigues Current problems of arbitration agreement	172
Yulia V. Ryzhova Legal basis for the activities of the criminal investigation police to combat ordinary crime in the russian empire	178
Andrey A. Safonov, Igor A. Varchenko On the issue of investigative situations in the investigation of illicit traffic in narcotic drugs and psychotropic substances	181
Tatyana N. Semenikhina Particularities of holding an inspection of the incident scene in examining the police report (message) about the remote fraud	184
Nina I. Solovyanenko Legal characteristics of documentation, technical data and other information as part of a single technology	187
Evgeni E. Shalimov Current law enforcement practices in combating the financing of extremist activities	191

Natalya A.I. Shtyrkhunova, Evgeny A. Popov	
Implementation of the federal law «On transport security»	194
Evgeny S. Shcheblyakov	
Features of preventive measures against pet theft	197
Olga N. Yaroshenko	
Legal analysis of involvement in prostitution, especially qualifications and prevention of this crime	200
ECONOMIC SCIENCES	
Irina B. Aleksandrova	
Problems and solutions of import substitution at the regional level	209
Eleva V. Barasheva	
Peculiarities of the economic toolkit of regulatory impact assessment in the state development management system of the constituent entities of the Russian Federation	212
Ksenia V. Golubkina, Syuzanna K. Abramyan	
Mechanism for implementing projects based on public-private partnership	216
Roman V. Ermakov	
Ways to develop modern methods of managing innovative enterprises	219
Eduard A. Zhigunov	
Assessment of the cruise enterprise's competitiveness based on the formation of a factor system for analyzing the competitive environment	224
Tatiana S. Zhigunova	
Interdisciplinary as a key characteristic of scientific research in the tourism and hospitality industry	226
Leonid S. Zvyagin	
Evaluation of modern methods of management of innovative enterprises	228
Valentina V. Kalygina	
Assessment of the current participation of Russian citizens in international labor migration	232
Liudmila S. Kiseleva	
Systematization of the «well-being» category based on facet classification	237
Sergey B. Kostyuchenko	
Current problems of providing high-tech equipment to russian industrial enterprises under foreign economic sanctions	241
Anton S. Ostaltsev	
Current methodological approaches to modeling enterprise economic growth	245
Sophia I. Petrova	
Consumption of cultural products in the modern context	249
Reem Alnajjar	
The impact of the pandemic on the development of the Syrian insurance market	254

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Батыков Иван Владимирович
кандидат социологических наук,
заведующий лабораторией
социологической экспертизы,
Федеральный научно-исследовательский
социологический Центр
Российской академии наук
ivbatykov@socexpertiza.ru

ИЗМЕРЕНИЕ СХОДСТВА ДО СТЕПЕНИ СМЕШЕНИЯ В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: ВЛИЯНИЕ ФАКТОРА РАЗЛИЧИТЕЛЬНОЙ СПОСОБНОСТИ

Аннотация. В статье изложены результаты социологического исследования, которое преследует цель определить значение различительной способности торговых марок в смешении их потребителями при выборе того или иного товара. Гипотеза исследования состоит в том, что ослабленная различительная способность увеличивает вероятность сходства до степени смешения между торговыми марками. Результаты проведенного исследования позволяют говорить о частичном подтверждении данной гипотезы. В статье также намечены возможности дальнейших исследований этой темы.

Ключевые слова: торговая марка, различительная способность, поведение потребителей, коммерческий спор, имитация торговых марок, сходство торговых марок, социологическая экспертиза, опрос потребителей.

Постановка задачи.

Копирование и имитация товаров или торговых марок конкурентов является одним из распространенных способов недобросовестного ведения бизнеса. С другой стороны, необоснованные обвинения конкурентов в подобной практике также используются как инструмент вытеснения с рынка. Поэтому государственные органы, ответственные за регулирование оборота средств индивидуализации (торговых марок, дизайна упаковок, и т.п.), часто сталкиваются с необходимостью принятия решений об уровне их сходства. В России к таким органам относятся, прежде всего, Роспатент, Федеральная антимонопольная служба и арбитражные суды (в первую очередь – Суд по интеллектуальным правам). Так как сходство – это в значительной степени субъективная оценка, данные органы для принятия решений нуждаются в информационной поддержке, состоящей в выяснении мнений и впечат-

Ivan V. Batykov
Candidate of Sociological Sciences,
Head of Sociological Expertise Laboratory,
Federal Center of Theoretical
and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences
ivbatykov@socexpertiza.ru

MEASURING SIMILARITY TO THE EXTENT OF CONFUSION IN SOCIOLOGICAL RESEARCH: THE INFLUENCE OF THE DISTINCTIVENESS FACTOR

Annotation. The article presents the results of a sociological study that aims to determine the significance of the distinctiveness of trademarks in mixing them by consumers when choosing a particular product. The hypothesis of the study is that weakened distinctiveness increases the likelihood of similarity to the extent of confusion between trademarks. The results of the study allow to assert partial confirmation of the stated hypothesis. The article also outlines the possibilities for further research on this topic.

Keywords: trademark, distinctiveness, consumer behavior, commercial dispute, imitation of trademarks, similarity of trademarks, sociological expertise, consumer survey.

лений соответствующих потребителей. Для решения этой задачи могут использоваться социологические исследования [3]. Практика привлечения экспертов для изучения восприятия потребителей в международном масштабе сложилась достаточно давно. Так, в США первые эксперименты такого рода начали проводиться в конце XIX – начале XX века [10], и уже к 20-м годам XX века сходство торговых марок исследовалось с помощью массовых социологических опросов [6]. На сегодня именно этот инструмент играет одну из важнейших ролей в поддержке принятия решений о сходстве дизайнов и торговых марок государственными органами по всему миру [5]. Однако при его использовании остаются значительные проблемы.

К проблемам, общим для всей международной практики, можно отнести неопределенность интерпретации опросных данных, возникающую из-за того, что исследуемый феномен сходства под-

вержен влиянию множества факторов. Исследования показывают, что потребители могут оценивать дизайн товаров и торговые марки как сходные или несходные под влиянием различных внешних переменных [8; 7]. Однако характер и интенсивность этого влияния остаются невыясненными, в результате чего лица, принимающие решения, вынуждены использовать гипотетические, основанные на здравом смысле и условных допущениях модели поведения потребителей [9], научная обоснованность которых часто вызывает сомнения [4], следствием чего является снижение эффективности функционирования социального института интеллектуальной собственности [11]. Среди специфически российских проблем отмечается малочисленность исследований проблематики сходства дизайнов товаров и торговых марок [1], что еще более затрудняет правильную интерпретацию опросных данных, ведь такие факторы, как чувствительность к цене, вовлеченность потребителей в товарную категорию, их компетентность и т.п., имеют значительную культурную специфику. Иными словами, даже при наличии результатов зарубежных исследований по воздействию этих факторов их выводы нельзя механически переносить на российскую почву.

Статья, предлагаемая вниманию читателей, вносит свой скромный вклад в решение поставленной проблемы в обоих аспектах. С одной стороны, она описывает методику и эмпирические выводы социологического исследования, позволяющего дать предварительную социологическую оценку роли одного из факторов сходства торговых марок, а именно – их различительной способности. С другой стороны, указанные эмпирические результаты получены в социологическом исследовании российского населения, следовательно, они релевантны для российской практики принятия решений о сходстве дизайнов и торговых марок. Сочетанием этих двух аспектов обусловлена актуальность и научная новизна работы.

Основные понятия и гипотеза исследования.

Сходством до степени смешения называют такое восприятие потребителем двух торговых марок (дизайнов товаров либо иных средств индивидуализации), при котором одна принимается за другую, либо они отличаются потребителем, но он думает, что они относятся к одному предприятию [2, с. 244]. Из самого этого определения ясно, что способность средств индивидуализации создавать различия с другими средствами индивидуализации в глазах потребителя (то есть, различительная способность) должна быть достаточно сильным фактором, влияющим на уровень смешения. Оригинальные, четко дифференцированные торговые марки будут смешиваться потребителями с гораздо меньшей вероятностью, чем размытые тривиальные торговые марки, близкие к описательным терминам. Соответственно, основная гипотеза исследования состоит в том, что ослабленная различительная способность увеличивает вероятность сходства до степени смешения.

Методика исследования.

Прежде всего, остановимся на том, каким обра-

зом в исследовании измерялись индикаторы, зависимость между которыми постулируется высказанной гипотезой. Исходя из двойственного определения сходства до степени смешения, ему необходимо сопоставить два индикатора – анкетные вопросы о возможности перепутать торговые марки и об отнесении их к одному производителю. Различительная способность же, в свою очередь, является свойством тестируемых материалов, поэтому для того, чтобы измерить влияние этого фактора, нами был произведен подбор карточек для демонстрации, у которых, соответственно, присутствует низкая различительная способность (в силу описательного характера демонстрируемого материала) и высокая (в силу оригинальности и уровня известности торговой марки).

Для получения данных использовался метод интернет-опроса, проведенного с 10 по 15 июня 2020 года на выборке совершеннолетних жителей России, подписчиков специализированного опросного сайта anketer.org. Данный сайт имеет всероссийский охват, и его сообщество включает более 250 тыс. участников. Выборка опроса на основе таблицы случайных чисел делилась на две равные части – экспериментальную и контрольную группу. Численность каждой из двух частей составила по 800 человек. В обработке данных не использовались процедуры взвешивания или иные способы приведения структуры выборки к структуре генеральной совокупности, таким образом, собранные данные не могут быть генерализованы в качестве описания мнения населения страны. Но в фокусе нашего интереса находится не описательная генерализация, а анализ различий между подвыборками и между вопросами внутри подвыборки, для чего полученный объем данных абсолютно достаточен.

В двух анкетах были заданы два основных вопроса:

1. Предположим, что Вы ищете товар под этим обозначением. [Демонстрация карточки с «оригиналом»]. Могли бы Вы вместо него по ошибке купить товар, выпускаемый под этим обозначением [Демонстрация карточки с «копией»]?

1) Да, мог(ла) бы.

2) Нет, не мог(ла) бы.

99) Отказ от ответа.

2. Как Вы полагаете, товары под этими обозначениями [Демонстрация карточки с «оригиналом»] [Демонстрация карточки с «оригиналом»] выпускаются одним или разными производителями?

1) Одним производителем.

2) Разными производителями.

99) Отказ от ответа.

Два данных вопроса были заданы для восьми пар сравнений. Тестируемые материалы были подобраны таким образом, что в одной из анкет все

пары были заведомо сходными до степени смешения. А в другой – совершенно не похожими

между собой.

Таблица 1

Демонстрационные материалы

Вариации	Обозначения	
	Оригинал	Копия
Пара сравнений 1 (слабая различительная способность «оригинала»)	 ШОКОЛАД	
	 ШОКОЛАД	 ШОКОКЛАД
Пара сравнений 2 (сильная различительная способность «оригинала»)		
		

Результаты исследования.

Процентные распределения, представленные в приведенных таблицах, позволяют сделать не только выводы по ключевому вопросу, поставленному в эксперименте, но и по ряду дополнительных обстоятельств, вскрывающихся в эмпирическом социологическом исследовании.

Таблица 2

Оценка возможности перепутать товары при отсутствии смешения и низком уровне различительной способности

Демонстрация карточек

Да, мог(ла) бы	11 %
Нет, не мог(ла) бы	87 %
Отказ от ответа	1 %

Сравнение таблиц 2 и 4 показывает, что «оригинал» со слабой различительной способностью продуцирует довольно сильный (11 % – величина в большинстве исследований превышающая ошибку выборки) фоновый уровень индикаторов

сходства до степени смешения, то есть такой уровень, который достигается даже при заведомом отсутствии этого смешения за счет либо ошибочных ответов респондентов, либо (что, скорее всего) и активируется слабой различительной

способностью. При наличии сильной различительной способности и отсутствии смешения уровень путаницы оказывается незначительным

(табл. 4).

Таблица 3

Оценка возможности перепутать товары при наличии смешения и низком уровне различительной способности

ШОКОЛАД

ШОКОКЛАД

Демонстрация карточек

Да, мог(ла) бы	60 %
Нет, не мог(ла) бы	38 %
Отказ от ответа	2 %

При наличии заведомого смешения мы получаем очень высокий уровень путаницы при условии слабой различительной способности (табл. 3).

Таблица 4

Оценка возможности перепутать товары при отсутствии смешения и высоком уровне различительной способности

Демонстрация карточек

Да, мог(ла) бы	3 %
Нет, не мог(ла) бы	96 %
Отказ от ответа	1 %

Однако еще больший уровень путаницы мы видим при заведомом наличии смешения и высоком уровне различительной способности.

Таблица 5

Оценка возможности перепутать товары при наличии смешения и высоком уровне различительной способности

Демонстрация карточек

Да, мог(ла) бы	66 %
Нет, не мог(ла) бы	32 %
Отказ от ответа	2 %

Для отождествления производителей логика возникновения «фонового» уровня работает иначе. Между таблицами 6 и 8 отсутствуют различия. То есть, низкая различительная способность не повышает этот индикатор смешения в проведенном эксперименте.

Таблица 6

Уровень отождествления производителей при отсутствии смешения и низком уровне различительной способности

ШОКОЛАД

Демонстрация карточек

Одним производителем	6 %
Разными производителями	87 %
Отказ от ответа	7 %

Весьма сходны между собой и профили пар с низкой и высокой различительной способностью «оригинала» и заведомым наличием смешения (табл. 7 и 9).

Таблица 7

Уровень отождествления производителей при наличии смешения и низком уровне различительной способности

ШОКОЛАД

ШОКОКЛАД

Демонстрация карточек

Одним производителем	28 %
Разными производителями	65 %
Отказ от ответа	7 %

Таблица 8

Уровень отождествления производителей при отсутствии смешения и высоком уровне различительной способности

Демонстрация карточек

Одним производителем	6 %
Разными производителями	87 %
Отказ от ответа	7 %

**Уровень отождествления производителей при наличии смешения
и высоком уровне различительной способности**

Демонстрация карточек

Одним производителем	26 %
Разными производителями	67 %
Отказ от ответа	7 %

Сводная таблица, содержащая профили индикаторов смешения при наличии низкой и высокой различительной способности оригинала, показывает, что единственная существенная вариация, вносимая этим фактором, встречается в «фоновом» уровне путаницы при заведомом отсутствии смешения.

Сводная таблица по оценке смешения

Значение фактора различительной способности	Наличие смешения	Индикатор	Уровень смешения
Низкое	Присутствует	Путаница	60 %
		Отождествление производителей	28 %
	Отсутствует	Путаница	11 %
		Отождествление производителей	6 %
Высокое	Присутствует	Путаница	66 %
		Отождествление производителей	26 %
	Отсутствует	Путаница	3 %
		Отождествление производителей	6 %

Заключение.

Полученные эмпирические данные лишь частично подтверждают высказанную гипотезу о влиянии различительной способности на социологически измеряемый уровень смешения торговых марок (либо иных средств индивидуализации). Это влияние проявилось в проведенном эксперименте только в случае с заведомым отсутствием смешения и отразилось на формировании «фонового» уровня путаницы. Вероятно, при принятии решений индикатор путаницы при слабой различительной способности «оригинала» дол-

жен оцениваться с учетом этого возможного более высокого «фонового» уровня. Однако сохраняется и возможность другой интерпретации полученных данных. В эксперименте были задействованы, так сказать, «крайние» точки различительной способности – очень слабая и очень сильная. Если связь между различительной способностью и смешением имеет U-образный характер, то мы могли пронаблюдать высокие уровни с двух концов кривой, не измерив изменение смешения под влиянием различительной способности в середине. Эта возможность говорит о необходимости дальнейших исследований.

Литература:

1. *Бабич Н.С.* Методическая рефлексия в пробковом шлеме // Экономическая социология. 2019. №1. С. 188–196.
2. Право интеллектуальной собственности / Под ред. Л.А. Новоселовой. Средства индивидуализации. М. : Статут, 2018. Т. 3.

Literature:

1. *Babich N.S.* Methodical reflection in a pith helmet // Economic sociology. 2019. № 1. P. 188–196.
2. Intellectual property law / ed. by L.A. Novoselova. Means of individualization. M. : Statute, 2018. Vol. 3.

3. *Смирнова Р.А.* Бренды и товарные знаки как объекты социологического изучения в практике разрешения судебных споров / Р.А. Смирнова, Т.В. Кузьменко, Т.С. Балакирева // *Социология*. 2016. № 2. С. 132–139.
4. *Assaf K.* Magical thinking in trademark law // *Law & Social Inquiry*. 2012. № 3. P. 595–626.
5. *Berger J.T.* Trademark surveys / J.T. Berger, R.M. Halligan. Oxford : Oxford University Press, 2012.
6. *Bonyng R.* Trademark Surveys and Techniques and Their Use in Litigation // *American Bar Association Journal*. 1962. № 4. P. 329–334
7. *Brengman M.* The impact of consumer characteristics and campaign related factors on brand confusion in print advertising / M. Brengman, M. Geuens, P.D. Pelsmacker // *Journal of Marketing Communications*. 2001. № 4. P. 231–243.
8. *Foxman E.R.* An investigation of factors contributing to consumer brand confusion / E.R. Foxman, D.D. Muehling, P.W. Berger // *Journal of Consumer Affairs*. 1990. № 1. P. 170–189.
9. *Laustsen R.D.* The Average Consumer in Confusion-based Disputes in European Trademark Law and Similar Fictions. New-York : Springer, 2020.
10. *Münsterberg H.* Psychology and industrial efficiency. Boston, Mifflin, 1913.
11. *Simonson A.* The effectiveness of intellectual property laws // *Handbook of marketing and society* / ed. by P.N. Bloom, G.T. Gundlach. Thousand Oaks : Sage, 2001. P. 312–334.

3. *Smirnova R.A.* Brands and trademarks as objects of sociological study in the practice of dispute resolution / R.A. Smirnova, T.V. Kuzmenko, T.S. Balakireva // *Sociology*. 2016. № 2. P. 132–139.
4. *Assaf K.* Magical thinking in trademark law // *Law & Social Inquiry*. 2012. № 3. P. 595–626.
5. *Berger J.T.* Trademark surveys / J.T. Berger, R.M. Halligan. Oxford : Oxford University Press, 2012.
6. *Bonyng R.* Trademark Surveys and Techniques and Their Use in Litigation // *American Bar Association Journal*. 1962. № 4. P. 329–334
7. *Brengman M.* The impact of consumer characteristics and campaign related factors on brand confusion in print advertising / M. Brengman, M. Geuens, P.D. Pelsmacker // *Journal of Marketing Communications*. 2001. № 4. P. 231–243.
8. *Foxman E.R.* An investigation of factors contributing to consumer brand confusion / E.R. Foxman, D.D. Muehling, P.W. Berger // *Journal of Consumer Affairs*. 1990. № 1. P. 170–189.
9. *Laustsen R.D.* The Average Consumer in Confusion-based Disputes in European Trademark Law and Similar Fictions. New-York : Springer, 2020.
10. *Münsterberg H.* Psychology and industrial efficiency. Boston, Mifflin, 1913.
11. *Simonson A.* The effectiveness of intellectual property laws // *Handbook of marketing and society* / ed. by P.N. Bloom, G.T. Gundlach. Thousand Oaks : Sage, 2001. P. 312–334.

Глаголева Анна Васильевна

кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры
рекламы и бизнес-коммуникации,
Институт мировой экономики
и бизнеса экономического факультета
Российского университета
дружбы народов
glagoleva_av@rudn.university

Земская Юлия Николаевна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры рекламы
и бизнес-коммуникаций,
Институт мировой экономики
и бизнеса экономического факультета
Российского университета
дружбы народов
zemskaya_yun@rudn.university

Кузнецова Евгения Алексеевна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры рекламы
и бизнес-коммуникаций,
Институт мировой экономики
и бизнеса экономического факультета
Российского университета
дружбы народов
kuznetsova_ea@rudn.university

**ГРАЖДАНСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
СТУДЕНТОВ РОССИЙСКИХ ВУЗОВ
(НА ПРИМЕРЕ
СТУДЕНТОВ ИМЭБ РУДН)**

Аннотация. Данная статья посвящена описанию гражданского потенциала современных российских студентов. Для того, чтобы изучить данный вопрос, в декабре 2016 года было проведено анкетирование 170 студентов 2-го, 3-го и 4-го курса бакалавриата и 2-го курса магистратуры ИМЭБ экономического факультета РУДН, обучающихся по направлению «Реклама и связи с общественностью».

В ходе анкетирования респондентам были заданы открытые, закрытые и полужакрытые вопросы на различные темы. Вот некоторые из них: «Голосуете ли Вы на выборах?», «Состоите ли в какой-либо политической партии?», «Какие проблемы Вы считаете самыми главными для России?», «Какие проблемы Вы считаете ключевыми для мира сегодня?», «Какие ценности Вы считаете ключевыми для современной цивилизации?», «В каких волонтерских инициативах Вы готовы принять участие?» и др.

Эта и другая информация, размещенная в данной статье, будет интересна специалистам, изучающим современное общество.

Anna V. Glagoleva

Candidate of Philological Sciences,
Senior lecturer of the Department
of Advertising and Business Communication,
Institute of World Economy and Business
of the Faculty of Economics of the Peoples'
Friendship University of Russia
glagoleva_av@rudn.university

Yuliya N. Zemskaya

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Advertising and Business Communication,
Institute of World Economy and Business
of the Faculty of Economics of the Peoples'
Friendship University of Russia
zemskaya_yun@rudn.university

Evgeniya A. Kuznetsova

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Advertising and Business Communication,
Institute of World Economy and Business
of the Faculty of Economics of the Peoples'
Friendship University of Russia
kuznetsova_ea@rudn.university

**THE CIVIC POTENTIAL OF STUDENTS
OF RUSSIAN UNIVERSITIES
(ON THE EXAMPLE OF THE STUDENTS
OF IWEB RUDN UNIVERSITY)**

Annotation. This article describes the civic potential of modern Russian students. In December 2016, the authors decided to study this correlation and interviewed 170 students of the 2nd, 3rd and 4th years Bachelor's Degree and the 2nd year Master's Degree programs of the direction «Advertising and Public Relations» of the Institute of World Economy and Business of the Faculty of Economics of RUDN University (Russia). During the survey, the respondents were asked open, closed and semi-closed questions on various subject. Here are some of them: «do you vote in elections?», «do you participate in any political party?», «what problems do you consider the most important for Russia?», «what are the key challenges are in the world today?», «what values do you consider is important for modern civilization?», «in what volunteer initiatives are you ready to take part?» etc.

By the opinion of the authors, the results of the research will be interested to all specialists studying modern society.

Ключевые слова: молодежь, студенты, социальный потенциал молодёжи, гражданский потенциал, ценности.

Keywords: young people, students, social potential of youth, civil potential, values.

Во все времена студенты являлись активной социальной силой, они объединяли знания, опыт предыдущих поколений с желанием изменить мир, в котором они живут. Многие изменения в обществе инициировала молодежь и, в частности, студенты как ее наиболее образованная часть.

С точки зрения социологии молодежи, молодежь «выступает субъектом, когда влияет на общество, отдавая свой потенциал; вместе с тем, она является объектом, поскольку на нее направлено общественное влияние с целью ее развития. Достижение молодежью возраста, когда она начинает полностью владеть всей совокупностью и уровнем социальных связей и отношений, присущих данному обществу, означает, что она стала полномочным субъектом и объектом общественного движения» [5].

Очевидно, что молодой человек становится в полном смысле членом общества, когда готов реализовать свой социальный потенциал, то есть, те его качества и свойства, которые он может использовать для развития социума.

Социальный потенциал молодежи состоит из совокупности различных по своей природе потенциалов: демографического, образовательного, трудового, культурного, гражданского, духовно-нравственного, а также – потенциала здоровья [6, с. 667].

Данная статья посвящена изучению отношения студентов к различным сторонам общественной жизни. Для исследования этого и других вопросов в декабре 2016 года был проведен опрос 170 студентов 2-го, 3-го и 4-го курса бакалавриата и 2-го курса магистратуры Института мировой экономики и бизнеса экономического факультета Российского университета дружбы народов (ИМЭБ ЭФ РУДН). Респондентам было предложено письменно анонимно ответить на открытые, закрытые и полузакрытые вопросы анкеты.

Данные проведенного исследования позволяют охарактеризовать гражданский потенциал студентов ИМЭБ ЭФ РУДН как части российской молодежи.

По данным Росстата на 2020 г. в России проживает более 14 миллионов молодых людей в возрасте от 15 до 24-х лет [2], что составляет 9,75 % всего населения нашей страны. По итогам 2018–2019 учебного года в России насчитывается 2995800 человек студентов, получающих среднее профессиональное образование и 4161700 человек – высшее образование. 18,7 % российской молодежи в возрасте от 20 до 29 лет – студенты [3]. Таким образом, молодежь и студенчество, входящие в эту социальную группу, реализуя свой социальный потенциал, вполне могут оказывать воздействие на трансформацию современного российского общества.

Далее рассмотрим на примере студентов ИМЭБ ЭФ РУДН, как молодежь реализует или готова реализовывать свой гражданский потенциал, который «понимается как сформированная во взаимодействии с социальной средой потребность и способность группы индивидов выполнять различные роли гражданина своей страны, общества; это – способность жить интересами целого, способность по собственной инициативе ставить, обсуждать, и решать проблемы обеспечения жизнедеятельности и прогрессивного развития своего отечества» [4, с. 71].

Для того, чтобы определить гражданский потенциал студентов ИМЭБ ЭФ РУДН, респондентам был задан ряд вопросов об их социальной активности: участии в политических организациях и голосовании на выборах; участии в волонтерских и благотворительных проектах и объединениях.

Лишь каждый третий опрошенный в ходе исследования респондент принимает участие в голосовании на выборах в органы государственной власти (58 человек, 34,1 %), остальные респонденты – 108 человек (63,5 %) – не пользуются своим конституционным правом избирать и быть избранным. 4 человека (2,4 %) затруднились с ответом на этот вопрос.

97 % (165) опрошенных не состоят в какой-либо политической партии, только 2 респондента указали, что являются членами партии (1,17 %), 3 не ответили на поставленный вопрос (1,8 %).

Только 3 респондента (1,76 %) являются членами общественных организаций, 107 человек (62,9 %) ответили, что не являются таковыми, не ответили на вопрос 60 человек (35,3 %)

В качестве волонтера в различных социальных проектах принимают участие только треть опрошенных, 54 человека (31,7 %). Большинство респондентов – 66,5 % (113 опрошенных) не участвуют в волонтерских инициативах. Затруднились с ответом на этот вопрос 3 человека (1,8 %).

Подавляющее большинство – 156 опрошенных (91,7 %) считают важным помогать людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации. «Не нужно этого делать», так отвечают 7 человек (4,1 %). 3 респондента (1,7 %) отмечают, что помогать нужно, но только при некоторых условиях. Не ответили на вопрос 4 респондента (2,4 %).

На вопрос: «Делаете ли Вы благотворительные взносы для помощи людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации?», большинство ответили утвердительно 91 человек (53,5 %). Отрицательно ответили 75 человек (44,1 %). Затруднились с ответом на этот вопрос 4 человека (2,4 %).

Вопрос: «В каких волонтерских инициативах Вы готовы принять участие?» Здесь респондентам

предлагалось выбрать вариант ответа из предложенного списка или предложить свой.

Самыми значимыми для опрошенных студентов оказались ответы – помощь детям, оставшимся без попечения родителей, и забота о животных – 97 (57 %) и 89 человек (52,3 %) соответственно, то есть, больше половины респондентов выбрали эти варианты. Помощь старикам и инвалидам кажется важной для 70 человек (41,1 %), больным – 51 человеку (30 %). Примерно каждый пятый респондент готов участвовать в волонтерских проектах по защите культурных ценностей и сохранению исторического наследия – 40 человек (23,5 %), межкультурному взаимодействию – 31 человек (18,2 %) и защите экологии – 31 человек (18,2 %). Самыми незначительными представляются опрошенным донорство крови – 2 человека (1,1 %) и пацифистское движение – 1 человек (0,6 %). Не ответили на данный вопрос 14 человек (8,2 %).

Вопрос: «Какие ценности Вы считаете ключевыми для современной цивилизации?» Здесь респондентам предлагалось выбрать 3 варианта из предложенного списка или предложить собственный.

Самыми важными ценностями современной цивилизации студенты назвали свободу слова – 76 человек (44,7 %) и демократию – 70 человек (41,2 %). Для трети респондентов важными представляются формирование системы здравоохранения – 59 человек (34,7 %), равенство перед законом – 57 человек (33,5 %), социальное равенство – 50 человек (29,4 %) и свобода передвижения – 49 человек (28,8 %). Каждый пятый опрошенный отметил такие ценности, как свобода вероисповедания – 37 человек (21,7 %) и создание системы образования – 32 человека (18,8 %).

Литература:

1. 30 фактов о современной молодежи: исследование Сбербанка и Validata // Молодежный журнал Янгспейс, 2015–2020. URL : <https://youngspace.ru/faq/sberbank-issledovanie-molodezhi/> (08.07.2020).
2. Демография. Федеральная служба государственной статистики 1999–2020. URL : <https://www.gks.ru/folder/12781> (09.07.2020).
3. *Константинов А.* На дне знаний. Эксперт Online. 1995–2020. URL : https://expert.ru/russian_reporter/2019/16/na-dne-znaniy/ (09.07.2020).
4. *Лупандин В.Н.* Социология молодежи : учеб. пособие. Орёл : Изд-во Орлов. гос. техн. ун-та, 2011. 235 с.
5. *Сайганова Е.В.* Трансформация роли молодежи в современном обществе // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2015. № 1. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-rol-i-molodezhi-v-sovremennom-obschestve> (22.06.2020).
6. Ювенология и ювенальная политика в XXI веке. Опыт междисциплинарного комплексного исследования / Под ред. Е.Г. Слущкого. СПб. : Знание, 2004. 734 с.

Правовые институты считают важными 19 человек (11,2 %). Ответ «другое», не конкретизируя, отметили только 2 респондента (1,2 %), не ответили на вопрос 7 человек (4,1 %).

Итак, большинство респондентов не состоят в политических партиях и общественных организациях, не голосуют на выборах, но при этом считают главными ценностями современной цивилизации свободу слова и демократию; не участвуют в волонтерских проектах; кроме того, им кажется важным помогать людям в трудной жизненной ситуации, поэтому они делают благотворительные взносы в их пользу. Большая часть опрошенных готова участвовать в проектах по оказанию помощи детям, оставшимся без попечения родителей, и инициативах, посвященных защите животных. В общем, студенты ИМЭБ ЭФ РУДН, обучающиеся по направлению «Реклама и связи с общественностью», политически пассивны и социально инертны.

Полученные выводы, в целом, согласуются с данными, полученными в рамках исследования современной молодежи, которое в 2016 г. было проведено Сбербанком и Validata. Его результаты показывают, что «молодое поколение совсем не рвется менять мир или человечество, а, в первую очередь, хочет сделать комфортной свою жизнь и жизнь близких» [1]. И в этом контексте участие в общественной жизни: политической или социальной, для современных студентов не представляется важным; они не хотят изменить этот мир, максимум на что они готовы, так это сделать взнос в благотворительный фонд, хотя потенциально возможно их участие в волонтерских проектах. Вопрос о том, кто будет менять этот мир остается открытым.

Literature:

1. 30 facts about modern youth: a study of the Sberbank and Validata // Youth magazine Youngspace, 2015–2020. URL : <https://youngspace.ru/faq/sberbank-issledovanie-molodezhi/> (08.07.2020).
2. Demographics. Federal state statistics service 1999–2020. URL : <https://www.gks.ru/folder/12781> (09.07.2020).
3. *Konstantinov A.* On the day of knowledge. Expert Online. 1995–2020. URL : https://expert.ru/russian_reporter/2019/16/na-dne-znaniy/ (09.07.2020).
4. *Lupandin V.N* Sociology of youth : educational manual. Oryol : Publishing House of Oryol State Technical University, 2011. 235 p.
5. *Sajganova E.V.* Transformation of the role of youth in modern society // Izvestiya of Saratov University New series. Series. Sociology. Political science. 2015. № 1. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-rol-i-molodezhi-v-sovremennom-obschestve> (22.06.2020).
6. Youth Studies and juvenile policy in the XXI century. Experience in interdisciplinary integrated research. SPb. : Knowledge, 2004. 734 p.

Змияк Кристина Владимировна
начальник отдела профориентации
и абитуриентского резерва,
Донской государственной
технической университет
k_85@inbox.ru

Kristina V. Zmiyak
Head of Career Guidance
and the applicant's reserve,
Don State
Technical University
k_85@inbox.ru

ЭФФЕКТИВНОСТЬ УПРАВЛЕНИЯ И ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ РУКОВОДИТЕЛЯ В МУНИЦИПАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

MANAGEMENT EFFICIENCY AND FACTORS OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL COMPETENCE OF THE HEAD IN A MUNICIPAL SCHOOL

Аннотация. Во всем мире возрастает роль образовательного потенциала в прогрессивном развитии общества. От уровня образования напрямую зависит качество трудовых ресурсов, а, следовательно, и состояние экономической, политической, культурной, духовно-нравственной жизни общества. В статье рассматриваются факторы формирования и развития профессиональной компетенции руководителя. Приводятся примеры эффективности управления муниципальной школой в современных условиях. Выделяется главное профессиональное предназначение руководителя.

Annotation. The role of educational potential in the progressive development of society is growing worldwide. The quality of the labour force, and therefore the state of the economic, political, cultural, spiritual and moral life of society, depends directly on the level of education. The article considers the factors of formation and development of professional competence of the Manager. Examples of the effectiveness of municipal school management in modern conditions are given. The main professional purpose of the Manager is highlighted.

Ключевые слова: управление, общество, система, руководитель, школа, профессиональные компетенции.

Keywords: society, management, society, system, Manager, school, professional competence.

Во всем мире возрастает роль образовательного потенциала в прогрессивном развитии общества. От уровня образования напрямую зависит качество трудовых ресурсов, а, следовательно, и состояние экономической, политической, культурной, духовно-нравственной жизни общества.

нии людей, их мотивации, создает особенно тяжелые проблемы на уровне руководства образовательной организации, определяя новые критерии успешности ее деятельности и индивидуальную стратегию руководителя.

Современный руководитель образовательной организации должен быть образованным, творческим, ответственным, обладающим хорошими организаторскими способностями и высокими нравственными качествами человеком

Как отмечает Л.П. Погребняк, «управление образовательной организацией никогда не рассматривалось как профессиональная деятельность. Здесь всегда действовали практики, обычно не получавшие специальной подготовки в такой сложной области, как управление образовательной организацией. Уровень их подготовки к реализации управленческих функций остается довольно низким: почти у 30 % из выпускников педагогического вуза не сформированы организаторские способности, 1/3 часть выпускников практически не готова выполнять организаторские функции на должном уровне» [5, с. 125].

В настоящее время в России действуют несколько новых стратегических факторов, которые во многом оказывают влияние на управленческую деятельность, в том числе и в образовании. Важным фактором является, как отмечает К.М. Ушаков, нестабильность. Это проявляется «в недостаточном финансировании образовательных учреждений, текучести кадров» [6, с. 8].

Образование мы рассматриваем как инвестирование в человеческие ресурсы, составляющие основу развития экономики и общества.

Наиболее важным стратегическим фактором является ограниченность финансовых и кадровых ресурсов, которая явно носит хронический характер, ведет к существенным изменениям в поведе-

Мощнейшим фактором и определяющим условием по ступательного развития муниципальной системы развития образования является ресурс

ное, в первую очередь кадровое обеспечение. Реализация в течение ряда лет целенаправленной кадровой политики по управлению персоналом педагогических и руководящих работников по звонилла успешно решать кадровые проблемы.

Управленцы муниципальной системы города Ростова-на-Дону достигли определенных результатов в построении своей профессиональной карьеры. Большинство из них, в том числе и вновь назначенные руководители, имеют портфолио: сертификаты, удостоверения, дипломы о получении второго высшего образования.

В настоящее время кадровые ресурсы – важнейший капитал любой социальной системы. Реорганизовать можно лишь искусственно связанные и оформленные структуры, изменение которых может и не затрагивать природные основания любой системы управления. Следовательно, если политика преследует цели изменения управленческой культуры, то она должна вычислить те стратегические направления, реализация которых меняет природную сущность этой самой культуры, а не перетасовывает институты и структуры управления.

Так случилось и с государственной образовательной политикой, в рамках реформирования которой был достаточно точно определен систематизирующий компонент кардинальной перестройки образования – система управления образованием.

В Федеральной программе развития образования до 2020 года определена основная стратегическая цель развития образования: обеспечение условий для удовлетворения потребности граждан, общества и рынка труда в качественном образовании путем создания новых институциональных механизмов регулирования в сфере образования, обновления структуры и содержания образования, развития фундаментальной и практической направленности образовательных программ, формирование системы непрерывного образования [2, с. 9].

В этой связи, муниципальной системе образования в г. Ростове-на-Дону предстоит решать, вне зависимости от административно-территориального (8 районов) и поликультурного (112 национальностей) контекста, следующие проблемы:

- провести анализ внутренних ресурсов (резервов), в том числе и кадровых (человеческих);
- определить факторы, которые выступают в качестве катализаторов инновационных процессов образования города;
- установить адекватность образовательного процесса инновационному, который определяет уровень качества современного образования;
- обеспечить рост качества образования в контексте требований ФГОС, регионального рынка труда и экономики;

– оптимизировать усилия управленческих структур в создании условий для дальнейшего развития единой образовательной системы.

Инновации являются ключевым фактором развития и конкурентоспособности единого образовательного пространства.

Переосмыслению перспектив и основных путей развития образования для достижения нового качества на проектной основе, получению новых знаний, необходимых для эффективной работы образовательного учреждения, будут способствовать реализуемые в муниципальной системе образования целевые инновационные проекты как муниципальные заказы по подготовке резерва нового качества в формате требований Федеральной программы.

Природа административного типа отношений выдвигает и совершенно определенные требования к качествам администратора.

Во-первых, исполнительность, т.е., он не сопротивляется заданию и срокам достижения результата.

Во-вторых, он должен быть волевой личностью (сильным транслятором), умеющей заставить все части управленческого механизма работать в оптимальном для выполнения этого задания режиме.

В-третьих, администратор должен точно представлять себе технологию исполнения, т.е., он должен хорошо знать, как и какими средствами достигается та часть результата, которую он адресует конкретному исполнителю. Отсюда пошло необходимое, но заведомо не верное требование к управленцу в том, что он должен быть лучшим специалистом (вспомним укоренившуюся формулу «директор – учитель учителей»), знающим тонкости исполнительского мастерства «изнутри». Однако практика давно доказала несостоятельность такого переноса культуры администрирования на культуру управления. Сколько хороших, талантливых инженеров, врачей, учителей пропадают как высокие профессионалы при перемещении на руководящие должности, так и не вырастая при этом в незаурядного руководителя. И наоборот, ничем не проявивший себя клиницист становится успешным главврачом, а достаточно заурядный учитель вырастает в яркого и интересного директора школы, потому что меняется предметность деятельности, которая требует от специалиста совершенно иных профессиональных качеств.

В-четвертых, администратор должен уметь корректно «упаковать» информацию о выполненном задании и полученном результате в принятые для данной управленческой субкультуры нормативные рамки и развернуть ее в ожидаемой логике изложения. Иначе, даже хорошо отработанный результат может не оказать столь важного для администратора обратного информационного влияния «вверх по лестнице, ве душей вниз». Другими словами, администратор – это составная часть («винтик») хорошо (или плохо) отлаженного

управленческого механизма, построенного на основаниях линейно-иерархической связи с жестко закрепленной и функционально заданной статусной позицией.

Поскольку речь идет о взаимоотношениях, складывающихся в определенной группе людей, доминантой отношений выступает их властная сторона (руководитель, т.е. «ведущий за руку»), то в этом контексте возникает известное расхождение «авторитета власти и власти авторитета».

Далеко не всегда выпадает счастливый случай, соединяющий воедино обе составляющие, поэтому проблема руководства, как правило, связана со способом разрешения существующего противоречия. При этом, безусловно, необходимо учитывать природную разницу оснований деятельности руководителя как посредника социального контроля и власти, представляющего интересы верхних эшелонов управления в организации и автономные интересы той же организации в структуре управленческих отношений. Степень разрешения обозначенного противоречия, на наш взгляд, определяет не только эффективность самого процесса руководства, но и, в определенном отношении, формирует стиль руководства, а, следовательно, профессиональную культуру руководителя.

Теперь обратимся к уяснению другого расхождения понятий. Речь идет о взаимном определении микропозиций руководителя и собственно управленца. На наш взгляд, попытки развести соответствующие этим позициям «руководство» и «управление не по предметным основаниям, а по диапазону функционального действия («шире – уже») попросту неплодотворны. Между тем, они определяют и управленческую практику, и ориентируют теоретические исследования. «Под термином «руководство педагогическим коллективом» мы будем понимать часть внутришкольного управления...» [1, с. 28], то есть, руководство – лишь часть управления. Другие утверждают, что руководство шире управления, поскольку оно включает все регулирование от ношений и деятельности, как конкретных людей, так и групп, коллективов. Третьи считают, что термины «управление» и «руководство», по сути, синонимичны. И, наконец, четвертые рассматривают руководство в качестве одного из управленческих действий, таких же, как планирование, организация, контроль.

Разница в употреблении этих понятий очевидна даже на уровне бытового общения. Почему-то мы не говорим «руководжу токарным станком» или комбайном, а употребляем в этих случаях более созвучное «управляю». Также, более при вычно звучит «руководитель коллектива». Однако это, конечно, не доказательство различий. Кроме того, хотелось бы привлечь внимание к некоторой подмене сущности понятий при отходе от характеристик занимаемой позиции (в данном случае как микропозиции) к характеристике действия, которое может выполняться как часть цели других действий из любой позиции.

Становится понятно то, что требования некоторой части руководителей учебных заведений о передаче им конкретных установок, рекомендаций, готовых рецептов не обоснованы, т.к. они не могут быть разработаны и верны для всех случаев жизни. Они не могут учитывать тех обстоятельств, в которых находятся руководители, тех условий, которые существуют и будут существовать в будущем.

Формирование управленческой культуры работников муниципальной системы образования на основании выявленных закономерностей ее трансформации во всей совокупности ее компонентов, с учетом построения реальных моделей управления, по нашему мнению, дает шанс провести реформу кадрового резерва управленца успешно.

Социологические исследования [5, с. 78] подтверждают живучесть стереотипов сознания, удерживающихся в динамично изменяющихся внешних условиях достаточно устойчиво. Так, если проследить динамику изменения представления о характерных чертах облика руководителя на уровне директора школы, то в массовом сознании педагогических работников преобладает статусная позиция, связанная с ролью «учителя учителей», традиционно складывающаяся многие годы. Содержание подобной позиции в сознании педагогического работника соотносится с характерными чертами профессиональных взаимоотношений «учитель – ученику».

Выстраиваемые ожидания связываются с тем, что директор – это учитель, который может научить всех остальных учителей, ибо круг его знаний и профессиональных умений выше, чем у всех остальных. Профессиональное общение рассматривается, исходя из сложившихся в учительской практике отношений (по отношению к ученику), и с небольшими вариациями переносится на новую позицию. По сути дела, поощряется определенный авторитаризм (синдром «сильной руки»), и лишь незначительная часть ожиданий связана именно с освоением собственно управленческих функций. Особенностью действия подобного стереотипа сознания является то, что он достаточно равномерно распределен по всем группам педагогических работников (вне зависимости от предметной специализации, профессионального стажа и т.д.). Более того, если и наблюдаются изменения в общественном сознании, то по темпам и соизмеримости с изменениями, происходящими за пределами образования, они явно незначительны. Наиболее существенные изменения представлений о функциях директора произошли в тех школах, которые включились в инновационное движение, а характер образовательных процессов в них вызвал к жизни необходимость пересмотра управленческих отношений в педагогическом коллективе школы.

Принимая во внимание вышесказанное, можно сделать вывод о том, что фактором формирования ключевых компетенций руководителя образовательной организации мы считаем ценностное самоопределение личности и саму организацию образовательного процесса, представленные в

нем средства, которые должны быть ориентированы не только на современные управленческие, но и образовательные стратегии и модели профессиональной переподготовки, поскольку этот вопрос выводит нас на конкретно-практическое, методико-технологическое обеспечение процесса формирования ключевых компетенций руководителя образовательной организации в системе

Литература:

1. *Белоконь С.Н.* Формирование ключевых компетенций руководителя в процессе обучения по специальности «менеджер образования»: специальность: 13.00.08 – Теория и методика профессионального образования : дис. ... канд. пед. наук / Белоконь Сергей Николаевич; Ставроп. Гос. ун-т. Ставрополь, 2006. 172 с.
2. *Гурба В.Н.* Безопасность образования от терроризма как междисциплинарная проблема повышения квалификации управленческих кадров / В.Н. Гурба, Н.И. Фокин // Образование. Наука. Инновации: Южное измерение. 2009. № 2(8). С. 7–11.
3. *Липский И.А.* Социальная педагогика: методологический анализ : учеб. пособие. М. : Творч. центр «Сфера», 2004. 316 с.
4. *Макарова И.К.* Управление персоналом: учебное пособие. М. : ИМПЭ им. А.С. Грибоедова, 2006. 98 с.
5. *Погребняк Л.П.* Организационно-педагогические и правовые факторы в управлении общеобразовательной школой: специальность: 13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования / Л.П. Погребняк; Ставроп. гос. ун-т. Ставрополь, 2004. 385 с.
6. *Ушаков К.М.* Управление школьной организацией: организационные и человеческие ресурсы. М., 1995. С. 7–25.

профессиональной переподготовки управленческих кадров в системе образования.

Эффективность управленческой деятельности директора во многом зависит от целесообразности, четкости распределения прав и обязанностей представителей администрации школы.

Literature:

1. *Belokon S.N.* Formation of key competencies of the head in the process of training in the specialty «education manager»: specialty: 13.00.08 – Theory and methodology of professional education : dis. ... cand.of pedag. sciences / Belokon Sergey Nikolaevich; Stavropol State University. Stavropol, 2006. 172 p.
2. *Gurba V.N.* Security of education from terrorism as an interdisciplinary problem of professional development of managerial personnel / V.N. Gurba, N.I. Fokin // Education. The science. Innovation: the southern dimension. 2009. № 2(8). P. 7–11.
3. *Lipsky I.A.* Social pedagogy: methodological analysis : textbook manual. M. : Creative center «Sphere», 2004. 316. p.
4. *Makarova I.K.* personnel Management : textbook. M. : Griboyedov IMPE, 2006. 98 p.
5. *Pogrebnyak L.P.* Organizational-pedagogical and legal factors in the General education school management: specialty: 13.00.01 – General pedagogy, history of pedagogy and education / L.P. Pogrebnyak; Stavropol state University. Stavropol, 2004. 385 p.
6. *Ushakov K.M.* Management of school organizations: organizational and human resources. M., 1995. P. 7–25.

Качанов Антон Викторович
магистрант кафедры
социологии и гуманитарных наук,
Государственный университет «Дубна»
kachanovav96@mail.ru

Ивлева Анна Сергеевна
магистрант кафедры
социологии и гуманитарных наук,
Государственный университет «Дубна»
nuta-zaichik96@mail.ru

ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Аннотация. В условиях коренных социально-экономических изменений и трансформации системы государственной власти в российском обществе, неизбежно влекущих неопределенность политических предпочтений граждан, только избирательная конкуренция, интенсивность применения электоральных технологий политическими партиями способны оказать влияние на электоральное поведение избирателей. Электоральное поведение представляет собой сложный многоаспектный социально-политический феномен. В статье авторами анализируются способы формирования электорального поведения, элементы электорального поведения, а также – модели способов управления электоральным поведением.

Ключевые слова: электорат, политическое поведение, электоральное поведение, политическое участие, электоральное участие, политическое воздействие, выборы, демократия, электоральные предпочтения, электоральная аудитория.

Понятия «электорат», «электоральный» относятся к категории политического участия граждан. Электоральное участие представляет собой форму проявления активного политического поведения граждан, выраженного в осуществлении избирательных прав. Изучение понятия «электоральное поведение» как отдельной формы политического поведения становится более актуальным с процессом демократизации современных политических институтов в России. Однако, несмотря на широкое применение данного термина на практике, он во многих случаях интерпретируется по-разному, и ни в отечественной, ни в зарубежной науке не существует единого мнения в вопросе определения электорального поведения избирателей.

В.Л. Римский определяет электоральное поведение как систему взаимообусловленных действий

Anton V. Kachanov
Undergraduate of the Department
of Sociology and Humanities,
State University «Dubna»
kachanovav96@mail.ru

Anna S. Ivleva
Undergraduate of the Department
of Sociology and Humanities,
State University «Dubna»
nuta-zaichik96@mail.ru

ELECTORAL BEHAVIOR AS A SOCIO-POLITICAL PHENOMENON

Annotation. In the context of fundamental socio-economic changes and the transformation of the system of state power in Russian society, which inevitably entails the uncertainty of political preferences of citizens, only selective competition, the intensity of the use of electoral technologies by political parties can influence the electoral behavior of voters. Electoral behavior is a complex multidimensional socio-political phenomenon. In the article, the authors analyze methods of forming electoral behavior, elements of electoral behavior, as well as models of ways to control electoral behavior.

Keywords: electorate, political behavior, electoral behavior, political participation, electoral participation, political influence, elections, democracy, electoral preferences, electoral audience.

(бездействий) граждан, реализуемых в целях приспособления к условиям политических выборов [22]. И.В. Охременко считает, что электоральное поведение представляет собой форму проявления политического поведения граждан по поводу делегирования своих избирательных полномочий [12, с. 32–41]. Однако многие ученые отмечают, что электоральное поведение имеет отношение не только к избирателям и их действиям, но и к субъектам непосредственного политического воздействия – политическим партиям [16, с. 102–109]. Так, М.Н. Богданова, выступая с критикой узкого понимания электорального поведения в качестве простой совокупности форм участия в избирательном процессе, предлагает комплексное понимание данного феномена, включающего в себя ценностные установки, политические ориентиры и предпочтения, принадлежности к определенной среде и социальной группе, с уче-

том факторов внешнего электорального воздействия [4, с. 112–114].

В настоящее время в электоральной социологии наиболее устоявшимся является определение электорального поведения как совокупности объективно обусловленных и субъективно мотивированных действий избирателей, осуществляющих избирательные права в целях реализации своих социально-политических интересов [2, с. 16–19]. Исходя из указанного определения, детерминанты электорального поведения избирателей также обусловлены двумя способами формирования предпочтений: субъективными и объективными (внесубъективными).

Электоральное поведение российских избирателей определяется двумя категориями факторов. Во-первых, отсутствием значимого опыта политического участия и влияния социальных групп на процесс выработки и принятия политических решений. Это обусловлено высокой степенью «закрытости» государственных институтов и политической автаркией, то есть, отсутствием необходимости учитывать волеизъявление граждан органами власти при принятии политических решений. Кроме того, отсутствие общепринятой и устоявшейся системы политических ценностей в Российской Федерации ведет к неэффективной политической адаптации. Исторически сложилась тенденция того, что граждане не способны достичь политических целей через механизм электорального участия в избирательном процессе [21]. Во-вторых, процессом современной модернизации партийно-политической системы и влиянием данных процессов на социум. Отсутствие сложившейся стратификации, устоявшихся моделей электорального участия, кризис идентичности определяют выбор избирателями форм своего поведения [10, с. 134–137]. На политической арене современной России одна часть электората прибегает к политике через участие в голосовании, демонстрациях, забастовках, голодовках, пикетах, подписании петиций, а другая часть российского общества наиболее приемлемой формой участия избирает абсентеизм.

Выделяют два способа формирования электорального поведения в зависимости от характера источника воздействия на избирателя: субъективный и бессубъективный. Бессубъективный процесс предполагает отсутствие ценностного воздействия как внешнего источника, в рамках которого электоральные предпочтения формируются за счет внутренней системы политических ценностей гражданина. При этом следует отметить, что «бессубъективный» является условным термином и означает отсутствие только внешнего субъекта воздействия. Субъект формирования политических взглядов в лице общества присутствует всегда.

Учитывая, что электоральное поведение современных избирателей неоднородно, выделяют обобщенные конструкции моделирования способов управления электоральным поведением. Модель принуждения (или модель кнута и пряника) – самые распространенные примеры реализации данной модели в избирательных кампаниях –

«благотворительность», подкуп и иные формы активного воздействия на избирателей. Подвидом данной модели является «административный ресурс», то есть, использование власти как инструмента воздействия на электоральное поведение [14, с. 12–27].

Модель внушения (манипулирования). Сторонники данной модели исходят из того, что эффективность управления электоральным поведением достигается не содержательными критериями избирательной программы, а манипулятивным воздействием [11, с. 120–125]. Примером функционирования данной модели является рекламный подход, определяемый исключительно количественными характеристиками (количество рекламных интеграций с кандидатом за определенный период времени), а не содержанием [5, с. 30–31].

Модель негативного воздействия основана на контр-содержательном подходе и протестной риторике, то есть, в основе данной электоральной технологии лежит доведение до избирателей негативной информации о конкуренте: его избирательной программе, личности, партийной принадлежности. К данной модели также относится «черный пиар» – создание негативного имиджа кандидата как способа информирования избирателей о его деятельности [6, с. 88–91].

Модель доминирующего стереотипа предполагает, что электоральный выбор определяется стереотипами предпочтений, примирительных к конкретному избирательному полю. Данные предпочтения-стереотипы разделяют на две группы. В первую входят социальные стереотипы, доступные широкому кругу избирателей: «как раньше», «как на Западе», «как в СССР», в регионах используются территориальные стереотипы, например, «как в Москве». Вторая группа стереотипов относится к личности кандидата – «самый честный», «кандидат от народа» и т.д. Избирателей, ориентированных на первую группу стереотипов, называют политически ориентированными, а на вторую – лично ориентированными [13, с. 67–74].

Модель участия (прямых стимулов) основана на идее, что электоральный выбор избирателя определяется степенью его личного и непосредственного участия в избирательной кампании. Данная модель предполагает привлечение электората уже на стадии подготовки, когда в процессе организации избирательной кампании, привлеченные к ее участию волонтеры и заинтересованные граждане, уже делают электоральный выбор в пользу конкретного участника [7, с. 77–81].

Современные исследователи определяют существенные характеристики электорального поведения через призму политических ценностей избирателей, которые находят свое отражение в существующей системе построения политической власти в стране. Следует учесть, что в России выборы как демократический институт сложились сравнительно недавно. Только с 1990-х годов 20 века условия проведения выборов получили

демократические очертания. Однако в связи с последующими политическими реформами институт выборов, избирательная система в России в значительной степени утратили своё исконное значение в качестве института прямой демократии. Организация современного избирательного процесса выражается, прежде всего, в сращивании партийного и государственного аппаратов, что оказывает непосредственное влияние на электоральное восприятие данных политических институтов со стороны избирателей [3, с. 22–27].

Большое значение принимает процесс электорального вовлечения избирателей. Так, деятельность партий в контексте детерминации электоральных предпочтений, характеризующая степень влияния на поведение избирателей, следует анализировать через призму существующих моделей субъективного электорального выбора.

Социологическая модель электорального поведения предполагает анализ соотношения партийно-политической деятельности и поведения избирателей на основании социальной дифференциации (cleavages) [9, с. 111–127]. Данная модель подразумевает, что решающими факторами для прогнозирования электорального поведения являются социально-демографические характеристики. Например, исходя из данной концепции, основным электоратом («традиционными избирателями») Лейбористской партии Великобритании выступает средний рабочий класс, поэтому партия в предвыборной агитации активно лоббирует законы, расширяющие права рабочего класса и обеспечивающие трудовые гарантии избирателям.

Связь идеологических партийных установок с различными социальными категориями являлась лейтмотивом предвыборной кампании Справедливой России в 2016 году, в частности, широко применялись общесоциальные лозунги «Наша цель – справедливое общество», «Мы за справедливую Россию!», активно использовалась тактика организации агитационных мероприятий по социальному критерию: для молодежи, многодетных семей, пенсионеров, инвалидов, малообеспеченных граждан [18].

С социально-психологической точки зрения электоральный процесс выступает в качестве инструмента проявления избирателями своей политической идентификации. Партийная идентификация является формой отождествления избирателей с определенной политической партией, детерминантом электорального поведения выступает психологическая связь электората с определенной политической партией, что и оказывает решающее влияние на принятие решения в рамках избирательного процесса. Данная модель управления электоральным поведением особенно активно используется КПРФ. «Как всякий политический организм, партия имеет базис и надстройку. Надстройкой выступает совокупность программных, организационных и тактических принципов партийной деятельности, базис партии – социальная основа (электоральная аудитория) [19]. «Ядро электорального поля» КПРФ составляют

избиратели с «посткоммунистической ностальгией», граждане предпенсионного-пенсионного возраста (55–65 лет) [8, с. 18–31]. В основе электорального выбора данной категории избирателей лежит их желание возвратиться к советской системе ценностей (в том числе, политических), восстановить в полном объеме социальную направленность государства, отказаться от достижений и реформ, произошедших в 1990-е годы» [20]. КПРФ в своей агитационной деятельности активно эксплуатирует образы и бренды Советского Союза, заявляя о своей «идейной преемственности КПСС».

В социально-психологической модели управления электоральным поведением предполагается формирование у избирателей четкой политической идентификации, в результате которой возникает политическая идентичность – содержательное состояние избирателя, при котором другие субъекты политических отношений квалифицируют его как определенного «электорального агента» путем приписывания ему значений идентичности с соответствующими ему партийными предпочтениями [1, с. 4–7]. Например, ни у кого нет сомнений в том, что, Г.А. Зюганов – председатель КПРФ, голосует именно за КПРФ, поэтому анализировать его мотивы иначе, чем через призму партийной идентификации не имеет смысла. Электоральный выбор избирателя происходит в момент вступления в политическую партию, а не в конкретный избирательный цикл. Партийная идентификация создает некое «сито», с помощью которого индивид пытается про сечь происходящие политические события и выяснить, что наиболее соответствует его скрытым предпочтениям и ориентации. Чем более устойчива идентификация с партией, тем более очевиден принцип этого выбора. Партийную идентификацию в научной литературе, чаще всего, трактуют как устойчивую установку в отношении к определенной политической партии, которая непосредственно влияет на электоральное поведение индивида.

Ныне действующие политические партии стараются упростить процедуру вступления в партию, придать этому процессу «льготный» характер. Такие партии, как «Яблоко», «ПАРНАС» предлагают партийную регистрацию через официальный сайт партии, в режиме «online». Широкое применение имеет институт «сторонников партии», граждан, не вступивших в партию, однако, оказывающих содействие на общественных началах в организационно-партийных мероприятиях.

В теории рационального выбора электоральное поведение избирателя объясняется рационально-инструментальными детерминантами [17, с. 135–150]. Избиратель голосует, руководствуясь исключительно прагматическими целями, то есть, ориентируется на ту политическую партию, которая, по его мнению, предоставит больше выгоды, чем любая другая. Этим и определяется характер предвыборной агитации и позиционирования политических сил. Электоральный выбор при данном подходе основан на двух критериях: показатели предшествующей деятельности партии

(данная риторика используется в манифестах партии «Яблоко») и позиция партии по актуальным общественным вопросам. Такой подход применяют, преимущественно, политические партии без официальной, формально-определенной идеологии, которые стремятся «деидеологизировать» политический процесс, расширяя свою электоральную аудиторию.

В качестве примера функционирования теории электорального выбора исследователи приводят избирательный цикл 2016 года: ухудшение социально-экономической ситуации, «посткрымская фрустрация», последствия протестного движения 2011–2013 годов имели прямое влияние на электоральную вовлеченность граждан в избирательный процесс. В данный период избиратели существовали в рамках рациональной модели электорального поведения, при которой голосование рассматривается как выражение реакции людей на конкретную сложившуюся ситуацию, при которой, выстраивая свое поведение, индивид выбирает из нескольких альтернатив, руководствуясь собственными прагматичными предпочтениями [15, с. 64–72].

Таким образом, электоральное поведение, явля-

ясь одним из проявлений политического поведения, представляет собой деятельность граждан по реализации своего избирательного права. В структуре электорального поведения выделяют 4 элемента: предпочтения, вовлеченность, участие и выбор. Электоральное поведение избирателя на каждом этапе определяется через совокупность объективных и субъективных факторов. К объективным факторам относят существующую систему политической ценностей общества, которая, в силу произошедших изменений в системе государственного управления в современной России, изменений в общесоциальных ценностях граждан, отсутствия сформированной политической культуры, а также, из-за отсутствия устоявшихся идеологических критериев, не может являться определяющим условием электоральной ориентации. Субъективные факторы электорального поведения рассматриваются в рамках 3 существующих моделей управления электоральным поведением: социологической, в основе которой лежит связь социальной группы с политическими предпочтениями избирателя, социально-психологической, ориентированной на партийную идентификацию избирателей, и модели рационального выбора, согласно которой избиратель руководствуется исключительно прагматичными и утилитарными целями.

Литература:

1. *Артёмов Г.П.* Ценностные ориентации, политическая культура и партийные предпочтения // Политический анализ: Доклады Центра эмпирических политических исследований. 2016. С. 4–7.
2. *Бальсун К.Ю.* Электоральное поведение в избирательном процессе современной России. Ставрополь : Изд-во СГУ, 2009. 236 с.
3. *Белоликов В.С.* Партийная система в современном российском обществе // Скиф. 2018. № 4. С. 22–27.
4. *Богданова М.Н.* Российская электоральная политика: институциональные ресурсы и технологии реализации : дис. ... канд. полит. наук : защищена 12.04.2006: утв 26.09.2006. Ростов-н/Д. : Изд-во РГУ, 2006. 173 с.
5. *Дзялошинский И.М.* Манипулятивные технологии в масс-медиа // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2005. № 1. С. 30–31.
6. *Ильясов Ф.Н.* Политический маркетинг, или как «продать» вождя // Политические исследования. 2017. № 5. С. 88–91.
7. *Ильясов Ф.Н.* Политический маркетинг. Искусство и наука побеждать на выборах. М. : Изд-во ИМА-Пресс, 2018. 200 с.
8. *Касамара В.А.* Постсоветская ностальгия в повседневном дискурсе россиян / В.А. Касамарова, А.А. Сорокина // Общественные науки и современность. 2019. № 1. С.18–31.

Literature:

1. *Artyomov G.P.* Value orientations, political culture and party preferences // Political analysis: Reports of the Center for Empirical Political Studies. 2016. P. 4–7.
2. *Balsun K.Yu.* Electoral behavior in the electoral process of modern Russia. Stavropol : Publishing House of SGU, 2009. 236 p.
3. *Belolikov V.S.* The party system in modern Russian society // Skiff. 2018. № 4. P. 22–27.
4. *Bogdanova M.N.* Russian electoral policy: institutional resources and implementation technologies : dis. ... cand. watered sciences: protected 12.04.2006: approved 26.09.2006. Rostov : Publishing House of the RGU, 2006. 173 p.
5. *Dzyaloshinsky I.M.* Manipulative technologies in the media // Bulletin of Moscow University. Series 10. Journalism. 2005. № 1. P. 30–31.
6. *Ilyasov F.N.* Political marketing, or how to «sell» a leader // Political studies. 2017. № 5. P. 88–91.
7. *Ilyasov F.N.* Political marketing. The art and science of winning the election. M. : Publishing house IMA-press, 2018. 200 p.
8. *Kasamara V.A.* Post-Soviet nostalgia in the everyday discourse of Russians / V.A. Kasamarova, A.A. Sorokina // Social Sciences and the Present. 2019. №1. P. 18–31.

9. *Келли Г.* Процесс казуальной атрибуции // Современная зарубежная социальная психология. 2014. С. 111–127.
10. *Кудинов О.П.* Модели поведения россиян на выборах как основа разработки стратегии избирательных кампаний // Выборы в Российской Федерации. 2002. С. 134–137.
11. *Мухортов Д.С.* Дискурсивные маркеры манипуляции как реализации субъективно-оценочного акта, говорящего / Д.С. Мухортов, А.В. Краснова // Политическая лингвистика. 2016. № 6. С. 120–125.
12. *Охременко И.В.* Электоральное поведение: теория вопроса. Волгоград, 2001. Ч. 1. 52 с.
13. *Пугачев В.П.* Технологии скрытого управления в современной российской политике // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2003. № 3. С. 67–74.
14. *Савинков Ю.Н.* Социальные факторы управления электоральным поведением в регионе : дис. ... канд. социол. наук: защищена 24.04.2004; утв. 28.10.2004. Орел : Изд-во ОРАГС, 2004. 191 с.
15. *Фальков В.Н.* Совершенствование правового регулирования предвыборной агитации в Российской Федерации. Тюмень : Изд-во ТГУ, 2016. 137 с.
16. *Шевченко Ю.А.* Конфликт между ветвями власти и электоральное поведение в России // Мировая экономика и международные отношения. 2019. № 2. С. 102–109.
17. *Downs A.* An Economic Theory of Political Action in a Democracy // The Journal of Political Economy. Chicago: The University of Chicago Press. 2017. P. 135–150.
18. *Бунин И.М.* Начало нового политического цикла: основные тенденции российской политики. URL : <http://www.politcom.ru/article.php?id=6173> (дата обращения 23.02.2020).
19. Все о КПРФ. URL : <http://www.cprfspb.ru/2987.html> (дата обращения 17.01.2020).
20. Выбор электората. URL : <http://www.cprfspb.ru/2916.html> (дата обращения 21.01.2020).
21. О политических партиях России. URL : <http://top.rbc.ru/politics/24/12/2011/631617.shtml> (дата обращения 11.02.2020).
22. *Римский В.Л.* Клиентелизм как фактор электорального поведения российских граждан. URL : <http://www.politnauka.org/library/russia/rimsky.php> (дата обращения 13.02.2020).
9. *Kelly G.* The process of casual attribution // Modern foreign social psychology. 2014. P. 111–127.
10. *Kudinov O.P.* Models of the behavior of Russians in elections as the basis for the development of election campaign strategies // Elections in the Russian Federation. 2002. P. 134–137.
11. *Mukhortov D.S.* Discursive markers of manipulation as the implementation of a subjective-appraisal act, speaking / D.S. Mukhort, A.V. Krasnova // Political Linguistics. 2016. № 6. P. 120–125.
12. *Ohremenko I.V.* Electoral behavior: theory of the issue. Volgograd, 2001. Part 1. 52 p.
13. *Pugachev V.P.* Technology of hidden management in modern Russian politics // Bulletin of Moscow University. Series 12. Political Sciences. 2003. № 3. P. 67–74.
14. *Savinkov Yu.N.* Social factors of the management of electoral behavior in the region : dis. ... cand. sociological sciences: defended 04.24.2004; approved. 10.28.2004. Orel : Orags Publishing House, 2004. 191 p.
15. *Falkov V.N.* Improving the legal regulation of election campaigning in the Russian Federation. Tyumen : TSU Publishing House, 2016. 137 p.
16. *Shevchenko Yu.A.* The conflict between the branches of government and electoral behavior in Russia // World Economy and International Relations. 2019. № 2. P. 102–109.
17. *Downs A.* An Economic Theory of Political Action in a Democracy // The Journal of Political Economy. Chicago: The University of Chicago Press. 2017. P. 135–150.
18. *Bunin I.M.* The beginning of a new political cycle: the main trends of Russian politics. URL : <http://www.politcom.ru/article.php?id=6173> (accessed 02.23.2020).
19. All about the Communist Party. URL : <http://www.cprfspb.ru/2987.html> (accessed date 17.01.2020).
20. The choice of the electorate. URL : <http://www.cprfspb.ru/2916.html> (accessed date 21.01.2020).
21. About political parties of Russia. URL : <http://top.rbc.ru/politics/24/12/2011/631617.shtml> (accessed date 02/11/2020).
22. *Rimsky V.L.* Clientelism as a factor in the electoral behavior of Russian citizens. URL : <http://www.politnauka.org/library/russia/rimsky.php> (accessed 02.13.2020).

Коркия Эка Демуриевна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии
коммуникативных систем
социологического факультета,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
ekakorkiya@mail.ru

Мамедов Агамали Куламович

доктор социологических наук,
профессор,
заведующий кафедрой социологии
коммуникативных систем
социологического факультета,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
akmnauka@yandex.ru

Макарова Елена Александровна

аспирантка кафедры
социологии коммуникативных систем
социологического факультета,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
mariposamel@gmail.com

**ПОТРЕБЛЕНИЕ КАК АТРИБУТ
СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:
ИСТОРИЯ И НОВЫЕ ТРЕНДЫ**

Аннотация. Представленная научная статья посвящена анализу феномена потребления в современном обществе на основе теоретического обзора источников и социологического эмпирического исследования. В большей степени статья представляет собой обзор теоретических концепций потребления. Авторы декларируют возникновение феномена потребления со времен античности и прослеживают развитие западной и отечественной мысли, отражающей дилемму «человека потребляющего».

Ключевые слова: гламур, демонстрационное поведение, знаковое потребление, личность, маргинальность, миграция, неравенство, общество, высшее общество, материальная культура, потребление, «парадокс потребления», социальная мотивация, статус, социальный лифт, нувориш.

Феномен демонстративного потребления все чаще становится объектом исследования различных областей научного знания. Интерес к этой сфере связан, в первую очередь, с глобальным (если не тотальным) масштабом проявления данного феномена, а также, с его доминантным воздействием на другие сферы общества и самого человека.

Eka D. Korkiya

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of Sociology
Communication Systems
Sociological faculty,
Moscow State University
named after M.V. Lomonosov
ekakorkiya@mail.ru

Agamali K. Mamedov

Doctor of Sociological Sciences,
Professor,
Head of the Department of Sociology
Communication Systems
Sociological faculty,
Moscow State University
named after M.V. Lomonosov
akmnauka@yandex.ru

Elena A. Makarova

Postgraduate student of the Department
Sociology of Communication Systems
Sociological faculty,
Moscow State University
named after M.V. Lomonosov
mariposamel@gmail.com

**CONSUMPTION AS ATTRIBUTE
OF MODERN CIVILIZATION:
HISTORY AND NEW TRENDS**

Annotation. The presented scientific article is devoted to the analysis of the phenomenon of consumption in modern society based on a theoretical review of sources and a sociological empirical study. To a greater extent, the article provides an overview of theoretical concepts of consumption. The authors declare the emergence of the phenomenon of consumption since antiquity and trace the development of Western and domestic thought, reflecting the dilemma of «the person consuming».

Keywords: glamor, demonstration behavior, significant consumption, personality, marginality, migration, inequality, society, high society, material culture, consumption, «consumption paradox», social motivation, status, social elevator, nouveau riche.

В результате проведенных авторами социологических исследований выявлено, что в качестве маркеров адаптации к мегаполису мигранты воспринимают, в первую очередь, такие, как демонстративное поведение (78 %) [12, с. 208]. Бренд-овое потребление поднимается на второе место по расходам после «отправления денег на родину». На вопрос «Что бы Вы приобрели перед отпуском и поездкой на родину?» более 60 % респондентов

указали дорогие телефоны, фирменную одежду. Нами был проведен контент- анализ фотографий, которые мигранты отправляют на родину. Как выяснилось, 42 % берут одежду, телефоны у друзей с целью повышения своего имиджа и мнимого статуса. Более половины фотографий делаются на фоне дорогих авто, красивых зданий и известных магазинов и ресторанов. Более 33–35 % женщин-мигрантов делают селфи с различными ювелирными изделиями, в том числе, не своими. В целом, опираясь на приведенные факты, можно констатировать психологическую и социальную зависимость мигрантов от мира вещей, от атрибутов демонстративного поведения. С некоторыми изменениями аналогичный настрой присутствует и в молодежной среде, особенно студенческой (среди молодых людей в возрасте до 20 лет). В частности, краткосрочные денежные траты (гаджеты, дорогие автомобили) вытесняют долгосрочные вложения в карьеру, недвижимосты и обеспечение будущего.

По результатам экспертного опроса, проведенного среди менеджеров брендовых магазинов, выяснилось, что неотъемлемым атрибутом брендовых товаров, в первую очередь, являются: сопричастность к звезде (кумиру), престиж бренда, высокая цена на товар, принадлежность к определенной субкультуре.

История разработки данного вопроса начинается еще в античное время. Рефлексией о данном феномене занимались Аристотель, Аристипп, Феодор, Эпикур и стоики, для которых глубинные основы, «метафизика потребления», выступает как вечное противоборство телесного и духовного, этических добродетелей и «необузданного вещизма». Исследования Аристотелем «человека потребляющего», в идеале ориентированного на «золотую середину», стали отправной точкой научных исследований потребностей человека и форм их удовлетворения. Интересно, что отклонения от «золотой середины» Аристотель называл «скотским» образом жизни.

В эпоху Просвещения тема потребления как рациональный выбор между удовольствием и нравственным благом стала центральной. В поисках идеала «человека потребляющего» мыслители раскрывают трансцендентный смысл потребностей человека, и сущность его духовных и материальных потребностей как основных мотивов действия. Но, в целом, до второй половины XIX века феномен демонстрационного потребления еще не являлся отдельной научной темой. Вопрос демонстрационного потребления чаще анализировался в художественной литературе (Ж.-Б. Мольер «Мещанин во дворянстве», комедии Д.И. Фонвизина).

Ситуация меняется во второй половине XIX века, когда бурное развитие капиталистических отношений трансформирует всю социальную ткань. Господствующими установками индустриального общества становятся материальные ценности и рациональное поведение во всех сферах общества. Уже в эпоху Нового времени демонстрационное потребление стало больше вопросом экономического анализа, нежели темой этических

размышлений. Определяющее значение (для общества и индивида) приобретает материальная сторона, духовная же рассматривается как стимулятор экономического выбора.

Традиционно, современный научный анализ характера демонстрационного потребления небезосновательно связывают с работой Т. Веблена «Теория праздного класса» (1899), в которой рассматриваются аспекты поведения представителей нового класса – так называемых, «нуворишей» (от фр. *nouveau riche* – новый богатый) – быстро разбогатевших во время социальных перемен представителей низших классов, богачей-выскочек, пробившихся в высшие слои общества. С одной стороны, анализ поведения этой социальной страты рассматривается Вебленом как результат развития капиталистических отношений и стремительной аккумуляции капитала в руках «новых американцев»; а с другой стороны, демонстрационное потребление рассматривается как стремление новой страты к самомаркировке, к желанию самоутвердиться посредством целенаправленного афиширования социального статуса и власти. Веблен говорит об *использовании потребления для доказательства обладания богатством* и рассматривает его *как средство поддержания репутации* нуворишей. В этом контексте, классическое исследование феномена демонстрационного потребления сузилось до рамок высшего общества, в который стал проникать «праздный класс» новых американцев, стремившихся подражать европейской элите. Они выдвигали на первый план свое «кастовое» понимание богатства и престижа, свои нормы поведения, ценности и идеалы, которые вызывали недоумение и презрение «старой» элиты, но с которыми приходилось последней считаться, так как они были подкреплены весомым капиталом.

В последствии феномен демонстрационного поведения рассматривался Ж. Одрийяром, П. Бурдые (концепция поведения как результат социальных условий, социализации и положения индивида в обществе), М. Вебером (концепция статусных групп, рациональность и нерациональность потребления), Г. Зиммелем (теория моды), Э. Дюркгеймом (теория потребления как ценностного предназначения), Ф. Котлером (маркетинг, психология потребления), В. Парето (теория иррациональных действий индивида), К. Марксом (товарный фетишизм), А. Маршаллом («потребление напоказ»), Т. Парсонсом, И. Гоффманом (теория драматургического подхода, в том числе и к поведению), Дж. Ритцером (концепция «макдональдизации»), и др., а также стал объектом исследования отечественных ученых – С.Н. Булгакова (нравственный материализм и духовная буржуазность), А.И. Бутовского (феномен «наружной» или «выказной» роскоши), А.Б. Гоффмана (концепция демонстративного потребительского поведения и моды), А.А. Исаева (проблемы потребления и роскоши), В.И. Ильина (особенности демонстративного потребительского поведения в России), Н.Е. Покровского, Д.В. Иванова (виртуализация потребления), В.В. Радаева (социально-экономический подход), Н.М. Римашевской (гендерные факторы потребления), В.П. Терина (массовое

демонстрационное поведение) и многих др.

Качественно новое отношение феномен демонстрационного поведения получает в работах Д. Белла [4], где обосновываются новый тип потребительского поведения как результат научно-технического прогресса, следствие изменения типа человека. Потребляя, человек утверждает свою независимость и уникальность. Этот тезис констатировал В.Л. Иноземцев: *«Определяя свои основные потребности и желания как всецело субъективные, человек впервые констатирует их именно как свои личные потребности, как свои личные желания, не идентичные потребностям и желаниям других людей не только в количественном, но и в качественном отношении»* [8].

В ходе XIX века в Европе происходит множество изменений как в стратификационной системе, так и в системе ценностей, взаимоотношений, коммуникации и мировоззрения. В первую очередь, мы говорим об экономизации и рационализации сознания, которые повлекли за собой появление новых классов и типов людей, а также появление нового либерально-демократического общественного строя. Все изменения сопровождались процессами индустриализации, стандартизацией производства и урбанизацией, что было описано Ортега-и-Гассетом (*«Восстание масс»* 1930).

С развитием индустриального общества экономический фактор становится основой общественной системы, фундаментом качественно новых общественных взаимодействий. Проникая во все сферы общественной жизни, экономика и капитал становятся универсальными аксиологическими категориями, на основе которых формируется новая философия и модель общественного сознания.

В мировой истории потребление присутствовало всегда, значение имело только то, какой сферы оно касалось в большей степени, духовной или материальной. В эпоху зарождения капитализма духовность отошла на второй план, приоритет получила сфера материального, не в последнюю очередь из-за религиозных воззрений людей того времени. Макс Вебер описал эти процессы в работе *«Протестантская этика и дух капитализма»*. Протестанты, в отличие от католиков, верят, что не *«дело создано для человека, а человек для дела»*. Главными добродетелями человека они считают трудолюбие, честность и стремление приумножать свое богатство, нерасточительность. В соответствии с этикой протестантов, тот, кого любит Бог, должен быть успешен в мирских делах. Поэтому накопление средств и любая трудовая деятельность – это высшее нравственное благо, которое может совершить человек [2]. Появились представления о том, что всего можно добиться своим трудом, оформилось классовое деление – деление общества на группы не по происхождению, а по уровню и способам приобретения достатка. Так, потребительство приобрело статус высшей социальной ценности.

Таким образом, капиталистическое общество

сформировало новый тип поведения, основными чертами которого стали «погоня за прибылью» и умение «делать деньги». Экономический расчет становится частью сознания человека, его образа жизни, отношений с окружающими. Такой тип человека описан в работах Дэвида Рисмена и Эриха Фромма и получил название «человека потребляющего», «рыночника» [17], «ориентированного на других» [2]. Самореализация человека стала пониматься как соответствие определенной социальной позиции, обладание определенными статусными вещами, а особенно тех, что «находятся в тренде». И если в эпоху Веблена эта тенденция была определяющей для обладателей «нового капитала», то в обществе массового потребления это стало повсеместным, где целью становится демонстрация своего статуса. Ю.А. Циммерман отмечает, что *«в качестве субъектов демонстративного потребления выступают все слои, однако некая верхушка высшего класса задает тон, диктуя образцы для подражания и манипулируя сознанием большинства в обществе»* [18, с. 4].

Так, стали заметны две разнонаправленные тенденции: с одной стороны, человек все больше показывает свою индивидуальность, а с другой стороны, все больше омассовляется, стандартизируется в своем желании выделиться, в следствие чего, демонстративное потребление становится не только способом выделиться из толпы и показать свою индивидуальность, но и, как ни странно, способом «быть как все». Индивидуальное начало и мотивы деятельности человека начинают все больше определяться тем, что он потребляет и как.

В данном контексте интересна парадигма Г. Бэккера, который интерпретирует человеческие отношения сквозь призму экономических законов. По его мнению, современное общество предстает как своеобразное производство, в котором рациональность потребления заменяет и обесценивает сферу человеческих отношений. Например, рациональность потребления, во-первых, сокращает время удовлетворения потребностей (по аналогии с законом сокращения времени производства товаров), а во-вторых, изменяет традиционное общение и стиль жизни: фастфуд вместо домашних обедов, встречи в ресторанах вместо походов в гости и т.п. Традиционный институт семьи также подвергся изменениям. *«Любой аспект семейной жизни теперь может быть интерпретирован с позиций теории рационального выбора, – пишет Бэккер в своей работе «Семья», – это относится к таким своеобразным проблемам, как причины предпочтения одних способов контрацепции другим, причины того, что сократилось распространение полигамии, а также более «традиционные» предметы, как, например, вопрос о том, что определяет возраст вступления в брак, число детей, сумму инвестиций в человеческий капитал детей, а также сумму затрачиваемых детьми средств на помощь пожилым родителям»* [9]. «Предельная полезность», по мнению Бэккера, – тот критерий, по которому современный homo economicus строит свою жизнь, определяет свои взгляды и мировоззрение [1].

Демонстративное потребление проявлялось также в ходе процессов урбанизации, изменивших самовосприятие, самоидентификацию членов общества. Веблен утверждает: *«Средства коммуникации и подвижность населения представляют индивида на обозрение многих людей, не имеющих никаких других возможностей судить о его почтенности, кроме тех материальных ценностей (и, вероятно, воспитания), которые он, находясь под непосредственным наблюдением, в состоянии выставить напоказ»* [7, с. 122]. Следует отметить, что представители сельского населения, мигрировавшие в города, также прибегали к демонстрации своего статуса и состоятельности, подражая в этом нуворишам. Это происходило неслучайно, так как и те, и другие находились в сходных маргинальных условиях; и тем, и другим необходимо было доказывать окружающим и себе наличие права находиться в «высшем обществе».

В целом, можно с уверенностью сказать: поведенческие установки «новых людей» крайне отличались от установок членов традиционного общества. Теперь субъект идентифицирует себя с помощью внешних символов, которые утверждали его положение перед общественностью и перед собой, которые нередко выходили за рамки необходимого. Мы покупаем не «мерседес» как автомобиль, а его престиж. Не зубную пасту «колгейт», а белизну зубов. Так, «Ролекс» на руке является, в первую очередь, не часовым механизмом, а подтверждением того, что его владелец в состоянии позволить себе такую роскошь [13, с. 56]. Теперь *«все надежды обращены на общественный авторитет; именно он должен оправдать экзистенцию человека, доказать ему его же полноценность и духовную целостность»* [11].

Таким образом, помимо социально-статусного дискомфорта, индивид испытывает еще и духовный. Испытывая потребность войти в новое для себя общество «на равных», индивид компенсирует недостаток ценностных и духовных ресурсов демонстрацией капитала.

Этот дуализм внешнего и внутреннего у представителей нового класса определили новый миропорядок, в основе которого лежит экономическая рациональность, доказанная Г. Бэккером, и протестантская этика, рационально обоснованная М. Вебером. Проявившись на стыке смены парадигм общественного развития, этот дуализм становится нормой в XX веке. Идеальными формами социального устройства выступает внешне законопослушное и благополучное общество, каждый представитель которого является винтиком системы. Соответственно меняются методы управления обществом, они приобретают неявный характер, воздействуют на психику индивида посредством лозунгов свободы личности, либерализма и демократии. Цель этой политики – увеличение потребления до массовых масштабов. Ее основа – психология человека, его стремление привлечь к себе внимание как к представителю «высшего класса» в результате его «свободного выбора», основы демократии. Жан Бодрийяр

называет такой феномен «знаковым потреблением», который он описал в работе «Общество потребления: мифы и структура» (1968). Философ пишет, что потребление вещей теперь не связано с удовлетворением реальных потребностей, оно служит для демонстрации желаний индивида, его сверхпотребностей и высокого статуса: *«В современном обществе объектами потребления выступают не столько материальные вещи, сколько их культурные знаки и символы, что превращает потребление из материалистической практики в символическую»* [5].

Таким образом, создается и пропагандируется определенный идеал личности, с определенным набором ценностей, мировоззренческих установок и местом в социальной структуре. Такой тип выступает стандартом, с помощью которого индивид должен осуществлять свой выбор, и с помощью которого оцениваются индивидуальные ценности, формируется стиль поведения. Потребитель перестает быть полноценным субъектом деятельности. Он становится объектом экономических отношений. Такой «парадокс потребителя» объясняется очень просто: массовое производство не способно удовлетворять действительно уникальные запросы, из-за чего работникам рекламных агентств приходится создавать усредненные образы идеальной жизни и также продавать их потребителям. Создается иллюзия свободы выбора, возникает феномен манипуляции сознанием. Кроме того, формируется новая социальная стратификация, где основа деления – сверхпотребности человека. Отечественный исследователь Ракитных М.Б. отмечает, что *«образцы потребления являются основными определениями социальных тождеств и различий. В одну социальную группу, таким образом, могут попасть индивиды с различными доходами, но с одинаковыми потребительскими практиками, которые в социологии обозначаются термином стиль жизни»* [14]. Этот факт позволяет маркетологам год от года успешно проводить рекламные кампании, играя на социальных стереотипах потребителей.

Само же культурное конструирование основывается на таких чертах психологии людей как стремление к удовольствию, тщеславию, зависти, стремлению достичь совершенства. Также, следует отметить, что демонстрационное поведение в большей степени присуще представителям социальных слоев, имеющих ограниченные ресурсы или же представителям маргинальных групп, стремящихся посредством демонстрации компенсировать свою социальную «неполноценность» или неопределенность социального статуса. Такие люди легче поддаются манипулированию, так как уже уверены в «ущербности» своего социального положения и готовы активно менять свое положение.

О подобной модели поведения писал З. Фрейд в работе «Введение в психоанализ» [16], где определил формы, так называемого, компенсаторного поведения, когда человек, потерпевший фиаско в одной области, добивается успеха в другой (например, знаменитая фрейдовская сублима-

ция). Подобная модель позволяет объяснить демонстративное потребление посредством использования дополнительных ресурсов, выступающих «заместителями» желаемого блага. Соответственно, отсутствие, например, реального социального статуса может быть компенсировано потреблением престижных или псевдопрестижных товаров.

Невозможность получить признание также может быть компенсировано участием в неформальных группах, субкультурных движениях. Так, примером такого направления в молодежной среде может считаться приверженность к культуре гламура (от англ. *glamour*, буквально – шарм, очарование, обаяние) – эстетический феномен, основанный на принципах гедонизма и связанный с культурой массового потребления, модой и шоу-бизнесом. Для мировоззрения гламура характерны акцент на роскошь и внешний блеск [15], то есть, это демонстрация собственного статуса, собственного «Я», представленная в форме своеобразного спектакля.

Стоит отметить, что у индивида, помимо желания считаться членом новой группы, также возникает желание поскорее покинуть свою старую, поскорее выйти из приевшегося социального окружения и влиться в "высший свет". В результате возникает явление маргинальности, потеря социальной идентичности и стремление выразить свою «непричастность» к тем условиям, к тем социальным группам, в рамках которых существовал индивид. Прежде всего, мы говорим о классе наемных работников, ставшего базой для появления среднего класса. Чтобы стать членом новой общности, необходимо было вести определенный образ жизни, носить «правильную одежду», ездить на автомобилях определенных марок и т.п.

В целом, можно констатировать, что причины демонстративного поведения лежат в плоскости следующих факторов:

– первым значимым фактором является культура и модели поведения всего общества, которое автоматически воспроизводит сценарии потребления. В результате появился новый социотип человека, не мыслящий и не видящий другого образа жизни, кроме как потребительского.

– вторым фактором являются психологические обусловленности, стремление выделиться, найти свое «Я» посредством вступления в референтные группы.

– третий фактор – это воздействие рекламы, маркетинга, гламура и т.п. целенаправленно стимулирующих демонстративность как стиль жизни, свойство личности.

Суммируя вышеизложенное можно сделать вывод о том, что:

1. Демонстративное поведение в рамках современного общества вышло за рамки вебленовского понимания, стало присуще представителям любого социального слоя и представляет собой поведенческий феномен, в котором интегриро-

ваны социальные, экономические и психологические компоненты;

2. Мотивами демонстративного поведения выступают следующие факторы:

– *социальная мотивация*, то есть, стремление приобрести статус, власть, положение в обществе, которая обусловлена такими мотивационными факторами, как стремление к лидерству, обладанию ресурсами-демонстраторами, соответствию более успешной социальной группе;

– *психологическая мотивация* – стремление самоутвердиться, продемонстрировать свое «Я», повысить самооценку, выглядеть уникальным, снять стресс, реализовать свои эстетические потребности и т.п.;

– *материальная мотивация*, и, прежде всего – стремление к богатству, отождествление себя с кругом богатых людей;

3. Основным механизмом демонстративного поведения является подражание.

4. В настоящее время демонстративное поведение выполняет важнейшие социальные функции, в том числе, функцию социализации, функцию социальной коммуникации, функцию социального лифта.

5. Демонстративное поведение в современном обществе присуще представителям определенных социальных групп, как правило, с низким и средним экономическим благополучием в совокупности с нереализованным потенциалом и высоким уровнем притязаний [18].

6. Демонстративное поведение выступает своеобразным «двигателем экономики», развития общества в материалистическом его понимании, так как это одно из основных получения прибыли.

Потребление сегодня – это основа экономического развития стран, поэтому постоянная стимуляция спроса – это неизбежное и необходимое явление для поддержания современного социального порядка. Потребности человека не исчерпываются только физиологическими, его потребности социального и духовного уровня безграничны, а потому маркетологи умело играют этим, приписывая товарам повседневности символы – свойства высшего, нематериального порядка, такие как удовлетворение потребности в признании, любви, принадлежности и даже потребности в самореализации. Поэтому в этом контексте справедливо говорить о бесконечном процессе потребления, так как желания человека постоянно увеличиваются, а компании нуждаются во все большем расширении рынков сбыта.

Таким образом, мы отмечаем, что формы современного демонстративного поведения – это закономерное следствие исторического развития западного общества. Это – феномен, который стал повсеместной социальной практикой как, благодаря намеренному вмешательству, так и благодаря автоматическому его воспроизводству

в поколениях. Соответственно, демонстрационное поведение – это то явление, которое служит индикатором духовного здоровья общества, и

Литература:

1. *Becker G.* Human Capital. NY., 1975.
2. *Riesman D.* The Lonely Crowd, Revised edition: A Study of the Changing American Character. Yale University Press; 2nd Edition, 2001.
3. *Vershinina I.* The identity of migrants in a modern megacity: Applied aspects / I. Vershinina, E. Korkiya, A. Mamedov, N. Panich // Research Journal of Applied Sciences, Engineering and Technology. 2015. Vol. 11. № 9. P. 1036–1040.
4. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. М. : Академия, 1999.
5. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. М., 1970.
6. *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма. М., 2002.
7. *Веблен Т.* Теория праздного класса. М., 1984.
8. *Иноземцев В.Л.* Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. URL : <http://lib.guru.ua/ECONOMY/inozemcev.txt> (дата обращения 02.09.12).
9. *Итуэлл Дж.* Экономическая теория / Дж. Итуэлл, М. Милгейт, П. Ньюмен. М. : ИНФРА-М, 2004.
10. *Коркия Э.Д.* Новые контуры социального неравенства: тренды становления / Э.Д. Коркия, А.К. Мамедов // Перспективы науки. 2014. № 2(53). С. 91–99.
11. *Кортунов В.* Философия нищеты // Интеллектуал. 2006. URL : <http://viperson.ru/articles/vadim-kortunov-filosofiya-nischety> (дата обращения 01.05.2016).
12. *Вершинина И.А.* Развивающийся мегаполис: современные адаптационные механизмы (на примере города Москвы) / И.А. Вершинина, Т.В. Кашкабаш, Э.Д. Коркия и др. М. : МАКС Пресс, 2015.
13. *Райс Л.* 22 закона создания брэнда / Л. Райс, Э. Райс. М. : Аст, 2003. С. 56.
14. *Ракитных М.Б.* Социокультурная природа феномена потребления в обществе : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Томск, 2004.
15. *Точилов К.Ю.* Гламур как эстетический феномен: генезис и исторические модификации : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2011.
16. *Фрейд З.* Введение в психоанализ. М., 2005.
17. *Фромм Э.* Бегство от свободы. М., 2010.
18. *Цимерман Ю.А.* Демонстративное потребление в современном обществе (институциональный анализ) : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М.,

изучение его проявлений – это необходимый шаг для построения более гармоничных социальных отношений в будущем.

Literature:

1. *Becker G.* Human Capital. NY., 1975.
2. *Riesman D.* The Lonely Crowd, Revised edition: A Study of the Changing American Character. Yale University Press; 2nd Edition, 2001.
3. *Vershinina I.* The identity of migrants in a modern megacity: Applied aspects / I. Vershinina, E. Korkiya, A. Mamedov, N. Panich // Research Journal of Applied Sciences, Engineering and Technology. 2015. Vol. 11. № 9. P. 1036–1040.
4. *Bell D.* The coming post-industrial society. M. : Academy, 1999.
5. *Baudrillard J.* Consumer Society. M., 1970.
6. *Weber M.* Protestant ethics and the spirit of capitalism. M., 2002.
7. *Veblen T.* Theory of the idle class. M., 1984.
8. *Inozemtsev V.L.* Modern post-industrial society: nature, contradictions, prospects. URL : <http://lib.guru.ua/ECONOMY/inozemcev.txt> (date of application 02.09.12).
9. *Itwell J.* Economic theory / J. Itwell, M. Milgate, P. Newman. M. : INFRA-M, 2004.
10. *Korkiya E.D.* New contours of social inequality: trends of formation / E.D. Korkiya, A.K. Mamedov // Prospects of science. 2014. № 2(53). P. 91–99.
11. *Kortunov V.* The philosophy of poverty // Intellectual. 2006. URL : <http://viperson.ru/articles/vadim-kortunov-filosofiya-nischety> (date of application 01.01.2016).
12. *Vershinina I.A.* The developing metropolis: modern adaptation mechanisms (for example, the city of Moscow) / I.A. Vershinina, T.V. Kashkabash, E.D. Korkiya et al. M. : MAKS Press, 2015.
13. *Rice L. and Rice E.* 22 brand creation law. M. : Ast, 2003. P. 56.
14. *Rakitnykh M.B.* The socio-cultural nature of the phenomenon of consumption in society. Abstract to the dissertation. Tomsk, 2004.
15. *Tochilov K.Yu.* Glamor as an aesthetic phenomenon: genesis and historical modifications : abstract. dis. ... cand. philos. science. M., 2011.
16. *Freud Z.* Introduction to psychoanalysis. M., 2005.
17. *Fromm E.* Escape from freedom. M., 2010.
18. *Zimmerman Yu.A.* Demonstrative consumption in modern society (institutional analysis) : abstract of

2007. C. 4.

dissertation. M., 2007. P. 4.

Махиянова Алина Владимировна

доктор социологических наук,
профессор кафедры менеджмента,
Казанский государственный
энергетический университет
socavm@rambler.ru

Мавлюдов Альберт Асхадович

кандидат философских наук,
доцент кафедры
философии и истории науки,
Казанский национальный
исследовательский
технологический институт,
старший научный сотрудник ЦПЭИ АН РТ
mavlyudov_albert@mail.ru

Морозова Оксана Николаевна

старший преподаватель кафедры
философии и истории науки,
Казанский национальный
исследовательский
технологический институт
Oproc2020@mail.ru

**ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ ЧЕРЕЗ
ПРИЗМУ ПРОЕКТНОГО ПОДХОДА
(НА МАТЕРИАЛАХ ОПРОСА
ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ)**

Аннотация. Проектный подход набирает популярность во многих областях общественной жизни. Он подразумевает, что при наличии проблемы создается комплекс взаимосвязанных работ или мероприятий, направленных на ее решение. В статье представлены материалы социологического опроса, которые раскрывают отношение населения к различным проектам, направленным на сохранение здоровья населения и формирования здорового образа жизни. Показывается понимание населением основ здорового образа жизни, информированность о различных спортивных мероприятиях, демонстрируется эффективность различных источников информированности населения об основах здорового образа жизни.

Ключевые слова: проекты, здоровье, здоровый образ жизни, спортивные мероприятия, источники информированности.

Проектный подход набирает популярность во многих областях общественной жизни. Он подразумевает, что при наличии проблемы создается комплекс взаимосвязанных работ или мероприятий, направленных на ее решение. При этом само решение связывается с временными

Alina V. Makhiyanova

Doctor of Social Sciences,
Associate Professor of Management,
Kazan State Power Engineering University
socavm@rambler.ru

Albert A. Mavlyudov

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Department
Philosophy and History of Science,
Kazan National Research
Institute of Technology,
Senior research associate of CPEI AN RT
mavlyudov_albert@mail.ru

Oksana N. Morozova

Senior lecturer of the Department
Philosophy and History of Science,
Kazan National Research
Institute of Technology
Oproc2020@mail.ru

**PUBLIC HEALTH THROUGH THE PRISM
OF THE PROJECT APPROACH
(BASED ON THE MATERIALS
OF THE PUBLIC OPINION POLL)**

Annotation. The project approach is gaining popularity in many areas of public life. It implies that if there is a problem, a set of interconnected works or measures aimed at solving it is created. The article presents the materials of a sociological survey that reveal the attitude of the population to various projects aimed at preserving the health of the population and forming a healthy lifestyle. It shows the population's understanding of the basics of a healthy lifestyle, awareness of various sports events, and demonstrates the effectiveness of various sources of public awareness of the basics of a healthy lifestyle.

Keywords: projects, health, healthy lifestyle, sports events, sources of awareness.

рамками и действиями, направленными на изменение отдельной системы в условиях ограниченных ресурсов.

Относительно здоровья населения в нашей стране действия государства можно соотнести

именно с проектной деятельностью, которые достаточно разноплановы:

– субсидирование субъектов РФ на реализацию мероприятий по формированию приверженности здоровому образу жизни с привлечением социально ориентированных некоммерческих организаций [1];

– усиление контроля за оборотом никотиносодержащей продукции [2];

– проведение всероссийских форумов и т.д. [3].

В статье предлагается анализ проблемы здоровья с позиции объекта проектной деятельности государства в этом направлении, а именно, населения: Как население информировано о различных мероприятиях и какова степень его участия в этих видах деятельности? Материал статьи основан на результатах социологического исследования, проведенного в 2019 г. В опросе приняли участие 1200 респондентов, проживающих в г. Казани. Исследование было проведено методом формализованного интервью.

Согласно полученным данным, в основу здорового образа жизни население включает три основных составляющих: полный отказ от курения

табака и злоупотребления алкогольными напитками, а также, физически активную жизнь с учетом возрастных и физиологических особенностей организма (75,1; 69,1 и 64,6 % соответственно). Следующая по значимости группа факторов включает сбалансированное питание (употребление разнообразной пищи, наличие необходимых витаминов и минералов и пр.) и соблюдение правил личной гигиены (43,4 и 39,4 %).

По мнению населения, такие составляющие, как контроль количества потребляемой пищи и регулярное прохождение профилактических медосмотров, не столь значимы, хотя и входят в понятие здорового образа жизни, сложившееся у определенной доли населения (33,1 и 25,6 %). В свою очередь, такой показатель психологического здоровья как умение справляться с собственными эмоциями, имеет еще меньший приоритет (16,9 %).

Женщины чаще мужчин вкладывали в данное понятие отказ от употребления алкогольных напитков, в то время, как респонденты более младшего возраста и с меньшими доходами чаще становились сторонниками полного отказа от курения. Значимость регулярности прохождения медицинских осмотров возрастает с увеличением возраста и дохода респондента (рис. 1).

Рисунок 1 – Ответы на вопрос: «Как Вы считаете, что включает в себя понятие «Здоровый образ жизни?»»

Достаточно большое количество казанцев слышало о таких зимних мероприятиях, как «Лыжня России» и «Лыжня Татарстана» (65,3 и 59,2 %). Если не были информированы о них 15,8 и 26 % населения, то непосредственное участие в них принимали 18,1 и 13,1 % опрошенных, соответственно. Затруднились с ответом 0,8 и 1,7 % респондентов. Наиболее активное участие в них принимали мужчины и респонденты до 30 лет (рис. 2).

Картина общей характеристики информированности населения о различных мероприятиях и программах о здоровом образе жизни следующая. Горожане наименее информированы о номере горячей линии 8-800-200-0-200. Про нее не слышал каждый второй респондент (50 %). Не информированы об интернет-портале о здоровом образе жизни www.Takzdorovo.ru 37,8 % казанцев.

Телевизионные ролики о вреде курения и о поддержке нанесения графических изображений на

пачки сигарет не смогла вспомнить треть опрошенных (36,7 и 32,4 %). Рекламные ролики на радио о вреде курения и алкоголя не слышали 19,4 и 19,3 % респондентов. Опрошенные продемонстрировали наибольшую информированность об акции «31 мая – День отказа от курения», об интернет-баннерах о здоровом питании, вреде алкоголя и курения в интернете, так как не видели их только 16,2; 15,6; 14,5; % опрошенных, соответственно.

Меньшую степень информированности жители проявили о горячей телефонной линии 8-800-200-0-200. Более половины казанцев слышали о ней впервые (56,7 %). При этом чем старше респондент, тем менее он информирован в данном вопросе. Каждый четвертый опрошенный что-то видел или слышал о ней, но лично не звонил (26 %). Доля тех, кто звонил на данную линию, не превысила значения ошибки выборки (3,8 %). Затруднились с ответом 13,5 % опрошенных.

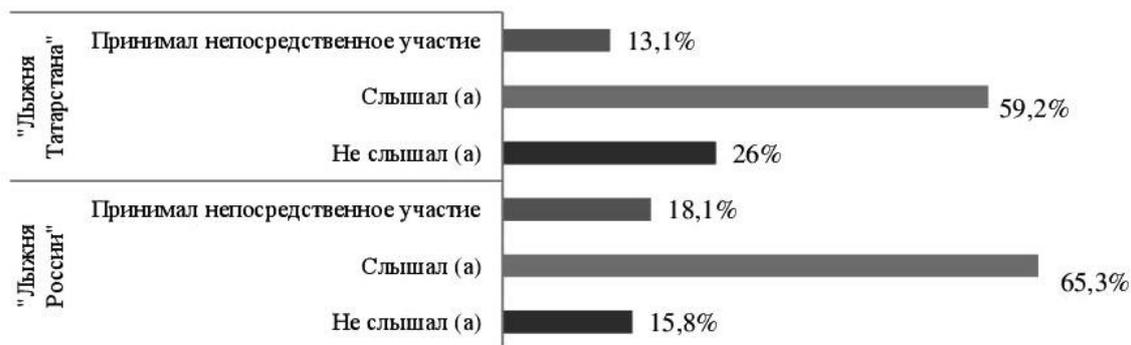

Рисунок 2 – Информированность населения о зимних спортивных мероприятиях

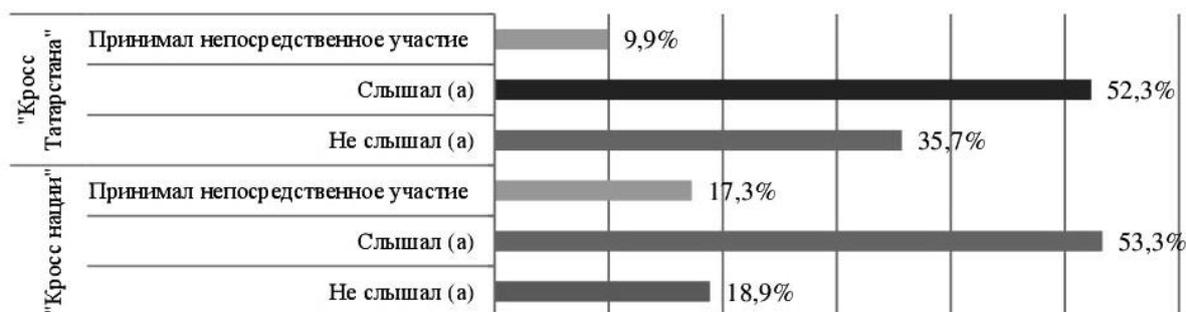

Рисунок 3 – Информированность населения о летних спортивных мероприятиях

Примерно аналогичная ситуация сложилась в отношении портала www.Takzdorovo.ru. Ничего не слышали о нем 48,7 % опрошенных. Что-то видели или слышали о нем, но лично не посещали 29,4 % казанцев. Только 8,8 % посещали его, тогда как затруднились ответить 13,1 % респондентов.

Женщины чаще мужчин посещают данный портал, и, соответственно, среди них больше процент тех, кто слышал о нем. Количество посещающих также больше в возрастной группе от 18 до 30 лет, тогда как в группах от 14 до 18 лет и с доходом до 10 тыс. руб. больше процент тех, кто слышит о нем впервые.

Телевидение выступает основным источником информированности об основах здорового образа жизни (63,5 %). В следующую по значимости группу вошли газеты, журналы и прочие печатные издания и Интернет (форумы, блоги, сайты социальных сетей) (48,3 и 46,4 %). Для каждого четвертого важны консультации с врачом и разговоры с близким окружением (26,2 и 26,8 %). Схожие показатели присутствуют в отношении такого источника, как радио (24,6 %). Каждый пятый обращает внимание на рекламу на улице и в медицинских учреждениях (22,8 и 19 %). Менее востребованы такие источники, как интернет-портал www.Takzdorovo.ru и номер горячей линии 8-800-200-0-200 (12,5 и 4,2 %) (рис. 4).

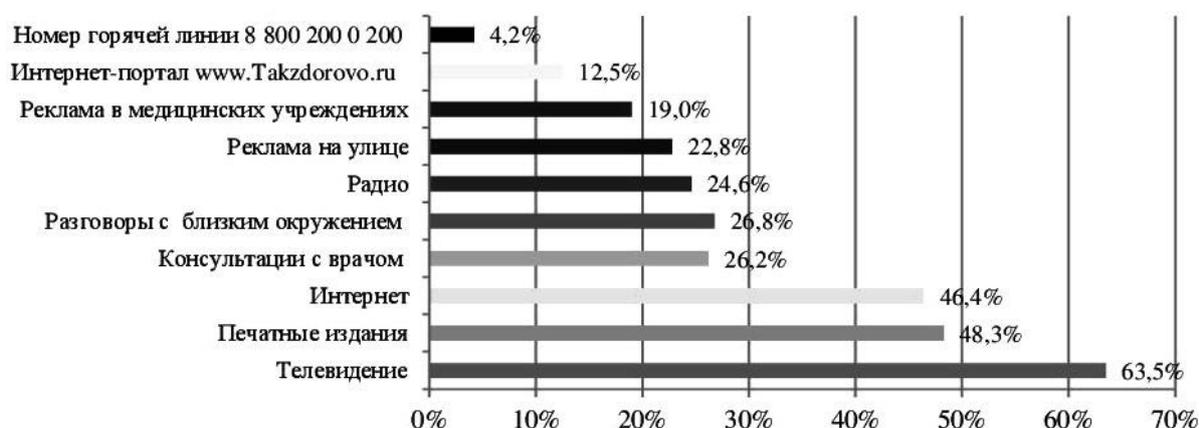

Рисунок 4 – Источники информированности населения об основах здорового образа жизни

Если мужчины чаще слушают радио, то женщины

и респонденты младших возрастных групп отли-

чаются более частым посещением интернет-форумов. С повышением дохода увеличивается частота использования такого источника, как печатные издания, а с его уменьшением – Интернета. Значение разговоров с родственниками, друзьями и знакомыми значительно снижается в возрастной группе от 14 до 18 лет.

Население, в целом, достаточно полно информировано о проводящихся спортивных мероприятиях, однако, их региональный уровень освящен несколько хуже. Стоит также активизировать участие населения в данных мероприятиях, особенно лиц старшего возраста. Необходимо отметить, что достаточно высок процент тех, кто указал на наличие других мероприятий.

В ходе реализации проектов, направленных на укрепление здоровья населения и формирования

здорового образа жизни, необходимо использовать интернет в качестве основного источника информации для пропаганды. Размещенная в нем информация, особенно в виде баннеров, наиболее полно запоминается и положительно оценивается населением в целом. Телевидение также является ведущим источником информации, однако транслируемые ролики, передачи воспринимаются по-разному. Отдельные передачи, документальные фильмы оцениваются ниже и хуже фиксируются в памяти, по сравнению с разнообразными рекламными роликами о вреде курения, алкоголя и неправильного питания. Невысокую популярность имеют консультации с врачом, с близким окружением, а также, передачи по радио и реклама на улицах. Информированность населения о портале www.Takzdorovo.ru и о горячей телефонной линии 8-800-200-0-200 находится на достаточно низком уровне, что свидетельствует об острой необходимости в ее оптимизации.

Литература:

1. Здоровый образ жизни. URL : <http://government.ru/rugovclassifier/522/events/> (дата обращения 01.03.2020).
2. Распоряжение Правительства РФ от 3 апреля 2020 года № 873. URL : <http://government.ru/docs/39378/> (дата обращения 01.03.2020).
3. Всероссийский форум «Здоровье нации – основа процветания России», (29–31 мая 2019 г.). URL : <http://cmrvsm.ru/vserossijskij-forum-zdorove-natsii-osnova-protsvetaniya-rossii-29-31-maya-2019-goda/> (дата обращения 01.03.2020).

Literature:

1. Healthy lifestyle. URL : <http://government.ru/rugovclassifier/522/events/> (date of application 01.03.2020).
2. Order of the Government of the Russian Federation of April 3, 2020 № 873. URL : <http://government.ru/docs/39378/> (date of application 01.03.2020).
3. All-Russian Forum «Health of the Nation is the Basis for the Prosperity of Russia», (May 2–31, 2019). URL : <http://cmrvsm.ru/vserossijskij-forum-zdorove-natsii-osnova-protsvetaniya-rossii-29-31-maya-2019-goda/> (date of application 01.03.2020).

Мельникова Наталия Евгеньевна
кандидат философских наук,
доцент кафедры
социологии и гуманитарных наук,
Государственный университет «Дубна»
melnikovane@mail.ru

Александрова Алена Андреевна
студентка 4 курса кафедры
социологии и гуманитарных наук,
Государственный университет «Дубна»
alealena20@gmail.com

ЧТЕНИЕ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ: ТЕМПЫ, ОБЪЕМЫ, ПРЕДПОЧТЕНИЯ

Аннотация. В статье авторами рассматриваются вопросы, связанные с характеристикой чтения в студенческой среде, его особенностями в свете современных информационных технологий. По материалам прикладного социологического исследования определено соотношение между электронным и классическим книжным вариантом носителя информации, представлены темпы и объемы чтения, выявлены читательские предпочтения студентов университета.

Ключевые слова: чтение, информационные технологии, студенческая молодежь, читательские предпочтения, темпы, объемы чтения.

Рассматривая особенности общества XX в., О. Тоффлер объявил о появлении «нового человеческого вида», порожденного массовым художественным потреблением. Сегодня чтение характеризуется как сложный человеческий акт лингвистического, физиологического, психологического и социального характера [17]. Французский историк и социальный философ Мишель де Серто отмечает, что «чтение – это лишь один, но наиболее фундаментальный аспект потребления» [12, с. 282]. Главное при этом, не поддаваться иллюзии того, что книга меняет человека, напротив, это читатель адаптирует произведение к своему миру и в этом смысле «не следует держать людей за идиотов». Автор характеризует практики потребления продукции массмедиа «заянтием баранов» [12, с. 281].

С появлением виртуального информационного пространства возникает иная культура, характеризующаяся фрагментарностью восприятия, визуальностью, постоянно растущими объемами информации. Еще М. Маклюэн, рассматривая книгопечатание как инструмент изменения передачи информации, видел будущее за книжным миром, снимающим с архитектуры функцию сохранения

Nataliia E. Melnikova
Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Department
Sociology and Humanities,
Dubna State University
melnikovane@mail.ru

Alyona A. Alexandrova
Student of the 4th year of the Department
Sociology and Humanities,
Dubna State University
alealena20@gmail.com

READING IN THE STUDENT ENVIRONMENT: PACE, VOLUME, PREFERENCES

Annotation. The article deals with the issues related to the characteristics of reading in the student environment, its features in the light of modern information technologies. Based on the materials of applied sociological research, the ratio between electronic and classical book versions of the media is determined, the pace and volume of reading are presented, and the reading preferences of University students are revealed.

Keywords: reading, information technology, student youth, reading preferences, pace, volume of reading.

и передачи информации, распространяющей возможности элиты на все общество. Сегодня речь идет уже о трансформации книжной культуры. С одной стороны, исследователи отмечают снижение интереса к чтению, обращают внимание на то, что из сферы круга читательских предпочтений стали уходить большие литературные формы, с другой, количество книжных ярмарок, представляющих новинки литературы, и значительное число их посетителей говорит об обратном.

В молодежной среде значительное внимание уделяется современной художественной литературе, что, возможно, является одним из следствий успешных экранизаций произведений. Одной из наиболее популярных тенденций чтения стали книги по саморазвитию, о пути к успеху. Иногда все сводится к банальному чтению новостной ленты в социальной сети или блоге.

Результаты социологических исследований [1, с. 137–140], проведенных среди студентов московских вузов, характеризуют потребности в чтении как развивающие, но с определенными ого-

ворками: отсутствие в числе книжных предпочтений общественно-политической литературы и утрата вкуса к «медленному чтению». Чтение как удовольствие, как эмпатия уступает место чтению как сбору информации. Переосмысление феномена чтения объясняется необходимостью умения читать на достаточно высоком смысловом уровне в связи с постоянно увеличивающимися информационными потоками и усложняющимся поиском полезной и достоверной информации [3]. Об этом свидетельствуют результаты социологических исследований последних 15 лет [6; 9; 14].

Исследование читательской заинтересованности студентов третьего курса НИУ ВШЭ в 2013 г. [4] показало, что менее четверти студентов читают книги на бумажных носителях, большинство сочетает с чтением на электронных носителях; электронное чтение ценится за легкость и компактность, за меньший вред окружающей среде, за частую бесплатность предоставляемой информации. А среди минусов электронного чтения выделяется ухудшение зрения, ограничение зарядки на дивайсе, потеря эмоционального контакта с текстом (чего не происходит в чтении на бумажном носителе).

В 2014 году исследование отношения сельской молодежи к чтению, проведенное в Большетроицкой сельской библиотеке Шебекинского района [8], показало, что большинство респондентов (34 %) относятся к чтению как к способу получения информации; среди привлекающих жанров, большинство выделяют приключения (22 %) и фантастику (20 %), а подавляющее большинство респондентов предпочитает читать русских классиков (70 %). Среди упомянутых авторов учащиеся называли произведения классической литературы, не изучаемые в школе. А исследование читательских предпочтений молодежи г. Череповца [2] показало снижение интереса к чтению классической литературы и увеличение доли массовой литературы, особенно фэнтези, фантастики, детективов.

На площадке государственного университета «Дубна» были изучены читательские предпочтения студентов, основные черты и мотивы чтения современной учащейся молодежи. В качестве метода сбора информации применен опрос в форме электронного анкетирования с помощью Google – формы. В этом случае нет возможности проконтролировать/обеспечить репрезентативность выборки, но, тем не менее, можно понять общие тенденции активной части студенчества (тех, кто согласился пройти анкетирование таким образом). Среди респондентов, принявших участие в опросе, 48 % составили студенты 4 курсов.

Результаты показали, что чтение является значимым, популярным видом деятельности среди студентов (92 % опрошенных определили чтение книг как форму досуга, из них 32 % читают с частотой 1–3 раза в неделю, а 23 % – ежедневно). Основной причиной чтения студенты называют личный или познавательный интерес (32 %). Самая редко указываемая причина для прочтения

книг – скука. Объем произведений в основном никак не влияет на читающих, если книга смогла их заинтересовать или молодые люди знают, что книга в любом случае будет им полезна.

Студенты покупают книги от раза в месяц до нескольких раз в год, что кажется достаточно частым, учитывая обилие книг, размещенных в электронных ресурсах. Примечательно, что студенты предпочитают читать на электронных носителях примерно раз в месяц, при том, что, в общем, к чтению обращаются несколько раз в неделю. Можно предположить, что чтение на электронных носителях обуславливается необходимостью или невозможностью взять в руки бумажную книгу. Среди тех, кто, так или иначе, обращается к электронным носителям, 77 % использует для этого чаще всего мобильный телефон. По мнению студентов, гаджет удобен в использовании, потому что всегда с собой и в нем можно хранить практически неограниченное количество произведений. Респонденты отмечают, что читать с телефона удобно. При этом существует разница между тем, что студенты читают на телефоне, а к каким видам или жанрам книг обращаются только на бумажных носителях. Так, на мобильных устройствах большинство (21 %) читают книги по саморазвитию, чуть меньше доля тех (16 %), кто использует устройство для чтения учебной литературы. Анализ предпочтений студентов в выборе носителя показал, что больше половины отдали свой выбор художественной литературе, читать которую предпочитают на бумажных носителях. Полученные данные сходны с результатами исследований, проведенных в России [5; 7], в которых также отмечается, что при чтении на электронных носителях теряется эмоциональный контакт, что так необходимо при чтении художественной литературы, особенно классики.

На передний план в чтении книг выходит прагматизм. Более половины опрошенных (54 %) не будут читать книгу, если она не несет в себе никакой практической пользы.

Доступность произведения выступает значимым фактором. Так студент предпочтет ознакомиться с произведением в случае, если оно находится у него дома или в свободном доступе в интернете. Реже всего (13 %), респонденты взяли бы за книгу, если бы пришлось идти в библиотеку. Несмотря на смещение внимания только лишь на полезное в книгах, респонденты предпочли бы прочитать произведение полностью, а не фрагментарно, даже в случае большого объема книги, чем искать в ней что-то наиболее полезное. Таким образом, установка на фрагментарное чтение в молодежной среде не подтверждается полученными данными. Более того, исследование показало, что студенты с высокой долей вероятности прочтут текст заново, если вдруг не поняли его значения с первого раза, что говорит об их вдумчивости и заинтересованности в работе с источником.

Можно наблюдать смещение фокуса читательских предпочтений студентов, а именно – не только что читать, но и на каком носителе это де-

лать, что свидетельствует об удобстве электронных носителей и более серьезном отношении к традиционному способу чтения.

Исследование показало зависимость частоты чтения от наличия свободного времени (58 % тех, кто читает 1–3 раза в неделю или чаще), от шаговой доступности источника (только то, что можно найти дома или на просторах интернета, в крайнем случае – купить). Вероятно, это позволяет говорить об утрате популярности библиотек, рассматриваемых в качестве ресурса или места для чтения. Впрочем, библиотеки довольно оперативно реагируют на это, трансформируясь в пространство коворкингов.

Исследование чтения в студенческой среде, проведенное на площадке университета «Дубна», показало наличие сходных тенденций чтения в молодежной среде, например, в особенностях читательских предпочтений: заинтересованность в фантастике и приключенческих жанрах. Согласно полученным данным, читать художественную литературу студенты предпочитают на бумажных носителях, чтобы не терять эмоциональную

связь. Распространённое мнение о фрагментарности чтения молодежи не нашло подтверждения в настоящем исследовании. Студенты государственного университета «Дубна» не станут обращать внимание на объем книги, в содержании которой находится нужная им информация. Более того, они скорее прочитают все произведение, а не конкретный фрагмент. Возможно, причиной этому служит понимание причинно-следственных, смысловых связей, которые содержатся в произведении целиком, а не конкретном месте книги. Среди популярного чтения в студенческой среде лидирует литература по саморазвитию, что не характерно для общероссийской тенденции.

Любопытно, что многие из полученных данных попадают в тренды результатов социологических исследований чтения в студенческой среде, несмотря на довольно значительные временные интервалы. Вероятно, это объясняется особенностями среды, формирующей интеллектуальный потенциал учащейся молодежи. Чтение при этом остается безусловной составляющей формирования как интеллектуального, так и общего культурного капитала.

Литература:

1. Андреев А.А. Российский студент в пространстве культуры. М., 2004. № 3. С. 131–145.
2. Белов В.А. Современные читательские предпочтения подростков и юношества / В.А. Белов, В.В. Громова // Библиосфера. 2014. № 1. С. 31–37.
3. Бершадская М.Д. Функциональная грамотность школьников и проблемы высшей школы // Отечественные записки. 2012. № 4(49). С. 122–130.
4. Бочарникова И.С. Досуговые предпочтения современной российской молодежи: сравнительный социологический анализ // Теория и практика общественного развития. 2018. № 1. С. 18–21.
5. Борусяк Л.Ф. Чтение «живое» и чтение «мертвое», или Неизбежность вырубки «Вишневого сада» // Библиотечное дело. 2014. № 2. С. 37–41.
6. Бутенко И.А. Читатели и чтение на исходе XX века: социологические аспекты. М. : Наука, 1997. 140 с.
7. Гиенко О. Любите ли вы литературу? // Библиотека. 2014. № 5. С. 54–57.
8. Галактионова Т.Г. Успешное чтение: Перспектива развития // Материалы III Всероссийской научно-практической конференции «Современный читатель и библиотека: выбор коммуникативных практик». Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества. 2014. С. 87–95.
9. Дубин Б.В. Слово – письмо – литература: Очерки по социологии современной культуры. М. : Новое литературное обозрение, 2001. 416 с.
10. Калугина Т.А. Информатизация в сфере чтения: взгляд молодежи (на примере молодых людей г. Саратова) // Вестник СГТУ. 2014. № 1(76).

Literature:

1. Andreev A.A. Russian student in cultural environment. M., 2004. № 3. P. 131–145
2. Belov V.A. Modern reading preferences of teenagers and youth / V.A. Belov, V.V. Gromova // Bibliosfera. 2014. № 1. P. 31–37.
3. Bershadskaya M.D. Functional literacy of students and problems of higher school // Fatherland notes. 2012. № 4(49). P. 122–130.
4. Bocharnikova I.S. Leisure preferences of modern Russian youth: comparative sociological analysis // Theory and practice of social development. 2018. № 1. P. 18–21
5. Borusyak L.F. «Dead» and «alive» reading, or the inevitability of logging of «The Cherry Orchard» // Bibliotechnoe delo. 2014. № 2. P. 37–41.
6. Butenko I.A. Readers and reading on the frontier of 20th century: sociological aspects. M. : Nauka, 1997. 140 p.
7. Gienko O. Do you like literature? // Biblioteka. 2014. № 5. P. 54–57.
8. Galaktionova T.G. Successful Reading: A Development Perspective // Materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference «Modern Reader and Library: a Choice of Communicative Practices». Interregional Center for Library Cooperation. 2014. P. 87–95.
9. Dubin B.V. Word – writing – literature: Notes on sociology of modern culture. M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2001. 416 p.
10. Kalugina T.A. Information in reading sphere: youth view (exemplified with youths of Saratov) //

C. 171–174.

11. *Набиева Е.А.* Чтение в эпоху информационных технологий // Человек в мире культуры. 2014. № 1. С. 38–41.

12. *Мишель де Серто.* Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / Мишель де Серто; Пер. с франц. Д. Калугина, Н. Мовниной. СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 330 с.

13. *Тимофеева Ю.В.* Проблема культуры чтения в современном мире // Культура и образование. 2014. № 7. URL : <http://vestnik-rzi.ru/2014/07/2222> (дата обращения 15.04.2020).

14. *Фохт-Бабушкин Ю.У.* Искусство в жизни людей. (Конкретно-социологические исследования искусства в России второй половины XX века. История и методология). СПб. : Алетейя, 2001. 556 с.

15. *Чудинова В.П.* Функциональная неграмотность – проблема развитых стран // Социологические исследования. 2014. № 3. С. 98–102.

16. *Stam R.* Literature and Film: A Guide to the Theory and Practice of Adaptation / R. Stam, R. Raengo. Oxford : Blackwell, 2005. 376 p.

17. *Smith F.* Understanding reading: A psycholinguistic analysis of reading and learning to read. New-York : Routledge, 2012. 16 p.

Vestnik SGTU. 2014. № 1(76). P. 171–174.

11. *Nabieva E.A.* Reading in the epoch of information technology // Man in the world of culture. 2014. № 1. P. 38–41.

12. *Michel de Serto.* The invention of everyday art. 1. Art to do/Michel de Serto; Lane with franz. D. Kalugina, N. Movnina. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg., 2013. 330 p.

13. *Timofeeva Yu.V.* The problem of reading culture in the modern world // Culture and education. 2014. № 7. URL : <http://vestnik-rzi.ru/2014/07/2222> (circulation date 15.04.2020).

14. *Foht-Babushkin YU.U.* Art in the life of people. (Actual sociological investigations of art in Russia in the second half of 20th century). SPb. : Aleteya, 2001. 556 p.

15. *Chudinova V.P.* Functional illiteracy is the problem of developed countries // Sociological research. 2014. № 3. P. 98–102.

16. *Stam R.* Literature and Film: A Guide to the Theory and Practice of Adaptation / R. Stam, R. Raengo. Oxford : Blackwell, 2005. 376 p.

17. *Smith F.* Understanding reading: A psycholinguistic analysis of reading and learning to read. New-York : Routledge, 2012. 16 p.

Мельникова Наталия Евгеньевна
кандидат философских наук,
доцент кафедры
социологии и гуманитарных наук,
Государственный университет «Дубна»
melnikovane@yandex.ru

Дмитренко Михаил Сергеевич
магистрант кафедры
социологии и гуманитарных наук,
Государственный университет «Дубна»
dms32rus@yandex.ru

КИНОТРЕЙЛЕР В ФОКУСЕ ВИЗУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. Сегодня существует множество способов донесения определённых посылов до населения: от телевизионных новостей и постов в Интернете до более мягких и завуалированных как, например, кино. Однако отечественные фильмы не смотрят (они не находят своей аудитории), о чем свидетельствуют провальные рейтинги, низкие кассовые сборы. В статье рассматривается опыт отечественных и зарубежных социологических исследований рекламы кино и трейлеров. Представлены инструмент и результаты социологического исследования трейлеров отечественных фильмов как инструментов рекламы кино.

Ключевые слова: трейлер, кинотрейлер, воздействие на зрителей, приемы создания, оптимизирующая стратегия, контент-анализ трейлера.

Сегодня существует множество способов донесения определённых посылов до населения: от телевизионных новостей и постов в Интернете до более мягких и завуалированных как, например, кино. Однако отечественные фильмы не смотрят (они не находят своей аудитории), о чем свидетельствуют провальные рейтинги, низкие кассовые сборы. Учитывая мощный эффект кино в социализации молодежи, с одной стороны, и выделение колоссальных средств на поддержку отечественного кинематографа из государственного бюджета, с другой стороны, требуется решение проблемы не востребованности фильмов. В качестве одной из причин можно назвать несоответствие трейлеров запросам целевой аудитории вообще и молодежи, в частности. Вероятно, необходимо внести изменения в рекламные кампании будущих фильмов, а именно в рекламные ролики фильмов – трейлеры, путём использования в них иной структуры, смещения акцентирования на другие темы, а также, задействовав в них оптимизирующую стратегию.

Nataliia E. Melnikova
Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Department
Sociology and Humanities,
Dubna State University
melnikovane@yandex.ru

Mikhail S. Dmitrenko
Undergraduate of the Department
of Sociology and Humanities,
Dubna State University
dms32rus@yandex.ru

MOVIE TRAILER IN FOCUS OF VISUAL CULTURE

Annotation. Today, there are many ways to communicate certain messages to the population: from television news and posts on the Internet to softer and more veiled, such as movies. However, domestic films do not watch (they do not find their audience), as evidenced by the failed ratings, low box office. The article discusses the experience of domestic and foreign sociological studies of movie advertising and trailers. The tool and the results of a sociological study of trailers of domestic films as tools for advertising films are presented.

Keywords: trailer, movie trailer, impact on viewers, creation techniques, optimizing strategy, trailer content analysis.

Появившись в начале XX века, сегодня трейлер воспринимается как привычная часть медиапространства. Трейлер – это короткий, зрелищный и эффектный рекламный видеоролик, которым может сопровождаться практически любое событие или мероприятие в жизни общества [1, с. 78]. Но истинным предназначением трейлера сегодня является реклама фильма. Кинотрейлер современный, в отличие от трейлера начала XX века, приобрёл множество дополнительных особенностей и характеристик, например, приёмы монтажа, саундтреки, оптимизирующая стратегия и т.д., анализируя которые можно охарактеризовать потенциал видеоролика, а, возможно, и потенциал фильма.

Трейлеры как объекты социологических исследований, изучались как в России, так и за рубежом. Отечественные исследования трейлеров фильмов и рекламы кино отличаются, прежде всего, своим методологическим подходом: исследователи используют контент-анализ кинотрейлеров - количественно-качественный метод анализа и

сбора информации. Отечественные исследования несут междисциплинарный характер, проводятся на стыке с психологией, но в основном они узконаправлены в поле общей социологии и социологии рекламы, в отличие от разносторонних и разноплановых зарубежных изысканий.

Например, социологическое исследование характера взаимодействия рекламы кино и общественных установок проводилось в Екатеринбурге (2009 г.). Использовались два метода: опрос населения города (N = 652) и контент-анализ трейлеров фильмов (65 трейлеров и 18 ТВ-роликов) [2, с. 47]. В результате был сделан вывод о достаточно строгой стандартизации характеристик и однотипности приёмов, используемых для создания рекламы кино. В ТВ-роликах отсутствует необходимое акцентирование на актёрах и режиссёре кинокартины, что может в дальнейшем в некоторой степени сказаться на её кассовых сборах. Различные специфические особенности рекламных роликов позволяют говорить об учёте жанрового разнообразия в кино [2, с. 49].

Дьяченко И.В., проводя социокультурный анализ рекламы кино в 2009 г., выявляет социальные и культурные установки в трейлерах фильмов при помощи метода количественно-качественного контент-анализа. При анализе 45 трейлеров, вышедших и показанных в интернете и кинотеатрах в период с 1 по 22 апреля 2009 года [3, с. 92] автору удалось выявить, что основная масса рекламируемых фильмов – это кино из США, у которого имеются свои идеолого-политические интересы. Тематика кинокартин носила приключенческий характер, а основной ценностью выступает сохранение жизни, что подтверждается обилием сцен и эпизодов с испытаниями главного героя и перестрелок. В трейлерах отмечено преобладание клипового монтажа [3, с. 97].

В исследовании О.А. Полюшкевич (2011 г.) проведен анализ идеологической пропаганды в фильмах Н.С. Михалкова при помощи метода контент-анализа. Автор делает утверждение, что «идеологическая пропаганда в фильмах тем сильнее, чем более знаменит и известен режиссёр их создающий» [4, с. 132]. В исследовании выделяется несколько стратегий, которые использовал Н.С. Михалков для донесения определённого посыла, или, как это называет сам исследователь, «методика режиссуры Михалкова» [4, с. 138]:

1. Формирование атмосферы психологического напряжения (изображения разрухи и смерти, ассоциации).
2. Трансформация трагедии в национальную гордость, но трагедия – апокалипсис (героизация, романтизация, апофеоз).
3. Думы о судьбе России (мониторинг – создание серии фильмов, ссылки на документы или интервью с очевидцами).
4. Панацея для спасения человека и общества (патриотизм, религиозность).

В отечественных исследованиях встречается междисциплинарный подход, адаптирующий

практику оптимизирующей стратегии, заимствованную в лингвистических исследованиях. Н.А. Сабурова, К.А. Плотникова [5] проанализировали способы реализации оптимизирующей стратегии в англоязычном трейлере. Оптимизирующая стратегия – это совокупность лингвистических приёмов, направленных на усиление рекламного воздействия [5, с. 381].

Спектр выделенных лингвистических конструкций:

- Идиома: «All roads lead to this» («All roads lead to Rome») – Форсаж 6, 2013;
- Омонимия: «Fear can hold your prisoner. Hope can set you free» – Побег из Шоушенка, 1994;
- Рифма и ритм: «The story of anybody who saved everybody» – Лего Фильм: Бэтмен, 2017 или «Beyond the darkness, lies greatness» – Стартрек. Возмездие, 2013;
- Неологизм: «Gentlecars» (то же, что и «gentlemen», но т.к. герои мультфильма машины «-men» сменилось на «-cars») – Тачки 3, 2017;
- Прецедентные имена, они же довольно часто и клише (это, как правило, название кинокомпании, снявшей ту или иную картину): «From the creators of...» или «Universal Pictures presents...», а также это может быть имя известного актёра или цитата;
- Синтаксический параллелизм: «Beyond darkness... beyond desolation... lies the greatest danger fall» – Хоббит. Пустошь Смауга, 2013.

Таким образом, авторы отмечают несколько приёмов реализации оптимизирующей стратегии: идиомы, клише, прецедентные феномены, омонимия, неологизмы, ритм, рифма и синтаксический параллелизм. В итоге, оптимизирующая стратегия помогает сблизиться создателю фильма со зрителем и усилить рекламное воздействие на последнего [5, с. 383].

Зарубежные исследования рекламы кино и трейлеров, в отличие от отечественных, более разносторонние, разноплановые. Им присущ междисциплинарный характер, поскольку проводятся на стыке медицины и социологии, программирования, математики, психологии.

Исследование мозговых реакций на демонстрируемые кинотрейлеры («Brain Responses to Movie Trailers Predict Individual Preferences for Movies and Their Population-Wide Commercial Success») [6] было проведено в 2015 г. в США при помощи снятия показателей с медицинских приборов, прикрепленных к респондентам. Авторы работали на стыке медицины, неврологии и социологии рекламы [6, с. 486]. М. Боксем и А. Смидтс (M.A.S. Boksem, A. Smidts) указывают, что ЭКГ-анализ (бета- и гамма-колебания) может показывать уникальную информацию о предпочтениях, как отдельных индивидов, так и масс людей. По мнению авторов, это может использоваться в качестве нейронного маркера для достижения

коммерческого успеха. Исследование подчеркнуло связь ЭКГ с маркетинговыми стимулами. По мнению авторов, такие нейронные методы анализа значительно лучше помогают в прогнозировании поведения выбора в отличие от традиционных приемов. Кроме того, отмечается относительно низкая себестоимость такого метода при высокой точности, что в маркетинговых стратегиях особенно важно с точки зрения экономической эффективности [6, с. 486–487].

Я. Дельджу, М. Константин, Б. Ионеску, М. Шедл и П. Кремонси (Deldjoo Y., Constantin M.G., Ionescu B., Schedl M., Cremonesi P.) в 2018 году в США методом контент-анализа провели исследование методики MMTF-14K, многопрофильного набора особенностей кинотрейлеров, используемых для рекомендаций и поиска («MMTF-14K: A Multifaceted Movie Trailer Feature Dataset for Recommendation and Retrieval») [7]. MMTF-14K можно охарактеризовать как базу данных кинотрейлеров, предназначенную для их оценки, прогнозирования популярности, жанровой классификации и сортировке по тэгам (ключевым словам) [7, с. 6]. На момент публикации статьи (июнь 2018 г.) база содержала 13.623 трейлера, оценённые 138.492 пользователями, генерирующие в общей сложности почти 12,5 миллионов оценок [7].

Т. Хиксон (Т.К. Hixson) в исследовании «Миссия выполнима: нацеливание трейлеров на киноаудиторию» («Mission possible: Targeting trailers to movie audiences»), проведенном в 2005 г. в США, выявляет значимость фактора развлекательности трейлера для вероятности посещения соответствующего фильма [8, с. 221]. По мнению автора, предпочтения и зрительская сегментация как факторы анализа трейлеров могут быть полезны при таргетинге кинозрителей. Публику можно разделить на определённые сегменты для воздействия, чтобы рекламодатели могли нацелить трейлеры на выделенные сегменты, т.е. целевую аудиторию. Следовательно, можно предсказать вероятность посещения фильма, а также его кассовый успех и настроение, с которым его примет киноаудитория [8, с. 221].

Е. Ортиц, А. Райт и М. Ша (E.G. Ortiz, A. Wright, M. Shah) в 2013 году в США исследовали особенности распознавания лиц в кинотрейлерах по последовательности разрозненных представлений, основанных на классификации («Face Recognition in Movie Trailers via Mean Sequence Sparse Representation-based Classification») [9]. Главной задачей было выявление механизма распознавания лица актёра у зрителя. При изучении использовались математические методы и контент-анализ. Распознавание лиц актёров получило широкое внимание в последние 30 лет в связи с развитием технических средств производства: человек может изменяться из кадра в кадр, меняться освещение, ракурс съёмки, но это всё ещё тот же самый человек, что и даёт повод для анализа изменений [9, с. 3531]. Авторы разработали автоматическую систему для распознавания лица, как на фото, так и в видеоматериалах. Они предлагают использовать новый алгоритм MSSRC, который выполняет оптимизацию всех известных процес-

сов распознавания. Согласно полученным оценкам, данный подход имеет минимум ограничений по сравнению с существующими методиками и даже превосходит их в точности поиска и распознавания на 8 % [9, с. 35–38].

Изученный опыт отечественных и зарубежных исследований трейлеров как инструментов рекламы кино позволил разработать инструмент социологического исследования трейлеров как инструментов рекламы кино в рамках оптимизирующей стратегии воздействия рекламного сообщения на адресата и с учетом российской специфики.

Количественно-качественный контент-анализ трейлеров позволяет выявить наиболее часто используемые приёмы в создании российских трейлеров, а также, их характер и направленность для управления рекламой кино.

Количественный контент-анализ комментариев к трейлерам и отзывов к соответствующим фильмам позволяет проследить отношение аудитории к трейлерам российских фильмов, а также - к соответствующим картинам.

Для изучения трейлера как инструмента рекламы кино разработана матрица контент-анализа кинотрейлера. Она включает следующие компоненты:

1. Общая информация (возрастное ограничение, длительность, дата публикации трейлера, дата выхода фильма, жанр, количество просмотров, количество «лайков»/«дизлайков»).
2. Изображение/картинка (качество, комфортность просмотра, цветовые фильтры, тематика).
3. Монтаж (уход в затемнение, «шторки», замедления и ускорения, эффект стробоскопа, монтаж по движению в кадре, плавные переходы, джамп-каты и матч-каты).
4. Звук (громкий и тихий, оживлённый и спокойный, эпический и драматичный, Sfx-звуки, количество композиций, закадровый голос).
5. Текст (сюжет, слоганы, призывы, бренды, латентные послы).
6. Оптимизирующая стратегия (идиома, омонимия, рифма и ритм, неологизм, клише, синтаксический параллелизм).

При проведении количественно-качественного анализа кинотрейлеров было проанализировано 66 рекламных видеороликов отечественных фильмов, а при проведении количественного контент-анализа были собраны данные по количеству комментариев и «лайков»/«дизлайков» к трейлерам 66 отечественных фильмов, и аккумулярована информация по отзывам на соответствующие фильмы.

Анализ результатов исследования позволил выявить, что у трейлера есть определённая структура, не зависящая от смысловой нагрузки, т.е., независимо от жанра (драма, боевик или др.) меняться будут кадры, но структурное оформление

монтажа, текста, звука и оптимизирующей стратегии едины. Особенность в том, что в одном случае вместо битв будет показана ссора, вместо спасения – воссоединение: акценты по смыслу смещаются, а структура не меняется.

Оптимизирующая стратегия является на данный момент новым компонентом для изучения в структуре трейлера. Это лингвистические приёмы, но их разграничивают с представленным в трейлере текстом. Результаты исследования показали, что только 22 трейлера из 66 используют приёмы данной стратегии: в основном это использование клише («От создателей...», «От студии...») и упоминание имени режиссёра (что по сути своей является вариацией клише), хотя стратегия имеет в своём арсенале куда больше приёмов: идиома, омонимия, рифма и ритм, неологизм, синтаксический параллелизм. Возможно, более смелое и широкое применение приёмов оптимизирующей стратегии поможет трейлерам, а затем и фильмам стать более успешными.

Успешный трейлер выступает как одно из главных условий успешности фильма (между тем,

Литература:

1. Глазова М.С. Трейлер: экранная реклама или мини-фильм? / М.С. Глазова, О.О. Савельева // Наука телевидения. 2017. № 13.2. С. 78–92.
2. Дьяченко И.В. Социокультурное исследование дискурса и индикатива рекламы кино // Вестник Вятского государственного университета. 2009. № 4. Т. 4. С. 47–50.
3. Дьяченко И.В. Социологические исследования: социокультурный анализ рекламы кино // Вестник Вятского государственного университета. 2009. № 3. Т. 4. С. 92–97.
4. Полюшкевич О.А. Идеологическая пропаганда: анализ фильмов Н. Михалкова // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. № 4. Т. 14. С. 127–144.
5. Сабурова Н.А. Способы реализации оптимизирующей стратегии в трейлере / Н.А. Сабурова, К.А. Плотникова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 8-2(86). С. 381–383.
6. Boksem M.A.S. Brain Responses to Movie Trailers Predict Individual Preferences for Movies and Their Population-Wide Commercial Success / M.A.S. Boksem, A. Smidts. Journal of Marketing Research, August, 2015. P. 482–492.
7. Deldjoo Y. MMTF-14K – A Multifaceted Movie Trailer Feature Dataset for Recommendation and Retrieval / Y. Deldjoo, M.G. Constantin, B. Ionescu, M. Schedl, P. Cremonesi // MMSys. 2018, June 12–15. 6 p. URL : <https://yasdel.github.io/publication/MMSys18>
8. Hixson T.K. Mission possible – Targeting trailers

как показало исследование, все-таки имеются единичные отклонения, что даёт стимул для дальнейшего изучения вопроса). Результаты исследования позволили выделить параметры успешного трейлера (а таких было 22 из 66). Для него характерна длительность в не более чем 2,5 минуты; качество картинки должно быть не ниже 720p, а, учитывая стремительно развивающиеся технологии, и этот показатель оказывается недостаточным, лучше переходить на формат 4K; действует минимум два-три монтажных приёма (затемнения, плавные переходы, матч-каты), что положительно сказывается на его зрелищности; минимум один узнаваемый саундтрек, что позволяет «сблизить» зрителя и фильм, повысить узнаваемость картины. Оптимизирующая стратегия является относительно новой характеристикой для трейлеров российских фильмов, однако в некоторых она используется (8 из 22), что достаточно скромно. Предполагаем, что необходимо использовать комплекс приёмов оптимизирующей стратегии (клише, рифму и ритм, неологизмы, идиомы, омонимии), благодаря которым трейлер становится более запоминающимся.

Literature:

1. Glazova M.S. Trailer: on-screen advertising or mini-film? / M.S. Glazova, O.O. Saveliev // The Science of Television. 2017. № 13.2. P. 78–92.
2. Dyachenko I.V. Sociocultural study of discourse and cinema advertising indicator // Vyatka State University Bulletin. 2009. № 4. Vol. 4. P. 47–50.
3. Dyachenko I.V. Sociological research: a sociocultural analysis of movie advertising // Bulletin of the Vyatka State University. 2009. № 3. Vol. 4. P. 92–97.
4. Polyushkevich O.A. Ideological propaganda: analysis of films by N. Mikhalkov // Journal of Sociology and Social Anthropology. 2011. № 4. Vol. 14. P. 127–144.
5. Saburova N.A. Ways to implement the optimizing strategy in the trailer / N.A. Saburova, K.A. Plotnikova // Philological Sciences. Questions of theory and practice. 2018. № 8-2(86). P. 381–383.
6. Boksem M.A.S. Brain Responses to Movie Trailers Predict Individual Preferences for Movies and Their Population-Wide Commercial Success / M.A.S. Boksem, A. Smidts. Journal of Marketing Research, August, 2015. P. 482–492.
7. Deldjoo Y. MMTF-14K – A Multifaceted Movie Trailer Feature Dataset for Recommendation and Retrieval / Y. Deldjoo, M.G. Constantin, B. Ionescu, M. Schedl, P. Cremonesi // MMSys. 2018, June 12–15. 6 p. URL : <https://yasdel.github.io/publication/MMSys18>
8. Hixson T.K. Mission possible – Targeting trailers

to movie audiences. *Journal of Targeting, Measurement and Analysis for Marketing*, 2016. Vol. 14(3). P. 210–224.

9. *Ortiz E.G.* Face Recognition in Movie Trailers via Mean Sequence Sparse Representation-based Classification / E.G. Ortiz, A. Wright, M. Shah. The IEEE Conference on Computer Vision and Pattern Recognition (CVPR), 2013. P. 3531–3538.

to movie audiences. *Journal of Targeting, Measurement and Analysis for Marketing*, 2016. Vol. 14(3). P. 210–224.

9. *Ortiz E.G.* Face Recognition in Movie Trailers via Mean Sequence Sparse Representation-based Classification / E.G. Ortiz, A. Wright, M. Shah. The IEEE Conference on Computer Vision and Pattern Recognition (CVPR), 2013. P. 3531–3538.

Михайлова Анна Викторовна

кандидат экономических наук,
доцент,
заведующая кафедрой социологии
и управления персоналом,
Финансово-экономический институт
Северо-Восточного федерального
университета им. М.К. Аммосова
Mikanya23@mail.ru

Попова Людмила Николаевна

кандидат философских наук,
доцент кафедры
социологии и управления персоналом,
Финансово-экономический институт
Северо-Восточного федерального
университета им. М.К. Аммосова
ludaykt@rambler.ru

**ЦИФРОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ
АДАПТАЦИИ ПЕРСОНАЛА
В МАЛЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ:
РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ**

Аннотация. Статья посвящена адаптации персонала организации в условиях цифровой экономики. На примере предприятий малого бизнеса города Якутска (Республики Саха (Якутия)) выявлены ключевые проблемы текучести кадров и адаптации. Среди них - отсутствие наставничества, единого сайта для документооборота, инструкций по новым работникам, четких стандартов работы и т.д. Опираясь на полученные данные, мы предложили цифровые технологии и инструменты адаптации персонала, которые решают две основные задачи: адаптация сотрудника к организации и адаптация организации к сотруднику.

Ключевые слова: цифровизация, управление персоналом, технологии управления персоналом в цифровом обществе, система адаптации, эффективность и результативность.

Актуальность исследования заключается в развитии цифровой экономики в обществе и внедрения элементов Индустрии 4.0. в бизнес-процессы предприятий и организаций. Данная модель предъявляет новые требования к квалификации и компетенции работников: междисциплинарные знания, высокий уровень самоорганизации, коммуникативные навыки, системное и проблемное мышление. Предприятия, работающие в условиях SMART-технологий, автоматизируют рутинные и повторяющиеся операции. Появляется необходимость в компетенции цифровая

Anna V. Mikhaylova

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department of Sociology
and Human Resources Management,
Financial and Economic Institute
of the Northeast Federal University
named after M.K. Ammosov
Mikanya23@mail.ru

Lyudmila N. Popova

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of Sociology
and Personnel Management,
Financial and Economic Institute
of the Northeast Federal University
named after M.K. Ammosov
ludaykt@rambler.ru

**DIGITAL TOOLS
OF ADAPTATION OF PERSONNEL
IN SMALL ENTERPRISES:
REGIONAL EXPERIENCE**

Annotation. Article is devoted to adaptation of personnel of the organization in the conditions of digital economy. On the example of small business enterprises of the city of Yakutsk (Republic of Sakha (Yakutia)), key problems of turnover of staff and adaptation are revealed. There are the following problems: a lack of mentoring, the uniform website for document flow, instructions on new workers, accurate standards of work, etc. The authors made conclusions and are offered digital technologies and tools of adaptation of personnel which solve two main objectives: adaptation of the employee to the organization and adaptation of the organization to employees.

Keywords: digitalization, personnel management, technologies of personnel management in digital society, the system of adaptation, efficiency and effectiveness.

грамотность. Коршунов Г.П., Кройтор С. (2020) обобщили, систематизировали и интерпретировали актуальный мировой опыт в области изучения «цифровой грамотности как фактора успешного функционирования «социальных субъектов в дигитализирующемся мире» [2, с. 38].

Процесс цифровизации трансформирует все сферы, в том числе, и систему управления персоналом. Переход от традиционных к цифровым платформам требует от руководства предприятий

новых инструментов управления работниками. Исследователи Kaszmarek (2019) [12] представили информационную модель управления персоналом в Дортмунде, сочетающую технические инновации, инициированные работниками и показатели эффективности подсистем предприятия и системы управления персоналом.

Исследователи Ляковская Е.А., Козлов В.В. указывают на тот факт, что в Индустрии 4.0. акцент смещается на образовательные стратегии и траектории развития [3]. Мы согласны с этой точкой зрения и считаем, что организации и предприятия должны менять стратегии адаптации персонала в своих организациях.

Цель исследования: разработать цифровые инструменты адаптации персонала на примере региональных компаний малого бизнеса Республики Саха (Якутия).

Адаптация – это важная подсистема системы управления персоналом, которая характеризует эффективность организации. Скоблякова И.В., Ефремова С.М. считают, что продуманная система адаптации позволяет снизить текучесть кадров и удержать квалифицированный и конкурентоспособный персонал [7, с. 175]. Два фактора, которые сдерживают процесс трудовой адаптации: восприятие работником организации и организацией работника, поэтому важно использовать инновационные цифровые инструменты. Исследователи Михайлова А.В., Попова Л.Н., Егорова Н.А. [4–6] добавляют, что система адаптации должна быть частью кадровой политики и отвечать целям организации.

Загребельная Н.С., Бостоганашвили Е.Р. отмечают: «Цифровые рабочие места требуют новых компетенций» [1, с. 375]. Трансформация HR-процессов делает актуальным необходимость внедрения HR-аналитики и внедрение новых цифровых решений.

Jatobá Mariana, Santos Juliana, Gutierriz Ives, Moscon Daniela, Odete Fernandes Paula, Teixeira João Paulo (2019): «Рыночные стратегии в цифровой экономике влияют на изменение стратегий

управления бизнес-процессами и управления персоналом» [15, с. 138]. Искусственный интеллект, большие данные могут стать инструментом управления процессами и стратегиями поведения работников в организациях, ускоряя процессы адаптации.

Мы изучили языковые Центры г. Якутска («DESTA club», «Востоковед», «SreaKorean») – международные образовательные центры, образованные для создания благоприятных условий жителям Республики Саха (Якутия) в изучении восточно-азиатских языков. Цель работы языковых Центров города Якутска – познакомить с культурой восточных стран, обучить языкам и дать возможность пройти языковую стажировку в стране изучения языка. Языковые центры города Якутска ведут просветительскую деятельность, инициируют проведение дней культуры стран. Преподаватели используют авторские методики преподавания, опираясь на цифровые инструменты взаимодействия с обучающимися, языковых центров; занятия проводятся в режимах онлайн и оффлайн. В этих центрах работают молодые и творческие люди, знающие культуру и языки, которым обучают. Учредители всех трех языковых центров общаются друг с другом, обмениваются новыми методами обучения. У всех трех центров есть аккаунты в социальных сетях, регулярно в паблике выходят посты, посвященные новинкам музыки, кино, блогам на языке изучения.

Поскольку компании маленькие, постольку вопросами управления персоналом занимается директор. Руководитель занимается подбором сотрудником, развитием и формированием корпоративной культуры. Организационная структура матричная, каждый преподаватель и сотрудник четко знает свои функции: преподавание, администрирование, ведение документооборота и т.д. Руководитель – это лидер и наставник.

Результатом продуманной системы адаптации является стабильность кадров. Мы проанализировали коэффициент текучести в трех языковых центрах за ряд лет в динамике на рисунке 1.

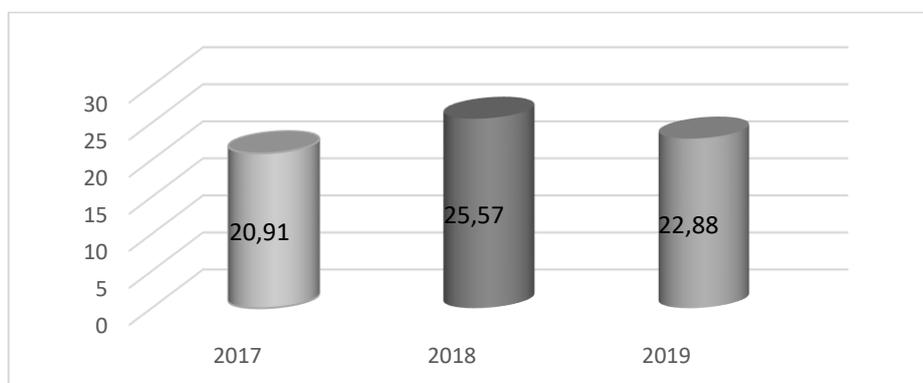

Рисунок 1 – Динамика текучести кадров в Языковых Центрах, 2017–2019 гг., %
Источник: Составлено (разработано) авторами

Мы взяли средний показатель по трем компания города Якутска. Самый высокий показатель был

зафиксирован в 2018 году. Причина – это «по собственному желанию». Мы выявили, что средний

возраст сотрудников – это 21–24 года, многие студенты ИЗФИР федерального вуза в городе Якутске, изучают иностранные языки. После окончания вуза поступают на работу или переезжают в страну изучения и преподавания языка. Этим обстоятельством обусловлена текучесть кадров.

В ходе интервью с руководителями Языковых центров г. Якутска (март 2020 года) выявилось, что:

– необходимость в привлечении новых кадров растёт с каждым годом. На сегодняшний день существует 19 вакансий необходимых специалистов;

– возрастает значение проблемы текучести кадров;

– для успешной работы и профессионального роста новых сотрудников создаются следующие условия: 1) материальные поощрения; 2) стимулирование;

– используются разные формы адаптации.

Таким образом, нами выделены следующие проблемы в адаптации персонала на примере малых организация города Якутска:

– отсутствие нормативной документации, регулирующей адаптацию персонала в Языковых центрах г. Якутска;

– отсутствие индивидуальных заданий на период адаптации; отсутствие ознакомительных материалов об организации (брошюры, буклеты и т.д.), отсутствие автоматизации процесса адаптации и использование цифровых технологий.

Следовательно, адаптация персонала в Языковых Центрах г. Якутска протекает стихийно, нормативная документация, регулирующая этот процесс, не разработана, и нет программы адаптации персонала.

Мы выявили, что каждый новый сотрудник сразу начинает вести занятия. Руководители языковых центров не успевают ввести в должность и в коллектив, поскольку организации маленькие и им приходится решать все вопросы, связанные со стратегическим управлением, ведением финансовой и бухгалтерской документации, а также рекламой и ПР. При найме и отборе сотрудников руководитель обращает внимание на наличие сертификатов, уровень владения языком и клиентоориентированность. Нагрузка получается высокой на сотрудника (преподавателя), поэтому в первый месяц некоторые не выдерживают и уходят. Мы выявили, что сотрудникам не предоставляется технология работы с клиентами, сразу не объясняется, что надо вести журналы, планы занятий, проверять и контролировать выполнение домашних заданий, готовить распечатки для слушателей. Также, сотрудникам четко не проговаривают условия премирования и переработки. Мы полагаем, что очень важно использовать арсенал инструментов для системной работы с новичками, особенно это важно в малых предприятиях. Однако можно было бы всего этого избежать в случае наличия продуманной системы адаптации

и наставничества.

Стрельцова Т.П. приводит положительный опыт организации системы наставничества в государственных органах власти Белгородской области [8, с. 199]. Такая система позволила повысить рост уровня профессиональных компетенций на 5–15 % от уровня входящей оценки.

Толкунова Е.Г. провела исследование на базе Центра развития персонала «Новый век» (г. Барнаул) и выявили, что «большинство 88,9 % опрошенных считают внедрение цифровизации, автоматизации и ИИ необходимым для их компаний» [9, с. 139].

Hibino Hironori, Nakamura Masahiro, Noritake Shigetoshi, Watanabe Ichie, (2020) [11, с. 209] разработали модель (симулятор) оценки компетенций в цифровом пространстве инженеров, одобренную Правительством, комитетами и корпорациями Японии.

Все эти примеры доказывают факт наличия взаимосвязи между эффективностью организации и продуманной системой адаптации персонала.

Мы предложили Языковым центрам города Якутска следующие цифровые технологии и инструменты адаптации:

1. Создать корпоративный интранет-портал (внутренний сайт) для сотрудников. Информационный ресурс позволит новому сотруднику (преподавателю) ознакомиться с необходимыми корпоративными документами, узнать про ценности и традиции компаний.

2. Разработать и запустить HR-боты на мобильных устройствах сотрудников, которые будут контролировать процесс адаптации, и отвечать на все основные вопросы, начиная с напоминания о времени занятий, заканчивая обратной связью после проведенного урока. HR-боты станут помощниками и наставниками для молодых преподавателей (сотрудников) языковых центров.

3. Разработать и запустить виртуальный квест, игровую программу для адаптации к корпоративной культуре и ценностям. Данная технология позволит погрузиться в традиции, целевые установки компании, познакомиться с системой мотивации.

4. Разработка памятки для новых сотрудников в формате инфографики. Одна из форм графического и коммуникационного дизайна.

5. Запустить внутренний чай (онлайн сообщество), где сотрудники будут обмениваться лайфхаками и опытом. А главное – это регулярная обратная связь с директором и учредителем.

6. Специализированные программы для новых сотрудников с набором ключевых показателей эффективности сотрудника и шкалой оценки. Мы считаем, что можно разработать сбалансированную стратегическую карту сотрудника. Интересный опыт представлен у исследователей Щети-

нина Н.Ю., Власов А.В. (2017), которые разработали модель сбалансированной системы персональных ориентиров (Balanced System of Personal Focus). Стратегическое планирование персонального развития на основе SELF-Balance дает возможность сбалансировать цели индивида по ключевым перспективам, или сферам, жизни, учесть взаимозависимость сфер, ограничения и личный бюджет.

7. Автоматизировать подбор и отбор персонала. Создать цифровой профиль должности в Языковых центрах города Якутска, указав требуемые компетенции. Интересную математическую закономерность выявили Lehnert Patrick, Pfister

Литература:

1. *Загребельная Н.С.* Управление человеческими ресурсами в цифровой экономике / Н.С. Загребельная, Е.Р. Бостоганашвили // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Т. 9. № 1А. С. 374–384.

2. *Коршунов Г.П.* Цифровая грамотность как ключевой фактор успешной адаптации человека и общества к цифровым реалиям / Г.П. Коршунов, С. Кройтор // Общество и экономика. 2020. № 1. С. 38–58.

3. *Лясковская Е.А.* Управление персоналом в цифровой экономике / Е.А. Лясковская, В.В. Козлов // Вестник ЮУрГУ. Серия: Экономика и менеджмент. 2018. № 3. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-personalom-v-tsifrovoy-ekonomike> (дата обращения 18.07.2020).

4. *Михайлова А.В.* Анализ кадровых технологий (на примере ГУ «Управление пенсионного фонда РФ в г. Якутске») // Кадровик. 2019. № 4. С. 62–73.

5. *Михайлова А.В.* Анализ технологий управления персоналом (на примере региональной компании) / А.В. Михайлова, Л.Н. Попова // Управление экономическими системами. 2019. № 7. С. 12.

6. *Михайлова А.В.* Пути совершенствования трудовой адаптации вахтовых работников (на примере вальщиков леса СМУ АО «Сахатранснефтегаз») / А.В. Михайлова, Л.Н. Попова, Н.А. Егорова // Кадровик. 2018. № 7. С. 76–85.

7. *Скоблякова И.В.* Проблемы и инструменты адаптации персонала в современной организации. Сборник статей в V Международной научно-практической конференции «Современные исследования проблем управления кадровыми ресурсами» / И.В. Скоблякова, С.М. Ефремова. М. : Издательство ООО «Эдельвейс». 2020. С. 175–180.

8. *Стрельцова Т.П.* Система адаптации и мотивации персонала молодых специалистов в государственных органах власти Белгородской области. Сборник статей в V Международной научно-практической конференции «Современные исследования проблем управления кадровыми ресурсами». М. : Издательство ООО «Эдельвейс».

Curdin, Backes-Gellner Uschi (2020) между уровнем высшего образования и развитием НИОКР в организациях, чем больше сотрудников с высшим образованием в организации, тем выше уровень научных разработок. Поэтому адаптация молодых специалистов должна начинаться с постановки и решения исследовательских задач в компании.

Итак, в условиях цифровой экономики в предприятиях малого бизнеса важно адаптировать молодых специалистов для устойчивого развития и эффективного управления бизнес-процессами, используя цифровые инструменты.

Literature:

1. *Zagrebelnaya N.S.* Management of human resources in the digital economy / N.S. Zagrebelnaya, E.R. Bostoganashvili // Economy: yesterday, today, tomorrow. 2019. Vol. 9. № 1A. P. 374–384.

2. *Korshunov G.P.* Digital literacy as a key factor in the successful adaptation of man and society to digital realities / G.P. Korshunov, S. Kroitor // Society and economics. 2020. № 1. P. 38–58.

3. *Lyaskovskaya E.A.* Personnel Management in the Digital Economy / E.A. Lyaskovskaya, V.V. Kozlov // Bulletin of SUSU. Series: Economics and money. 2018. № 3. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-personalom-v-tsifrovoy-ekonomike> (date of the address 18.07.2020).

4. *Mikhailova A.V.* Analysis of personnel technologies (using the example of the State Institution «Pension Fund Management of the Russian Federation in Yakutsk») // Personnel Officer. 2019. № 4. P. 62–73.

5. *Mikhailova A.V.* Analysis of personnel management technologies (using the example of a regional company) / A.V. Mikhailova, L.N. Popova // Management of economic systems. 2019. № 7. P. 12.

6. *Mikhailova A.V.* Ways to improve the labor adaptation of shift workers (on the example of scaffolders of SMU Sakhatrans-Neftegaz JSC) / A.V. Mikhailova, L.N. Popova, N.A. Egorova // Personnel. 2018. № 7. P. 76–85.

7. *Skoblyakova I.V.* Problems and tools for staff adaptation in a modern organization. A collection of articles in the V International Scientific and Practical Conference «Modern Studies of Personnel Management Problems» / I.V. Skoblyakova, S.M. Efremova. M. : Edelweiss LLC Publishing House. 2020. P. 175–180.

8. *Streltsova P.* The system of adaptation and rehabilitation of the staff of young specialists in the state authorities of the Belgorod region. Collection of articles in the V International Scientific and Practical Conference «Advanced Research on Human Resources Management Problems». M. : Edelweiss LLC Publishing House. 2020. P. 198–202.

9. *Толкунова Е.Г.* Управление персоналом в эпоху цифровой экономики // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Т. 9. № 6А. С. 138–143.
10. *Щетинина Н.Ю.* Исследование факторов персональной адаптации к новому технологическому укладу / Н.Ю. Щетинина, А.В. Власов // Мир образования – образование в мире. 2017. № 1. С. 197–206.
11. *Hibino Hironori.* A proposal of skill evaluation method for production systems digital design with production simulation. *Procedia CIRP* / Hibino Hironori, Nakamura Masahiro, Noritake Shigetoshi, Watanabe Ichie. 2020. Vol. 88. P. 209–213.
12. *Kaczmarek Päd. Sandra.* Mastering fourth industrial revolution through innovative personnel management – A study analysis on how game-based approaches affect competence development, *IFAC-PapersOnLine*. 2019. Vol. 52. Iss. 13. P. 2332–2337.
13. *Lehnert Patric.* Employment of R&D personnel after an educational supply shock: Effects of the introduction of Universities of Applied Sciences in Switzerland, *Labour Economics* / Lehnert Patrick, Pfister Curdin, Backes-Gellner Uschi. 2020. URL : <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2020.101883> (data accessed 01.07.2020).
14. *Jatobá Mariana.* Evolution of Artificial Intelligence Research in Human Resources, *Procedia Computer Science*, / Jatobá Mariana, Santos Juliana, Gutierrez Ives, Moscon Daniela, Odete Fernandes Paula, Teixeira João Paulo. 2019. Vol. 164. P. 137–142.
9. *Tolkunova E.G.* Personnel management in the era of digital economy // *Economics: yesterday, today, tomorrow*. 2019. Vol. 9. № 6А. P. 138–143.
10. *Shchetinina N.Y.* Study of factors of personal adaptation to a new technological system / N.Y. Shchetinina, A.V. Vlasov // *World of education – education in the world*. 2017. № 1. P. 197–206.
11. *Hibino Hironori.* A proposal of skill evaluation method for production systems digital design with production simulation. *Procedia CIRP* / Hibino Hironori, Nakamura Masahiro, Noritake Shigetoshi, Watanabe Ichie. 2020. Vol. 88. P. 209–213.
12. *Kaczmarek Päd. Sandra.* Mastering fourth industrial revolution through innovative personnel management – A study analysis on how game-based approaches affect competence development, *IFAC-PapersOnLine*. 2019. Vol. 52. Iss. 13. P. 2332–2337.
13. *Lehnert Patric.* Employment of R&D personnel after an educational supply shock: Effects of the introduction of Universities of Applied Sciences in Switzerland, *Labour Economics* / Lehnert Patrick, Pfister Curdin, Backes-Gellner Uschi. 2020. URL : <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2020.101883> (data accessed 01.07.2020).
14. *Jatobá Mariana.* Evolution of Artificial Intelligence Research in Human Resources, *Procedia Computer Science*, / Jatobá Mariana, Santos Juliana, Gutierrez Ives, Moscon Daniela, Odete Fernandes Paula, Teixeira João Paulo. 2019. Vol. 164. P. 137–142.

Неверов Александр Викторович

кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии
и управления факультета управления
Московского автомобильно-дорожного
государственного
технического университета,
старший преподаватель
кафедры социологии факультета
гуманитарных и социальных наук,
Российский университет дружбы народов
neverov-av@rudn.ru

Онзимба Ленюngo Жанна Борисовна

кандидат социологических наук,
доцент,
доцент кафедры социологии факультета
гуманитарных и социальных наук,
Российский университет дружбы народов
onzimba-lenyungo-zhb@rudn.ru

**СОЦИАЛЬНЫЕ ЭФФЕКТЫ
РАЗВИТИЯ ЭЛЕМЕНТОВ
ИННОВАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ
(НА ПРИМЕРЕ ТЕХНОПАРКОВ
И УНИВЕРСИТЕТОВ)**

Аннотация. Тенденции современных социально-экономических процессов определяют необходимость развития и коммерциализации наукоемких разработок. На сегодняшний день результаты инновационной деятельности Российской Федерации все еще далеки от желаемых показателей. В связи с этим, требуется оптимизация процессов, связанных с управлением и созданием наукоемких и конвергирующих технологий. Как показывает международная практика, университеты и технопарки являются одними из наиболее эффективных элементов инновационной инфраструктуры, которые достигают значительных результатов в разработке инновационных продуктов. Поэтому многие программы поддержки процессов создания наукоемких технологий направлены именно на развитие инновационной деятельности технопарков и университетов. Данные программы часто делают упор на увеличение количественных показателей их работы: доля доходов от коммерциализации научных разработок, достижение места в рейтингах (QS, THE, ARWU и др.), количество полученных патентов и др. Но не всегда полноценное внимание уделяется проблемам развития социальной среды, а также - региона присутствия технопарков и университетов. При этом именно социальная среда оказывает сильное воздействие на

Aleksandr V. Neverov

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of Sociology
and management of the Faculty
of Management Moscow Automobile Road
State Technical University,
Senior lecturer of the Department
of Sociology faculty Humanities
and Social Sciences,
Peoples' Friendship University of Russia
neverov-av@rudn.ru

Zhanna B. Onzimba Lenyungo

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Sociology, Humanities
and Social Sciences,
Peoples' Friendship University of Russia
onzimba-lenyungo-zhb@rudn.ru

**SOCIAL EFFECTS
OF INFRASTRUCTURE INNOVATIVE
ELEMENTS DEVELOPMENT
(ON THE EXAMPLE OF TECHNOPARKS
AND UNIVERSITIES)**

Annotation. Trends in modern socio-economic processes determine the need for the development and commercialization of science-intensive developments. Nowadays the results of innovative activities of the Russian Federation are still far from the desired indicators. In this regard, the optimization of processes associated with the management and creation of high-tech and converging technologies is required. As international practice shows, universities and technoparks are one of the most effective elements of innovative infrastructure that achieve significant results in the development of innovative products. Therefore, many support programs for the creation of science-intensive technologies are aimed specifically at the development of innovative activities of technoparks and universities. These programs often focus on increasing the quantitative indicators of their work: the share of income from the commercialization of scientific developments, achieving a place in the ratings (QS, THE, ARWU, etc.), the number of patents received, etc. But not always enough attention is paid to the problems of the social environment development, as well as the region where technoparks and universities are present. While it is the social environment that has a strong impact on innovative processes. The lack of a clear strategy and policy towards the development of the social environment for an element of innovative infrastructure significantly reduces

инновационные процессы. Отсутствие четкой стратегии и политики в направлении развития социальной среды у элемента инновационной инфраструктуры значительно снижает результативность процессов создания и коммерциализация наукоёмких и конвергирующих технологий. В связи с этим, в рамках данной статьи предпринимается попытка изучить практики ведущих международных университетов и технопарков, направленные на развитие региона присутствия, а также дать базовые рекомендации по улучшению социальной среды, как одной из наиболее значительных факторов инновационного развития.

Ключевые слова: технопарки, развитие территорий присутствия, инновации, наукоёмкие и конвергирующие технологии, инновации, управление университетом.

Особенности современных социально-экономических процессов определяют потребность в создании условий для последовательного роста наукоёмких и конвергирующих технологий. При этом показатели технологического развития Российской Федерации, несмотря на все усилия и инвестиции в данную сферу в последние годы, все еще находятся на относительно невысоком уровне [1]. Все это обуславливает потребность в трансформации текущих процессов, связанных с инновационным развитием.

Большинство современных программ государственной поддержки развития высшего образования, науки, инновационных разработок и т.д. сконцентрированы на субсидировании исследовательских практик или проектов, направленных на совершенствование образовательного процесса. Например, заявленная программа «Стратегического академического лидерства» [3] предусматривает крупные субсидии более чем 100 российским вузам, в течение следующих 10 лет. Одним из основных показателей, необходимых для участия вуза в программе, является активность его научной деятельности, выраженная в процентном соотношении дохода от научной деятельности, к общему доходу вуза. Не снижая высокого (возможно даже первостепенного) значения финансовой поддержки российской науки и образования, тем не менее, хотелось бы отметить, что эффективность научно-исследовательской работы и инновационного развития формируется не только путем привлечения денежных средств. Научная и новаторская деятельность во многом является творческим процессом, что не всегда позволяет осуществлять ее оценку с помощью только количественных метрик и показателей эффективности.

Не концентрируясь на особенностях формирования и исполнения показателей научной деятельности, необходимо отметить, что для создания новых технологий также необходимо определенное состояние социальной среды, в которой работают ученые, изобретатели и иные специалисты сферы разработки и коммерциализации

the effectiveness of the creation and commercialization of high-tech and converging technologies. In this regard, this article attempts to study the practices of leading international universities and technoparks aimed at developing the region of presence, as well as provide basic recommendations for improving the social environment, as one of the most significant factors in innovative development.

Keywords: technoparks, development of territories of presence, innovation, high technology and converging technologies, innovation, university management.

наукоёмких и конвергирующих технологий. В данном случае можно привести пример Кремниевой Долины или Новосибирского Академгородка, где имеет место уникальная социальная среда, позволяющая формировать исследовательскую культуру.

В связи с этим, можно констатировать, что эффективность исследовательской работы и инновационного развития во многом определяется системой социального взаимодействия, имеющей место в рамках конкретной территории. Эту мысль подтверждает широко распространенная концепция управления – «knowledge management», которая определяет превалирующее значение коммуникаций и социальных аспектов при создании новых знаний, продуктов и инновационных разработок. С помощью сформированных в рамках данной концепции моделей «спирали знаний», «обучающейся организации», «обучающегося общества», «карты знаний» и т.д. было неоднократно доказано сильное влияние социальных процессов и эффектов на разработку инновационных, высокотехнологичных и наукоёмких продуктов.

Попытки решения проблемы развития инновационной социальной среды и инфраструктуры предпринимаются на государственном уровне. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [5], к 2024 году должно быть увеличено количество организаций, осуществляющих инновации до 50% от их общего числа, а также, обеспечено внедрение цифровых технологий в экономику и социальную сферу. Помимо этого, базовые отрасли экономики должны развиваться на основе современных технологий и обеспечиваться высоко квалифицированными кадрами.

Для исполнения данного Указа предполагается осуществить ряд мер, в числе которых предполагается:

- создать научные центры мирового уровня;

- создать не менее 15 научно-образовательных центров мирового уровня на основе интеграции университетов и научных организаций и их кооперации с организациями, действующими в реальном секторе экономики;
- обеспечить присутствия Российской Федерации в числе пяти ведущих стран мира, осуществляющих научные исследования и разработки в областях, определяемых приоритетами научно-технологического развития;
- обеспечить привлекательность работы в Российской Федерации для российских и зарубежных ведущих учёных и молодых перспективных исследователей и др.

Также, Указ предполагает создание передовой инфраструктуры научных исследований и разработок, инновационной деятельности, включая создание и развитие сети уникальных научных установок класса «мегасайенс». Это означает, что в ближайшие 4 года будет реализован ряд мероприятий по формированию инновационной инфраструктуры, обеспечивающей процесс создания и развития высокоинтеллектуальных и наукоемких производств.

Указ не выбивается из общего направления государственной поддержки научно-образовательной сферы, высокоинтеллектуальных и наукоемких производств, имеющего место в последнее десятилетие. В данном контексте можно также выделить Национальный проект «Образование», Проект создания Федеральных университетов, Проект создания Национальных исследовательских университетов, Указ Президента РФ от 07 мая 2012 г. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» и ставшей его продолжением проект «Повышения конкурентоспособности ведущих российских университетов среди ведущих мировых научно-образовательных центров». Меры в рамках Постановления Правительства РФ № 220 от 09 апреля 2010 г., Проект создания опорных университетов (вузов). Приоритетный проект «Вузы как центры пространства создания инноваций». Приоритетный проект «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» и др.

Меры по развитию высоко интеллектуальных и наукоемких производств, предусмотренные Указом от 07 мая 2018 года, не несут в себе чего-то принципиально нового или революционного, выступая больше как продолжение движения в направлении, начатом в середине 2000-х годов. Используется такая же модель, предусматривающая расширение поддержки научных центров, привлечение ведущих мировых ученых, выход российских научно-образовательных организаций на международный уровень, активное использование инновационных технических и технологических решений в производстве и организационном управлении. Некоторые новшества можно отметить в постановке задач, связанных с «цифровой экономикой» и «интернетом вещей».

При этом в Указе затронут менее заметный, но

важный аспект, который вносит особенности в понимание его целей и задач. Этот аспект связан с тем, что Указ реализуется «...в целях осуществления прорывного научно-технологического и социально-экономического развития Российской Федерации, увеличения численности населения страны, повышения уровня жизни граждан, создания комфортных условий для их проживания, а также условий и возможностей для самореализации и раскрытия таланта каждого человека» [5]. То есть, данные меры должны оказать социальное воздействие, повысить уровень жизни и возможности самореализации, а их результативность заключается в социальных эффектах и развитии человеческого капитала.

Все это во многом меняет привычное понимание социальной миссии инновационной инфраструктуры и подразумевает, что не только технологическое платформы, но и конкретные научные и образовательные организации должны реализовывать задачу трансформации окружающей среды. И речь здесь идет не об абстрактном лозунге «надо делать мир лучше», а о конкретной задаче регионального развития.

Многие ведущие мировые научные и образовательные организации имеют собственные подходы для взаимодействия с внешней средой. Для их систематизации, а также определения возможных целей, стратегий и действий по формированию социальной среды, как важнейшего фактора инновационного развития, были проанализированы ведущие социальные практики и их эффекты основных элементов инновационной инфраструктуры – технопарков и университетов.

Социальные эффекты развития технопарков.

Для изучения подходов организации деятельности технопарков по трансформации социальной среды, были отобраны ряд структур, в соответствии со следующими критериями [2]:

- сроки работы технопарка (от запуска до настоящего времени) – от 10 лет;
- количество постоянных работников – от 300;
- количество единиц постоянных организаций-резидентов – от 20.

В итоге более отобраны более 150 технопарков, из которых в итоге были выбраны 9 структур [13; 14; 19; 20; 23; 26; 27; 29; 32] для более глубоко изучения подходов в организации системы социального взаимодействия с окружающей средой.

Основными социальными эффектами развития технопарков выступают:

- создание благоприятных условий для бизнеса и развитие стартапов в регионе присутствия;
- привлечение инвестиций в регион присутствия
- развитие человеческого капитала в регионе присутствия;

- развитие инфраструктуры региона присутствия.

Таблица 1

Социальные эффекты технопарков

№	Наименование технопарка	Кейсы и результаты мероприятий, направленных на развитие региона
1.	Research Triangle	<ol style="list-style-type: none"> 1. Инвестиционный фонд (Real Estate Investment Trust – REIT) Alexandria Real Estate Equities инвестировал в развитие в Research Triangle Park более 70 млн долларов. 2. Банковская группа Credit Suisse Group AG в 2017–2018 гг. инвестировала в Research Triangle Park более 70 млн долларов. В течении 2017–2020 годов группа создала более 1200 новых рабочих в регионе присутствия. 3. Более 2000 стартапов, зарегистрированных в регионе, привлекли более 200 млн долларов венчурных инвестиций. 4. Город Сэнфорд (региона присутствия) занял 15-е место в рейтинге лучших малых городов США для старта бизнеса. 5. Более 50 % взрослого населения региона имеют степень бакалавра, более 15 % степень PhD. 6. В регионе созданы более 170 инновационных компаний
2.	One-North	<ol style="list-style-type: none"> 1. Переход предприятий региона на использование солнечной энергии. 2. Снижение потребления не возобновляемых источников энергии и воды. 3. Программы по увеличению биологического разнообразия (благодаря деятельности технопарка в регионе присутствия восстановлено более 1000 кв.м. природных кораллов). 4. В регион привлечены более 500 иностранных специалистов со степенью PhD
3.	Kulim Hi-Tech Park	<ol style="list-style-type: none"> 1. Улучшение ресурсного обеспечения региона (чистая вода, электроэнергия, телекоммуникации). 2. Развитие человеческого капитала (привлечение в регион специалистов с высшим образованием и создание начальных и средних школ). 3. Интернациональное взаимодействие (КНР, США, Испания). 4. Привлечение в регион инвестиций из более 20 азиатских, 10 европейских и 10 компаний США. 5. В регионе созданы более 20 инновационных компаний
4.	Technologiepark Heidelberg GmbH	<ol style="list-style-type: none"> 1. Ostarpharma AG – ведущий мировой производитель производных плазмы, инвестировал более 25 млн евро в строительство нового исследовательского центра в технопарке. 2. В регион было привлечено более 7000 квалифицированных специалистов. 3. В регионе созданы более 20 инновационных компаний
5.	Sophia-Antipolis Park	<ol style="list-style-type: none"> 1. В регион было привлечено более 4000 квалифицированных исследователей. 2. В регион привлечены лидеры мирового бизнеса: Amadeus, Cisco Systems, Dassault Systems, Orange, Hewlett Packard, Nvidia, Intel, Symantec, Air France, American Express, Toyota, Samsung, Huawei. 3. В регионе созданы более 250 инновационных компаний
6.	Softwarepark Hagenberg	<ol style="list-style-type: none"> 1. В регионе были созданы более 75 инновационных компаний. 2. В технопарке работают 10 научно-исследовательских институтов.
7.	Lakeside Science and Technology Park	<ol style="list-style-type: none"> 1. В регион были привлечены инвестиции на сумму более 180 млн долларов. 2. В регионе были созданы более 52 инновационных компаний
8.	Turku Science Park	<ol style="list-style-type: none"> 1. В регионе созданы более 22000 компаний, 6 университетов, работают 130000 специалистов и обучаются более 47000 студентов
9.	Otaniemi	<ol style="list-style-type: none"> 1. В регион привлечено более 1,5 млрд долларов инвестиций. 2. Чистая прибыль региона от деятельности технопарка составила более 200 млн долларов

Социальные эффекты развития университетов.

Анализ публикаций показал, что в большинстве университетов нет четко выработанной стратегии воздействия на социальную среду региона присутствия и чаще она складывается из стратегических инициатив социального развития самих университетов и понимании ими своей общественной роли.

Для изучения социальных эффектов деятельности университетов были выбраны вузы, входящие в рейтинг QS WU Rankings 2021 [21]. Для более глубокого анализа были отобраны 17 университетов [6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 16; 17; 22; 25; 28; 30; 31; 33; 34; 35; 36; 37; 38; 39].

Данный анализ показал, что основными социальными эффектами развития университетов выступают:

- развитие экологии и социально-ответственного поведения в регионе присутствия;
- создание системы непрерывного образования в регионе присутствия;
- развитие интернационализации и международных связей в регионе присутствия;
- развитие волонтерства в регионе присутствия;

- развитие спорта в регионе присутствия.

Таблица 2

Социальные эффекты развития университетов

№	Позиция в QS WU Rankings 2021	Наименование Университета	Кейсы и результаты мероприятий, направленных на развитие региона
1	2	3	4
1.	#1	Massachusetts Institute of Technology (MIT)	<p>Совместно с Бостонским медицинским центром MIT инвестировал LEED-ферму по переработке солнечной энергии.</p> <p>Осуществлена модернизация завода по утилизации отходов для сокращения парниковых газов и перехода на экологически чистое топливо.</p> <p>Поддержка молодых ученых скидками на образование и назначение стипендий.</p> <p>Поддержка стартапов, работающих в области научно-технических инноваций.</p> <p>Инвестиционная политика основана на создании высоких реальных ставок прибыли без исключительной волатильности</p>
2.	#3	Harvard University	<p>Отказ от ископаемого топлива (нефть, каменный уголь, горючий сланец, природный газ и его гидраты) в пользу возобновляемых источников энергии.</p> <p>Сокращение потребления электроэнергии на территории кампуса и, в частности, в лабораториях университета. Для этого внедряются меры по энергосбережению, которые также способствуют сокращению выбросов парниковых газов.</p> <p>Утилизация электронных отходов.</p> <p>Автобусный парк университета перешел на биодизельное топливо, в автопарке полиции кампуса гибридные авто: на территории кампуса действуют станции зарядки автомобилей. Университет создает и развивает велосипедную инфраструктуру.</p> <p>Дважды в неделю студенты университета участвуют в бесплатной продовольственной программе. Излишки, которые остаются в столовых университета собираются, фасуются по порциям и раздаются малообеспеченным семьям. Таким образом сокращается количество выброшенной еды.</p> <p>Ежегодно проводится выставка для привлечения внимания к вымирающим видам растения и их роли в формировании климата.</p> <p>Climate Solution Living Lab – программа для аспирантов, которые проводят исследования и разрабатывают проекты по борьбе с изменениями климата.</p> <p>Разрабатываются программы для улучшения благосостояния и здоровья студентов, сотрудников и преподавателей университета: пищевые стандарты, уменьшают количество вредных материалов при строительстве, культивируют спорт.</p> <p>Университет выдает гранты на изучение и создание инфраструктуры кампуса в области устойчивого развития: влияние «биофильного» дизайна, включающего природные элементы, на здоровье; производство электро-биоудобрений (отходы в биоудобрение); переоборудование неиспользуемых помещений и территорий кампуса; исследование отношения людей к идее «экологической рециркуляции».</p> <p>Университет выдает гранты на исследования в области климата: разработка и испытание нового дешевого метода измерения CO²</p>
3.	#4	California Technology University (Caltech)	<p>Внедрение программ по энергосбережению: замена устаревшего оборудования, внедрение энергосберегающих операций, обязательное обучение сотрудников и студентов снижению потребления энергии.</p> <p>Внедрение программ по экономному и эффективному расходованию воды.</p> <p>Изучаются возможности повторного использования сточных вод для орошения спорт площадок.</p> <p>Используется специальная система ирригации, которая минимизирует количество используемой воды.</p> <p>Внедряется программа по рециркуляции твердых бытовых отходов и сортировке мусора.</p> <p>Существуют меры, направленные на оптимизацию и сохранение энергии при строительстве зданий: использование солнечной энергии, озеленение зданий и т.п.</p> <p>Внедрение программы Caltech's Rideshare, направленной на сокращение общего количества поездок на автомобиле по кампусу.</p> <p>Внедрение программы Bikeshare, направленной на развитие велосипедной инфраструктуры на территории кампуса.</p> <p>Изучаются методы для сокращения выбросов вредных отходов в атмосферу.</p> <p>Проводятся исследования в области энергетики, вопросов изучения климата, воды</p>

4.	#7	University of Cambridge	<p>Осуществляются инвестиции в новые возобновляемые источники энергии.</p> <p>В рамках программы Green Labs студенты разрабатывают проекты по сокращению выбросов углекислого газа.</p> <p>Создана Экологическая консультативная группа. В ее состав входят ученые из отделов зоологии, наук о растениях и земельной экономике, а также представители Фонда дикой природы.</p> <p>Проведены программы по обогащению знания о рециркуляции среди персонала и студентов университета.</p> <p>Ведется учет отходов</p> <p>Существуют инициативы, направленные на обеспечение устойчивых закупок, поиск новых поставщиков, а также поиск и приобретение ресурсоэффективной мебели, отвечающей требованиям the Forest Stewardship Council and Furniture Industry Sustainability Programme</p>
----	----	-------------------------	--

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4
			<p>Поставщики университета должны отвечать требованиям экологической политики университета.</p> <p>Осуществляет закупка энергоэффективного оборудования.</p> <p>Отказ от использования химических веществ в Кембриджском институте медицинских исследований.</p> <p>Разработан набор экологических стандартов для строительства и ремонта</p> <p>Запущен специальный автобусный маршрут, который отвечает последним экологическим требованиям Евро 6.</p> <p>Развитие велосипедной инфраструктуры</p> <p>Скидки на ж/д билеты и велосипедное оборудование</p> <p>Онлайн и оффлайн курсы для персонала университета по темам устойчивого развития.</p> <p>Разработана продовольственная политика, исключаяющая мясо жвачных животных из меню.</p> <p>Ежегодно проводится конкурс среди студентов на лучшую идею в области энергосберегающих решений.</p> <p>Осуществляется нетворкинг для объединения сообществ университета и распространения идей развития экологической программы на территории кампуса</p>
5.	#5	University of Oxford	<p>Осуществляются мероприятия, направленные на сокращения выбросов вредных веществ в атмосферу.</p> <p>Студенты разрабатывают проекты по уменьшению выбросов углерода в атмосферу.</p> <p>Осуществляется финансирование проектов, направленных на развитие экологически чистой транспортной инфраструктуры на территории кампуса.</p> <p>Финансирование проектов, направленных на сокращение потребления воды, установка водосберегающего оборудования.</p> <p>Работает Living Lab – платформа для взаимодействия между студентами, преподавателями и исследователями для разработки программ развития университет в области сохранения экологии: исследования транспортной доступности, водных ресурсов, энергии, переработки отходов и др.</p> <p>На территории университета активно развивается велосипедная инфраструктура: прокат, парковки, аренда аксессуаров, велосипедные дорожки, привилегии.</p> <p>Поощряется использование общественного транспорта вместо личных авто.</p> <p>Студенты могут участвовать в исследованиях в области устойчивого развития университета и создавать собственные проекты по улучшению экологии</p>
6.	#8	University College London (UCL)	<p>Включение в цепочку закупки таких положений как переработка и в вторичное использование.</p> <p>Культивирование пеших прогулок и езды на велосипеде.</p> <p>Проведение семинаров и лекций посредством онлайн ресурсов как альтернатива поездкам в университет для тех, кто живет вне кампуса.</p> <p>Обучения сотрудников общественного питания.</p> <p>Сокращение отходов на 10 % в год.</p> <p>Сокращение потребления электроэнергии в процессе приготовления пищи.</p> <p>Исследования возможности переработки отходов в топливо.</p> <p>Используются фермы для выращивания продуктов собственного производства.</p> <p>Изучаются глобальные проблемы в мире, возможности применения экологических инициатив, разрабатывают собственные проекты.</p> <p>Университет отказался от инвестиций в табачную продукцию, в компании с более чем 10% от оборота в добыче угля, производства оружия, алкоголя, азартных игр, порнографии, в компании, занимающиеся добычей ископаемого топлива, не инвестируют в компании с плохим корпоративным управлением, с плохой экологией и др.</p>
7.	#9	The University of Chicago	<p>Меры по сокращению выбросов парниковых газов в атмосферу.</p> <p>Оптимизация зданий кампуса с учетом энергосберегающей политики: здания, где возможно по максимуму использовать дневной свет, естественную вентиляцию, использовать лестницы, а не лифты; револьверные двери.</p>

			<p>Развитие велосипедной инфраструктуры, расширение транспортной доступности путём введения новых видов эко транспорта взамен личных автомобилей.</p> <p>Сокращение количества отходов.</p> <p>Озеленение всей территории университета неприхотливыми растениями для уменьшения расхода воды.</p> <p>Отказ от использования химических опрыскивателей и удобрений.</p> <p>Установка водосберегающих систем орошения, использование ливневых вод для орошения растительности.</p> <p>Дождевая вода используется в системе водоснабжения.</p> <p>Студенты могут зарабатывать дополнительные кредиты, работая над проектами в области устойчивого развития.</p> <p>Преподаватели, которые изучают и преподают курсы по теме сохранения энергии, получают надбавки</p>
--	--	--	--

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4
8.	#6	ETH Zurich (Swiss Federal Institute of Technology)	<p>Проводятся международные проекты для решения глобальных проблем.</p> <p>Создан ряд центров, в которых ученые из разных областей науки занимаются междисциплинарными исследованиями, обмениваются опытом и работают сообща, согласно стратегическим целям университета.</p> <p>Университет проводит исследования совместно с National Centres of Competence in Research of the Swiss National Science Foundation (SNSF) в области экономики страны и для развития науки в Швейцарии.</p> <p>Осуществляются исследования в области прогнозирования изменений климата, а также воздействия этих изменений на человека.</p> <p>Выделяются средства на реализацию проектов, поддержание культуры новаторства и инициативности.</p> <p>Разработана программа по развитию критического мышления (the Critical Thinking Initiative) направлена на то, чтобы развить у студентов не только узкоспециализированные навыки, знания и компетенции, но также студенты должны иметь возможность решать междисциплинарные проблемы в кросс культурном менеджменте.</p> <p>Существуют внепрограммные летние/зимние школы по устойчивому развитию для студентов</p> <p>Соблюдение экологических стандартов при строительстве.</p> <p>Внедрение программы по энергосбережению.</p> <p>Внедрение программы по снижению выбросов вредных веществ в атмосферу: использование онлайн платформ для обучения, например.</p> <p>Постоянный мониторинг выбросов CO².</p> <p>Внедрение программы обучения для сотрудников и студентов по утилизации опасных отходов</p>
9.	#40	The University of Sydney	<p>Привлекаются инвестиции для удержания высококвалифицированных исследователей и сотрудников университета, а также для развития сети партнерских отношений за рубежом.</p> <p>Осуществляются исследования в области улучшения жизни общества: снижение преступности, улучшение мед обслуживания, снижение безработицы среди молодежи и др.</p> <p>Помощь животным (бесплатные ветеринарные услуги).</p> <p>Программа обучения коренных народов.</p> <p>Семинары по повышению осведомленности о гендерном разнообразии</p> <p>Мероприятия по повышению осведомленности в области инклюзивного образования</p>
10.	#91	University of Leeds	<p>Реализуются программы по улучшению экологии на территории кампуса.</p> <p>Реализуются программы по обучению студентов и сотрудников основам заботы об экологии.</p> <p>Развитие нетворкинга для обмена опытом и знаниями среди студентов и сотрудников в области изменения климата и воздействия на него человеком.</p> <p>Гранты на исследования в области изменения климата</p>
11.	#209	Queen's University of Belfast	<p>Прием абитуриентов из низких социальных слоев населения и программа поддержки талантливых студентов среди малообеспеченных семей.</p> <p>Волонтерская деятельность.</p> <p>Проводятся исследования глобальных проблем.</p> <p>Проводят программы по сокращению выбросов вредных веществ в атмосферу</p>
12.	#416	University of California, Santa Cruz	<p>Экологические инициативы по сокращению выбросов вредных веществ в атмосферу, экономии воды и энергии, переработки и рециркуляции отходов и т.д.</p> <p>Программы предпринимательства, в которых студенты и молодые ученые получают гранты на разработку решений в области глобальных экологических проблем, которые потом успешно применяются на практике.</p> <p>Инвестиции в решение экологических и социальных проблем.</p> <p>Партнерские отношения с государственным сектором для расширения инвестиционных возможностей в области устойчивого развития</p>
13.	#326	RUDN University	<p>Развитие студенческих сообществ и землячеств.</p> <p>Социальное развитие и поддержка студентов.</p>

			Профессиональное и личностное развитие сотрудников университета. Контроль за качеством образования и научной деятельности и повышение их качества. Выстраивание партнерских отношений с образовательными организациями, научно-исследовательскими институтами и фондами, с бизнесом. Экологические инициативы
14.	#701-750	University of Houston	Проводятся выставки, способствующие творческому сотрудничеству. Выделяются средства на дополнительные стипендии в рамках программы поддержки молодых художников и предпринимателей Проводятся исследования в области снижения рисков разливов нефти и других глубоководных катастроф Студенты получают гранты на разработку программ по улучшению экологической ситуации

Окончание таблицы 2

1	2	3	4
15.	#701-750	Louisiana State University	Содержит 10 больниц для малообеспеченных граждан, а также используются для практики студентов-медиков
16.	#751-800	Florida International University	Экологические инициативы Программа содействия персоналу университета – помогает решать не только рабочие проблемы, но и личные в том числе, помогая повысить личную эффективность, создать здоровую атмосферу в коллективе и т.д. Инвестиции в возобновляемые источники энергии
17.	#751-800	New Jersey Institute of Technology	Социальная и академическая поддержка студентов на всем протяжении обучения Мультикультурная политика привлечения талантливых студентов Модернизация среды, оснащение лабораторий, аудиторий и исследовательских центров новейшими технологическими ресурсами. Перестройка кампуса согласно экологической политике

Результаты проведенного исследования показывают, что для элементов инновационной инфраструктуры социальная среда является не только поставщиком необходимых ресурсов, но и объектом управления. Элементы инновационной инфраструктуры оказывают воздействие на социальную среду, и от этого во многом зависит деятельность, эффективность и результативность элемента инновационной инфраструктуры. Ведущие практики развития социальной среды технопарков направлены на привлечение инвестиций, квалифицированных работников, создание бизнес среды и т.д. Практики развития социальной среды университетов в большей степени сосредоточены на формировании социально-ответственного поведения, развитии волонтерства, спорта, здорового образа жизни, толерантности, международного сотрудничества, системы непрерывного образования и т.д.

Социальные эффекты развития таких элементов инновационной среды, как технопарки и университеты, представляют собой системное и взаимодополняющее явление. В то время, как технопарки позволяют привлечь инвестиции и запустить производство, университеты формируют необходимый уровень развития социальной среды. Если на базе технопарка создается эффективное производство, то наличие университета в данной системе позволит сфокусировать внимание не только на производственных задачах и аспектах бизнеса, но и на таких направлениях, как экология, развитие сообществ, интернационализация и т.д. Это дает возможность сформировать необходимый для инновационного процесса социальный и человеческий капитал, который может стать драйвером дальнейшего развития. Подобная модель взаимодействия сложилась в Кремниевой долине. В том случае, если в регионе имеет место развитое производство и бизнес, но нет элементов социальной среды,

сформированной университетом, то существует вероятность снижения инновационного потенциала территории (из-за недостатков создания и ретрансляции знаний). В ситуации, когда в регионе присутствия сильный университет не имеет непосредственных коммуникаций с высокотехнологичным производством, существует высокая вероятность не доведения наукоемких разработок до готового продукта и оторванности наукоемких разработок от реальных проблем стейкхолдеров.

На основании данных результатов можно сделать вывод о том, что для эффективного функционирования элементов инновационной инфраструктуры необходимо привлечение двух видов ресурсов:

– «жестких», выраженных в наличии инвестиций, производственных мощностей, лабораторных комплексов, квалифицированных специалистов и т.д.;

– «гибких», включающих в себя формы взаимодействия и способы коммуникаций, социальный капитал, систему управления знаниями и т.д. Социальные эффекты развития технопарков позволяют развивать «жесткие» ресурсы в регионе присутствия, в то время, как университеты с большей эффективностью создают «мягкие» ресурсы.

Данный вывод гармоничен с моделью П. Ромеро, положившей начало активного развития теории эндогенного экономического роста, в рамках которой важными факторами экономического развития выступают знания, инновации и инвестиции в человеческий капитал. Теория подразумевает, что темпы роста экономики могут быть увеличены с помощью поддержки образования, выделения субсидий на научные исследования и разработки, а также посредством повышения стимулов для внедрения инноваций. П. Ромеро пришел к вы-

воду, что нерегулируемый рынок может производить инновации, но они не будут оцениваться по достоинству [24]. В рамках предложенного выше вывода можно предположить, что наличие развитой социальной среды («гибких» ресурсов), позволяет повысить результативность использования «жестких» ресурсов в процессе создания наукоемких технологий и инновационных продуктов.

Также, отмечается, что одним из главных направлений развития «гибких» ресурсов в настоящее время является культивирование экологических знаний и инициатив в обществе. Влияние экологии на экономические и инновационные процессы подтверждено как научно-исследовательскими

Литература:

1. Индикаторы инновационной деятельности 2019: Статистический сборник. URL : <https://ict.moscow/research/indikatory-innovatsionnoi-deiatelnosti-2019/> (дата обращения 30.04.2020).

2. Непрерывное образование и наукоемкие производства: институты и практики взаимодействия / Под общ. ред. д-ра филос. наук, проф. Г.А. Ключарева. М. : Институт социологии ФНИСЦ РАН, 2020.

3. Лидер в перспективе. URL : <https://rg.ru/2020/06/07/bolee-100-universitetov-vojdut-v-novuiu-programmu-liderstva.html> (дата обращения 10.06.2020).

4. Указ Президента РФ от 5 января 2016 г. № 7 «О проведении в Российской Федерации Года экологии». URL : <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71196604/#ixzz5TQ0myH3E> (дата обращения 30.03.2018).

5. Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 (ред. от 19.07.2018) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297432/ (дата обращения 02.04.2020).

6. Caltech Sustainability. URL : <http://www.sustainability.caltech.edu> (date of application 04.04.2020).

7. Clemson University «Sustainability Report». URL : <https://www.clemson.edu/> (date of application 06.04.2020).

8. ETH Zurich (Swiss Federal Institute of Technology) «Sustainability Report». URL : https://www.ethz.ch/content/dam/ethz/main/eth-zurich/nachhaltigkeit/Berichte/Nachhaltigkeitsbericht/ETH_Zurich_Sustainability_Report_2015_2016.pdf (date of application 08.04.2020).

9. Florida International University «Sustainability Report». URL : https://gogreen.fiu.edu/_assets/documents/about-us/2013%20FIU%20STARS%20Report.pdf (date of application 14.04.2020).

10. Harvard University «Sustainability Report». URL : <http://report.green.harvard.edu/> (date of application 12.04.2020).

практиками [11; 18], так и поддержаны масштабными государственными программами [4].

Опыт деятельности элементов инновационной инфраструктуры, а также научно-исследовательские практики позволяют констатировать влияние социальной среды на создание наукоемких технологий. В связи с этим социальные эффекты деятельности технопарков и университетов (как элементов инновационной инфраструктуры) требуют более фокусированного, а также стратегически осознанного и оправданного подхода к управлению.

Literature:

1. Innovation Indicators: Statistical Digest 2019. URL : <https://ict.moscow/research/indikatory-innovatsionnoi-deiatelnosti-2019/> (date of application 30.04.2020).

2. Continuing education and knowledge-intensive industries: institutions and practices of interaction / Ed. by Doctor of Philosophy, prof. G.A. Klyucharev. M. : Institute of Sociology FCTAS RAS, 2020.

3. Leader in perspective. URL : <https://rg.ru/2020/06/07/bolee-100-universitetov-vojdut-v-novuiu-programmu-liderstva.html> (date of application 10.06.2020).

4. Decree of the President of the Russian Federation dated January 5, 2016 № 7 «On the Year of Ecology in the Russian Federation». URL : <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71196604/#ixzz5TQ0myH3E> (date of application 30.03.2018).

5. Decree of the President of the Russian Federation of 05.05.2018 № 204 (as amended on 07/19/2018) «On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period until 2024». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297432/ (date of application 02.04.2020).

6. Caltech Sustainability. URL : <http://www.sustainability.caltech.edu> (date of application 04.04.2020).

7. Clemson University «Sustainability Report». URL : <https://www.clemson.edu/> (date of application 06.04.2020).

8. ETH Zurich (Swiss Federal Institute of Technology) «Sustainability Report». URL : https://www.ethz.ch/content/dam/ethz/main/eth-zurich/nachhaltigkeit/Berichte/Nachhaltigkeitsbericht/ETH_Zurich_Sustainability_Report_2015_2016.pdf (date of application 08.04.2020).

9. Florida International University «Sustainability Report». URL : https://gogreen.fiu.edu/_assets/documents/about-us/2013%20FIU%20STARS%20Report.pdf (date of application 14.04.2020).

10. Harvard University «Sustainability Report». URL : <http://report.green.harvard.edu/> (date of application 12.04.2020).

11. *Hueting R.* Broad sustainability contra sustainability: the proper construction of sustainability indicators / R. Hueting, L. Reijnders // *Ecological Economics*. 2004. № 50(3–4). P. 249–260.

12. Imperial College London «Our Responsibilities». URL : <https://www.imperial.ac.uk/research-and-innovation/about-imperial-research/research-integrity/responsibility/> (date of application 22.04.2020).

13. Kulim Hi-Tech «Sustainability Report». URL : <https://www.khttp.com.my/index.php/pages/404-page> (date of application 28.04.2020).

14. Lakeside Science and Technology Park «Data and Facts». URL : <https://www.lakeside-scitec.com/en/about-us/about-us/data-and-facts/> (date of application 13.04.2020).

15. Louisiana State University «Audit Report». URL : <https://www.lsu.edu/administration/ofa/oas/far/pdfs/FY2016AuditReport.pdf> (date of application 31.03.2020).

16. MIT «Report of the Treasurer». URL : <https://vpf.mit.edu/sites/default/files/downloads/Treasurers-Report/MITTreasurersReport2017.pdf> (date of application 10.04.2020).

17. New Jersey Institute of Technology «Annual Report». URL : <http://www.njit.edu/president/annualreport/> (date of application 24.04.2020).

18. *Nordhaus W.D.* The efficient use of energy resources. Yale, 1979.

19. One-North «Sustainability Report». URL : <https://www.jtc.gov.sg/our-sustainability-journey/Pages/default.aspx> (date of application 22.04.2020).

20. Otaniemi «Sustainability Report». URL : <https://www.technopolis.fi/app/uploads/2018/02/SustainabilityReport-2017.pdf> (date of application 14.04.2020).

21. QS WU Rankings (Result 2021). URL : <https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2021> (date of application 11.06.2020).

22. Queen's University of Belfast «Annual Report». URL : <https://www.qub.ac.uk/about/Filestore/Fileupload,790878,en.pdf> (date of application 11.04.2020).

23. Research Triangle Report. URL : <https://www.rtp.org/event/the-rtp-mistletoe-market/> (date of application 22.04.2020).

24. *Romero P.M.* Increasing Returns and Long-Run Growth // *The Journal of Political Economy*. 1986. P. 1002–1037.

25. RUDN University Социальный отчет. URL : <http://old.rudn.ru/?pagec=6636> (date of application 01.05.2020).

26. Softwarepark Hagenberg «About Softwarepark Hagenberg». URL : <https://www.softwarepark-hagenberg.com/en/softwarepark/about-us/> (date of application 23.04.2020).

11. *Hueting R.* Broad sustainability contra sustainability: the proper construction of sustainability indicators / R. Hueting, L. Reijnders // *Ecological Economics*. 2004. № 50(3–4). P. 249–260.

12. Imperial College London «Our Responsibilities». URL : <https://www.imperial.ac.uk/research-and-innovation/about-imperial-research/research-integrity/responsibility/> (date of application 22.04.2020).

13. Kulim Hi-Tech «Sustainability Report». URL : <https://www.khttp.com.my/index.php/pages/404-page> (date of application 28.04.2020).

14. Lakeside Science and Technology Park «Data and Facts». URL : <https://www.lakeside-scitec.com/en/about-us/about-us/data-and-facts/> (date of application 13.04.2020).

15. Louisiana State University «Audit Report». URL : <https://www.lsu.edu/administration/ofa/oas/far/pdfs/FY2016AuditReport.pdf> (date of application 31.03.2020).

16. MIT «Report of the Treasurer». URL : <https://vpf.mit.edu/sites/default/files/downloads/Treasurers-Report/MITTreasurersReport2017.pdf> (date of application 10.04.2020).

17. New Jersey Institute of Technology «Annual Report». URL : <http://www.njit.edu/president/annualreport/> (date of application 24.04.2020).

18. *Nordhaus W.D.* The efficient use of energy resources. Yale, 1979.

19. One-North «Sustainability Report». URL : <https://www.jtc.gov.sg/our-sustainability-journey/Pages/default.aspx> (date of application 22.04.2020).

20. Otaniemi «Sustainability Report». URL : <https://www.technopolis.fi/app/uploads/2018/02/SustainabilityReport-2017.pdf> (date of application 14.04.2020).

21. QS WU Rankings (Result 2021). URL : <https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2021> (date of application 11.06.2020).

22. Queen's University of Belfast «Annual Report». URL : <https://www.qub.ac.uk/about/Filestore/Fileupload,790878,en.pdf> (date of application 11.04.2020).

23. Research Triangle Report. URL : <https://www.rtp.org/event/the-rtp-mistletoe-market/> (date of application 22.04.2020).

24. *Romero P.M.* Increasing Returns and Long-Run Growth // *The Journal of Political Economy*. 1986. P. 1002–1037.

25. RUDN University Социальный отчет. URL : <http://old.rudn.ru/?pagec=6636> (date of application 01.05.2020).

26. Softwarepark Hagenberg «About Softwarepark Hagenberg». URL : <https://www.softwarepark-hagenberg.com/en/softwarepark/about-us/> (date of application 23.04.2020).

27. Sophia-Antipolis Park «Présentation de la technopole». URL : http://www.sophia-antipolis.org/index.php?option=com_content&view=article&id=23&Itemid=115 (date of application 26.04.2020).

28. Stanford University «Investment Report». URL : http://www.smc.stanford.edu/sites/default/files/site_files/Report%20from%20SMC%202017.pdf (date of application 12.04.2020).

29. Technologiepark Heidelberg GmbH «Sustainability Report». URL : http://www.technologiepark-heidelberg.de/fileadmin/startseite/ueber_uns/30Years_Heidelberg_Technology_Park.pdf (date of application 29.04.2020).

30. The University of Chicago «Sustainability Report». URL : <https://sustainability.uchicago.edu/> (date of application 05.04.2020).

31. The University of Sydney «Annual Report». URL : <https://sydney.edu.au/content/dam/corporate/documents/about-us/values-and-visions/6324%20Annual%20Report%202016.pdf> (date of application 03.04.2020).

32. Turku Science Park «Turku region – accelerator of growth». URL : <https://turkubusinessregion.com/en/turku-region/> (date of application 09.04.2020).

33. UCL Sustainable. URL : <http://www.ucl.ac.uk/greenucl> (date of application 25.04.2020).

34. University of California, Santa Cruz «Sustainability Report». URL : https://www.ucop.edu/sustainability/_files/annual-sustainability-report2016.pdf (date of application 12.04.2020).

35. University of Cambridge «Environmental Sustainability Report». URL : <https://www.environment.admin.cam.ac.uk/Annual-Report> (date of application 14.04.2020).

36. University of Houston «President's Report». URL : <https://www.uh.edu/presidents-report/> (date of application 20.04.2020).

37. University of Leeds «Sustainability Report». URL : <http://www.qub.ac.uk/about/Filestore/Fileupload,790878,en.pdf> (date of application 04.04.2020).

38. University of Oxford Sustainability. URL : <https://www.admin.ox.ac.uk/estates/ourservices/environment/> (date of application 15.04.2020).

39. Washington State University «Annual Report». URL : <https://foundation.wsu.edu/documents/2018/02/wsu-foundation-annual-report-fy2017.pdf/> (date of application 27.04.2020).

27. Sophia-Antipolis Park «Présentation de la technopole». URL : http://www.sophia-antipolis.org/index.php?option=com_content&view=article&id=23&Itemid=115 (date of application 26.04.2020).

28. Stanford University «Investment Report». URL : http://www.smc.stanford.edu/sites/default/files/site_files/Report%20from%20SMC%202017.pdf (date of application 12.04.2020).

29. Technologiepark Heidelberg GmbH «Sustainability Report». URL : http://www.technologiepark-heidelberg.de/fileadmin/startseite/ueber_uns/30Years_Heidelberg_Technology_Park.pdf (date of application 29.04.2020).

30. The University of Chicago «Sustainability Report». URL : <https://sustainability.uchicago.edu/> (date of application 05.04.2020).

31. The University of Sydney «Annual Report». URL : <https://sydney.edu.au/content/dam/corporate/documents/about-us/values-and-visions/6324%20Annual%20Report%202016.pdf> (date of application 03.04.2020).

32. Turku Science Park «Turku region – accelerator of growth». URL : <https://turkubusinessregion.com/en/turku-region/> (date of application 09.04.2020).

33. UCL Sustainable. URL : <http://www.ucl.ac.uk/greenucl> (date of application 25.04.2020).

34. University of California, Santa Cruz «Sustainability Report». URL : https://www.ucop.edu/sustainability/_files/annual-sustainability-report2016.pdf (date of application 12.04.2020).

35. University of Cambridge «Environmental Sustainability Report». URL : <https://www.environment.admin.cam.ac.uk/Annual-Report> (date of application 14.04.2020).

36. University of Houston «President's Report». URL : <https://www.uh.edu/presidents-report/> (date of application 20.04.2020).

37. University of Leeds «Sustainability Report». URL : <http://www.qub.ac.uk/about/Filestore/Fileupload,790878,en.pdf> (date of application 04.04.2020).

38. University of Oxford Sustainability. URL : <https://www.admin.ox.ac.uk/estates/ourservices/environment/> (date of application 15.04.2020).

39. Washington State University «Annual Report». URL : <https://foundation.wsu.edu/documents/2018/02/wsu-foundation-annual-report-fy2017.pdf/> (date of application 27.04.2020).

Попов Михаил Юрьевич

доктор социологических наук,
профессор
popov-52@mail.ru

Абдулаева Элита Султановна

кандидат философских наук,
доцент кафедры теории
и технологии социальной работы,
Чеченский государственный университет
elita8881@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ В СТАРОСТИ

Аннотация. Социализация личности представляет собой процесс продолжительностью во всю жизнь человека. Но если этапы первичной и вторичной социализации долгое время являлись приоритетными направлениями исследований в научном сообществе, то должного внимания к представителям старшей возрастной группы с их стороны не уделялось до тех пор, пока они, начиная со второй половины XX века, перестали занимать нишу малочисленной части населения в современных государствах с высоким и средним уровнем экономического развития. В настоящей статье проводится исследование особенностей процесса социализации представителей старшей возрастной группы, как на Западе, так и в Российской Федерации.

Ключевые слова: социализация, социализация лиц старшего возраста, общество, пенсионный возраст, институты социализации, агенты социализации, пенсионная система.

Тема социализации личности в возрасте, обозначенном в заголовке статьи, не часто служит объектом внимания и зарубежных, и отечественных исследователей. Причиной тому, по нашему мнению, является традиционно пристальное внимание со стороны научного сообщества этапам первичной и вторичной социализации личности как базового периода времени, в течение которого закладываются фундаментальные основы формирования ее основных психолого-социальных свойств и характеристик, мировоззрения, жизненных стратегий. Этот процесс протекает при активном участии институтов и агентов социализации, влияние которых на формирующуюся личность является, без преувеличения, определяющим. В результате завершения этих процессов человек вступает в начальный период зрелости, когда он занимает в социуме определенный статус, предусматривающий меру его ответственности как перед обществом, в целом, так и перед его структурами, а также диапазон его

Mikhail Yu. Popov

Doctor of Sociological Sciences,
Professor
popov-52@mail.ru

Elita S. Abdulayeva

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of Department of Theory
and Technology of Social work,
Chechen State University
elita8881@mail.ru

FEATURES OF SOCIALIZATION OF THE PERSON IN OLD AGE

Annotation. Socialization of the individual is a process that lasts for the entire life of a person. But if the stages of primary and secondary socialization have long been the priority areas of research in the scientific community, due attention was not paid to the representatives of the older age group until they, starting from the second half of the twentieth century, ceased to occupy a niche of a small part of modern and, first of all, States with a high and medium level of development. This article explores the peculiarities of the process of socialization of the older age group in both the West and the Russian Federation.

Keywords: socialization, socialization of older persons, society, retirement age, socialization institutions, agents of socialization, pension system.

полномочий и ролей в системе политических, социально-экономических и правовых отношений в государстве и обществе.

Таким образом, этапы первичной и вторичной социализации личности, бесспорно, играют определяющую роль в ее формировании и становлении как объекта и субъекта социально-правовых отношений государстве и обществе. И с этой точкой зрения солидарны практически все представители различных направлений современных гуманитарных и общественных наук.

Когда же речь заходила о проблемах, сопровождающих человека по достижению им пожилого возраста и старости, то, чаще всего, исследование этой возрастной группы проводилось, чаще всего, в контексте темы ресоциализации личности и реже – как этапа ее завершающей социализации. И в одном, и в другом случаях речь шла о людях, вступивших в пенсионный возраст,

в результате чего понижался их социальный статус в связи с завершением трудовой деятельности и к вынужденному, по этой причине, сокращению социальных связей, а также, к снижению социальной мобильности. Объяснялось это, в первую очередь, медицинскими показателями: ухудшением состояния их здоровья в связи с возрастными заболеваниями, носящими хронический характер. Немаловажное значение имело и стремление государств, испытывавших острую проблему с трудовой занятостью молодежи, решить ее за счет представителей старших возрастных групп. К тому же, в большинстве государств с высоким и средним уровнем социально-экономического развития сложилась эффективная пенсионная система, позволяющая людям, достигшим возраста старости, вести безбедный образ жизни.

Дискуссии в научном сообществе возникают вокруг процессов социализации личности по мере достижения ею зрелого возраста, а затем, и старости, возникли не случайно в связи с тем, что в результате научно-технического прогресса и социально-ориентированной политики государств под влиянием таких глобальных процессов, как Октябрьская социалистическая революция 1917 г. в России, разгром гитлеровской Германии во Второй мировой войне при решающей роли Советского Союза, когда социалистические идеи получили широкое распространение на Европейском континенте и не только в государствах Восточного блока, поставив под угрозу существование самой капиталистической модели общественного развития во Франции, Италии, Греции. Как известно, ликвидировать эту «угрозу» удалось в Западной Европе при помощи США, оказавших европейским государствам экономическую помощь в рамках плана Маршала при условии подавления в них коммунистического движения. Но эта угроза сохранялась в этих странах до тех пор, пока в них не была принята социально ориентированная экономическая политика, принесшая положительные результаты, что отразилось и на повышении качества жизни основной массы населения на Европейском континенте, в Северной Америке, на Дальнем Востоке (в Японии, в Южной Корее, в Новой Зеландии) и в Австралии, в том числе, и, в последствие, на увеличении продолжительности жизни народонаселения. Так, например, по данным переписи в Великобритании, если в 1911 г. мужчины старше 65 лет и женщины старше 60 лет составляли 6,8 % населения, то в 1981 г. – 17,7 %, [8, с. 291], и эта положительная динамика сохраняется на протяжении длительного времени на фоне сокращения детской рождаемости. В связи с этим обстоятельством, увеличение удельного веса пожилых людей в населении и распространение раннего выхода на пенсию стал восприниматься как социальная проблема [8, с. 291], а затем, и в качестве научной проблемы, к исследованию которой обратились, в первую очередь, по объективным причинам, представители зарубежной науки. Так, Орвилль Г. Брим-младший, высказывая мнение о том, что социализация происходит в течение всей жизни человека, заявлял о различиях, существующих между социализацией детей и взрослых. Не акцентируя внимания на первой возрастной группе, мы выделим те позиции, которые он высказывал

в отношении особенностей социализации взрослых людей:

– она выражается, главным образом, в изменении их внешнего поведения;

– взрослые могут оценивать нормы и вынуждены говорить неправду;

– предполагает понимание того, что между черным и белым существует множество «оттенков серого цвета»;

– она направлена на то, чтобы помочь человеку овладеть определенными навыками, например, становятся солдатами или членами комитетов [1].

Н. Смелзер, исходя из адаптивистского подхода, отмечал, что жизнь взрослых представляет собой ряд ожидаемых и неожиданных кризисов, которые необходимо осмыслить и преодолеть. Например, ожидаемым кризисом можно считать потерю физической подвижности с возрастом; неожиданным кризисом может стать преждевременная смерть одного из супругов [2, с. 199].

В контексте этого подхода, Дж. Клаузен отметил ряд критических периодов в жизни взрослых:

– они должны выбрать профессию и выдержать связанный с этим стресс;

– они вынуждены балансировать между требованиями, предъявляемыми к ним на работе и в семье.

Им также приходится преодолевать, так называемый, кризис сорокалетних, когда человеку кажется, что его жизнь теряет прежний смысл, работа становится скучной, а семья напоминает «опустевшее гнездо». Кризис может быть связан с уходом на пенсию, с чувством тревоги от осознания наступающей старости, страхом перед смертью и т.д. [3].

Э. Эриксон, выделяя 8 стадий человеческого развития, началу взрослости отводит 6-ю позицию, именуя ее как «интимность-одиночество», когда для человека особое значение приобретают ухаживание, брак и другие виды интимных отношений. Если же конфликт между интимностью и одиночеством не находит разрешения, может случиться, что в дальнейшем человек будет вступать во временные связи, всегда кончающиеся разрывом. 7-я стадия им определяется, как «творческая активность-застой (средний возраст), когда люди осваивают определенную деятельность и родительские функции. Старости исследователь отводит восьмую позицию, именуя ее, как умиротворение-отчаяние, когда люди подводят итоги своей жизни; некоторые из них спокойно встречают старость, другие испытывают чувство горечи. В этот период жизни человек по-новому осмысливает свою жизнь. Если люди довольны ею, то создается чувство, что все этапы жизни представляют собой некое целостное единство. Если нет, то наступает отчаяние [4, р. 41, 301–313].

Р. Гоулд, в отличие от выше указанных авторов,

полагает, что социализация взрослых не является продолжением социализации детей; она представляет собой процесс преодоления психологических тенденций, сложившихся в детстве. Он утверждает, что успешная социализация взрослых связана с постепенным преодолением детской уверенности во всемогуществе авторитетных лиц и в том, что другие обязаны заботиться о твоих нуждах. В результате формируются более реалистические убеждения с разумной мерой недоверия к авторитетам и пониманием того, что люди сочетают в себе как достоинства, так и недостатки. Избавившись от детских мифов, люди становятся терпимее, щедрее и добрее. В конечном итоге, личность обретает значительно большую свободу [5, р. 121–127].

Н. Смелзер, исследуя социализацию пожилых людей, полагает, что приспособление к старости не обязательно представляет собой процесс роста. Развитие личности может прекратиться и даже повернуть вспять из-за ослабления ее физических и психологических возможностей, что часто происходит в старости [2, с. 112].

По мнению И. Розова, социализация пожилых людей отличается от их социализации на более ранних этапах жизни еще и тем, что роли пожилых людей четко не определены. Подлинная роль стариков в таком обществе остается неясной. Люди, значительная часть жизни которых осталась позади, не пользуются в нем особым престижем и уважением [6]. В порядке замечания мы хотим отметить, что и Н. Смелзер, и И. Розов свои исследования социализации представителей данной возрастной группы проводили в США.

Э. Гидденс, исследуя проблемы старости в Великобритании, утверждает, что этот возраст нельзя отождествлять с плохим здоровьем или инвалидностью. По его мнению, старение – это процесс, открывающий новые возможности, который сопровождается и рядом незнакомых проблем, а одной из главных забот пожилых людей является сохранение независимости, свободы передвижения и способности принимать полноценное участие в общественной жизни. Отмечая, что этот период жизни человека часто называют третьим возрастом, Э. Гидденс заявляет, что все чаще последние годы жизни рассматриваются многими людьми как время больших возможностей и даже праздника. Это время воспоминаний о радостях жизни, но это и время, когда личность может продолжать совершенствоваться, учиться и путешествовать. Это годы, когда люди свободны как от родительских обязанностей, так и от рынка труда. В этот период времени, который сейчас стал дольше, чем когда-либо ранее, люди могут свободно вести активную независимую жизнь – продолжать образование или овладеть новой профессией. Но Э. Гидденс также выделяет и четвертый возраст, который он относит к тем годам жизни человека, когда независимость людей и их способность полностью заботиться о себе подвергается серьезным испытаниям. Но он же отмечает, что в отношении пожилых людей не меньше ложных представлений, чем в других областях. Например, многие думают, что пожилые работ-

ники менее компетентны, чем молодые, что большинство людей, достигших шестидесятипятилетнего возраста содержатся в больницах и в домах для престарелых, что значительная доля этих людей находится в старческом маразме. Но как отмечает этот исследователь, показатели производительности и продуктивности у работников старше 60 лет превосходят показатели представителей более молодых возрастных групп; 95 % людей старше 65 лет живут в собственных домах, и только у 7 % людей в возрасте от 65 до 80 лет имеются признаки старческого дряхления [7, с. 151–152].

Таким образом, в большинстве современных зарубежных исследованиях долгое время существовало устойчивое мнение о процессе социализации старшего поколения как о том периоде его жизни, когда не только подводятся итоги прожитому, но и нарабатывается новый опыт, осваиваются актуальные для этой возрастной группы интересные социальные роли, благодаря высокому экономическому уровню развития, гибкой социальной и пенсионной политики руководства этих государств. Только, как показали события конца 2019 – начала 2020 года широко рекламируемые западными политиками и средствами массовой информации успехи, достигнутые в них в сфере здравоохранения и социальной политики, в том числе и в отношении старшего поколения, оказались не настолько значительными и, тем более, достойными подражания, когда в результате пандемии коронавируса эта часть населения не только оказалась в группе, наиболее подверженной этому заболеванию, но и даже в США, являющихся лидером экономического развития, именно старики оказались обреченными на смерть, нередко из-за отказа им в медицинской помощи. С этими же проблемами, как стало известно, столкнулись и благополучные во всех отношениях Великобритания, Испания, Италия, в которых люди старшего возраста оказались, фактически, брошенными государством на произвол судьбы. Эти события вынуждают исследователей по-новому взглянуть на страны западной демократии как на образец для подражания.

Если же затронуть тему социализации лиц пожилого и старческого возраста в исследованиях отечественных ученых, то, по объективным причинам, большинство из них в своих исследованиях в качестве теоретико-методологической базы используют труды зарубежных авторов, потому что в советской науке, как известно, социология длительное время не признавалась как таковая, а политическая пропаганда в условиях «железного занавеса» навязывала массовому сознанию искаженные представления о жизни людей, как за пределами социалистической системы, так и внутри ее самой. Тем не менее, информация о благах западной цивилизации, многократно усиленная в массовом сознании жителей из социалистического лагеря, проникала и в страны, исповедующие коммунистическую идеологию, что в немалой степени способствовало протестным настроениям, в первую очередь, в странах «народной демократии», протестные движения в которых положили начало глубокому кризису социалистического сообщества, и завершился этот

процесс распадом СССР.

В постсоветский период отечественной истории социологическая и другие гуманитарные и общественные науки получили стимул для прогрессивного развития, в том числе, и в таком направлении, как социализация личности, в котором внимание исследователей уделяется и представителям старшей возрастной группы. Этот этап социализации некоторые социологи называют послетрудовой социализацией [9, с. 178]. З.Т. Голенкова характеризует этот период в жизни индивида как время отказа от активной профессионально-трудовой деятельности, полагая, что в это время ему важно уметь переключиться на другие виды деятельности. Особую роль, по ее мнению, начинают играть социальные институты, связанные с возможностью социальной защиты пенсионеров и оказания им морально-психологической помощи, а роль семьи начинает играть столь же важную роль в их жизни, как и на первых этапах социализации [10, с. 164].

Как отмечает Ю.Г. Волков, пожилой возраст влечет за собой расставание с некоторыми социальными ролями, особенно в период жизни после выхода на пенсию, когда, нередко, жизнь человека рассматривается как практически бесцельная, поскольку основная и первоочередная задача пенсионера – решить, как заполнить длинный и бессмысленный день [11, с. 145].

По нашим наблюдениям, проведенным среди пенсионеров – представителей правоохранительных органов, достигших этого возраста, переход от активной профессиональной деятельности к жизни в состоянии бездеятельности сопровождается продолжительным психологическим стрессом из-за ощущения своей не востребованности, что нередко приводит к ухудшению состояния их здоровья, обострению хронических заболеваний и к последующему летальному исходу. Конечно же, подобное состояние кризиса пенсионного возраста переживается и представителями других профессий, что позволило Ю.Г. Волкову прийти к выводу, который мы полностью разделяем, что в России не существует успешной социализации людей пожилого возраста в связи с тем, что очень мало социальных норм, которые бы определяли их жизненные цели, и которые, к тому же, еще очень размыты [11, с. 145]. Усложняется ситуация в этот период жизни человека еще и тем обстоятельством, что с приходом к старости и в связи с драматическими событиями, которые в это время переворачивают жизнь человека, многие теряют своих спутников жизни и рискуют остаться в стороне от круга своих друзей. Дружеские связи, однако, укрепляются, когда друзья, в свою очередь, тоже оказываются в сходной ситуации (среднее число друзей у человека, вышедшего на пенсию, составляет приблизительно 6 человек) [12, с. 209].

Одними из системных исследователей социализации человека в старости являются В.И. Добренев и А.И. Кравченко, которые отмечают, что в конце жизненного пути человек приобретает опыт, понимание жизни и мудрость, но одновре-

менно теряет силы, функциональную подвижность мышечной и нервной ткани и внешнюю привлекательность [13, с. 40]. Как отмечают эти исследователи, с выходом на пенсию завершается активный период социализации личности, сокращается количество активно используемых социальных статусов и ролей [13, с. 57], резко изменяется не только образ жизни человека, но и его социальный статус, положение в обществе. Чем более высокого социального положения достиг человек, тем труднее ему будет смириться с неизбежными материальными ограничениями, наступающими в старости. Они же отмечают следующую особенность: сужение статусного диапазона в старости вступает в противоречие с расширением жизненного опыта. На склоне лет человек стал мудрее и спокойнее, научился реально оценивать свои возможности и достижения, лучше понимать людей и налаживать с ними взаимоотношения. Возможно, что к 65 годам мы становимся почти идеальными руководителями, знающими мир и тонкости человеческой психологии, но физические силы нас уже покинули. По своему внутреннему состоянию мы готовы трудиться на «отлично», но кадровики предпочитают нас более молодым [13, с. 40–41]. Как не трудно заметить, такая позиция авторов «перекликается» с точкой зрения Э. Гидденса в отношении представителей старшего поколения, на которую мы уже обращали ранее внимание читателей в этой статье [7, с. 151–152].

Отдавая должное мнению этих признанных в научном сообществе исследователей, мы, тем не менее, обращаем внимание читателей на то обстоятельство, что подавляющее большинство руководителей современных государств представлены людьми, перешедшими возрастной рубеж в 60 лет, и этот факт мы объясняем утверждениями, высказанными выше В.И. Добреневым и А.И. Кравченко в отношении представителей данной возрастной как о людях с высоким интеллектуальным потенциалом, хорошими организаторскими способностями и лидерскими качествами, в пользу которых на выборах руководителей государств голосует большинство избирателей, в том числе и представителей старшего поколения, которых социологи и политологи традиционно относят к наиболее активной части электората. А рост продолжительности жизни в большинстве современных государств с высоким и средним уровнем экономического развития, в ряде развивающихся стран объективно стимулирует и увеличение возраста социальной и физической активности людей, достигших пожилого возраста, благодаря чему государство и общество получают дополнительные ресурсы для успешного решения своих экономических, социальных и других проблем. Благодаря этому обстоятельству, в западном обществе возникло новое деление старшего поколения на «молодых пожилых» и «старых пожилых». К первой группе ученые относят людей, вышедших на пенсию ранее общепринятого возраста. Они бодры, полны энергии, получают удовольствие от освободившегося времени, имея возможность заниматься общественной деятельностью и самореализоваться в новой сфере. К категории «старых пожилых» относятся люди пре-

клонного возраста, в том числе, страдающие различными недомоганиями и болезнями [11, с. 144].

В соответствие с выше изложенным посылом, мы полагаем, что под предложенную западными исследователями классификацию подпадают и наши соотечественники, например, военнослужащие и сотрудники правоохранительных органов, многие из которых достигают пенсионного возраста по выслуге лет (20 лет службы) еще в среднем возрасте. По нашим наблюдениям, лишь немногие из них ведут праздный образ жизни. Большая часть представителей этой социальной группы, обладая достаточно высоким ресурсом мобильности, амбиций и жизненного опыта, определяют свои новые жизненные цели уже на этапе завершения своей профессиональной деятельности или же, спустя короткое время после выхода на пенсию.

Конечно, сложная экономическая ситуация, в которой оказалась наша страна на протяжении почти сорока лет, если иметь ввиду события завершающего этапа советской истории нашей страны, получившей название «перестройки», негативно отразилась не только на экономическом положении людей, достигших старшего возраста, но и на их морально-психологическом состоянии, негативно отразившемся на их физическом и психическом самочувствии, послужившем причиной ухудшения состояния их здоровья и преждевременной смерти. Тем не менее, немало представителей этой возрастной группы успешно адаптировались к той непростой ситуации, в которой оказалась наша страна, проявив себя как успешные политики, ученые, общественные деятели и предприниматели, не только не став обузой для государства и общества, но и приняв активное участие в происходящих в постсоветской России преобразованиях, возвращения ей статуса великой державы, авторитетного субъекта мировой политики.

Тем не менее, приведенные выше примеры никоим образом не должны давать повода для самоуспокоения руководству страны и структурам, несущим ответственность за социально-экономическую политику государства в отношении людей

старшего возраста, многие из которых испытывают тяжелые материальные проблемы, нуждаются в морально-психологической поддержке и качественной медицинской помощи со стороны, как государства, так и институтов гражданского общества в непростых экономических условиях, в которых оказалась наша страна, в том числе, и в условиях пандемии коронавируса, так как именно представители этой возрастной группы попали в зону наиболее высокого риска.

Подводя итог нашей публикации, мы выражаем солидарность с той группой исследователей, которые не только убеждены в том, что процесс социализации личности не ограничивается только периодом времени ее социально-трудовой активности, но и продолжается после достижения пенсионного возраста, поэтому мы не считаем пенсионный возраст периодом завершающей социализации, если под ней имеется ввиду жизнь человека в пассивном ожидании приближающейся смерти [14]. К тому же, продолжению сохранения и поддержания трудовой и социально-политической активности представителей этой возрастной группы способствуют достижения современного научно-технического прогресса, позволяющего использовать человеку независимого от его возраста информационные технологии, компьютеризацию общества для продолжения своей активной трудовой деятельности, в том числе и в коллективе на удаленной основе, а также, индивидуально, в том числе, и в качестве самозанятых, практика использования труда которых на легальной основе, начиная с июля 2020 г., получила законодательное закрепление по всей нашей стране. С учетом же того обстоятельства, что наша страна испытывает немалые трудности в квалифицированных кадрах и в трудовых ресурсах в ближайшие годы, на что обратил внимание Президент РФ, подводя итог всенародному голосованию по изменениям в действующую Конституцию РФ как фактора риска успешного экономического развития нашей страны, важная роль представителей старшей возрастной группы в экономической, социально-политической и культурной жизни современной России не только будет сохраняться на высоком уровне, но и объективно возрастать.

Литература:

1. *Orwell G.* 1984, New York: Harcourt Brace Ivanovich, 1971. (Originally published 1949).
2. *Смелзер Н.* Социология. М., 1994.
3. *Clauzen J.A.* The lifecourse of individuals. New-York, 1972.
4. *Eriksen J.I.* The division of family roles. Journal of marriage and the family / J.I. Eriksen, W.L. Jancey & E.P. Ericksen, 1979.
5. *Gold R.L.* On local control of Western energy development. Social Science Journal. 1979. № 16(2).
6. *Rozov I.* Socialization to old age. Berceley : University of California Press, 1974.
7. *Гидденс Э.* Социология. Новое второе издание

Literature:

1. *Orwell G.* 1984, New York: Harcourt Brace Ivanovich, 1971. (Originally published 1949).
2. *Смелзер Н.* Социология. М., 1994.
3. *Clauzen J.A.* The lifecourse of individuals. New-York, 1972.
4. *Eriksen J.I.* The division of family roles. Journal of marriage and the family / J.I. Eriksen, W.L. Jancey & E.P. Ericksen, 1979.
5. *Gold R.L.* On local control of Western energy development. Social Science Journal. 1979. № 16(2).
6. *Rozov I.* Socialization to old age. Berceley : University of California Press, 1974.
7. *Giddens E.* Sociology. A new second edition of

учебника, выполненного с переработанного и улучшенного четвертого английского издания. М., 2005.

8. *Джери Дэвид*. Большой толковый социологический словарь : в двух томах / Джери Дэвид, Джери Джулия. М., 1999. Т. 2.

9. *Филатова О.Г.* Общая социология. М., 2005.

10. *Голенкова З.Т.* Общая социология / З.Т. Голенкова, М.М. Акулич, В.Н. Кузнецов. М., 2005.

11. *Волков Ю.Г.* Социология. Изд. 20-е / Ю.Г. Волков, В.И. Добренков, В.Н. Нечипуренко, А.В. Попов. М., 2003.

12. *Волков Ю.Г.* Социология. Курс лекций / Ю.Г. Волков, В.Н. Нечипуренко, А.В. Попов, С.И. Самыгин. Ростов-н/Д., 1999.

13. *Добренков В.И.* Фундаментальная социология. Социализация и образование / В.И. Добренков, А.И. Кравченко. М., 2005. Т. VIII.

14. *Попов М.Ю.* Правовая социализация личности как ресурс социального порядка в российском обществе. М., 2006.

the textbook, made from a reworked and improved fourth English edition. М., 2005.

8. *Gerri David*. A great sensible sociological dictionary : In two volumes / Gerri David, Gerri Julia. М., 1999. Vol. 2.

9. *Filatova O.G.* General Sociology. М., 2005.

10. *Golenkova Z.T.* General Sociology / Z.T. Golenkova, M.M. Akulic, V.N. Kuznetsov. М., 2005.

11. *Volkov J.G.* Sociology. 20th / J.G. Volkov, V.I. Dobrenkov, V.N. Nechipurenko, A.V. Popov, 2003.

12. *Volkov Yu.G.* Sociology. Lecture course / Yu.G. Volkov, V.N. Nechipurenko, A.V. Popov, S.I. Samygin. Rostov-on/D., 1999.

13. *Dobrenkov V.I.* Fundamental Sociology. Socialization and education / V.I. Dobrenkov, A.I. Kravchenko М., 2005. Vol. VIII.

14. *Popov M.Yu.* Legal socialization of the individual as a resource of social order in Russian society. М., 2006.

Скляр Алексей Сергеевич
соискатель кафедры
философии и социологии,
Адыгейский государственный университет
Milena.555@mail.ru

УПРАВЛЕНИЕ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. В современном российском обществе важное значение приобретает оптимизация системы государственного управления, а также ее различных подсистем, одной из которых является управление органами внутренних дел. Учитывая специфику работы органов внутренних дел, характер действий и взаимодействий сотрудников в системе управления, важное значение приобретает общетеоретический социологический анализ проблемы повышения эффективности проводимых мероприятий, с учетом специфики самих управленческих кадров и характера выполняемых ими задач. В современных условиях также необходимо усиливать интеграцию эмпирической социологии и управления органами внутренних дел для получения качественной первичной информации.

Ключевые слова: общество, государство, управление, государственное управление, полиция, органы внутренних дел, эффективность управленческих решений.

Институт государства функционирует, благодаря системе государственного управления. В этой связи, интерес социологической науки к изучению государственного управления вполне обоснован. В центре внимания исследователей – содержательный смысл центрального понятия «государственное управление».

По мнению А.М. Игнатовой, «государственное управление – целенаправленное организующее воздействие органов государственной власти на развитие различных сфер общественной жизни с учетом экономических, политических и социальных характеристик государства на определенных этапах его исторического развития. Государственное управление – система принятия политических и административных решений, которые реализуются на практике с помощью административно-государственного аппарата» [1, с. 39].

В свою очередь, А.Л. Слепышев понимает под государственным управлением систематически организованную «деятельность органов государственной власти по обеспечению территориаль-

Alexey S. Sklyarov
Candidate of the Department
of Philosophy and Sociology,
Adygea State University
Milena.555@mail.ru

MANAGEMENT OF INTERNAL AFFAIRS BODIES IN THE PUBLIC ADMINISTRATION SYSTEM: GENERAL THEORETICAL ASPECTS

Annotation. In modern Russian society, it is important to optimize the system of public administration, as well as its various subsystems, one of which is the management of internal Affairs bodies. Given the specifics of the work of internal Affairs bodies, the nature of actions and interactions of employees in the management system, it is important to General theoretical sociological analysis of the problem of improving the effectiveness of activities, taking into account the specifics of the management personnel themselves and the nature of their tasks. In modern conditions, it is also necessary to strengthen the integration of empirical sociology and internal Affairs management in order to obtain high-quality primary information.

Keywords: society, state, management, public administration, police, internal Affairs bodies, efficiency of management decisions.

ной целостности страны, благополучия ее населения (граждан), на основе социально-экономического развития страны и цивилизованных норм её устройства, а также – по легитимизации и оптимизации властных функций самих органов государственной власти» [2, с. 91–96.].

Следует отметить, что государственное управление с неизбежностью испытывает воздействие сложного государственно-властного аппарата, вследствие чего проявляются такие атрибутивные характеристики как жесткая субординация, властно-подчиненные отношения, высокий уровень регламентированности, формализованный, обезличенный характер и т.п. Поэтому классические разработки социального управления (концепция «человеческих отношений» и др.), зачастую, оказываются недостаточно эффективными в условиях государственного управления. На этом фоне рост социальной значимости бюрократии становится вполне закономерным явлением. Для российского общества он обусловлен не только современной спецификой, но и историческими особенностями, когда авторитарные импе-

раторские режимы, а затем и советский тоталитарный режим продуцировали широкие бюрократические слои и опирались на них при управлении государством. Таким образом, бюрократию закономерно рассматривать как важный элемент системы государственного управления.

Немецкий социолог М. Вебер одним из первых акцентировал внимание именно на бюрократии, как атрибутивной характеристике института государства. Бюрократия институализирует социальное управление. Благодаря бюрократии управление становится рациональным, системным, алгоритмизированным, что способствует стабильности социума, эффективному преодолению возникающих угроз и вызовов [3]. М. Вебером в научный курс было введено позитивное восприятие бюрократии как институционального элемента системы государственного управления.

В то же время, в научной литературе представлено и немало негативных оценок бюрократии как элемента системы государственного управления. Олицетворением данной тенденции выступает концепция К. Маркса. Автор определял бюрократию как социальный организм-паразит, результат социально-классовых антагонизмов и противоречий [4, с. 44–45]. В системе классовых координат К. Маркса и его последователей, бюрократия олицетворяет собой элемент государственного управления и принуждения, в основном, со стороны эксплуататорских классов, безраздельно владеющих средствами производства.

Е.Е. Кузнецова полагает, что «процесс формирования современного демократического государства не может быть успешным без обеспечения функционирования системы хорошо налаженной, высококвалифицированной управленческой бюрократии, адекватной требованиям высокоэффективных управленческих систем» [5, с. 63–70].

Как отмечает О.А. Бочкова, отличительной чертой современной бюрократии выступает профессионализм. Исследователь указывает: «Государственная бюрократия призвана выполнять функцию посредника во властных отношениях между государством и населением. Профессионально подготовленный аппарат необходим каждому органу власти с учетом специфики его функций. Без него не может осуществляться государственное управление» [6, с. 3].

Анализ концепций бюрократии, с учетом специфики государственного управления в современных российских условиях, позволяет сделать вывод о том, что именно бюрократия выступает одной из атрибутивных характеристик государственных управленческих структур. Бюрократия оптимизирует и, следовательно, институционализирует систему государственного управления. Однако государственное управление неоднородно, носит многоуровневый характер в соответствии с характером решаемых задач. Среди различных структурных элементов системы государственного управления особым статусом обладают органы внутренних дел.

По мнению Л.Н. Госсельбаха, «органы внутренних дел являются юридически и организационно обособленными органами государственной власти, образующимися в законодательном порядке с целью осуществления в рамках своей компетенции задач и функций по обеспечению соблюдения законов, прав и свобод граждан, охране общественного порядка и частной собственности, борьбы с преступностью. Для выполнения данных функций они наделены государственно-властными полномочиями» [7, с. 50–54].

В системе государственной власти важное место занимает полиция. Именно поэтому управление органами внутренних дел – элемент системы государственного управления в современной России. Институт государства сложно представить без такой структуры, как полиция. Это – один из ключевых элементов системы государственного управления, тесно связанный с функционированием института государства, обеспечивающий исполнение норм права, особенно на микроуровне социальной реальности. Полиция выполняет ряд уникальных задач, как правило, представляя институт государства перед лицом обычного гражданина. А.В. Гусев указывает, что «статус полиции регламентируется на уровне Конституции РФ путем установления основных принципов организации и деятельности рассматриваемых органов как части аппарата государства» [8, с. 4–6].

Важность органов внутренних дел в системе государственного управления обусловлена тем, что именно она представляет собой «особый вид государственно-управленческой деятельности, направленной на охрану общественного порядка, обеспечение общественной (и любой другой) безопасности и связанной с применением государственного принуждения» [9].

Полиция – один из элементов института государства, нуждающийся в организованном системном управлении. При этом управление органами внутренних дел, несмотря на то, что оно имеет некоторую ведомственную специфику (закрытость, строгую регламентированность и т.п.), в целом, подчиняется тем закономерностям, которые выявила и подробно охарактеризовала социология государственного управления. Управление органами внутренних дел предельно рационализировано, системно организовано, строго регламентировано.

Анализ особенностей управления органами внутренних дел позволяет отметить, что речь идет о целенаправленном воздействии на уникальный по статусу объект. Это накладывает свой отпечаток на структуру и функции системы управления. Одновременно, обостряется проблема, о которой рассуждали ведущие мировые ученые в области социологии управления. Речь идет об угрозах утраты «человеческой составляющей» системой управления органами внутренних дел, потери обратной связи руководства и рядовых сотрудников вследствие приказного, директивного, бесперспективного характера управляющего воздействия.

Важное значение для управленческих структур полиции имеет имиджевое восприятие сотрудников, контактирующих с населением. Облик полицейских, их действия, компетентность – не только гарантия спокойствия, безопасности, стабильности для большинства людей; это – и, главным образом, функциональности государства. Посредством института полиции порядок на микроуровне общества закономерно экстраполируется на макроуровень, гарантируя стабильность государства, предсказуемое развитие, безопасность системы власти и управления, а также и граждан. Напротив, дезорганизация на микроуровне, как правило, отражается и на макроуровне (в силу взаимосвязи элементов социальной системы), вследствие этого социальная ситуация на микроуровне критически важна для института государства. В этом аспекте взаимосвязь институтов государства и полиции становится очевидной.

Таким образом, полиция выступает в качестве интегрального элемента системы государственного управления, призванного обеспечивать стабильность, порядок, гармоничное развитие социума в целом, а также, взаимодействие входящих в него групп, общностей, корпораций, классов и отдельных индивидов. От эффективности принимаемых управленческих решений в органах внутренних дел зависит стабильность, порядок микроуровня российского социума.

Успешность работы полиции зависит от множества факторов, связанных с четырьмя подсистемами общества – политической, экономической, социальной и духовной. Российская полиция как элемент социальной системы постоянно подвергается воздействию ряда рискогенных факторов. Периодически возникают новые социальные ситуации, нерешенные социальные проблемы, выходящие за рамки исключительно полицейской деятельности. В этой связи, ощущается необходимость более тесной интеграции практической

Литература:

1. *Халилова Х.А.* Государственное управление в современной России: эффективность его реформирования : дис. ... канд. полит. наук. Ставрополь, 2009.
2. *Слепышев А.Л.* Государственное управление в современной России: теория и практика // Социум и власть. 2014. № 2.
3. *Вебер М.* Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии : в 4 т. М., 2016.
4. *Ибрагима Д.* Феномен бюрократии: классические концепции // Russian Journal of Education and Psychology. 2013.
5. *Кузнецова Е.Е.* Бюрократизм как фактор снижения функциональности государственного управления // Дискуссия. 2017. № 7(81).
6. *Бочкова О.А.* Государственная бюрократия в системе органов управления: Федеральный и региональный аспект : дис. ... канд. соц. наук.

науки, в частности, социологии и системы государственного управления в целях анализа актуализирующихся рисков и угроз при проведении реформы полиции, а также более точного изучения возникающих эффектов процесса реформирования. Система управления органами внутренних дел также должна модернизироваться и обновляться.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что для государственного управления, в том числе, и управления органами внутренних дел, свойственна особая управленческая культура – именно поэтому бюрократия как специфическая социально-профессиональная группа приобретает первостепенное значение. В этом аспекте бюрократию некорректно позиционировать как некую дисфункцию системы управления органами внутренних дел. Напротив, она выполняет немало позитивных функций, сглаживая возникающие риски и напряжения. Однако лишь усилиями бюрократии невозможно оптимизировать управление органами внутренних дел. Для этого необходимо использовать возможности социологической науки.

Задачей и, одновременно, перспективой социологической науки может стать интеграция в систему управления органами внутренних дел. Особенно высоким потенциалом обладают эмпирические социологические исследования. Однако в настоящее время они недостаточно информационно освещены в среде лиц, принимающих ответственные решения в системе органов внутренних дел. Кроме того, сказывается закрытость, характер решаемых задач, особенности иерархии, позиционирование ведомственной отчетности и специфика корпоративной культуры в системе управления органами внутренних дел. Это противоречие необходимо преодолевать в ближайшее время посредством тесных контактов социологов и управленцев, обсуждения возникающих проблем и путей их решения.

Literature:

1. *Khalilova H.A.* State management in modern Russia: the effectiveness of its reform : dis. ... cand. polit. sciences. Stavropol, 2009.
2. *Slepyshev A.L.* State management in modern Russia: theory and practice // Society and power. 2014. № 2.
3. *Weber M.* Economy and society: essays of understanding sociology : in 4 vol. M., 2016.
4. *Ibragima D.* The phenomenon of bureaucracy: classical concepts // Russian Journal of Education and Psychology. 2013.
5. *Kuznetsova E.E.* Bureaucratism as a factor in reducing the functionality of public administration // Discussion. 2017. № 7(81).
6. *Bochkova O.A.* State bureaucracy in the system of government bodies: Federal and regional aspect : dis. ... cand. of social sciences. Kazan, 2004.

Казань, 2004.

7. *Госсельбах Л.Н.* Органы внутренних дел в системе государственной службы и их социальное назначение // Вестник государственного и муниципального управления. 2015. № 4.

8. *Гусев А.В.* Правовой статус правоохранительных органов исполнительной власти: теория и практика конституционно-правового и международного договорного регулирования : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2011.

9. URL : https://www.eurasialegal.info/index.php?option=com_content&view=article&id=3079:2013-12-27-07-52-58&catid=274:2013-12-27-07-45-56&Itemid=1 (дата обращения 12.02.2019).

7. *Gosselbach L.N.* Internal Affairs Bodies in the public service system and their social purpose // Bulletin of state and municipal administration. 2015. № 4.

8. *Gusev A.V.* Legal status of law enforcement agencies of Executive power: theory and practice of constitutional-legal and international contractual regulation : dis. ... cand. the faculty of law. sciences. Yekaterinburg, 2011.

9. URL : https://www.eurasialegal.info/index.php?option=com_content&view=article&id=3079:2013-12-27-07-52-58&catid=274:2013-12-27-07-45-56&Itemid=1 (date of application 12.02.2019).

Хорошкевич Наталья Геннадьевна
кандидат социологических наук,
доцент кафедры теории,
методологии и правового обеспечения
государственного
и муниципального управления,
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина
natali.khoroshckewitch@yandex.ru

ИЗУЧЕНИЕ ПОДХОДОВ К ОЦЕНКЕ ВНУТРЕННЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. В статье обобщен опыт анализа работы внутренних направлений в учреждении, относящемся к органам государственного и муниципального управления. В зависимости от уровней взаимодействия внутри организации автор предлагает весь анализ разделить на три уровня: уровень косвенных показателей и внешней среды организации, основной (уровень расчета показателей по данному направлению работы, анализ плановых и отчетных показателей по данному направлению работы и т.д.) и уровень «обратной связи».

В работе подчеркивается важность проведения социологического исследования, так как оно позволяет выявить причины тех или иных проблем в работе внутри организации. Но в некоторых случаях при анализе работы организации целесообразно проводить социологические опросы среди населения в целях более объективной оценки работы данного учреждения.

Ключевые слова: государственное и муниципальное управление, уровни анализа, внутреннее направление работы организации, социологическое исследование.

В настоящее время европейские страны, США, Канада осуществляют строительство нового постиндустриального типа общества. Россия также пытается войти в постиндустриальный этап развития.

Сегодня «в политическом сознании граждан ведущих демократических стран сформировалась установка, согласно которой жизнеспособность и легитимность политической системы страны во многом зависят от того, насколько государственные институты и высшие должностные лица отвечают господствующим в обществе ценностям и идеалам, а их поведение соответствует нормам общественной морали» [1, с. 18]. При переходе к

Natalya G. Horoshkevich
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department
Theory, Methodology and Legal Support
State and Municipal Management,
Ural Federal University of the first President
of Russia B.N. Yeltsin
natali.khoroshckewitch@yandex

EXPLORE APPROACHES TO ASSESSING INTERNAL ORGANIZATION OF WORK OF STATE AND MUNICIPAL ADMINISTRATION BODIES

Annotation. The article summarizes the experience of analyzing the work of internal directions in an institution related to state and municipal administration bodies. Depending on the levels of interaction within the organization, the author proposes to divide all analysis into three levels: the level of indirect indicators and the external environment of the organization, the main (the level of calculation of indicators in this area of work, analysis of planned and reporting indicators in this area of work, etc.) and the level of «feedback».

The work emphasizes the importance of conducting sociological research, as it allows you to identify the causes of certain problems in the work within the organization. But, in some cases, it is advisable to conduct sociological surveys among the population in order to more objectively evaluate the work of this institution.

Keywords: state and municipal administration, levels of analysis, internal direction of organization's work, sociological research.

новому типу общества появились новые требования к государству и к государственным служащим со стороны общественности, и гораздо более высокие в сравнение с предыдущими эпохами [2].

В этой связи, становится очень актуальным организация работы государственных и муниципальных органов власти. Но, важно не только определить направления работы, также важны критерии ее оценки, так как именно они позволяют определить результативность этой деятельности и скорректировать ее в дальнейшем.

В данной работе рассмотрены подходы, касающиеся оценки работы того или иного направления

работы государственных и муниципальных органов власти внутри организации. Это может быть оценка функций служащих, оценка работы с кадровым потенциалом организации, развитие корпоративной культуры, оказание услуг населению органами государственной и муниципальной власти (выдача различных документов и т.д.), организация работы избирательных комиссий по ведению документооборота и другие.

Нужно отметить, что сегодня в научной литературе можно встретить достаточно подходов, методов и т.д. по оценке направления работы внутри организации государственного и муниципального управления. Например, это работы К.И. Апканиевой, Н.Р. Бальнской, Е.А. Гнездилова, П.В. Кузнецовой, И.С. Максимова, Л.В. Максимовой, С.С. Олейник, М.С. Очировой, О.Н. Сенициной, Е.В. Слепцовой и многих других авторов.

Обобщая опыт многочисленных исследований¹, касающихся изучения направления работы внутри организации государственного и муниципального управления, автор статьи представил еще один из вариантов исследования.

Предложенный в статье подход к анализу можно использовать в управленческой практике организации или в социологическом исследовании. В процессе проведения последнего не следует ограничиваться только анкетированием. Целесообразнее использовать метод документов в том числе, где также рассмотреть косвенные показатели и изучить работу организации в исследуемом направлении.

В зависимости от уровня взаимодействий в организации можно выделить три уровня оценки ее работы: уровень общей оценки работы организации, оценку направления (основной) и уровень обратной связи. Нужно заметить, что сегодня уже есть такой подход, где дается общая оценка деятельности организации, оценка направлений ее работы и мнение населения. Но в этом случае рассчитывается показатель эффективности деятельности исполнительной власти субъекта РФ [3, с. 24].

Первый уровень. Его можно назвать уровнем косвенных показателей. Но эти показатели тесно связаны с внешней средой организации. Здесь можно обратиться к работам по изучению внешней среды организации. Очень актуален подход Ф.Котлера. Он предлагает делить внешнюю среду организации на микросреду внешней среды и макросреду внешней среды [4, 104–135].

М.С. Очирова предлагает учитывать в процессе поведения оценки работы органов государственной власти «косвенные» показатели. Например, уровень смертности населения, уровень рождаемости, повышение качества жизни граждан и т.д. [5, с. 87]. Для организации государственного и муниципального управления внешними и важными по отношению к ней факторами – это указания

вышестоящих организаций. «...Система стратегического государственного управления имеет иерархическую структуру (федеральные, региональные органы власти и органы местного самоуправления), каждый нижестоящий уровень будут воспринимать сигналы вышестоящего как внешнюю силу» [6, с. 130].

Также как косвенный показатель, можно рассматривать работу всей организации. При неудовлетворительной работе организации, чаще всего, не может быть отличной работы, касающейся внутреннего управления организацией.

В случае оценки одного из направлений работы внутри организации можно выявить подуровни оценки. Они могут варьироваться в зависимости от изучаемой проблемы. Здесь возможно использование общих показателей, касающиеся исследуемого направления работы внутри организации. Например, это – показатели расчетов кадрового потенциала внутри организации, такие, как коэффициент текучести, коэффициент стабильности, совокупный потенциальный фонд рабочего времени организации, уровень организации труда, кадровый потенциал и т.д. [7].

Целесообразно изучать направления деятельности организации относительно кадрового потенциала. Если уделяется внимание развитию кадрового потенциала, корпоративной культуры и т.д., и делается это целенаправленно, то всегда есть план мероприятий, т.е., существуют запланированные критерии и показатели отчетные. В этом случае необходимо их сравнить.

Автор статьи не ограничивается только предложенными подходами. Целесообразнее всего предположить возможность и других подходов оценки работы отдельного направления в организации государственного и муниципального управления.

Третий уровень – это уровень обратной связи. Здесь предполагается «обратная связь» руководства организации и сотрудников или руководства и населения. Рассмотрение ситуации с социологической точки зрения позволит изучить реакцию субъектов этого процесса. Так, по мнению, А.В.Тихонова, управление в социологическом понимании – это особенный взгляд на социальную реальность с позиций социологической закономерностей, под которым понимается существование управления как феномена жизнедеятельности общества, имеющего универсальное свойство и универсальное качество, универсальные отношения, и в воспроизводстве которых принимают участие все социальные субъекты» [6]. Уже на протяжении около ста лет в процессе управления организацией всегда учитывают «человеческий фактор». Его выгода научно доказана еще представителями «школы человеческих отношений».

В современном менеджменте сегодня преобла-

¹ В том числе Симакова Д.В. Управление кадровым потенциалом инспекции федеральной налоговой службы

России // Дипломная работа. Рук. Хорошкевич Н.Г. УрФУ. Екатеринбург, 2020. С. 27.

дают наряду с социально-экономическими и психологические методы, позволяющие наиболее полно учитывать потенциал сотрудников. Сегодня принято считать, что [8, с. 68]:

– социальные, психологические потребности человека также эффективны как и экономические;

– социально-психологическое взаимодействие в рабочем коллективе не менее важно, чем организация выполняемой им работы;

– не следует игнорировать человеческий фактор в управленческом процессе.

Более того, в новейшую эпоху развития управленческой мысли управленческая концепция испытала перенос акцента на человеческий фактор [8, с. 68]. Таким образом, в целях совершенствования внутреннего управления организацией целесообразно учитывать мнение сотрудников.

Если общие показатели того или иного направления работы внутри организации государственного и муниципального управления показывают не слишком высокие (например, коэффициент текучести кадров), то социологический опрос позволит выявить причины неудовлетворенности сотрудников организацией работы, что позволит наилучшим образом решить возникшие проблемы. Также, социологические опросы помогут выяснить пожелания населения в отношении работы властных структур, так как всегда существует вероятность наличия неудовлетворенности работой государственных и муниципальных структур со стороны населения. Это может быть даже при условии выполнения плановых показателей.

Несмотря на наличие кодексов поведения государственных и муниципальных служащих, до сих пор в работе последних можно столкнуться с грубостью, хамством, равнодушием. Об этом свидетельствуют результаты опросов, проведенных среди граждан, обращавшихся за получением государственных и муниципальных услуг [9].

Кроме того, с помощью социологических опросов населения о работе властных структур можно выявить и другие пожелания россиян. Последнее позволит повысить качество предоставления государственных и муниципальных услуг.

В современных условиях проведение социологических опросов крайне актуально. Именно сегодня в условиях развития постиндустрии, когда общество более всего расположено к реализации идеи гуманизма, где используется публичное управление, социальное государство и т.д. как инструменты реализации этой идеи, необходимо и крайне целесообразно учитывать пожелания населения. Как отмечает Проказина Н.В.: «Совре-

менные условия развития института государственной гражданской службы обуславливают продуктивный период развития социологической культуры как компонента управленческой культуры» [10].

Также, дать общую оценку какому-либо направлению работы организации можно, если провести социологические опросы среди населения. В данном случае – снова возникает внешний уровень взаимодействия, т.е., уровень организации.

Выше были рассмотрены три уровня исследования направлений работы в органах государственного и муниципального управления. Целесообразнее всего, изучая то или иное направление работы внутри какой-либо организации, относящейся к властным структурам, использовать анализ всех трех уровней, например, политическую культуру государственных гражданских и муниципальных служащих. Анализ внешних факторов здесь необходим, так как он позволит выявить влияние среды. Это – законодательство, регулирующее политические взаимодействия представителей данной профессиональной группы, уровень политической культуры страны, что всегда влияет на политическую культуру любого слоя населения, в том числе и данного региона, и т.д. Анализ общего уровня работы всей организации здесь мало что покажет.

Второй уровень в данной ситуации предполагает анализ деятельности руководства в направлении выполнения запланированных мероприятий. Обязательно в этом случае проведение социологического опроса, который позволит более глубоко изучить процесс развития политической культуры среди представителей данной социальной группы.

Учитывая вышесказанное, нужно отметить, что не каждый из подуровней может быть включен в анализ. Все зависит от специфики изучаемого направления работы, проводимой внутри организации.

Выше предложенный трехуровневый подход можно использовать для оценки направления работы внутри организации, относящейся к органам государственного или муниципального управления. Более того, целесообразно постоянно заниматься анализом проводимой работы по тому или иному направлению внутри организации государственного или муниципального управления.

В случае анализа явления внутри ряда организаций государственного или муниципального управления (например, той или иной территории), также, не стоит исключать анализ косвенных показателей и факторов, общую оценку данного явления посредством изучения документов этих организаций и социологического опроса.

Литература:

1. Цит по: Оболонский, А.В. Кризис бюрократического государства : Реформы государственной

Literature:

1. Tsit by: Obolonsky, A.V. Crisis of the bureaucratic state: Public service reforms: international experience and Russian realities. M. : Liberal Mission

службы: международный опыт и российские реалии. М. : Фонд «Либеральная миссия», 2011. 448 с.

2. Эрве Г. История Франции и Европы. URL : <https://libking.ru/books/sci-/sci-history/335619-gustav-erve-istoriya-frantsii-i-evropy.html> (дата обращения 04.07.2018).

3. Абрамов Р.А. Методы оценки эффективности деятельности органов власти в интеграционных объединениях / Р.А. Абрамов, С.Г. Стрельченко, С.В. Дервянко // Эффективное антикризисное управление. 2017 № 2(101).

4. Котлер Ф. Основы маркетинга. М., Изд-во «Прогресс», 1991. С. 104–135.

5. Очирова М.С. Оценка эффективности деятельности органов государственной власти : основные понятия, методы, технологии // Вестник института комплексных исследований аридных территорий. 2012. № 2(25).

6. Корнилович В.А. В Социальные детерминанты организации государственного стратегического управления // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11. № 2.

7. Показатели, характеризующие кадровый потенциал, и методика их расчета. URL : https://studwood.ru/2064758/menedzhment/pokazateli_harakterizuyuschie_kadrovyy_potentsial_metodika_rascheta (дата обращения 10.06.2020).

8. Цитируется по: Докукина С.М. Управление человеческим фактором в организации и его роль в современном менеджменте // Стратегическое и проектное управление. Сборник статей. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет». Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет. 2015. С. 68.

9. Как бороться с грубостью и хамством в учреждениях? URL : <https://www.9111.ru/questions/77777777736022/> (дата обращения 26.06.2020).

10. Проказина Н.В. Развитие социологической культуры государственных гражданских служащих региона : автореф. на соиск. уч. ст. д-ра социол. наук. Белгород, 2013. URL : https://new-disser.ru/_avtoreferats/01005095911.pdf (дата обращения 24.06.2020).

Foundation, 2011. 448 p.

2. Hervé G. History of France and Europe. URL : <https://libking.ru/books/sci-/sci-history/335619-gustav-erve-istoriya-frantsii-i-evropy.html> (date of application 04.07.2018).

3. Abramov R.A. Methods of assessing the effectiveness of the activities of authorities in integration associations / R.A. Abramov, S.G. Strelchenko, S.V. Derevyanko // Effective crisis management. 2017 № 2 (101).

4. Kotler F. Fundamentals of Marketing. M., From Progress, 1991.

5. Ochirova M.S. Assessment of the effectiveness of state authorities: basic concepts, methods, technologies // Bulletin of the Institute of Integrated Studies of Arid Territories. 2012. № 2(25).

6. Kornilovich V.A. In the Social determinants of the organization of state strategic management // Bulletin of the Institute of Sociology. 2020. Vol. 11. № 2.

7. Indicators characterizing human resources capacity and methods of their calculation. URL : https://studwood.ru/2064758/menedzhment/pokazateli_harakterizuyuschie_kadrovyy_potentsial_metodika_rascheta (date of application 10.06.2020).

8. Given by: Dokukina S.M. Management of the human factor in the organization and its role in modern management//Strategic and project management. Collection of articles. The federal state budget educational institution of higher professional education «Perm State National Research University». Perm : Publishing House: Perm State National Research University, 2015. P. 68.

9. How to combat rudeness and rudeness in state institutions? URL : <https://www.9111.ru/questions/77777777736022/> (date of application 26.06. 2020).

10. Leprosy N.V. Development of sociological culture of civil servants of the region : autoref. for the degree of doctor of social. sciences. Belgorod. 2013. URL : https://new-disser.ru/_avtoreferats/01005095911.pdf (date of application 24.06.2020).

Челенкова Инесса Юрьевна
кандидат социологических наук,
референт заместителя председателя,
Законодательное собрание
Ленинградской области
inessa_2407@mail.ru

«ЦЕННОСТИ» В КОНТЕКСТЕ СОЦИОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается понятие «ценность», применяемое в социологии управления как один из основных элементов ценностно-мотивационного комплекса сознания, влияющего на социальное поведение людей. На междисциплинарной основе раскрывается преемственность развития концептов ценностей, их смысловые значения. Анализируется эволюция внедрения ценностей в управленческую деятельность на основе: 1) «ценностно-ориентированного управления» – VBM; 2) «управления по ценностям» – MBV; 3) формирования «менеджмента публичных ценностей» как функции государственного управления. Обосновывается значимость исследований по ценностям в условиях модернизации.

Ключевые слова: социология управления, ценности, междисциплинарные исследования, управление на основе ценностей, модернизация.

Социология управления позиционирует себя как наука о сознательно конструирующем воздействии человека на социальные общности. Рефлексия социологии управления связана с понятием «ценность», как наиболее чувствительного индикатора состояния коллективного сознания и сложившихся установок к определённому социальному поведению. К объяснению данной проблемы научная программа социологии управления привлекает, используя метод комплексирования, взаимодополняющие истолкования «ценностей» на основе различных теорий и научных дисциплин, тем самым обеспечивая многомысленное понимание проблемы.

Вопросы ценностей присутствуют в мировоззренческих концепциях ученых прошлого и нашего времени, придавая понятию различные смыслы: «блага», «значимость тех или иных факторов», «долженствование», «идеальная норма», «чувствовании», «предпочтении», «идеалы» и др. [1]. Категория «ценность» развивалась от этической и эстетической, гносеологической и онтологической смысловой нагрузки данного понятия, его инструментальной значимости и до их отрицания в некоторых постмодернистских конструкциях. По выражению Г. Риккерта, ценности объективные и неизменные сущности, изменяется только наше отношение к ним [2, с. 159–160].

Inessa Yu. Chelenkova
Candidate of Sociological Sciences,
Assistant of Deputy Chairman
of the Legislative Assembly
of the Leningrad region
inessa_2407@mail.ru

«VALUES» IN THE CONTEXT OF SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

Annotation. In article the concept «value» applied in sociology of management as one of basic elements of a value and motivational complex of the consciousness affecting social behavior of people is considered. On a cross-disciplinary basis the continuity of development of concepts of values, their semantic values is revealed. Evolution of introduction of values in administrative activity on a basis is analyzed: 1) «value-based management» – VBM; 2) «managements on based values» – MBV; 3) formations of «management of public values» as functions of public administration. The importance of researches on values in the conditions of modernization is proved.

Keywords: sociology of management, value, cross-disciplinary researches, management on the basis of values, modernization.

В социально-гуманитарном дискурсе раскрывается многозначность и специфичность ценностей, их отличие в зависимости от времени и пространства от факторов внешней среды, методологии и критериев систематизации, профессиональной деятельности их носителей. Например, при классификации ценностей управленческой деятельности могут выделяться такие её виды, как идеалы, идеологемы, смыслы жизни, миссия [3, с. 121–125; с. 131–135]. Многообразие характеристик «ценностей» привносит сложность при определении специфики предмета дисциплинарных исследований, но, с другой стороны, представляет широкий диапазон для восприятия и триангуляцию идей в области конкретных наук.

В социологии управления исследование ценностей основывается на идейно-теоретическом наследии социологического мейнстрима. Восприняты и получили развитие идеи:

– ценностно-рационального поведения индивида, ориентированного на этические ценности и идеалы (М. Вебер);

– ценностно-мотивационного комплекса личности, согласующегося с правовыми нормами общества, как основных регуляторов его социального

поведения. В зависимости от возникающих дилемм, за человеком, обладающим свободой воли, остаётся право на выбор действия (Т. Парсонс); цивилизации присуща, свойственная только ей, доминирующая система ценностей (Н. Данилевский);

– интегральное понятие «ментальность», которое в виде ценностей, мировоззрения, умонастроения, нормативных требований, оказывает влияние на все сферы жизнедеятельности людей (познание, религию, искусство, экономику, политику...) и является фактором регулирующим систему субъектно-объектных взаимодействий в обществе (П. Сорокин).

В духовной сфере формируются ценностные ориентиры общественного развития, представления о наилучшем и должном. Человек переводит их в деятельную сферу, сообразно конкретным условиям и своим возможностям. В социологии управления аксиоматична идея о взаимосвязи духовного и материального в социальной реальности.

Социологию управления сближает с менеджментом отношение к управлению как деятельности, нацеленной на согласование интересов, ценностей участников управленческого процесса. Исследование управления ценностями формировалось на основе:

– теории управления, под влиянием идей и практики гуманистических отношений «Хоторнских экспериментов» под руководством Э. Мэйо;

– «организационной морали» Г. Саймона;

– «менеджмента сотрудничества» У. Деминга;

– «организационной культуры» М. Далтона и У. Уайта;

– схемы «7S» Т. Дж. Питерса и Р. Уотермена и др.

Под воздействием новых кластерных, сетевых организационных форм производства, дальнейшей интеграции экономической, социально-психологической, этической и других составляющих деятельности происходят содержательные изменения в развитии ценностного управления. Рассмотрим наиболее важные из них.

В парадигме ценностного управления на уровне организаций, сетевых, кластерных образований выделяют «ценностно-ориентированное управление» (Value-Based Management, – VBM), становление которого находилось под влиянием идей К. Майджера [4] и «управление по ценностям» (Management by Values, MBV), основу которой составили концептуальные установки С. Долана и С. Гарсия [5]. Эти подходы имеют схожие социальные технологии создания в фирме идентичных ценностей, но различия в своей целевой направленности. Если в VBM – это создание новой ценности (стоимости) как основной цели экономического развития фирмы, то в MBV – это эффективная и долговременная деятельность компании, успешно преодолевающей политические риски и финансово-экономические кризисы.

В русле этих направлений в социологии и менеджменте актуализировались исследования по организационной культуре, механизму ценностного управления в организациях со сложной структурой взаимосвязей и взаимодействия его участников: персонала, менеджеров, акционеров, стейкхолдеров. Опыт управления ценностями в компаниях показывает его зависимость от инициации руководства этим процессом, обучения менеджеров, прошедших через коучинг, компетентности сотрудников и понимания замысла и готовности персонала к его реализации.

Ожидаемым стало распространение и концептуализация идеи «public value management» («менеджмент публичных ценностей»). Она означает, что в ходе открытого диалогового взаимодействия власти с гражданами, их ассоциациями и хозяйствующими субъектами, используя системы «Цифровое правительство», Интернет, экспертные сообщества, форумы и другие публичные площадки, ценности проходят через процедуру публичного обсуждения, принятия их всеми (или подавляющим большинством) гражданами. На этой основе осуществляется коррекция управленческих решений и контроль граждан за качеством их исполнения.

Социология управления основывается на фундаментальных международных, российских социологических исследованиях, широкого спектра научных разработок, составляющих эмпирическую рефлексию научной мысли на ценности общественного развития.

Базовым международным исследованием ценностей, в которое входит Россия, является «Всемирный обзор ценностей» (World Values Survey – WVS). Его основу составляют пересмотренные Р. Инглхарт и К. Вельцелем идеи теории модернизации [6]. Ученые признают взаимосвязь социально-экономических и социокультурных процессов, характеризующих изменения в обществе. В предисловии к своей работе исследователи отмечают: «Как справедливо указывал Карл Маркс, социально-экономическое развитие оказывает мощное воздействие на стремления и поступки людей, но, как не менее справедливо указывал Макс Вебер, преобладающие в обществе убеждения и мотивации определяют его культурным наследием» [6, с. 10]. Исследователи раскрыли закономерность прохождения стран по пути модернизации, доказав, что по мере экономического развития традиционные ценности вытесняются модернистскими, а на место ценностей выживания приходят ценности самовыражения или эмансипативные ценности – ценности свобод. Используя факторный анализ, Р. Инглхарт и К. Вельцель составили «культурную карту мира», где отразили положение 80 стран в процессе модернизации. Среди них Россия демонстрирует средние значения развития секулярно-рациональных ценностей и ценностей выживания, подтверждая закономерную связь изменяющихся ценностей с уровнем экономического развития страны [6, с. 91].

Процессы модернизации стали предметом много-

летнего изучения регионов России научным коллективом под руководством Н.И. Лапина [7]. Исследования основывались на идеях социокультурного эволюционизма (М.С. Каган, Н.И. Лапин), представляющих собой комплекс идей о социокультурных особенностях населения, живущего в конкретных природных условиях, находящегося на определенной стадии общественного развития. Каждый регион рассматривается как социокультурное сообщество, имеющее свои специфические особенности, а его общие характеристики обеспечивают социокультурное целое обществу страны. Например, на фоне худших показателей социально-экономических условий жизни по сравнению с другими мега регионами, население Дальнего Востока отличается повышенным чувством неудовлетворенности многими сторонами своей жизни, тревогой, неуверенностью в завтрашнем дне, сильно выраженными патерналистскими ожиданиями к удовлетворению своих потребностей и нуждам [8].

Исследование регионов было продолжено научным коллективом под руководством А.В. Тихонова с акцентом на раскрытие взаимосвязи управления и социокультурной модернизации регионов. Была доказана прямая зависимость: чем выше уровень социокультурной модернизации региона, тем соответственно лучше качество функционирования государственного и муниципального управления и тем интенсивнее идет процесс социально-экономического развития региона [9]. Игнорирование в управленческом процессе комплексного подхода к решению экономических и социальных задач в регионе приводит к их обострению и трудно устранимым последствиям. Так, промышленное производство на территориях опережающего развития (ТОР) ДВФО в настоящее время испытывает нехватку квалифицированных рабочих, специалистов, менеджеров. В целом, это – общая проблема для региона, вызванная не столько демографическими проблемами, сколько оттоком населения с Дальнего Востока, главной причиной которого являются неблагоприятные природные и социальные условия жизни людей.

Примеры по Дальневосточному региону приводятся не случайно. Здесь реализуется государственная стратегия опережающего социального и экономического развития, поэтому актуальным является рефлексия социологии управления на ценности общественного развития данного региона.

Одним из актуальных направлений исследования проблем региона стало комплексное изучение

Литература:

1. Федоров В.А. Эволюция понятия «Ценность» // Вестник РУДН, серия Философия». 2016. № 1. С. 128–139.
2. Риккерт Г. Философия жизни. СПб., 1922.
3. Пригожин А.И. Качество целей // Общественные науки и современность. 2010. № 1. С. 114–

«укоренённого» населения, которое, несмотря на неблагоприятные социально-экономические, климатические условия, живёт, работает и не собирается уезжать с Дальнего Востока. В ходе исследования было установлено, что «...организм и физиологические процессы укоренённого россиянина – дальневосточника приспособлены к тому, чтобы не в ущерб состоянию здоровья переносить температурные контрасты зимы и лета, нестабильное атмосферное давление, повышенную влажность воздуха, муссонный климат в одних местах и континентальный в других..» [10, с. 90]. Обобщённый образ коренных россиян-дальневосточников наделяют такими чертами характера, как решительность, целеустремлённость, сильная воля, уравновешенность характера, ... гордость за то, что их жизнь на Дальнем Востоке является существенным условием принадлежности этой территории к Великой России и др. [10, с. 92].

Социальная когорта «укоренённого» населения рассматривается как важный стабилизирующий фактор в стратегических планах опережающего развития ДВФО. В качестве одной из мер по сохранению и увеличения численности «укоренённого» населения можно расценить внесённое в проект Национальной программы по развитию Дальнего Востока предложение «О статусе дальневосточника [11, с. 27–29]. Статус означает законодательно закреплённую систему преференций, стимулирующую проживание на Дальнем Востоке через увязывание доступа к пакетам льгот в зависимости от набранного количества баллов. Предположительно, данный механизм будет компенсировать объективно существующие недостатки в сравнении с условиями жизни в других районах России. Мало вероятно, что проект войдёт в Национальную программу развития Дальневосточного региона, так как человека удерживает на этой дальневосточной земле не бухгалтерские подсчеты количества баллов, а собственная оценка, идентификация смысла своей жизни, наполненной ценностью работы, важностью отношений с людьми, близостью к родной природе.

Таким образом, рассмотренная проблема ценностей в управленческих науках продуктивно развивается, обогащая её методологию и социокультурные технологии на основе междисциплинарных исследований. В свою очередь, от государственного управления требуется ценностная рефлексия, вносящая внятную идеологию в свою политику, касается ли это молодежной, пространственной, национальной или общегосударственной политики.

Literature:

1. Fedorov V.A. Evolution of the concept of value / V.A. Fedorov, A.S. Blagova // RUDN Journal of Philosophy. 2016. № 1. P. 128–139.
2. Rikkert G. Life philosophy. SPb., 1922.
3. Prigozhin A.I. Quality of goals // Social sciences and modernity. 2010. № 1. P. 114–125; № 2. P. 126–

4. *Майджер К.* Ценностно-ориентированное управление. Революционный подход к достижению успехов в бизнесе и личному процветанию. Ростов-н/Д. : Феникс. 2005. 152 с.

5. *Долан С.* Управление на основе ценностей. Корпоративное руководство по выживанию, успешной жизнедеятельности и умению зарабатывать деньги в XXI веке / С. Долан, С. Гарсия. М. : Претекст, 2008. 313 с.

6. *Инглхарт Р.* Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития / Р. Инглхарт, К. Вельцель. М. : Новое издательство, 2011. 464 с.

7. Атлас модернизации России и её регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы. Коллективный научный / Сост. и отв. ред. член-корр. РАН Н.И. Лапин. Центр изучения социокультурных изменений. Институт философии РАН. М. : Весь мир, 2016. 360 с.

8. *Немировская А.В.* Ожидаемая модернизация Дальневосточного Федерального округа // Социологические исследования. 2015. № 2. С. 41–48.

9. *Тихонов А.В.* Россия: реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов : монография / А.В. Тихонов и [др.]; Отв. ред. А.В. Тихонов. М. : ФНИСЦ РАН, 2017. 432 с.

10. *Никитенко В.Н.* Детерминанты укоренения населения на российском Дальнем Востоке // Ойкумена. 2016. № 1. С. 87–93.

11. Предложения в проект Национальной программы по развитию Дальнего Востока («социальный» раздел) / ФАНУ «Восточный центр государственного планирования. Хабаровск, 2019. 104 с.

4. *Mayger K.* Value-oriented management. Revolutionary approach to achievement of progress in business and personal prosperity. Rostov-on/D. : Phoenix, 2005. 152 p.

5. *Dolan S.* Managing by values. A Corporate Guide to Living, Being Alive, and Making Living in the 21st Century / Simon Dolan, Salvador Garcia. M. : Predtecst, 2008. 313 p.

6. *Inglehart R.* Modernization, cultural change and democracy: the human development sequence / R. Inglehart, K Welzel. M. : Novoe Izdatelstvo, 2011. 464 p.

7. Atlas of modernization of Russia and its regions: co-economic and socio-cultural trends and problems. Collective Scientific / Compiler and Executive Editor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences N.I. Lapin. Center for the Study of Sociocultural Changes. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. M. : The whole world, 2016. 360 p.

8. *Nemirovskaya A.V.* Expected modernization of the Far Eastern Federal District // Sociological research. 2015. № 2. P. 41–48.

9. *Tikhonov A.V.* Russia: reforming of an imperious and administrative vertical in the context of problems of sociocultural modernization of regions : monograph / A.V. Tikhonov and [etc.]; M. : FCTAS RAN, 2017. 432 p.

10. *Nikitenko V.N.* Determinants of rooting of the population in the Russian Far East // Ecumene. 2016. № 1. P. 87–93.

11. Offers in the draft of the National program for development of the Far East («social» section) / to the FANU «East center of state planning. Khabarovsk, 2019. 104 p.

Чжан Лэй

аспирант 3-го курса,
социологический факультет,
специальность «социология управления»,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
1019769524@qq.com

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ В КИТАЕ

Аннотация. Обеспечение социальной стабильности является главной целью проведения социальной политики в стране. В современном противоречивом мире, где один за другим вспыхивают международные конфликты на почве этнических, экономических и прочих различий, социальная стабильность общества для его народа становится еще более ценной. В статье были выявлены проблемы социальной стабильности современного китайского общества. Используя динамический анализ показателей, выявлено состояние социальной стабильности в Китае. В результате исследования автор приходит к выводу о том, что социальная стабильность Китая сталкивается с проблемами старения населения, роста политической нестабильности и уровня коррупции в стране.

Ключевые слова: социальная стабильность, индекс развития человеческого потенциала, старение населения, Китай.

С табильность в стране является важным условием ее устойчивого развития. Как отмечал китайский реформатор Дэн Сяопин, «главная проблема в Китае – это стабильность, без которой ничего не может быть достигнуто, и уже достигнутые результаты будут потеряны. Китай должен настойчиво продолжать реформы и открытость» [6]. Периодически в истории Китая на его территории возникают конфликты между американскими и английскими бывшими колониями, Макао, Гонконгом, Тайванем и материковым Китаем. Так, в июле 2020 г. американский президент Д. Трамп в очередной раз выступил с заявлением о Гонконге, подписав в США «Закон об автономии Гонконга».

В настоящее время Китай демонстрирует беспрецедентные темпы экономического развития, немалых успехов достиг он и в сфере социального управления. Однако остаются проблемы, способные нарушить социальную стабильность китайского общества.

Обзор литературы.

В западной мысли развитие представлений о со-

Zhang Lei

3rd year Postgraduate student,
Faculty of Sociology,
specialty «Sociology of Management»,
Moscow State University
named after M.V. Lomonosov
1019769524@qq.com

PROBLEMS OF THE CURRENT STATE OF SOCIAL STABILITY IN CHINA

Annotation. Ensuring social stability is the main goal of social policy in the country. In the modern contradictory world, where one after another international conflicts erupt on the basis of ethnic, economic and other differences, the social stability of society for its people becomes even more valuable. The article identified the problems of social stability of modern Chinese society. Using dynamic analysis of indicators, the state of social stability in China was revealed. As a result of the study, the author comes to the conclusion that the social stability of China is faced with the problems of an aging population and growing political instability.

Keywords: social stability, human development index, population aging, China.

циальной стабильности происходило от рассмотрения общества в статике к гармонии статичности и динамичности. В конце XIX в. общество исследователями рассматривалось как закрытая система (О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм), поэтому стабильность характеризовалась статичностью. К середине XX в. в научной мысли было признано, что общество – это открытая система, которая совершает обмен с окружающей средой. Это привело к рассмотрению динамической стабильности (А.Р. Редклифф-Браун, Т. Парсонс). Повышается и интерес к изучению противоречий, препятствующих стабильности общества.

В Китае изучение стабильности общества восходит к трактатам философов Древнего Китая – Лао Цзы, Конфуция и других. Среди современных исследователей Китая особый вклад в развитие представлений о социальной стабильности внесли Тао Дэлинь, Сун Баоан, Ху Анган и Ху Ляньхэ и другие. Тао Дэлинь пишет, что «социальная стабильность представляет собой динамический баланс социальной жизни, который достигается за счет сознательного вмешательства, контроля и управления народом» [8, с. 31]. Сун Баоан отметил, что на социальную стабильность

вливают внутренние и внешние факторы [7, с. 24]. В результате наукометрического анализа было выявлено, что проблемы стабильности современного китайского общества изучены недостаточно.

Методология исследования.

Методология исследования основана на подходе С.В. Горшковой и др. [2], В. Фетисова [9] и К.К. Колина [3]. Для расчета Индекса социальной стабильности (ИСС) использован Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), Индекс Джини (ИД). На их основе был рассчитан Индекс социальной стабильности (ИСС), доля населения страны, которая считает для себя приемлемой существующую в ней социальную ситуацию [Колин]. ИСС рассчитывается как разность единицы и Индекса социальной напряженности общества (ИСН), равного отношению ИД к ИРЧП.

Для оценки проблем в конкретных сферах общества проведен анализ динамики объективных показателей, включая уровни рождаемости и смертности населения, Индикаторы политической стабильности и коррупции.

Рисунок 1 – Динамика ИРЧП, ИСН, ИД, ИСС в Китае в 2000–2019 гг., перцентилей

Таким образом, в течение исследуемого периода времени отмечается рост социальной стабильности в Китае. Однако необходимо отметить, что рост ИСС в последние годы замедлился, что свидетельствует о наличии влияния факторов, сдерживающих развитие социальной стабильности в Китае. В рамках исследования был проведен комплексный анализ различных групп факторов, оказывающих на социальную стабильность определенное влияние.

Было выявлено, что в 2000–2019 гг. уровень рождаемости преобладал над уровнем смертности, что обеспечило положительный прирост населения Китая. Однако произошло снижение уровня рождаемости с 14,03 % в 2000 г. до 10,48 % в 2019 г. Уровень смертности же возрос с 6,45 % до 7,14 % [5]. В период с 2000 г. доля пенсионеров в общей численности населения в Китае возросла с 9,9 % до 17,8 % в 2019 г. [5], тем самым, несмотря на положительную динамику данного показателя, отмечается тенденция старения населения Китая. Это негативно влияет на нагрузку, лежащую на молодом населении, которому необходимо не только обеспечить себя и свою семью, включая

Результаты исследования.

Для расчета ИСС в Китае были использованы данные за 2000–2019 г. Всемирного банка по ИРЧП, ИД. Было выявлено, что с 2000 г. отмечается стабильный рост ИРЧП Китая с 0,591 до 0,758 в 2019 г. Поскольку ИРЧП объединяет в себя информацию о здоровье, образовании и доходах людей, сохранение его постоянной положительной динамики свидетельствует о том, что китайское общество становится более социально-экономически устойчивым.

С 2000 по 2019 гг., в целом, отмечено снижение ИД. Несмотря на рост ИД в 2000–2002 гг. с 0,387 до 0,420 перцентилей и в 2004–2010 гг. с 0,409 до 0,437 перцентилей, с 2010 г. до 2019 гг., был отмечен период спада с максимума, составляющего 0,437 перцентилей до минимального значения 0,371 перцентилей в 2019 г. [5]. Следовательно, неравенство в распределении доходов в Китае становится менее явным, уровень общественного благосостояния растет. Китайское общество становится менее расслоенным.

Для оценки состояния социальной стабильности в Китае был рассчитан ИСС. Полученные результаты расчетов представлены на рисунке 1.

детей и супругов, но и обеспечить уход за членами своей семьи пенсионного возраста.

Политическая стабильность и отсутствие насилия оценивает вероятность дестабилизации правительства и его свержения неконституционными и насильственными средствами. Согласно данным Всемирного банка, показатель политической стабильности и отсутствия насилия в Китае с 2000 г. снизился до 26,67 перцентилей [10]. Тем самым общество становится менее политически стабильным. Растет вероятность дестабилизации правительства и его свержения насильственными средствами. Наличие столкновения интересов основного правительства Китая в лице Коммунистической партии Китая и автономных территорий, подобно Гонконгу, Тайваню, Макао, привело к снижению состояния политической стабильности в стране.

В период с 2000 по 2019 гг. показатель контроля коррупции в Китае отмечал снижение, под руководством правительства Председателя Си Цзиньпина была отмечена положительная тенденция (2012–2016 гг.), что свидетельствует о

том, что меры по контролю коррупции в стране стали более эффективными. Однако в 2018 г. было отмечено незначительное снижение данного показателя до значения 45,67 перцентилей, что является сигналом о необходимости разработки и внедрения новых более эффективных мер по контролю уровня коррумпированности в стране и, в целом, негативно влияет на состояние социальной стабильности в стране.

В результате проведенного исследования было выявлено, что Китай сталкивается со снижением темпов укрепления социальной стабильности. Несмотря на положительную динамику ИСС, на социальную стабильность китайского общества оказывают негативное влияние старение населения, снижение эффективности контроля коррупции и политической стабильности в стране.

Литература:

1. 2019 Human Development Index Ranking. URL : <http://hdr.undp.org/en/content/2019-human-development-index-ranking> (дата обращения 10.07.2020).
2. Горшкова С.В. Показатели социальной стабильности: проблема разнообразия и поиск принципов систематизации / С.В. Горшкова, Е.В. Черный, Е.Б. Макарчева, Л.А. Шайгерова, Р.С. Шилко, Ю.П. Зиинченко, Ф.И. Ушков // Этнокультурная идентичность как фактор социальной стабильности в современной России. 2016. № 1. С. 76–149.
3. Колин К.К. Социальная стабильность общества как фактор национальной и глобальной безопасности // Культура и безопасность. 2018. URL : <http://sec.chgik.ru/1780-2/> (дата обращения 10.07.2020).
4. Лю Цзюньцзе. Социальная стабильность в стране: генезис понятия // Социология. 2018. № 2. С. 155–158.
5. Национальное бюро статистики. URL : <http://data.stats.gov.cn/> (дата обращения 15.06.2020).
6. Осуществление китайской мечты в содействии социальной гармонии. URL : <http://theory.people.com.cn/n/2013/0514/c40531-21477056.html> (дата обращения 20.07.2020).
7. Сун Баоан. Исследования по социальной стабильности и механизму социального управления. Пекин : Издание «Общественные науки Китая», 2019. 322 с.
8. Тао Дэлин. Теория социальной стабильности. Шаньдун : Народный издательский дом Шаньдун, 2009. 244 с.
9. Фетисов В. Социальная стабильность российского общества: состояние и перспективы // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 5. С. 35–42.
10. Worldwide Governance Indicators. URL : <http://info.worldbank.org/governance/wgi/Home/Reports> (дата обращения 20.07.2020).

Результаты исследования могут быть использованы на занятиях по социологии Китая, исследователями, изучающими современное состояние китайского общества.

Заключение.

Очевидно, что стабильность является основным условием углубления реформ, содействия развитию и достижения социальной гармонии. Поэтому на уровне государственного управления необходимо уделять особое внимание социальной стабильности, используя эффективную систему мер ее достижения и последующего поддержания. Эффективные меры по минимизации негативных последствий социальных изменений позволят достичь цели устойчивого развития китайского общества.

Literature:

1. 2019 Human Development Index Ranking. URL : <http://hdr.undp.org/en/content/2019-human-development-index-ranking> (date of application 07/10/2020).
2. Gorshkova S.V. Indicators of social stability: the problem of diversity and the search for principles of systematization / S.V. Gorshkova, E.V. Cherny, E.B. Makarcheva, L.A. Shaigerova, R.S. Shilko, Yu.P. Ziinchenko, F.I. Ushkov // Ethnocultural identity as a factor of social stability in modern Russia. 2016. № 1. P. 76–149.
3. Colin K.K. Social stability of society as a factor of national and global security // Culture and security. - 2018. URL : <http://sec.chgik.ru/1780-2/> (date of application 07/10/2020).
4. Liu Junjie. Social stability in the country: the genesis of the concept // Sociology. 2018. № 2. P. 155–158.
5. National Bureau of Statistics. URL : <http://data.stats.gov.cn/> (date of application 06/15/2020).
6. Implementation of the Chinese dream in promoting social harmony. URL : <http://theory.people.com.cn/n/2013/0514/c40531-21477056.html> (date of application 07/20/2020).
7. Song Bao'an. Research on social stability and social governance mechanism. Beijing : Chinese Social Sciences Edition, 2019. 322 p.
8. Tao Delin. The theory of social stability. Shandong: Shandong People's Publishing House, 2009. 244 p.
9. Fetisov V. Social stability of Russian society: state and prospects // Telescope: journal of sociological and marketing research. 2008. № 5. P. 35–42.
10. Worldwide Governance Indicators. URL : <http://info.worldbank.org/governance/wgi/Home/Reports> (date of application 07/20/2020).

Чхвимиани Эдуард Жюльенович

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры специальных дисциплин,
подполковник полиции
eduard-1981@yandex.ru

Афаунов Анзор Зурабович

кандидат социологических наук,
заместитель начальника
кафедры специальных дисциплин,
майор полиции
anzor.afaunov@list.ru

Тарасенко Денис Владимирович

преподаватель кафедры
специальных дисциплин,
майор полиции
ystavnik14@mail.ru

**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
СТАБИЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА
И УГРОЗА ЭКСТРЕМИЗМА:
АКТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СИТУАЦИИ
В РОССИИ**

Аннотация. Статья посвящена проблеме соотношения факторов дестабилизации социальной стабильности и развития экстремизма в обществе. Проводится последовательный анализ основных аспектов нарушения социальной стабильности. Исследуется вопрос о влиянии различных типов социальных нарушений на предрасположенность общества к развитию экстремизма. Производится аналитическое рассмотрение основных факторов дестабилизации ситуации в российском обществе. Доказывается, что одним из необходимых условий стабилизации ситуации в российском обществе и преодоления угрозы развития экстремизма является преодоление кризисных тенденций в институциональной и социокультурной сферах.

Ключевые слова: общество, государство, экстремизм, стабильность.

Стабильность общества по праву считается одной из ключевых задач государственной власти. Как отмечает Т. Парсонс, государство выступает в роли механизма саморегуляции, который обеспечивает эффективность взаимодействия основных элементов общественной структуры, которые, будучи взятыми сами по себе, не содержат достаточного основания для согласо-

Eduard Ju. Chkhvimiani

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Special Disciplines,
Police lieutenant Colonel
eduard-1981@yandex.ru

Anzor Z. Afaunov

Candidate of Sociological Sciences,
Deputy Chief of the Department
of Special Disciplines,
Police Major
anzor.afaunov@list.ru

Denis V. Tarasenko

Lecturer in the Department
of Special Disciplines,
Police Major
ystavnik14@mail.ru

**INSTITUTIONAL ANALYSIS
OF STATE STABILITY
AND THE THREAT OF EXTREMISM:
AN ANALYSIS OF THE SITUATION
IN RUSSIA**

Annotation. The article is devoted to the problem of the correlation of factors of destabilization of social stability and the development of extremism in society. There is a consistent analysis of the main aspects of the violation of social stability. The issue of the influence of various types of social violations on the predisposition of society to the development of extremism is being investigated. There is an analytical consideration of the main factors of destabilization of the situation in Russian society. It is proved that one of the necessary conditions for stabilizing the situation in Russian society and overcoming the threat of the development of extremism is to overcome crisis trends in the institutional and socio-cultural spheres.

Keywords: society, state, extremism, stability.

вания своей структурной определенности с интересами смежных сфер общественной жизни [6].

Современный этап истории характеризуется крайне высоким уровнем динамики социальных изменений. В этом смысле показательны математические изыскания известного отечественного исследователя С.П. Капицы, доказавшего, что на

современном историческом этапе временной интервал между радикальными социокультурными сдвигами сократился до 18–20 лет [4]. Это значит, что современный период являет собой время беспрецедентно высокой динамики социальных изменений, что, как следствие, определяет также и интенсивные кризисные последствия. Данный принцип был раскрыт еще Дюркгеймом и выражается в том, что в процессе трансформации общества происходит рассогласование отдельных его элементов, в результате чего возникает ряд существенных кризисных последствий [3].

В этом контексте становится очевидно, что в условиях роста трансформационной динамики уровень нагрузки на государство многократно возрастает. Это связано с необходимостью согласования различных аспектов общественной жизни, обеспечения корректного взаимодействия между основными элементами общественной структуры, а также противодействия широкому спектру деструктивных процессов и тенденций, сопутствующих протекающим в обществе изменениям. И здесь приходится признать, что интенсификация социальных нарушений имеет не только количественную представленность роста числа нарушений, но и качественное измерение, связанное с возникновением новых типов социальных нарушений, а также трансформацией уже известных деструктивных процессов. Одним из наиболее опасных и деструктивных процессов в данном отношении является развитие экстремизма, различные формы которого в существенной степени дестабилизируют ситуацию в обществе, отвлекают серьезные государственные ресурсы и способствуют нарушению целостности социально-политического взаимодействия [1].

Экстремизм является одной из наиболее острых проблем современности, и, вместе с тем, нельзя сказать, что он досконально изучен. Скорее справедливым будет суждение о том, что проблема экстремизма нашла хоть и широкое, но фрагментарное раскрытие в исследовательской практике, что связано с многочисленными разрозненными попытками осмысления данного социального феномена. При этом, преимущественное рассмотрение проблемы экстремизма связано с анализом его характерных признаков, определением типологии форм экстремизма, словом – исследователи сосредоточены на самом явлении и его последствиях, практически не затрагивая вопрос о социальном контексте экстремизма, его динамических факторах и основаниях. Как результат – формируется однобокое восприятие проблемы, в рамках которого от исследователей ускользает ряд важных ее аспектов.

В рамках настоящей статьи мы ориентированы на постановку вопроса о взаимосвязи между социально-политическими проблемами, которые рассматриваются, по большей части, разрозненно – проблемой социальной стабильности с одной стороны и проблемой экстремизма с другой. На первый взгляд, взаимосвязь между ними очевидна и не требует какого-либо специального пояснения: уже во вступительной части статьи мы упомянули о том, что экстремизм выступает в качестве одного из мощных дестабилизирующих

факторов в современном обществе. Вместе с тем, следует обратить внимание на то, что состояние общественной структуры само по себе также выступает в качестве одного из внешних аспектов развития экстремизма. Соответственно, вопрос о стабильности (или, напротив, неравновесном состоянии) общественной структуры находится в непосредственной взаимосвязи с проблематикой экстремизма, точнее – с проблемой факторов и предпосылок экстремистской деятельности. С этой позиции мы намерены поставить вопрос о взаимосвязи между уровнем социальной стабильности и характером экстремистской угрозы, причем сделать это не только на уровне общего теоретического анализа, но и осуществить рассмотрение актуальной ситуации в российском обществе.

Прежде всего, в рамках поставленной задачи необходимо осуществить анализ факторов социальной стабильности. Нас в данном случае интересует не только вопрос о том, какие принципы определяют стабильность существования общества, но и то, каким образом качественные изменения, связанные с современными трансформационными процессами, влияют на конечное состояние современного общества и уровень его стабильности.

На общем уровне стабильность общества определяется различными группами факторов, среди которых необходимо выделить:

- внутренние структурные факторы;
- внутренние факторы социокультурного плана;
- состояние и эффективность механизмов адаптации и социальной саморегуляции;
- уровень и характер внешних воздействий на социальную систему.

Представленный перечень факторов задает диапазон от благоприятной до критической ситуации, в зависимости от того, в каком состоянии пребывает каждый из перечисленных аспектов состояния локального общества. Рассмотрим подробнее каждый из них применительно к текущим тенденциям социальных изменений.

Рассмотрение внутренних структурных факторов социальной стабильности – это, прежде всего, аналитика состояния основных общественных институтов и характера взаимодействия между членами общества и социальными группами различного порядка. Последовательное исследование данных вопросов позволяет заключить о том, что характер взаимодействия членов общества, сам по себе, не является исходным обстоятельством, а, скорее, представляет собой конечный результат взаимодействия факторов институционального и социокультурного плана. Посему основное внимание на данном этапе стоит обратить именно на институциональный аспект социальной стабильности, в то время как проблеме индивидуальной активности субъектов общественных отношений будет уделено внимание в конце настоящей работы.

В целом, постановка вопроса об институциональных факторах состояния общества влечет за собой актуализацию двух групп проблем: собственно, состояние основных общественных институтов, взятых по отдельности и характер воздействия конкретных конфигураций общественных институтов на смежные институциональные сферы.

Анализ состояния основных общественных институтов российского общества позволяет сделать неутешительные выводы о наличии глубокого кризиса в ряде сфер, таких как экономика, образование, право и правоохранительная сфера, армия, семья, медицина и т.д. В совокупности исследователи отмечают, что сложившаяся неблагоприятная обстановка в институциональной сфере позволяет судить о наличии системного кризиса российского общества [2], выражающегося в возникновении серьезных предпосылок нарушения в нем основных функциональных структур. Прямым показателем сложившейся кризисной ситуации является существенное снижение эффективности функционирования общественных институтов, что проявляется в интенсификации социальных рисков, снижении уровня удовлетворения ключевых потребностей членов общества, возникновении ситуаций прямого нарушения их законных прав и т.д.

Особую настороженность в данном контексте вызывает то, что нарушения в общественной структуре являются одним из серьезных оснований аномичного проявления социальной активности [5]. Собственно говоря, экстремизм представляет собой один из часто проявляющихся вариантов деструктивной реакции членов общества на сложившиеся в нем кризисные тенденции. В качестве примера можно привести такие явления, как леворадикальная активность, в основе которой лежит неблагоприятный характер экономической обстановки, при котором экономические интересы широких групп населения оказываются в существенной степени ущемлены.

Рассматривая в данном контексте ситуацию в российском обществе, следует признать, что присутствуют серьезные предпосылки развития экстремизма, связанные с институциональным кризисом российского общества. Причем, в данном случае немаловажное значение имеет и то, что кризисная ситуация в нем влечет за собой серьезное повышение социальной напряженности, снижение доверия к основным государственным институтам (вплоть до прямого выказывания недоверия государству), деактуализацию гражданского самосознания и правосознания и иные деструктивные тенденции, создающие серьезные предпосылки для принятия экстремистской идеологии.

Что касается взаимодействия (и, в частности, взаимозависимости) основных общественных институтов, следует обратить внимание на такой аспект, как связь между разными общественными структурами и, в частности, зависимость между их функциональным состоянием. Так, например, институт экономики зависит от образования и

науки на уровне трудовой квалификации работников и влияния инновационных технологий, образование и наука требуют финансирования, правовая сфера обеспечивает корректные механизмы взаимодействия внутри общественных институтов и т.д. По факту, нарушение внутри структуры одного общественного института влечет за собой серьезное ухудшение условий функционирования смежных с ним институтов. Как результат, мы наблюдаем ситуацию, когда нарушения в определенном общественном институте могут выступать не столько симптомом его структурной неадекватности, сколько показателем внешних деструктивных факторов, косвенно определяющих его дисфункциональность.

Здесь мы наблюдаем серьезное основание дестабилизации общественной структуры, имеющее институциональную природу и связанное с моментом тесной взаимосвязи основных общественных институтов между собой. Данный принцип иллюстрирует основания возникновения структурных нарушений второго порядка, вызванных неблагоприятным состоянием основных общественных институтов. Учитывая то, что в российском обществе наблюдается широкий спектр институциональных нарушений в самых разных сферах, от экономики до здравоохранения, приходится признать, что описанный выше принцип имеет высокую актуальность для российской действительности, а его непонимание зачастую заставляет менять «здоровые» элементы общественной структуры, причины нарушения функциональности которых имеют внешний характер. Рассматривая вопрос о предпосылках развития экстремизма, следует акцентировать внимание на том, что развитые предпосылки дисфункциональности общественной структуры находят активное отражение на уровне членов общества, ущемление интересов которых является «благодатной почвой» для развития и принятия экстремистских моделей социальной активности.

В вопросах достижения социальной стабильности не менее важным фактором, нежели состояние общественной структуры, является характер общественного сознания. Собственно говоря, общественное сознание представляет собой совокупность мировоззренческих позиций членов общества. Вместе с тем, мировоззрение представляет собой основу социальной активности, определяя не только способ восприятия и трактовки социальной действительности, но и характер позиционирования по отношению к ней самого субъекта мировоззрения. Отдельного внимания заслуживает и то, что индивидуальные и групповые стратегии социальной активности, допустимые модели поведения и ценности – все это также выступает в качестве элементов социального мировоззрения. Отсюда проистекает вывод о том, что преобладание конструктивных форм мировоззрения выступает в роли серьезного социально сберегающего фактора (чему мы имеем множество подтверждений на уровне истории даже в случаях, когда имеет место глубочайший кризис институционального плана), в то время как развитие деструктивных форм мировоззрения представляет собой серьезное основание социальных

нарушений. Собственно говоря, реализация экстремистской деятельности предполагает в качестве одного из своих условий именно наличие деструктивных форм мировоззрения. Сам по себе экстремизм – это не только область его активных проявлений (примером которых могут быть акты насилия, распространение материалов негативного содержания и т.д.), но и область их предпосылок на уровне мировоззрения, экстремистская идеология. И здесь мы приходим к пониманию того, что преобладание конструктивных форм мировоззрения является важнейшим фактором социальной стабильности и, фактически, создает естественную защиту против вовлечения членов общества в экстремистскую деятельность, в то время как нарушения в сфере общественного сознания создают предпосылки для принятия членами общества деструктивных моделей.

Рассматривая ситуацию в российском обществе, приходится признать наличие широкого спектра проблем в социокультурной сфере, связанных с обширным распространением деструктивных форм мировоззрения, недостаточным уровнем образованности членов общества (что является одним из следствий кризиса в образовательной среде), нарушением гражданского самосознания

Литература:

1. *Бастрыкина Т.А.* Экстремизм и его угроза обществу // Эксперимент и инновации в школе. 2009. № 2. С. 70–71.
2. *Губанов С.С.* Системный кризис и выбор пути развития России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 2. С. 23–41.
3. *Дюркгейм Э.* Самоубийство: Социологический этюд. М. : Мысль, 1994. 399 с.
4. *Капица С.П.* Глобальная демографическая революция и будущее человечества // Новая и новейшая история. 2004. № 4.
5. *Мертон Р.К.* Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). М. : Прогресс, 1966. С. 299–313.
6. *Парсонс Т.* Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А. Седова, А.Д. Ковалева; Под ред. М.С. Ковалевой. М. : Аспект Пресс, 1998. 270 с.

и правосознания, наличии предпосылок для серьезной групповой конфронтации. Все эти факторы определяют существенные социальные риски и, в частности, определяют высокую интенсивность экстремистской угрозы.

Подводя итоги проведенного исследования, следует отметить, что уровень социальной стабильности и проблема экстремизма тесно связаны, причем связь эта имеет динамический характер. В частности, экстремизм является серьезным фактором дестабилизации ситуации в обществе; в свою очередь, нестабильность общества является существенным основанием для предрасположенности этого общества к развитию экстремизма. При этом, как факторы дестабилизации общественной структуры, так и факторы развития экстремизма тесно связаны между собой и выражены, в первую очередь, в состоянии основных общественных институтов, а также в характеристиках общественного сознания. Преодоление деструктивных тенденций в данных сферах может способствовать как стабилизации социальной структуры в целом, так и снижению интенсивности экстремистской угрозы.

Literature:

1. *Bastrykina T.A.* Extremism and its threat to society // Experiment and innovations in school. 2009. № 2. P. 70–71.
2. *Gubanov S.S.* Systemic crisis and the choice of the path of development of Russia // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2015. № 2. P. 23–41.
3. *Durkheim E.* Suicide: A Sociological Study. M. : Mysl, 1994. 399 p.
4. *Kapitsa S.P.* Global demographic revolution and the future of mankind // New and Contemporary History. 2004. № 4.
5. *Merton R.K.* Social structure and anomie // Sociology of crime (Modern bourgeois theories). M. : Progress, 1966. P. 299–313.
6. *Parsons T.* System of modern societies / Translation from English L.A. Sedov and A.D. Kovalev; Ed. by M.S. Kovaleva. M. : Aspect Press, 1998. 270 p.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Абрамян Сюзанна Кароевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории
и истории государства и права,
Государственный морской университет
имени адмирала Ф.Ф. Ушакова
abrsyuzanna@yandex.ru

Голубкина Ксения Вячеславовна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории
и истории государства и права,
Государственный морской университет
имени адмирала Ф.Ф. Ушакова
abrsyuzanna@yandex.ru

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ ПРОЕКТОВ НА ОСНОВЕ ГЧП

Аннотация. В статье рассматриваются особенности организационно-правовые формы государственно-частного партнерства. Важнейшим фактором успешности проекта ГЧП/МЧП является создание эффективной системы управления рисками на основе их детального анализа, а также интересов участников проекта. В целом, взаимодействие партнеров в рамках проектов ГЧП/МЧП выгодно всем участникам соглашения, а также обществу. Его результатом является: интенсивное развитие инфраструктуры; сокращение расходов государства, рисков, сроков исполнения и стоимости проектов; повышение качества выполняемых работ и управления; увеличение количества рабочих мест; формирование позитивного образа государства и бизнеса в обществе и др. Повышение эффективности проектов ГЧП/МЧП требует активной государственной политики, включающей комплекс административных и экономических мер. Успешность проектов ГЧП/МЧП во многом зависит от оптимального использования ресурсов, устойчивого развития, распределения рисков, правильного выбора модели финансирования, формирования доверительной среды среди участников, а также эффективной правовой базы.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, транспорт, инвестиции.

Мировая практика показывает, что проекты ГЧП/МЧП ведутся в той или иной организационной форме. Наиболее распространенными формами являются: концессия; соглашение ГЧП/МЧП; квази ГЧП. В Российской Федерации заключено почти 3,1 тыс. концессионных соглашений. По данным на начало 2020 года инвестиционные обязательства по этим соглашениям оцениваются в 71,7 трлн руб., что составляет

Syuzanna K. Abramyan

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of Theory
and the History of the State and Law,
State Maritime University
named after Admiral F.F. Ushakov
abrsyuzanna@yandex.ru

Ksenia V. Golubkina

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of Theory
and the History of the State and Law,
State Maritime University
named after Admiral F.F. Ushakov
abrsyuzanna@yandex.ru

ORGANIZATIONAL AND LEGAL FORMS OF PPP-BASED PROJECTS

Annotation. The article discusses the features of organizational and legal forms of public-private partnership. The most important factor in the success of a PPP/MES project is the creation of an effective risk management system based on their detailed analysis, as well as the interests of project participants. In General, the interaction of partners within the framework of PPP/MES projects is beneficial to all participants of the agreement, as well as to society as a whole. Its result is: intensive infrastructure development; reduction of government expenditures, risks, deadlines and project costs; improving the quality of work performed and management; increasing the number of jobs; creating a positive image of the state and business in society, etc. Improving the effectiveness of PPP/MES projects requires an effective public policy that includes a set of administrative and economic measures. The success of PPP/MES projects depends largely on the optimal use of resources, sustainable development, risk distribution, the correct choice of the financing model, the formation of a trust environment among participants, as well as an effective legal framework.

Keywords: public-private partnership, transport, investment.

около 1,6 % от ВВП за 2019 год. Однако в ряде стран этот показатель значительно выше, например, в Канаде объем инвестиционных обязательств по проектам ГЧП/МЧП составляет 8,1 % от ВВП [1, с. 9].

Существенная часть концессионных соглашений в рамках российской экономики реализуется на муниципальном уровне (94 %). Вместе с тем,

наибольший объем инвестиций по концессионным соглашениям приходится на федеральный уровень (42 %). Проекты, выполняемые посредством концессионного соглашения, в основном финансируются за счет внебюджетных средств (70 %). Средний срок концессионных соглашений составляет 12 лет, однако, в транспортной и социальной сфере превышает 20 лет [2, с. 1,6]. Основная часть проектов в форме концессионного соглашения приходится на коммунально-энергетическую сферу.

Другая организационно-правовая форма реализации проектов в российской экономике «Соглашение о ГЧП/МЧП» пока находится в процессе становления. В настоящее время заключено 25 таких соглашений, при этом 18 – на муниципальном уровне, объем инвестиций в которые составляет 59,6 млрд рублей. Что касается отраслевой структуры проектов на основе соглашений о ГЧП/МЧП, то наибольшее количество проектов реализуется в сфере образования – 14, в здравоохранении – 3, в спорте и туризме – 2, в сфере культуры и отдыха, информационных технологий, охотничьего хозяйства, автомобильной инфраструктуры, легкой промышленности по одному проекту. Проекты ГЧП/МЧП выполняются также на основе, так называемых, «квази-ГЧП» (контракт жизненного цикла, аренда с инвестиционными обязательствами и др.). В настоящее время в форме квази-ГЧП заключается около 40 % проектов ГЧП в социальной инфраструктуре. На эту форму приходится почти 60 % объема частных средств, инвестируемых в объекты социальной инфраструктуры.

Инициатором создания проекта ГЧП/МЧП может быть как публичный, так и частный партнер. Отбор проектов происходит на конкурсной основе с учетом финансовой, экономической, бюджетной, социальной эффективности, а также – показателей риска. Проекты ГЧП/МЧП являются высоко рискованными, поэтому правильное и своевременное выявление и распределение рисков проекта оказывает существенное влияние на его успешность.

Сбалансированное разделение прогнозируемых рисков между участниками проекта положительно влияет на общую оценку рисков. При этом участники проекта ГЧП/МЧП используют разные методы оценки рисков. Частный участник соглашения оценивает риски преимущественно в стоимостном выражении. Публичный партнер, кроме того, при оценке рисков учитывает социальную значимость и полезность проекта. Полученная оценка рисков позволяет наиболее рационально распределить ответственность за управление рисками и принять окончательное решение об участии в проекте.

Особое место при реализации проектов ГЧП/МЧП отводится их финансовому обеспечению. Мировая практика показывает, что многие проекты ГЧП/МЧП реализуются на основе модели «проектного финансирования».

В данном случае финансовые активы привлекаются исключительно для выполнения конкретного

проекта, при этом обязательства по ним должны быть погашены из будущих доходов проекта, а залогом выступают только его активы. Несмотря на существенные преимущества модели проектного финансирования, ее не всегда целесообразно применять в отраслях социальной сферы, где высока неопределенность получения прибыли.

Привлечение частных инвестиций в экономику требует роста проектов, реализуемых на основе ГЧП/МЧП. Такие проекты выгодны всем участникам соглашения, а также обществу в целом. Однако интересы, цели и риски публичных и частных партнеров отличаются, поэтому рекомендуется выявлять их на этапе инициации проекта в целях эффективного управления ими на последующих стадиях проекта. При выборе организационной формы проекта ГЧП/МЧП надо учитывать, что они различаются разной мерой участия и ответственности частного партнера. Кроме концессионного соглашения следует стимулировать использование таких форм, как соглашение ГЧП/МЧП, контракт жизненного цикла, инвестиционные соглашения, аренда с инвестиционными обязательствами и др.

Среди мер экономического стимулирования следует выделить налоговые льготы частным партнерам, например, при уплате налога на имущество, прибыль, транспортного налога и др.

В качестве мер неналогового характера можно использовать льготное (безвозмездное) использование коммунальных сетей, предоставление методической помощи при инициации и реализации проектов и др.

В целях поддержки проектов ГЧП/МЧП, роста их авторитета в обществе, необходимо обеспечить прозрачность, объективность и честность всего процесса принятия управленческих решений. В связи с этим, очень важной становится роль государственного аудита. Это касается таких вопросов как оценка значимости проекта, его соответствия интересам общества, верное и сбалансированное распределение рисков и выгод заинтересованных сторон проекта.

Публичные партнеры при реализации проектов ГЧП/МЧП приобретают следующие преимущества:

- участие в важных инфраструктурных проектах в условиях ограниченности бюджетных средств;

- создание и модернизация объектов государственного и муниципального имущества;

- уменьшение рисков завышения стоимости проекта и эксплуатации его конечного результата;

- использование инновационных инженерных решений, методов управления, профессионального опыта работников частных структур и др.

Выгоды частных партнеров включают:

- расширение объектов ведения бизнеса;

- распределение рисков между партнерами;

– инвестирование в долгосрочные проекты с фиксированной доходностью под государственные гарантии (обязательства);

– увеличение выручки за счет оказания дополнительных платных услуг;

– уменьшение административных расходов и др.

Литература:

1. *Белякова М.Ю.* Проектные технологии управления : монография / М.Ю. Белякова, Т.В. Юрьева. М. : Международный издательский центр «Город XXI век», 2020. 152 с.

2. *Иванов О.В.* Механизмы государственно-частного партнерства в экономической политике России / О.В. Иванов; Под ред. О.В. Иванова, П.Л. Селезнева, А.А.Галкина и др. М. : МГИМО-Университет, 2018. 408 с.

3. *Голубкина К.В.* Правовое регулирование транспортной безопасности в России / К.В. Голубкина, С.К. Абрамян // Гуманитарные науки, социально-экономические и социальные науки. 2017. № 6–7. С. 109–111.

Literature:

1. *Belyakova M. Yu.* Project management technologies : monograph / M. Yu. Belyakova, T.V. Yurieva. – M. : international publishing center «City of Xxivek», 2020. 152 p.

2. *Ivanov O.V.* Mechanisms of public-private partnership in the economic policy of Russia / ed. by O.V. Ivanov; ed. by O.V. Ivanov, P.L. Seleznev, A.A. Galkin et al. M. : MGIMO-University, 2018. 408 p.

3. *Golubkina K.V.* Legal regulation of transport security in Russia / K.V. Golubkina, S.K. Abramyan // Humanities, socio-economic and social sciences. 2017. № 6–7. P. 109–111.

Аверин Александр Николаевич

доктор философских наук,
профессор,
Институт права и национальной
безопасности Российской академии
народного хозяйства и
государственной службы при Президенте
Российской Федерации
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Понеделков Александр Васильевич

Заслуженный деятель науки РФ,
доктор политических наук,
профессор,
заведующий лабораторией
проблем повышения
эффективности государственного
и муниципального управления,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Стельмах Сергей Анатольевич

магистрант факультета политологии,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
sergej.stelmax@mail.ru

Семеренко Алина Сергеевна

магистрант факультета политологии,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
semerenko_polit@mail.ru

**СОХРАНЕНИЕ
ЯЗЫКОВОГО МНОГООБРАЗИЯ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Аннотация. Проблема сохранения языкового многообразия в нашей стране является весьма актуальной. Об этом свидетельствует внесение изменений в Конституцию Российской Федерации, которая вместе с федеральными законами, другими нормативными правовыми актами является основой правового обеспечения языкового многообразия. В статье рассматривается правовое обеспечение сохранения языкового многообразия в Российской Федерации, русского языка как государственного языка, языков народов России, языков коренных малочисленных народов.

Alexander N. Averin

Doctor of Philosophy,
Professor,
Institute of Law and National Law
Security of the Russian Academy
of the National Economy and
of the Public Service under the President
of the Russian Federation
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Alexander V. Ponedelkov

Honored Scientist of the Russian Federation,
Doctor of Political Science,
Professor,
Head of laboratory
Raising Problems
Efficiency of the State
and Municipal Administration,
South Russian Institute of Management –
a branch of the Russian Academy of Folk
Economy and Public Service
under the President of the Russian Federation
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Sergey A. Stelmax

Master of Political Science,
South Russian Institute of Management –
a branch of the Russian Academy
of Folk Economy and Public Service
under the President of the Russian Federation
sergej.stelmax@mail.ru

Alina S. Semerenko

Master of Political Science,
South Russian Institute of Management –
a branch of the Russian Academy of Folk
Economy and Public Service
under the President of the Russian Federation
semerenko_polit@mail.ru

**PRESERVING LINGUISTIC DIVERSITY
IN THE RUSSIAN FEDERATION**

Annotation. The problem of preserving linguistic diversity in our country is very urgent. This is evidenced by the amendments to the Constitution of the Russian Federation, which together with federal laws and other regulations is the basis of the legal provision of linguistic diversity. The article considers the legal provision for the preservation of linguistic diversity in the Russian Federation, Russian language as a state language, languages of the peoples of Russia, languages of indigenous small peoples.

Ключевые слова: закон, малочисленный народ, родной язык, русский язык, совет, соотечественник. стратегия, субсидия, фонд.

Keywords: law, small people. native language, Russian, advice, compatriot. strategy, subsidy, fund.

Проблема сохранения языкового многообразия в нашей стране является весьма актуальной. Об этом свидетельствует внесение изменений в Конституцию Российской Федерации, которая вместе с федеральными законами, другими нормативными правовыми актами является основой правового обеспечения языкового многообразия. В соответствии со статьями 68 и 69 Конституции РФ, государственным языком на всей российской территории является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации. [1; 2]. Республики вправе устанавливать свои государственные языки. В органах государственной власти и местного самоуправления, государственных учреждениях республик они употребляются наряду с государственным языком. Гарантируется всем народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития, сохранение языкового многообразия.

На территории нашей страны проживают представители 193 национальностей, используется 277 языков и диалектов, в государственной системе образования – 105 языков, из них 24 – в качестве языка обучения, 81 – в качестве учебного предмета [3]. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года определяет в качестве приоритетов государственной национальной политики сохранение этнокультурного и языкового многообразия; сохранение русского языка как государственного языка и языка межнационального общения. Целью является сохранение и поддержка этнокультурного и языкового многообразия, принципом – государственная поддержка этнокультурного и языкового многообразия, задачей – сохранение и поддержка русского языка как государственного языка и языков народов [4].

К основным направлениям в сфере обеспечения условий для сохранения и развития русского языка как государственного языка и языка межнационального общения, языков народов относятся:

- создание оптимальных условий для использования русского языка как государственного языка, языка межнационального общения и одного из официальных языков международных организаций, для сохранения и развития языков народов;
- обеспечение прав граждан на изучение родного языка и других языков народов;
- оказание содействия при производстве теле- и радиопрограмм, аудио- и видеоматериалов, создании интернет-ресурсов, издании печатной продукции на языках народов;

– оказание поддержки соотечественникам, проживающим за рубежом, в сохранении, изучении и развитии русского языка и языков народов Российской Федерации;

– увеличение количества российских культурных центров, популяризация российской культуры в ближнем и дальнем зарубежье, создание центров изучения русского языка в иностранных государствах [5].

В сфере развития международного сотрудничества основным направлением является обеспечение изучения, популяризации и распространения за рубежом русского языка и российской культуры.

В качестве ожидаемых результатов реализации Стратегии указано укрепление статуса русского языка как государственного языка, языка межнационального общения и одного из официальных языков международных организаций; обеспечение условий для сохранения, изучения и развития языков народов Российской Федерации, культурного наследия, воспитания патриотизма [6].

Законодательство определяет статус русского языка как государственного языка, сферы его использования, защиту и поддержку, обеспечение права российских граждан на пользование государственным языком, ответственность за нарушение законодательства о государственном языке [7]. Следует отметить, что обязательность использования государственного языка не отрицает и не умаляет права на пользование государственными языками республик и языками народов.

Важное значение для сохранения языкового многообразия имеют языки народов. Закон Российской Федерации от 25 октября 1991 года № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» определяет сферы языкового общения, подлежащие правовому регулированию [8]. При этом закон не устанавливает юридические нормы использования языков народов в межличностных неофициальных взаимоотношениях, в деятельности общественных и религиозных объединений и организаций. В законе содержатся статьи, в которых сформулированы общие положения законодательства о языках народов, в том числе, государственные гарантии их равноправия, право граждан на выбор языка общения; использование языков в работе федеральных и региональных органов государственной власти, органов местного самоуправления, бизнес-структур [9].

В связи с внесением поправок в Конституцию, проводится работа по внесению изменений в законы о государственном языке и о языках народов

Российской Федерации. Осуществляется государственная социальная, экономическая и правовая защита национальных (родных) языков на российской территории, реализуется государственная политика, направленная на их сохранение и развитие, предоставляется право на получение основного общего образования на национальном (родном) языке и на выбор языка воспитания и обучения, обеспечение национально-культурными автономиями, федеральными и региональными органами исполнительной власти права на выбор языка воспитания и обучения, на получение основного общего образования на национальном (родном) языке [10].

Проблема языков народов весьма актуальна, особенно для языков коренных народов Юга России [11] и коренных малочисленных народов проживают в районах Севера, Сибири и Дальнего Востока [12–14].

Вполне понятно, что для сохранения коренного малочисленного народа, его национальной культуры необходимо не только владение государственным русским языком, но сохранение и развитие родного языка.

Вопросы сохранения многообразия языков регулярно обсуждаются в Совете при Президенте Российской Федерации по русскому языку [15].

Правительство Российской Федерации разрабатывает федеральные целевые программы сохранения, изучения и развития языков народов, осуществляет меры по их реализации. В государственной программе Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики» имеется подпрограмма «Русский язык и языки народов России», которая реализуется в 2017–2025 годы [16]. Ответственный исполнитель подпрограммы – Федеральное агентство по делам национальностей. Целями подпрограммы являются поддержка развития русского языка как государственного языка и языка межнационального общения; сохранение родного языка народов России, его изучение и развитие. Создан Фонд сохранения и изучения родных языков народов Российской Федерации, учредителями которого от имени Российской Федерации являются Министерство просвещения и Федеральное агентство по делам национальностей [17].

Важной задачей государства является повышение уровня культуры, обеспечение уровня грамотности российского населения, повышение качества подготовки профессиональных педагогов русского языка в образовательных организациях всех уровней, подготовка словарей, справочников с нормами современного литературного русского языка [18]. Придается большое значение поддержке в области языка соотечественников, проживающих в иностранных государствах. В зарубежных странах проживает 30 млн россиян и их потомков [19]. Самые крупные российские зарубежные общины находятся в странах ближнего зарубежья, в Германии, Израиле, США, Франции. Федеральные и региональные органы государ-

ственной власти способствуют сохранению соотечественниками знания русского языка и родных языков народов России, созданию условий для их изучения и употребления для обучения, получения информации на этих языках в соответствии с международными договорами, российским законодательством с учетом законодательств иностранных государств [20].

Россия содействует получению соотечественниками образования на русском языке и родных языках народов Российской Федерации, включая изучение российской истории и российского культурного наследия. Осуществляются меры по подготовке преподавателей, разработке при участии специалистов-соотечественников учебников, учебных пособий и программ с учетом особенностей организации образовательного процесса в государствах проживания соотечественников и снабжению такими учебниками, учебными пособиями и программами соотечественников.

Для организации переводов на иностранные языки произведений, созданных на языках народов России, проектов, направленных на повышение уровня востребованности за рубежом российской художественной литературы, из федерального бюджета предоставляются субсидии [21]. Субсидии предоставляются Федеральным агентством по печати и массовым коммуникациям на конкурсной основе. Получателями субсидий являются некоммерческие организации, за исключением государственных и муниципальных учреждений, прошедшие конкурсный отбор. Целями предоставления субсидий являются организация переводов на иностранные языки произведений, включая перевод произведений литературы на русский язык с последующим переводом на иностранные языки, и проектов (конгрессов, конференций, симпозиумов, дней российской литературы, семинаров, мастер-классов, лекционных занятий, круглых столов с участием зарубежных и отечественных писателей, издателей, переводчиков, литературных критиков, ученых, преподавателей и студентов гуманитарных вузов), направленных на повышение уровня востребованности за рубежом российской художественной литературы.

Одной из главных задач государства является поддержка русской языковой среды за рубежом [22]. В зарубежных странах работают русские школы. Реализуется международная волонтерская программа «Послы русского языка в мире», участники которой – студенты, аспиранты, молодые специалисты в возрасте от 18 до 30 лет знакомят иностранных школьников с русским языком, культурой и литературой [23]. В 2017 году волонтеры побывали в 14 экспедициях в 12 странах. Вместе с тем, следует отметить, что в некоторых странах пытаются сократить языковую среду, вытесняют русский язык. Иностранцы учат русский язык, прежде всего, для работы, получения образования в нашей стране. Спрос на русский язык определяется экономическими и образовательными причинами.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // Российская газета. 4 июля. 2020.
2. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 11. Ст. 1416.
3. Указ Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 года № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 52. Ст. 7477; 2018. № 50. Ст. 7739.
4. *Воронцов С.А.* Основы национальной безопасности Российской Федерации : учеб. пособие / С.А. Воронцов, О.В. Локота, А.В. Понеделков. Ростов-н/Д., 2017. С. 33.
5. *Воронцов С.А.* О ценностных основаниях и коммуникативных факторах консолидации современного российского общества / С.А. Воронцов, А.В. Понеделков, Ф.И. Шарков // Коммунология. 2018. Т. 6. № 3. С. 58–69.
6. *Воронцов С.А.* Патриотизм как базовая ценность российского государственного управления / С.А. Воронцов, А.В. Понеделков, А.А. Вилков // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2015. № 3. С. 70–74.
7. Федеральный закон от 01 июня 2005 года № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 23. Ст. 2199; 2014. № 19. Ст. 2306.
8. Закон Российской Федерации от 25 октября 1991 года № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 50. Ст. 1740; Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3804; 2014. № 11. Ст. 1094.
9. *Локота О.В.* Власть, бизнес, гражданское общество: модели взаимодействия (отечественный и зарубежный опыт) / О.В. Локота, А.В. Буров, А.Ю. Шутов, С.Э. Зуев, А.В. Понеделков, А.М. Старостин, С.А. Воронцов, В.П. Ляхов, В.Ф. Новожилов, В.Н. Моисеев, А.А. Горбунов, Д.К. Григорян, А.П. Яланский // Информационно-аналитические материалы Круглого стола с международным участием. Ростов-н/Дон, 2016.
10. Федеральный закон от 17 июня 1996 года № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2965; 2014. № 45. Ст. 6146.

Literature:

1. The Constitution of the Russian Federation with amendments approved during the nationwide vote on July 1, 2020 // Russian newspaper. 4 July. 2020.
2. The Russian Federation's Constitutional Amendment Act of March 14, 2020 № 1-FCC «On improving the regulation of certain issues of organization and functioning of public power» / Assembly of legislation of the Russian Federation. 2020. № 11. Art. 1416.
3. Decree of the President of the Russian Federation of December 19, 2012 № 1666 «On the Strategy of The State National Policy of the Russian Federation for the period up to 2025» / Assembly of legislation of the Russian Federation. 2012. № 52. Art. 7477; 2018. № 50. Art. 7739.
4. *Vorontsov S.A.* Basics of National Security of the Russian Federation. Training manual / S.A. Vorontsov, O.V. Lokota, A.V. Ponedelkov. Rostov-on/D., 2017. P. 33.
5. *Vorontsov S.A.* On the value bases and communicative factors of consolidation of modern Russian society / S.A. Vorontsov, A.V. Ponedelkov, F.I. Sharikov // Communicology. 2018. Vol. 6. № 3. P. 58–69.
6. *Vorontsov S.A.* Patriotism as the basic value of Russian public administration / S.A. Vorontsov, A.V. Ponedelkov, A.A. Vilkov // State and municipal management. Proceedings of the SKAGS. 2015. № 3. P. 70–74.
7. Federal law № 53-FZ of June 01, 2005 «On the state language of the Russian Federation» // Collection of legislation of the Russian Federation. 2005. № 23. Art.2199; 2014. № 19. Art. 2306.
8. The law of the Russian Federation of 25 October 1991 № 1807-1 «About languages of peoples of the Russian Federation» // sheets of Congress of people's deputies of the RSFSR and the Supreme Soviet of the RSFSR. 1991. № 50. Art. 1740; meeting of the legislation of the Russian Federation. 1998. № 31. Art. 3804; 2014. № 11. Art. 1094.
9. *Lokota O.V.* Power, business, civil society: models of interaction (domestic and foreign experience) / O.V. Lokota, A.V. Burov, A.Yu. Shutov, S.E. Zuev, A.V. Ponedelkov, A.M. Starostin, S.A. Vorontsov, V.P. Lyakhov, V.F. Novozhilov, V.N. Moiseev, A.A. Gorbunov, D.K. Grigoryan, A.P. Yalansky // Information and analytical materials of the Round Table with international participation. Rostov-on/Don, 2016.
10. Federal law № 74-FZ of June 17, 1996 «On national and cultural autonomy» // Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2965; 2014. № 45. Art. 6146.

11. *Аствацатурова М.А.* Упрочение гражданского единства в этнополитическом контексте Юга России (политико-управленческие идеи и экспертное мнение) / М.А. Аствацатурова, С.А. Воронцов, А.В. Понеделков, Т.В. Игнатова // *Власть*. 2018. Т. 26. № 7. С. 17–23.
12. Постановление Правительства Российской Федерации от 24 марта 2000 года № 255 «О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2000. № 14. Ст. 1493; № 41. Ст. 4081; 2020. № 22. Ст. 3518.
13. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 апреля 2006 года № 536-р «О перечне коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2006. № 17 (Часть 2). Ст. 1905.
14. *Аверин А.Н.* Коренные малочисленные народы в Южном и Северо-Кавказском федеральных округах: национальный состав и языки / А.Н. Аверин, А.В. Понеделков, С.А. Воронцов, А.Ю. Голобородько // *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*. 2018. № 4(95). С. 126–129.
15. Указ Президента Российской Федерации от 09 июня 2014 года № 409 (ред. от 12.08.2019) «О Совете при Президенте Российской Федерации по русскому языку» (вместе с «Положением о Совете при Президенте Российской Федерации по русскому языку» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2014. № 24. Ст. 3075; 2019. № 33. Ст. 4804.
16. Постановление Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2016 года № 1532 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2017. № 2 (Часть I). Ст. 361; 2020. № 15 (Часть II). Ст. 2255.
17. *Воронцов С.А.* Формирование угроз безопасности Российской Федерации как следствие кризиса культуры // *Гуманитарные и социально-экономические науки*. 2013. № 5(72). С. 111–115.
18. *Волков К.* Объединил русский язык // *Российская газета*. 2018. 31 октября.
19. Федеральный закон от 24 мая 1999 года № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 1999. № 22. Ст. 2670; 2013. № 30 (Часть I). Ст. 4036.
20. Постановление Правительства Российской Федерации от 26 марта 2019 года № 314 «Об утверждении Правил предоставления из федерального бюджета субсидий на организацию переводов на иностранные языки произведений, созданных на языках народов Российской Федерации, и проектов, направленных на повышение
11. *Astvatsaturova M.A.* Consolidation of civil unity in the ethno-political context of the South of Russia (political and managerial ideas and expert opinion) / M.A. Astvatsaturova, S.A. Vorontsov, A.V. Ponedelkov, T.V. Ignatova // *Power*. 2018. Vol. 26. № 7. P. 17–23.
12. Resolution of the Government of the Russian Federation of 24 March 2000 № 255 «On the Unified list of indigenous small-numbered peoples of the Russian Federation» // *Collection of legislation of the Russian Federation*. 2000. № 14. Art. 1493; № 41. Art. 4081; 2020. № 22. Art. 3518.
13. Decree of the Government of the Russian Federation of April 17, 2006 № 536-R «On the list of indigenous small-numbered peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation» // *Collection of legislation of the Russian Federation*. 2006. № 17 (Part 2). Art. 1905.
14. *Averin A.N.* Indigenous peoples in the southern and North Caucasus Federal districts: national composition and languages / A.N. Averin, A.V. Ponedelkov, S.A. Vorontsov, A.Yu. Goloborodko // *Science and education: economy and economy; entrepreneurship; law and management*. 2018. № 4(95). P. 126–129.
15. The decree of the President of the Russian Federation of 9 June 2014 № 409 (as amended from 12.08.2019) Russian Russian language Council of the President of the Russian Federation (together with the «Regulations on the Russian language Council of the President of the Russian Federation» // *Collection of legislation of the Russian Federation*. 2014. № 24. Art. 3075; 2019. № 33. Art. 4804.
16. Resolution of the Government of the Russian Federation of December 29, 2016 № 1532 «On approval of the state program of the Russian Federation «Implementation of the state national policy» // *Collection of legislation of the Russian Federation*. 2017, № 2 (Part I). Art. 361; 2020. № 15 (Part II). Art. 2255.
17. *Vorontsov S.A.* Formation of threats to the security of the Russian Federation as a consequence of the crisis of culture // *Humanities and socio-economic Sciences*. 2013. № 5(72). P. 111–115.
18. *Volkov K.* United Russian language // *Russian newspaper*. 2018. October 31.
19. Federal law № 99-FZ of 24 may 1999 «On the state policy of the Russian Federation in relation to compatriots abroad» // *Collection of legislation of the Russian Federation*. 1999. № 22. Art. 2670; 2013. № 30 (Part I). Art. 4036.
20. Resolution of the Government of the Russian Federation of March 26, 2019 № 314 «On approval of the Rules for providing subsidies from the Federal budget for the organization of translations into foreign languages of works created in the languages of the peoples of the Russian Federation, and projects aimed at increasing the level of demand for Russian

уровня востребованности за рубежом российской художественной литературы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 13. Ст. 1424.

21. *Воронцов С.А.* Анализ изменения государственных приоритетов в сфере информационной безопасности России / С.А. Воронцов, А.Г. Штейнбух // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2017. № 1(80). С. 126–129.

22. *Кухтенкова Е.* Десант по-русски // Российская газета. 2017. 19 декабря.

fiction abroad» // Collection of legislation of the Russian Federation. 2019. № 13. Art. 1424.

21. *Vorontsov S.A.* Analysis of changes in state priorities in the sphere of information security in Russia / S.A. Vorontsov, A.G. Shteynbukh // Science and education: economy and economy; entrepreneurship; law and management. 2017. № 1(80). P. 126–129.

22. *Kukhtenkova E.* Landing in Russian // Russian newspaper. 2017. December 19.

Балдаева Римма Александровна
кандидат биологических наук,
доцент кафедры гражданского права
и процесса юридического факультета,
Бурятский государственный университет
имени Доржи Банзарова
brimma72@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ДОГОВОРА АРЕНДЫ ЗЕМЕЛЬ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с применением на практике норм гражданского, земельного законодательства и специального закона, регулирующего оборот земель сельскохозяйственного назначения. Автор считает необходимым привести нормы гражданского кодекса Российской Федерации и земельного законодательства Российской Федерации в единообразное понимание при заключении договора субаренды, а также - преимущественного права арендатора на заключение договора аренды на новый срок.

Ключевые слова: земельный участок, закон, аренда, коллизия, преимущественное право, договор, норма, сельскохозяйственное назначение.

Земли сельскохозяйственного назначения относятся к самой обширной категории земель, занимаемых по площади в Российской Федерации, вовлеченных в гражданский оборот. Значительная часть вопросов на практике возникает в связи с существующими до настоящего времени коллизиями и разногласиями норм гражданского и специального законодательства, а также, возникающих из-за этого судебных споров.

Общие положения о договоре аренды закреплены в Гражданском кодексе Российской Федерации. Статьей 607 Гражданского кодекса Российской Федерации к объектам, которые могут быть переданы в аренду, отнесены и земельные участки. Пункт 2 указанной статьи предусматривает, что законом могут быть установлены особенности предоставления в аренду земельных участков и других обособленных природных объектов [1].

Земельным кодексом Российской Федерации определены основополагающие положения относительно договора аренды земельного участка. Более того главой V.1 ЗК РФ подробно регламентирован порядок предоставления земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, в аренду [2].

Rimma A. Baldaeva
Candidate of Biology Sciences,
Associate Professor of Civil Law
and the faculty of Law Process,
Buryat State University
named after Dorzhi Banzarov
brimma72@mail.ru

ABOUT SOME FEATURES OF THE AGRICULTURAL LAND LEASE AGREEMENT

Annotation. The article deals with the issues related to the practical application of the norms of civil, land legislation and a special law regulating the turnover of agricultural land. The author believes that it is necessary to bring the norms of the civil code of the Russian Federation and the land legislation of the Russian Federation into a uniform understanding when entering into a sublease agreement, as well as the preferential right of the lessee to enter into a lease agreement for a new term.

Keywords: and plot, law, lease, conflict, preemptive right, contract, norm, agricultural purpose.

Особенности предоставления земельного участка из земель сельскохозяйственного назначения, в том числе, и по договору аренды регламентированы Федеральным законом «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» (далее – Закон об обороте). В соответствии с положениями указанного федерального закона, аренда земельного участка выступает в качестве основного вида права, на основании которого могут быть использованы земли сельскохозяйственного назначения [3].

Кроме указанных выше основных Федеральных законов, арендные отношения земельных участков регулируются и иными нормативно правовыми актами, в том числе актами субъектов Российской Федерации.

Как отмечается в юридической науке, аренда земель сельскохозяйственного назначения является неким проводником в процессе перераспределения и вовлечения в оборот между субъектами, осуществляющими деятельность по производству и переработке сельскохозяйственной продукции. В частности, А.В. Богданов отмечает, что нельзя забывать о том, что некоторая часть земель сельскохозяйственного назначения, находящаяся в частной собственности, представлена в виде общей долевой собственности, имеющая

специфику рыночного оборота. В частности, это выражается в том, что некоторая часть собственников долей распоряжается ими через механизм заключения договора аренды, зачастую, с сельхозтоваропроизводителями [8].

Заключение договора аренды с «эффективным» пользователем является важным фактом для сохранения свойств и охраны данной категории земель [7].

В настоящее время существует дискуссия по поводу квалификационных требований к арендатору, поскольку при заключении договора аренды земельного участка из земель сельскохозяйственного назначения именно арендатор напрямую использует данный участок и от него в большей мере зависит сохранение плодородности почв на данном участке.

Согласно пункту 5 статьи 22 ЗК РФ, арендатор земельного участка вправе передать свои права и обязанности по договору аренды земельного участка третьему лицу, в том числе, отдать арендные права земельного участка в залог и внести их в качестве вклада в уставный капитал хозяйственного товарищества или общества либо паевого взноса в производственный кооператив в пределах срока договора аренды земельного участка без согласия арендодателя при условии его уведомления, если договором аренды земельного участка не предусмотрено иное [2]. Ключевым моментом является отсутствие обязательного согласия арендодателя. Не сложно предугадать, что такое бесконтрольное использование земли часто приводит к истощению земель и нарушению земельного законодательства, в целом. Данная норма вступает в противоречие с пунктом 2 статьи 615 ГК РФ, которая ограничивает право арендатора передать имущество в субаренду без согласия арендодателя [9].

Мы полностью соглашаемся с предложением К.Е. Соловьевой о внесении изменений в часть 5 статьи 22 ЗК РФ, в виде дополнения, положением об обязательном согласовании с арендодателем при оформлении договора субаренды земельного участка [9].

Вызывают интерес «коллизии», возникающие при рассмотрении норм гражданского и специального законодательства, регулирующих арендные отношения земель сельскохозяйственного назначения о преимущественном праве арендатора на заключение договора аренды на новый срок, который добросовестно использует свой земельный участок в течение всего срока.

Статья 9 Закона об обороте содержит специальные положения относительно заключения договора аренды земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения. Установлены условия и сроки предоставления в аренду сельскохозяйственных земель из государственной или муниципальной собственности: от трех до срока девяти лет, а также ограничения этих сроков: для целей сенокосения и выпаса скота могут предоставляться только до трех лет.

Помимо этого, пункт 5 указанной статьи предусматривает преимущественное право на заключение договора аренды на новый срок: если иное не предусмотрено законом или договором аренды, арендатор, надлежащим образом исполнявший свои обязанности, по истечении срока договора аренды имеет при прочих равных условиях преимущественное право на заключение договора аренды на новый срок. Данная норма в точности дублирует норму статьи 621 ГК РФ.

Ранее, до 01 марта 2015 года пункт 3 статьи 22 ЗК РФ предусматривал по истечении срока договора аренды земельного участка преимущественное право арендатора на заключение нового договора аренды. После внесения изменений Федеральным законом от 23.06.2014 № 171-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» норма этой статьи утратила силу [4].

Регулирование отношений по предоставлению земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, в том числе, и по договору аренды, предусмотрено относительно новой главой V.1 Земельного кодекса Российской Федерации. Так, случаи, при которых допускается заключение договора аренды без проведения торгов, предусмотрены пунктами 2, 3 статьи 39.6 ЗК РФ, а условия реализации такого права – пунктом 4 данной статьи. Отметим, что право на заключение нового договора аренды земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, без проведения торгов может быть реализовано при комплексном применении норм, предусмотренных пунктами 3 и 4 статьи 39.6 ЗК РФ.

Статья 39.8 ЗК РФ, посвященная особенностям договора аренды земельного участка, находящегося в публичной собственности, в пункте 15 прямо указала, что арендатор земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, не имеет преимущественного права на заключение на новый срок договора аренды такого земельного участка без проведения торгов.

Возникают вопросы: Есть ли преимущественное право у добросовестного арендатора в соответствии с общими правилами аренды и нормами специального закона или, все – таки, «иное предусмотрено законом (ЗК РФ)»? Какая норма и какого закона подлежит применению? Здесь опять же мы сталкиваемся с проблемой в части регулирования имущественных отношений по поводу земельных участков нормами Гражданского кодекса и специальных законов. Причем, к специальным относятся ЗК РФ и Закон об обороте.

Кроме того, добросовестный арендатор, в соответствии с пунктом 4 статьи 10 Закона об обороте, при отсутствии информации у органов исполнительной власти, осуществляющих надзор за государственной и муниципальной собственностью о выявленных нарушениях земельного за-

конодательства, вправе не только заключить новый договор аренды этого земельного участка, но и может приобрести его в собственность в порядке, предусмотренном Земельным кодексом Российской Федерации. Эту норму законодатель поддерживает и отражает ее в подпункте 9 пункта 2 статьи 39.3 ЗК РФ, но только предназначенных для ведения сельскохозяйственного производства и переданных в аренду гражданину или юридическому лицу по истечении трех лет с момента заключения договора аренды либо передачи прав и обязанностей по договору аренды земельного участка.

Так, Закон об обороте дает право по истечении срока аренды «надлежащему землепользователю» выкупить арендованный земельный участок. На практике, эти обстоятельства приводят к превышению полномочий и проявлению коррупционных факторов [7].

Договор аренды земельного участка заключается в порядке, предусмотренном гражданским и земельным законодательством, а земель сельскохозяйственного назначения - еще и с учетом положений Закона об обороте земель сельскохозяйственного назначения. Закон об обороте в пункте 1 статьи 10 содержит отсылочную норму о предоставлении земельных участков гражданам и юридическим лицам на ЗК РФ.

В соответствии со статьей 39.6 ЗК РФ, договор аренды земельного участка сельскохозяйственного назначения заключается с торгов и без проведения торгов. Проанализировав положения данной статьи, мы приходим к выводу о том, что без проведения торгов можно заключить договор аренды земельного участка, находящегося в публичной собственности, гражданам для следующих сельскохозяйственных целей:

– сенокосения, выпаса сельскохозяйственных животных, ведения огородничества или земельного участка, расположенного за границами населенного пункта, гражданину для ведения личного подсобного хозяйства;

– для садоводства, при условии, что гражданину участок достался с аукциона;

– земельного участка, предназначенного для ведения сельскохозяйственного производства, в отношении которого у уполномоченного органа отсутствует информация о выявленных в рамках государственного земельного надзора и не устраненных нарушениях законодательства Российской Федерации при использовании такого земельного участка, при условии, что заявление о заключении нового договора аренды такого земельного участка подано этим арендатором до дня истечения срока действия ранее заключенного договора аренды такого земельного участка;

– в соответствии с Федеральным законом «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного

федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5].

Таким образом, взамен преимущественного права арендаторам земельного участка предоставляется право на заключение нового договора аренды при наличии в совокупности следующих условий:

1) гражданин или юридическое лицо подало заявление о заключении нового договора аренды до дня истечения срока действия ранее заключенного договора аренды земельного участка;

2) если иное лицо не обладает исключительным правом на приобретение такого земельного участка. При этом не совсем понятно: какое иное лицо обладает таким правом?;

3) ранее заключенный договор аренды такого земельного участка не был расторгнут в соответствии с гражданским законодательством;

4) если есть основания для заключения договора аренды без проведения торгов, договор аренды которого был заключен без проведения торгов?

Кроме того, анализируя нормы ЗК РФ о предоставлении земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, на новый срок без проведения торгов с использованием преимущественного права, хотелось бы обратить внимание на следующие моменты.

Приведенные выше положения пункта 15 статьи 39.8 и статьи 39.6 ЗК РФ, в правоприменительной практике зачастую толкуются не совсем верно. Так, пункт 4 статьи 39.6 ЗК РФ предусматривает, что гражданин или юридическое лицо, являющиеся арендаторами земельного участка, имеют право на заключение нового договора аренды такого земельного участка при соблюдении обозначенных условий, зачастую на практике указанные положения толкуются как преимущественное право для заключения нового договора аренды. Однако указанная норма не содержит в себе положений о преимущественном праве. Так, Арбитражный суд Восточно-Сибирского округа в постановлении от 26.10.2017 по делу № А10-6885/2016 сделал вывод о том, что наличие права на заключение договора аренды без проведения торгов в порядке подпунктов 4, 9 пункта 2 статьи 39.6 ЗК РФ не свидетельствует о преимущественном праве арендатора на заключение договора аренды земельного участка [6].

Из анализа содержания статьи 10 Закона об обороте видно, что в большинстве случаев положения указанной нормы являются отсылочными на положения ЗК РФ. Однако абзац 1 пункт 8 указанной статьи содержит специальные положения. Так, предусмотрено, что земельные участки из земель сельскохозяйственного назначения, находящиеся в государственной или муниципальной собственности, предоставляются в аренду на

срок до пяти лет крестьянским (фермерским) хозяйствам, сельскохозяйственным организациям, участвующим в программах государственной поддержки в сфере развития сельского хозяйства, для ведения сельского хозяйства или осуществления иной связанной с сельскохозяйственным производством деятельности без проведения торгов [3]. Указанная норма является специальной. Однако ничего не указано о заключении договора аренды указанного земельного участка на новый срок или нового договора.

Анализируя вышеизложенное, мы приходим к выводу о необходимости приведения норм гражданского и земельного законодательства в единообразное понимание преимущественного права заключения договора аренды земельного участка сельскохозяйственного назначения на новый

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): федеральный закон от 26.01.1996 № 15-ФЗ (в ред. от 01.10.2019 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

2. Земельный кодекс РФ от 25.10.2001 № 136-ФЗ (в ред. от 08.01.2020) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.

3. Федеральный закон от 24 июля 2002 года № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» (в ред. от 18.06.2019) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3018.

4. Федеральный закон от 23 июня 2014 № 171-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 18.06.2019) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 26 (Часть I). Ст. 3377.

5. Федеральный закон от 01 мая 2016 № 119-ФЗ «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 18.07.2019) // Собрание законодательства РФ. 2016. № 18. Ст. 2495.

6. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 26.10.2016 по делу № А10-6885/2016. URL : http://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/b2401b78-7523-4cb3-bee0-f944702e3b8a/e1d06eeb-2ffa-4977-a40d-566f70f27d7f/A10-6885-2016_20171026_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения 06.06.2020).

7. Балдаева Р.А. О заключении договора аренды земельного участка сельскохозяйственного назначения на новый срок / Р.А. Балдаева, Е.Ю. Петрова // Актуальные вопросы цивили-

срок. Считаем, что в ЗК РФ необходимо вернуться к общему гражданско-правовому пониманию преимущественного права аренды земельного участка в целях создания благоприятных условий для граждан, юридических лиц для дальнейшего выкупа арендованного земельного участка или заключения договора аренды на новый срок. Кроме того, создание стимулирующих механизмов для землепользователей, а преимущественное право на заключение договора аренды земельного участка на новый срок добросовестным арендатором, как раз, таковым является, позволит более осознано соблюдать требования, предусмотренные договором, а также – требования природоохранного и земельного законодательства при осуществлении любой хозяйственной деятельности.

Literature:

1. Civil code of the Russian Federation (part two): Federal law № 15-FZ of 26.01.1996 (ed. from 01.10.2019) // Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. № 5. Art. 410.

2. Land code of the Russian Federation from 25.10.2001 № 136-FZ (ed. from 08.01.2020) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2001. № 44. Art. 4147.

3. Federal law № 101-FZ of July 24, 2002 «On the turnover of agricultural land» (as amended on 18.06.2019) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2002. № 30. Art. 3018.

4. Federal law of June 23, 2014 № 171-FZ «On amendments to the Land code of the Russian Federation and certain legislative acts of the Russian Federation" (ed. from 18.06.2019) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2014. № 26 (Part I). Art. 3377.

5. Federal law № 119-FZ of may 01, 2016 «On the specifics of granting land plots to citizens that are state or municipal owned and located on the territories of the subjects of the Russian Federation that are part of the far Eastern Federal district, and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation» (as amended on 18.07.2019) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2016. № 18. Art. 2495.

6. Decision of the Arbitration court of the East Siberian district of 26.10.2016 in case no. a10-6885/2016. URL : http://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/b2401b78-7523-4cb3-bee0-f944702e3b8a/e1d06eeb-2ffa-4977-a40d-566f70f27d7f/A10-6885-2016_20171026_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (date of application 06.06.2020).

7. Baldayeva R.A. About the conclusion of the lease agreement for agricultural land for a new term / R.A. Baldayeva, E.Yu. Petrova // Current issues of civil law. Ulan-Ude : Publishing house of Buryat state University, 2019. P. 163.

стики. Улан-Удэ : Изд. Бурятского госуниверситета, 2019. С. 163.

8. *Богданов А.В.* Арендное землепользование в сельском хозяйстве : автореф. ... канд. экон. наук: 08.00.05. М., 2015. С. 5.

9. *Соловьева К.Е.* Некоторые проблемы аренды земель сельскохозяйственного назначения // Вестник науки и образования. 2019. № 8(62). Ч. 1. С. 87.

8. *Bogdanov A.V.* Rental land use in agriculture : autoref. ... cand. econ. sciences: 08.00.05. M., 2015. P. 5.

9. *Solovyova K.E.* Some problems of agricultural land lease // Bulletin of science and education. 2019. № 8(62). Part 1. P. 87.

Василькова Евгения Андреевна
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин,
Таганрогский институт
управления и экономики
e.vasilkova@tmei.ru

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПОСРЕДСТВОМ ПРИМЕНЕНИЯ МЕХАНИЗМА ФЕДЕРАЛЬНОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА: СУЩНОСТНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация. Институт федерального вмешательства является одним из важнейших элементов государственно-правового механизма практически любой федерации. При строительстве правового, демократического и развитого государства, федерация вынуждена бороться с периодически возникающими сбоями в работе конституционного механизма внутри субъекта или с тем, что субъект не выполняет или отказывается выполнять возложенные конституционные обязанности. Достижению этих целей способствует механизм федерального вмешательства. В статье раскрывается сущность понятия «федеральное вмешательство», а также, значение применения этого механизма для обеспечения государственной целостности, затрагиваются позитивные и негативные последствия его применения.

Ключевые слова: федерализм, федеральное вмешательство, государственная целостность, субъект федерации.

В современном мире одним из важнейших элементов государственно-правового механизма практически любой федерации является правовой институт федерального вмешательства. Необходимость существования и закрепления перечня мер федерального вмешательства в дела субъектов федерации обусловлена самой природой федеративного государства и является основой сохранения и функционирования конституционного федерализма, присущих ему особенностей в условиях политической и экономической нестабильности современных государств. Любая федерация состоит из субъектов, которые имеют определенную политическую и экономическую самостоятельность по отношению к федеральному центру, во взаимоотношениях с другими субъектами являются частью единого целостного государства, существование которого возможно лишь при неразрывном и постоянном взаимодействии всех его структур. Возможность приме-

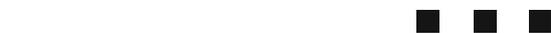
Evgenia A. Vasilkova
Candidate of Legal Sciences,
Senior lecturer of the Department
Public Law Disciplines,
Taganrog Institute
Governance and Economics
e.vasilkova@tmei.ru

ENSURING THE STATE INTEGRITY OF THE RUSSIAN FEDERATION THROUGH THE APPLICATION OF THE MECHANISM OF FEDERAL INTERVENTION: THE ESSENTIAL ASPECT

Annotation. The institution of Federal intervention is one of the most important elements of the state-legal mechanism of almost any Federation. When building a legal, democratic and developed state, the Federation is forced to deal with periodic failures in the work of the constitutional mechanism within the subject, or with the fact that the subject does not fulfill or refuses to fulfill its constitutional duties. The Federal intervention mechanism contributes to achieving these goals. The article reveals the concept of Federal intervention, as well as the significance of using this mechanism to ensure state integrity, and touches on the positive and negative consequences of its application.

Keywords: federalism, federal intervention, the integrity of the state, subject of federation.

ния мер, предусмотренных институтом федерального вмешательства, федеральными органами власти при выявлении случаев конституционных правонарушений в деятельности субъектов федерации считается допустимой и в настоящее время признается международным сообществом как наиболее эффективная форма контроля федерации за деятельностью ее субъектов.

Зачастую, механизм федерального вмешательства понимается в качестве инструмента конституционно-правовой ответственности. В данном случае применение мер интервенции является легитимными только в том случае, если субъектом действительно допущено нарушение конституционных норм или федерального законодательства, а также, выявлено противоречие местных законов федеральным, обнаружены факты противоправного поведения субъектов. Инструменты федерального вмешательства должны быть закреплены на законодательном уровне,

иначе их применение не будет законным. Однако институт федерального принуждения невозможно свести только к конституционно-правовой ответственности, он шире и применяется по мотивам политической и экономической целесообразности.

Последствия же применения мер федерального принуждения, безусловно, следует делить на позитивные и негативные. Однако полагается, что исключительно положительных или отрицательных последствий применения мер принуждения не может быть, так как ситуация, когда возникает необходимость применения вмешательства, является противостоянием центра и федерации, с приоритетом интересов второй и соответственно, существенным отличием их целей. В таком случае достигаемый желаемый результат для федерации будет связан с негативными последствиями для субъекта и конфликт будет сохранен, но в гораздо меньшей степени и рамках конституционного русла.

В любом случае федерация вынуждена бороться с периодически возникающими сбоями в работе конституционного механизма внутри субъекта или с тем, что субъект не выполняет или отказывается выполнять возложенные конституционные обязанности. Единственным существующим ныне методом является институт федерального вмешательства, и единственное; что остается центру – это использовать предусмотренные этим институтом меры воздействия и бороться с негативными последствиями. Если говорить об интересах федерализма, к положительным последствиям можно отнести охрану общества союзного государства и восстановление единого правового пространства, безопасности и территориальной целостности страны, а к негативным только тот факт, что зачастую может сохраняться или увеличиваться уровень недовольства субъекта и рост активности оппозиционных сил. Относительно применения мер федерального принуждения для субъекта, то к положительным относятся восстановление конституционных гарантий, безопасности граждан и экономической стабильности в субъекте, а негативным относится применение федерацией чрезвычайных методов управления, зачастую, довольно жестких, сопровождаемых применением насилия.

К возможным крайне отрицательным последствиям, как для федерации, так и для субъекта вызванным не разрешением конфликта до конца, может относиться обострение кризиса во внутри-федеральных отношениях и перетекание конфликта в глобальные проблемы, вплоть до развязывания гражданской войны.

В связи со сказанным выше, нами полагается, что применение мер интервенции должно быть четко определено по набору инструментов воздействия, на основе анализа происходящей ситуации должна быть заранее подобрана форма вмешательства и найдены точки соприкосновения в интересах субъекта и федерации, которые позволили бы решить возникший конфликт мирным путем и с наименьшими потерями для обеих сторон.

Целесообразно иметь орган, который занимался бы контролем за применением мер федерального вмешательства, если возникает необходимость их использования, но предполагается, что, в первую очередь, необходимо наделить их полномочиями по проведению различных конференций для решения федерально-субъектных проблем и обязанностью отслеживать возникновение спорных ситуаций, чтобы решать возникающие проблемы своевременно, а еще лучше – разрабатывать превентивные меры, которые позволяли бы совсем отказаться от федеральной интервенции.

Совершенствование института федерального принуждения неразрывно связано с эволюцией федеративных отношений и системы федерализма, в целом.

Вне сложной системы федеративных отношений неосуществимо формирование крепкого государства. На данный момент существуют многие модели организации федеративных отношений, но проблема заключается в том, что трансплантация таких моделей в чистом виде невозможна, так как они не принимают во внимание самобытность государства.

Его главной особенностью предполагается стабилизация законодательств центра и регионов, которая достигается первоначальным изданием законов, что приводит в соответствие законодательство регионов с центральным, а затем – поэтапным уменьшением темпов принятия новых законов субъектов, объединенных увеличением количества поправок к действующему законодательству [1].

Важность именно общегосударственного подхода обосновывается тем, что именно на федеральном уровне, в общем, необходимо сформулировать и разработать базовую концепцию выживания государства и выделить национальные цели, которые являются приемлемыми для всех граждан страны и для всех субъектов федерации. Достижение этого результата возможно только при объединении усилий федерации и субъектов при равноправном согласовании позиций между центральными и территориальными органами государственной власти.

В настоящее время федерализм представляется теоретиками в качестве пути к достижению согласия и справедливости, построение правового государства и создание демократического общества. Общественное согласие достигается за счет основополагающих идей, вбирающих в себя и адаптирующих имеющиеся различия к стержневым общественным ценностям, а не поглощают их.

Способом разрешения всех внутренних проблемных вопросов, в том числе, связанных с укреплением национального единства, выдвигаются крепкое суверенное государство, конкурентоспособная экономика, благосостояние народа, включение институтов гражданского общества, преодоление правового нигилизма и апатичного равнодушия граждан, повышение уровня общей и правовой культуры, правосознания народа [2].

Для демократизации политических процессов и конструирования представительных органов публичной власти имеют важное значение подъём уровня образованности народа, согласие в межнациональных и межконфессиональных вопросах, прозрачные перспективы государственной стратегии, преодоление громадной пропасти в уровнях материальной обеспеченности граждан, абсолютное уничтожение коррупции и бюрократизма [3].

В связи с вышеизложенным, значительные изменения ожидают и институт федерального вмешательства. Вместе с развитием федерализма происходит и развитие норм конституционного права. Таким образом, современные тенденции развития показывают, что реализация конституционных норм права будет обеспечиваться за счет собственных средств, в том числе и мерами ответственности. Для этого предполагается очертить круг ответственности субъектов, что придаст отрасли завершённый характер. Вместе с этим, необходимо разработать и четко описать категорию «конституционно-правовой статус субъекта», что придаст дополнительную законность применению мер федерального принуждения. Перспективы развития института федерального вмешательства предполагают, что будет выработано единство взглядов по вопросу об основаниях мер принуждения в отношении субъектов, т.е., должна быть ликвидирована путаница в установлении совокупности вероятных юридических фактов, которые влекут за собой использование мер принуждения со стороны центра. Иными словами, необходимо установить, являются ли основанием применения интервенции еще какие-то основания, кроме деликтов и, если есть, то какие это обстоятельства.

Единое основание активирования механизма федеральной интервенции можно выразить как неспособность ликвидации ситуации несогласованности конституционному правопорядку на местности определенного субъекта или их совокупности без привлечения федеральных органов государственной власти. Под конституционным правопорядком необходимо понимать такое состояние, когда существующие общественные отношения на определенной местности соответствуют модели государственного и общественного устройства, содержащийся в нормах Конституции определенного государства и вытекающего его тезисы конституционного законодательства.

Литература:

1. Современные проблемы организации публичной власти : монография / Рук. авторского колл. и отв. редактор д-р юрид. наук, профессор С.А. Авакьян. М. : Юстицинформ, 2014. 596 с.
2. *Коврякова Е.В.* Основы государственной национальной стратегии: конституционно-правовой аспект URL : <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2017.122.1.050-061>

Можно предположить, что в качестве единственно приемлемого основания для материализации механизма федерального принуждения, включая конституционно-правовую ответственность в пределах федеративных отношений, будут признаны только следующие юридические обстоятельства:

– конституционные деликты (совершение противоправных действий (бездействий) субъектом конституционно-правовых отношений, за которые действующим законодательством установлены санкции);

– вторжение в границы определенного государства (как вторжения, инициированные иностранной державой, так и незаконными вооруженными группами);

– события, которые не зависят от воли и сознания человека (стихийные бедствия, чрезвычайные ситуации техногенного характера и прочие).

Институт федерального вмешательства обусловлен самой природой федеративного государства, предполагающей необходимость обеспечения единства его экономической и политической организации путём установления соответствующих интервенционных механизмов. Одной из основных целей развития института федерального вмешательства является его усовершенствование, необходимо сделать его применение реальным, обеспечить соблюдение принципов федерализма и разумное разделение полномочий различных ветвей государственной власти в рамках политико-юридической модели федерального вмешательства. Основания для применения мер федерального вмешательства должны быть конкретно и однозначно указаны в законодательстве и обусловлены посягательством на основы конституционного строя путём принятия нормативно-правовых актов или вынесения иных решений, совершения действий или бездействия, так как конституционность мер федерального вмешательства – неотъемлемое условие их легитимности и правового характера государства. Их применение должно осуществляться только тогда, когда будет исчерпан весь комплекс различного рода согласительных процедур, мер политического, экономического, финансового и правового давления федерального центра на соответствующий субъект федерации при разрешении противоречий, неизбежно возникающих между ними.

Literature:

1. Modern problems of organization of public authority : monograph / Head of the collective of authors and chief editor Doctor of Law, Professor S.A. Avakyan. M. : Yustitsinform, 2014. 596 p.
2. *Kovryakova E.V.* Fundamentals of the state national strategy: constitutional and legal aspect. URL : <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2017.122.1.050-061>

3. Михалева Н.А. Конструкция президентской власти в России / Н.А. Михалева; Отв. ред. В.И. Фадеев // Теория и практика российского конституционализма. Сб. докладов науч.-практ. конференции, посвященной 75-летию со дня рождения академика О.Е. Кутафина. М., 2013. С. 85–88.

3. *Mikhaleva N.A.* The design of presidential power in Russia / N.A. Mikhaleva; Chief editor V.I. Fadeev // Theory and practice of Russian constitutionalism : Collection of reports scientific and practical conference dedicated to the 75th anniversary of the birth of academician O.E. Kutafin. M., 2013. P. 85–88.

Василькова Евгения Андреевна

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин,
Таганрогский институт
управления и экономики
e.vasilkova@tmei.ru

Овинникова Раиса Витальевна

ассистент кафедры теории
и истории государства и права,
Донецкий национальный университет
r.ovinnikova@donnu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

**ФЕДЕРАЛЬНОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА:
ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ**

Аннотация. Положительное развитие федерализма напрямую связано с отношениями, возникающими между центром и субъектами федерации. Эти отношения тесно связаны с проблемой вмешательства со стороны федерального центра в дела субъектов федерации, в результате чего формируется особая система взаимоотношений федерации с ее субъектами, в основу которых положен принцип федерального принуждения. В статье затрагивается проблема этих взаимоотношений, раскрываются модели и формы федеральной интервенции, а также факторы, способствующие применению федерального принуждения.

Ключевые слова: федерация, субъект федерации, федеральное вмешательство, формы федерального принуждения.

В нынешний период государственного развития одной из значительных проблем является сохранение и дальнейшее развитие федерализма, а также, разрешение внутрифедеральных конфликтов мирным путем. Несмотря на то, что лишь девятая часть существующих в мире государств являются федерациями, на их территории проживает около трети населения нашей планеты. В силу целого ряда причин (политические, социальные, экономические и т.д.) в конце XX века некоторые крупные федерации распались.

Федеративные государства являются союзными государствами, т.е., состоящими из государственных образований, которые обладают определенной политической самостоятельностью [1]. Проблема взаимоотношений федерации с ее субъектами всегда представляла определенную сложность с точки зрения анализа всей системы этих взаимоотношений, их динамики развития, факторов, определяющих их на современном этапе и в

Evgenia A. Vasilkova

Candidate of Legal Sciences,
Senior lecturer of the Department
Public Law disciplines,
Taganrog Institute
Governance and Economics
e.vasilkova@tmei.ru

Raisa v. Ovinnikova

Assistant to the Department of Theory
and the History of the State and Law,
Donetsk National University
r.ovinnikova@donnu.ru

THE CONTENT

**OF FEDERAL INTERVENTION:
FOREIGN EXPERIENCE**

Annotation. The positive development of federalism is directly related to the relations arising between the center and the subjects of the federation. These relations are closely related to the problem of interference by the federal center in the affairs of the subjects of the federation, as a result of which a special system of relations between the federation and its subjects is formed, which is based on the principle of federal coercion. The article addresses the problem of these relationships, reveals models and forms of federal intervention, as well as factors contributing to the use of federal coercion.

Keywords: federation, federal entity, federal intervention, forms of federal coercion.

перспективе. Для большинства зарубежных федераций эта проблема находится в центре политических отношений, отражая очень часто не только степень прочности и стабильности территориального устройства данного государства, но и готовность его основных государственно-правовых институтов гарантировать эту стабильность, а в случае возникающей опасности его распада на составные части, применить любые меры для ликвидации такой опасности. Проблема взаимоотношений федерации с ее субъектами является одной из основных, поскольку касается не только перспектив развития данного государства, но и его самостоятельного существования в качестве единой территориальной общности.

Наращение противоречий в федерально-субъектных взаимоотношениях чревато не только обострением внутривнутриполитической обстановки в самой федерации, но может принимать и международно-правовой характер, поскольку привле-

кает внимание мировой общественности, международных правозащитных организаций из-за возрастающего объема жалоб на нарушение гражданских прав и свобод, появление беженцев и вынужденных переселенцев и другие негативные последствия, которые способны серьезно дискредитировать демократические государственные институты и оказать отрицательное влияние на существующий государственный режим [2].

Модели, как и формы федерального принуждения, могут быть различны. Среди самых часто используемых в зарубежных странах форм можно выделить:

- введение особого положения или ЧП в субъекте федерации (возможно единовременное применение во многих субъектах);
- введение правления Президента;
- реализация методов федерального принуждения.

Указанные формы взаимоотношений носят чрезвычайный характер и призваны обеспечить единство федеративного государства и возобновление должного общественного порядка, как в отдельных субъектах, так и во всей федерации целиком. Эти основополагающие цели интервенции способствуют нормализации ситуации и призваны сбалансировать конституционную структуру федеративных отношений, вернуть ее в исходное состояние.

Избрание той или иной конфигурации федеративных отношений обуславливается целым рядом причин исторического, политического, социально-экономического характера, ряда факторов внешнеполитического и внутривнутриполитического направления – например, национальных или религиозных. На предпочтение формы федерального вмешательства непосредственно оказывает влияние характер учрежденного в стране государственного режима.

При демократическом государственном режиме федеральное принуждение, обычно, воплощается в действительность в мягкой манере диалога, хотя не исключено и применение методов жесткого натиска на субъект со стороны стержневых органов власти. В обстановке авторитарного государственного режима договорная форма выхода из конфликта сводится к минимуму, а на главный план выходят силовые способы, часто используемые при материализации федеральной интервенции. При этом уменьшается роль и степень влияния органов конституционного правосудия. Если обстоятельства демократического режима не запрещают обращения конфликтующих в Верховный суд федерации, то авторитарный государственный режим не предполагает вероятности судебного разбирательства разногласий. Недоступность общегосударственной судебной защиты у субъекта всерьез усложняет его положение в противоборстве с федеральным центром. Одновременно с этим, федеральное правительство наделяется фактически неограниченными судебной властью компетенциями по материализации федеральной интервенции в самой строгой

форме.

На избрание формы федерального вмешательства влияют исторические особенности развития и функционирования федераций. Если ранее федеральное вмешательство облекалось, как правило, в конфигурацию вооруженных столкновений (например, Гражданская война в США 1861–1865 гг., милитаристическое сдерживание мятежных швейцарских кантонов в XIX веке и т.д.), то в настоящее время в западноевропейских государствах вооруженные механизмы вмешательства уже не применяются, хотя на законодательном уровне возможность этого не элиминируется и не запрещается. Зачастую, к этим базовым причинам присовокупляются вопросы межнациональных и религиозных взглядов (Пакистан, Индия, Малайзия, Эфиопия, Нигерия и др.). И если эти вопросы появляются на фоне экономических и политических просчетов правительств субъектов, то численность фактов применения федерального вмешательства увеличивается.

В качестве основополагающего фактора, который оказывает влияние на конструкцию взаимных отношений «центр – субъекты федерации», надлежит обозначить внутривнутриполитическую малоустойчивость многих, особенно, формирующихся федеративных государств. Эта нестабильность может быть порождена различными причинами, среди которых выделяют периодически меняющуюся расстановку внутривнутриполитических сил, в особенности, когда в результате легитимных выборов в субъектах федерации, оппозиционные главе государства и/или центральному правительству политические партии приходят к власти. Политическая конфронтация отражается на положении этого субъекта федерации, что может воплощаться в открытом давлении федерального центра на его правительство с помощью федерального вмешательства. Зачастую, в таких случаях федеральное вмешательство используется в открытой политической борьбе, иногда в качестве нравоучительной меры «неудобным» или «неспокойным» субъектам федерации.

Если систематизировать модели федеральной интервенции, то можно вычленив несколько вариаций, отличающихся между собой методами законодательного регулирования, поводами реализации и формами воплощения в жизнь. Поскольку указанные модели могут и, как правило, совмещаются с введением ЧП, непосредственно модель ЧП не должна рассматриваться как особый вид федерального принуждения, особенно, учитывая, что чрезвычайное положение применяется как в федеративных, так и в унитарных государствах, в связи с тем, что они порождается не только политическими и/или социально-экономическими причинами, но и эпидемиями, стихийными бедствиями и прочими факторами.

Базовыми моделями федерального принуждения на нынешнем этапе являются:

- а) европейская модель федерального вмешательства (ФРГ, Швейцария, Австрия, Бельгия);

б) североамериканская модель федерального принуждения (США, Канада);

в) азиатско-африканская модель федеральной интервенции (Индия, Малайзия, Пакистан, Нигерия и др.);

г) латиноамериканская модель федерального вмешательства (Аргентина, Бразилия, Венесуэла, Мексика) [3].

Все указанные выше модели, в особенности, используемые в демократических государствах, обладают едиными чертами и отличаются только степенью влияния центра федерации на ее субъекты.

На указанный период кардинально изменяются отношения федерации с ее же субъектами, а также, взаимоотношения между субъектами, так как субъект федерации, к которому применяются меры федерального принуждения, находится в ущемленной, по сравнению с прочими субъектами, обстановке, так как на его местности могут применяться режим ЧП, изменение системы управления и реализации нетипичных мер, которые выделяют этот субъект из всеобщей массы. В этом плане модели федерального принуждения представляются нам наиболее разнообразными, отображающими особенности всякой федерации, которая, безусловно, не может являться абсолютной копией иной федерации. В связи с этим, и федеральная интервенция в странах, которые относятся согласно приведенной классификации к одной модели, могут в действительности капитально отличаться и по характеру, и по последствиям, как юридическим, так и политическим.

Литература:

1. Большая советская энциклопедия. URL : <https://gufo.me/dict/bse/Федерация> (дата обращения 17.06.2020)
2. Федеральное вмешательство в зарубежных странах // Научно-популярный портал. URL : <https://bukvi.ru/pravo/konstitucionnoe/federalnoe-vmeshatelstvo-v-zarubezhnyh-stranax.html> (дата обращения 17.06.2020).
3. *Михайлова М.Ю.* Институт федерального вмешательства в зарубежных странах // Библиотека диссертаций. URL : <http://www.dslib.net/konstitucion-pravo/institut-federalnogo-vmeshatelstva-v-zarubezhnyh-stranax.html> (дата обращения 17.06.2020).

Указанные модели отличаются степенью использования насильственных инструментов со стороны центра. Соответственно, в некоторых моделях федеральной интервенции на передний план выходят способы открытого принуждения субъектов к исполнению воли федерального правительства, методы безоговорочного понуждения, поддерживаемый использованием вооруженных сил, с отрицательными последствиями в облике продления интервенции и лимитированием прав и свобод граждан. Указанные ситуации характерны, в основном, для латиноамериканских и афро-азиатских и федераций.

Иные модели отличаются, в первую очередь, приемами консультационных и примирительных процедур, которые предотвращают необходимость использования грубых мер даже на первоначальной стадии. Указанные положения характерны для европейской и североамериканской моделей. В этом случае принуждение имеет, скорее, условно-превентивный характер и имеет возможность, а не необходимость, употребления принудительных способов в отношении субъектов федерации. Система примирительных процедур, используемая в данных моделях, фактически элиминирует на нынешнем этапе открытое федеральное вмешательство. При этом следует отметить, что федеральное принуждение сохраняется в качестве важнейшего принципа функционирования федеративной системы, орудием, благодаря которому на практике воплощается юридическое и политическое главенство федерации над субъектами, инструментом решения конфликтов в системе федерально-субъектных отношений и приемом сохранения суверенной воли центра.

Literature:

1. Great Soviet Encyclopedia. URL : <https://gufo.me/dict/bse/Федерация> (date of application 17.07.2020).
2. Federal intervention in foreign countries // Popular science portal. URL : <https://bukvi.ru/pravo/konstitucionnoe/federalnoe-vmeshatelstvo-v-zarubezhnyh-stranax.html> (date of application 17.07.2020).
3. *Mikhailova M. Yu.* Institute of Federal Intervention in Foreign Countries // Dissertation Library. URL : <http://www.dslib.net/konstitucion-pravo/institut-federalnogo-vmeshatelstva-v-zarubezhnyh-stranax.html> (date of application 17.07.2020).

Веренич Игорь Васильевич
кандидат юридических наук,
доцент кафедры правоведения,
Северо-Западный институт управления
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
i-verenich@mail.ru

ЭТАПЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ О ПРЕОДОЛЕНИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. Предметом настоящего исследования является рассмотрение этапов возникновения и становления криминалистического учения о преодолении противодействия расследованию преступлений. Исследование теоретической концепции учения о преодолении противодействия расследованию преступлений, анализ литературных источников, рассмотрение различных мнений, теоретических положений частных криминалистических теорий и криминалистических учений.

Научная новизна будет определяться историческим аспектом формирования этапов учения о преодолении противодействия расследованию преступлений, возникновения и становления криминалистического учения о преодолении противодействия расследованию преступлений, формирования и завершения криминалистического учения в окончательном виде как целостной системы теоретических положений и практических рекомендаций.

Ключевые слова: криминалистика, криминалистическая методика, противодействие расследованию преступлений, преодоление противодействия, криминалистическое учение, структура учения, этапы формирования учения, предмет и объекты криминалистического учения.

Наука история определяет изучение различных источников о прошлом для установления последовательности событий и фактов, их объективности, а также – возможность и необходимость сделать выводы о причинах происходящих событий. Древнегреческое слово «история» первоначально означало «расспрашивание, узнавание, установление, добывание знаний» и несло за собой основную задачу установления подлинности, истинности событий и фактов [12].

Наука история, как и все современные науки, не может существовать отдельно; все науки в той или иной степени находятся во взаимосвязи друг с другом, историческими фактами и учебными дисциплинами современного мира.

Igor V. Verenich
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of Law,
Northwestern Institute of Management
Russian Academy of National Ownership
and Public Service
President of the Russian Federation
i-verenich@mail.ru

STAGES OF THE EMERGENCE AND FORMATION OF A FORENSIC TRAINING ON OVERCOMING THE OPPOSITION TO THE INVESTIGATION OF CRIMES

Annotation. The subject of the research is some questions of the occurrence and formation of the stages of the forensic doctrine about overcoming the counteraction to the crimes investigation. Study of the theoretical and practical concept of the doctrine about overcoming the counteraction to the crimes investigation, analysis of literary sources, consideration of various opinions, theoretical provisions of private forensic theories and forensic doctrines.

Scientific novelty will be determined by the historical aspect of the formation of the stages of the doctrine about overcoming counteraction to the crimes investigation, the issues of the occurrence and formation of forensic doctrine about overcoming the counteraction to the crimes investigation, the formation and conclusion of the forensic doctrine in its final form, as an integral system of theoretical principles and practical recommendations.

Keywords: criminalistics, forensic methods, counteraction to the crimes investigation, overcoming the counteraction, forensic doctrine, doctrine structure, stages of doctrine formation, subject and objects of forensic doctrine.

Возникновение и становление этапов развития криминалистического учения о преодолении противодействия расследованию преступлений необходимо рассматривать через призму исторического анализа и систематизации науки криминалистики и особенно важнейшего блока (раздела) – истории криминалистики. Изучая прошлое, мы можем более объективно смотреть на действительность настоящего и возможно предвидеть будущее.

Рассмотрение вопросов истории формирования определенных отраслей практической деятельности, развития теоретических положений и науч-

ных взглядов, безусловно, оказывает существенное влияние на современное состояние науки, в частности, криминалистики [9, с. 65].

В познании сущности теоретических основ науки криминалистики важно понять тенденции развития данной отрасли знаний, уметь объективно оценить достоинства и недостатки выдвигавшихся ранее идей, увидеть процесс рождения новых учений, их практическое значение и перспективные направления в развитии криминалистической мысли [8, с. 27]. Поэтому при исследовании любого вопроса необходимо руководствоваться принципами историзма, объективности исторического познания и принципами альтернативности.

Принцип историзма, например, требует рассмотрения всех исторических фактов, явлений и событий в соответствии с конкретно-исторической обстановкой, в их взаимосвязи. Всякое историческое явление следует изучать в развитии – как оно возникло, какие этапы в своем развитии прошло, чем, в конечном счете, стало. Принцип объективности предполагает опору на факты в их истинном содержании, рассмотрении каждого явления в его многогранности и противоречивости, в совокупности как положительных, так и отрицательных сторон. Принцип альтернативности определяет степень вероятности осуществления того или иного события, явления, процесса на основе анализа объективной действительности. Признание исторической альтернативности позволяет по-новому оценить путь каждой стороны.

Только при соблюдении и сочетании всех принципов и методов познания может быть обеспечена строгая научность и достоверность в изучении исторического прошлого [14].

Формирование системы теоретических положений и практических рекомендаций по разрешению значимых проблем в судебно-следственной практике при расследовании тяжких и особо тяжких преступлений является одним из важнейших направлений развития общей теории криминалистики.

Одной из актуальных проблем в последние годы, требующей своевременного разрешения, становится противодействие расследованию преступлений. Активизация криминальных групп и преступных сообществ, отсутствие научно разработанных рекомендаций по преодолению противодействия расследованию преступлений, затребовало в конце XX века, а именно в 80–90 годах, серьезного исследования данного явления.

Анализ судебно-следственной практики показал, что это было началом первого этапа большой работы ученых с целью разрешения проблемы.

Реализация принципа историзма, предполагающего анализ закономерностей развития отдельного направления в криминалистике, проявляется в поэтапном формировании учения. Это имеет отношение и к учению о преодолении противодействия расследованию преступлений.

Исследование фактов противодействия расследованию преступлений и анализ специальной литературы по разработке рекомендаций преодоления такого противодействия позволили сделать вывод о трех этапах формирования данного учения.

Если говорить о времени начала проявлений фактов противодействия расследованию преступлений, то, как показывает анализ следственной практики, он имел место всегда, и в XVIII веке, и в XIX и тем более в XX веке. Воинский Устав Петра I, утвержденный 30 марта 1716 года [15], являющийся основным документом, положивший начало основ юридической системы Российской империи, рассматривал преступление как нарушение законов и послушания царской воли. Первое же законодательное определение «преступления» было дано в Именном указе от 24 декабря 1714 г. «О воспрещении взяток и посулов и о наказании за оное», а именно – «преступление – это все то, что вред и убыток государству приключить может, суть преступление», также, там дается их классификация [13; 16]. То есть, как только законодательно было закреплено понятие преступления и мера его наказания, можно смело утверждать, что любой человек, подвергавшийся такому преследованию или расследованию, предпринимал различные меры, средства и способы уйти от наказания в виде сокрытия информации о преступном событии или противодействия расследованию преступлений.

Соответственно, первый этап хронологически можем определить XVIII в. – середина XX в. и назвать «предысторией вопроса». Анализ следственной практики показал, что в этот период времени имелись только отдельные факты, когда следователи (дознаватели) своими усилиями преодолевали противодействие расследованию преступлений со стороны криминальных структур.

Ученые начали исследовать проблемы, возникающие в следственных органах, связанные противодействием расследованию преступлений и с разработкой рекомендаций по данному преодолению.

В достижении данной цели и разрешения проблем на законодательном уровне начали приниматься нормы, способствующие урегулированию вопросов, связанных с преодолением противодействия расследованию преступлений. Но это были отдельные факты отказа от дачи показаний, неявки к следователю (дознавателю) на допрос, дача ложных показаний, подмена вещественных доказательств, уничтожение следов преступления и т.д. с целью перенаправить следствие в иное ложное направление. Следователь (дознаватель), в свою очередь, преодолевал такое противодействие путем принудительной доставки свидетелей в органы расследования, предупреждения допрашиваемых об уголовной ответственности за дачу ложных показаний или отказ, тщательного исследования вещественных доказательств и т.д.

Анализируя судебно-следственную практику,

можно сделать вывод о том, что это были единичные случаи противодействия расследованию преступлений, которые с успехом следователем (дознавателем) преодолевались. На этом этапе практики-аналитики только лишь анализировали эмпирический материал, разрабатывали соответствующие проекты норм в УК и УПК, то есть, законодательно закрепляли нормы, позволяющие преодолеть противодействие расследованию преступлений такими статьями Уголовного Кодекса, как:

- клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава;
- фальсификация доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности;
- заведомо ложный донос;
- заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод;
- отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний;
- подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу;
- разглашение данных предварительного расследования;
- разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи и участников уголовного процесса; укрывательство преступлений и т.д.

Активизация преступного элемента в совершении серийных, тяжких, особо тяжких и международных транснациональных преступлений (наркобизнес, похищение, торговля людьми, продажа оружия, террористические акты, массовые беспорядки с тяжкими последствиями и т.д.) в 80-х – начала 90-х годов XX века определили второй этап.

Уклонение от наказания преступного элемента с использованием любых средств и способов вынужденно направило российский научный мир на борьбу с этим явлением – активным и умышленным противодействием расследования преступлений, как совокупностью действий, способов и средств по противодействию расследованию. Ученые стали систематически изучать способы и средства противодействия и на этой основе разрабатывать рекомендации следователям (дознавателям) по их преодолению.

Рассмотрение вопросов производства определенных следственных действий, таких как осмотр места происшествия, обыска, допроса и т.д., в этот период времени рассматривали в своих работах Р.С. Белкин, И.Е. Быховский, А.Н. Васильев, А.В. Дулов, В.Г. Доспулов, В.П. Колмаков, Н.И. Порубов, А.Р. Ратинов, Н.А. Селиванов, А.Б. Соловьев и др.

Соккрытие преступления как определенный вид противодействия расследованию преступлений рассматривался Г.Г. Зуйковым, В.Н. Карагодиным, В.П. Лавровым, И.М. Лузгиным, Г.Н. Мудьюгиным, В.А. Овечкиным, И.Б. Филоновым, В.Г. Танасевичем и др.

С этого момента начался этап формирования самого понятия «противодействие расследованию преступлений», сделаны первые классификации действий по сокращению общественно опасных действий и разработки соответствующих практических рекомендаций органам следствия (дознания).

Далее, на основании сформированной эмпирической базы, ученые В.Н. Карагодин [6] и Э.У. Бабаева [2] подготовили научные исследования по разработке основ криминалистического учения и частной теории противодействия расследованию преступлений.

В 1992 году В.Н. Карагодин в своей работе «Преодоление противодействия предварительному расследованию» [7] рассматривал проблемы установления объективной истины по уголовному делу в условиях оказания противодействия расследованию. Им рассматривалось и давалось криминалистическое понятие и характеристика противодействия предварительному расследованию, классификация актов противодействия. Акцентировалось внимание на детерминации и повторяемости актов противодействия, их общей характеристики, подробно рассмотрены объективные и субъективные факторы, детерминирующие противодействие предварительному расследованию.

Рассмотрены некоторые методы преодоления противодействия оказываемыми субъектами преступления, выдвижение и проверка версий о сокращении преступлений, выявление обстоятельств скрываемого преступления. Рассмотрены вопросы расследования уголовных дел в ситуациях противодействия, оказываемых представителями государственных и общественных организаций, типичные следственные ситуации, возникающие при противодействии, пути оптимизации деятельности следователя в условиях противодействия работников правоохранительных органов.

Это было первой систематизированной работой, посвященной вопросам противодействия расследованию преступлений в различных условиях.

Третий этап – хронологические рамки которого мы рассматриваем как конец XX в. – настоящее время, – связан с формированием теоретических основ криминалистического учения о преодолении противодействия расследованию преступлений.

Существенный вклад в разработку основ криминалистического учения о преодолении противодействия расследования преступлений внесла Э.У. Бабаева своими трудами «Основы криминалистической теории преодоления противодействия уголовному преследованию» (2006), «Про-

блемы теории и практики преодоления противодействия уголовному преследованию» (2010). Работы посвящены отдельным теоретическим и практическим проблемам преодоления противодействия уголовному преследованию, построены на базе изучения большого количества уголовных дел и исследований, проведенном в НИИ Генеральной Прокуратуры РФ.

Автор рассматривает учение о преодолении противодействия расследованию преступлений как частную криминалистическую теорию, дает собственный понятийный аппарат и правовые основы теории преодоления. Рассмотрены вопросы классификации видов противодействия, классификации мер преодоления противодействия, методов научного познания объектов теории преодоления. Отдельными главами уделено внимание методам распознавания противодействия на стадиях досудебного производства и особенно вопросам преодоления противодействия на стадиях возбуждения уголовного дела, допроса, обыска, проверки показаний на месте, следственного эксперимента. Дана типовая программа преодоления противодействия преступлений.

Автор заложила основы учения о преодолении противодействия расследованию преступлений как частной криминалистической теории. В рамках учения предложен авторский понятийный аппарат и определены правовые основы теории преодоления.

Далее в 2013 году было подготовлено научное исследование И.В. Тишутинной на тему «Преодоление противодействия организованной преступной деятельности: организационные, правовые и тактические основы» [11]. Работа выполнена из двух больших разделов: преодоление противодействия как объект криминалистического анализа и проблемы выявления и преодоления противодействия организованной преступной деятельности, пути их решения. Особое внимание обратило на себя исследование мер оперативно-разыскного характера при преодолении противодействия и использования специальных знаний в целях выявления и преодоления противодействия организованной преступной деятельности.

Исследуемому вопросу мы также неоднократно уделяли серьезное внимание и проявляли заинтересованность. Так, например, авторский коллектив в составе И.В. Веренича, А.М. Кустова, В.М. Прошина издал монографию в 2014 году «Криминалистическая теория механизма преступления» [3], где 13 глава была исключительно посвящена механизму деятельности преступных сообществ по противодействию расследования преступлений, криминалистической сущности противодействия, субъектам противодействия и деятельности по его преодолению (нейтрализации).

Так, по мнению авторов, «противодействие расследованию преступлений выражается в воспрепятствовании осуществления следователями и сотрудниками органами дознания их процессуальных полномочий по быстрому и полному раскрытию и расследованию преступлений, изобли-

чению виновных, то есть, установлению на основе норм уголовно-процессуального закона объективной истины по уголовному делу» [3, с. 626–627].

На основе полученных новых результатов, продолжая исследовать проблемы преодоления противодействия расследованию преступлений, в 2018 г. была подготовлена монография «Теоретические основы преодоления и нейтрализации противодействия расследованию преступлений» [5].

В работе были рассмотрены теоретические основы преодоления противодействия расследованию преступлений, дано авторское понятие и содержание противодействия расследованию преступлений, показаны его механизмы и формы. Были также определены виды противодействия расследованию преступлений:

– реальные угрозы или психологическое давление на следователя, на ход расследования;

– существенные противоречия в показаниях участников преступного события на допросах и очных ставках;

– существенные негативные (для достижения истины по делу) изменения в показаниях участников преступного события или отказ от ранее данных ими показаний;

– уничтожение или фальсификация процессуальных и иных документов, симуляции психического или физического заболевания подозреваемым (обвиняемым);

– неожиданная и неоправданная неявка основных свидетелей или потерпевших к следователю;

– появление новых, ранее неизвестных следствию, то есть «подставных», свидетелей с противоречивыми и негативными для объективности показаниями;

– внезапные необоснованные и противоположные заявления или ходатайства потерпевших;

– отказ суда арестовать подозреваемого, а прокурора – поддержать следователя;

– убийство важных свидетелей или потерпевших, реальные угрозы их жизни и здоровью.

Среди способов противодействия расследованию преступлений автор определяет:

– негативные публикации в средствах массовой информации;

– попытки хищения или уничтожения материалов уголовного дела;

– попытки подкупа или дача взятки;

– угрозы убийства или уничтожения имущества соответствующих лиц;

– использование коррупционных связей с целью

давления на следователя или его отстранения от расследования;

– представление «подставных» свидетелей и т.д.

Им также дано авторское определение деятельности по преодолению противодействия расследованию преступлений, что это «система действий, преследующих цель нейтрализовать сопротивление лиц, препятствующих правоохранительным органам в достижении истины по уголовному делу и осуществлении правосудия» [5, с. 102].

Средства и методы преодоления противодействия расследованию преступлений, в основном, реализуются при производстве следственных действий и в сопровождении оперативных мероприятий.

Среди оперативных мероприятий могут быть оперативно-разыскные меры:

– получение информации о намерениях определенных лиц противодействовать расследованию;

– выявление оказания давления на лицо осуществляющее расследование; выявление коррупционных связей;

– документирование фактов противодействия через аудио- видеосъемку и др.

В рамках следственных действий могут быть процессуальные меры, тактические приемы и операции (комбинации), а также, технико-криминалистические средства, разработанные учеными и практиками на базе теоретических основ криминалистической науки.

Наиболее распространенными мерами преодоления противодействия расследованию преступлений являются целенаправленные оперативно-

разыскные действия, а также, с учетом сложившейся следственной ситуации, повторные допросы, очные ставки, обыски, выемки, предъявления для опознания и назначение судебных экспертиз.

Самыми распространенными методами преодоления противодействия следователем являются:

– метод убеждения с использованием положительных качеств личности;

– метод внушения через управление следователем поведением лица;

– метод изобличения через логическое воздействие следователем на лицо и др.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что возникновение и становление криминалистического учения о преодолении противодействия расследованию преступлений прошло три этапа:

1 этап – XVIII в., XIX в., XX в. – возникновение проблемы противодействия расследованию преступлений и начало ее решения.

2 этап – конец XX века, а именно в 80–90 гг. – криминализация общества, уклонение от уголовной ответственности умышленным противодействием расследования преступлений, начало системного изучения данной проблемы и на этой основе разработка рекомендаций следователям (дознавателям) по их преодолению.

3 этап – конец XX в. – настоящее время – начало определения теоретических основ и активная, окончательная фаза формирования криминалистического учения о преодолении противодействия расследованию преступления, как системы теоретических положений и практических рекомендаций.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 07.04.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.04.2020).

2. *Бабаева Э.У.* Основы криминалистической теории преодоления противодействия уголовному преследованию : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Моск. гос. юрид. акад. М., 2006. 44 с.

3. *Веренич И.В.* Криминалистическая теория механизма преступления : монография / И.В. Веренич, А.М. Кустов, В.М. Прошин. М. : Юрлитинформ, 2014. 640 с.

4. *Веренич И.В.* Криминалистическая наука и теория механизма преступления : монография / И.В. Веренич, А.М. Кустов, В.М. Прошин. М. : Юрлитинформ, 2016. 672 с.

5. *Веренич И.В.* Теоретические основы преодоления и нейтрализации противодействия рассле-

Literature:

1. Criminal Code of the Russian Federation from 13.06.1996 № 63-ФЗ (ed. From 07.04.2020) (with ism. and more, Appendix. in force with 12.04.2020).

2. *Babaeva E.U.* Fundamentals of forensic theory of overcoming opposition to criminal prosecution : auto-recording dis. ... doctors of law: 12.00.09 / Mosk. state lawyer. acad. M., 2006. 44 с.

3. *Verenich I.V.* Forensic theory of the crime mechanism : monograph / I.V. Verenich, A.M. Kustov, V.M. Proshin. M. : Yurлитinform, 2014. 640 p.

4. *Verenich I.V.* Forensic science and the theory of the mechanism of crime : monograph / I.V. Verenich, A.M. Kustov, V.M. Proshin. M. : Yurлитinform, 2016. 672 p.

5. *Verenich I.V.* Theoretical foundations for overcoming and neutralizing opposition to the investigation of crimes : monograph. M. : Yurлитinform, 2018.

дованию преступлений : монография. М. : Юрлитинформ, 2018. 256 с.

6. *Карагодин В.Н.* Основы криминалистического учения о преодолении противодействия предварительному расследованию : дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. Екатеринбург, 1992. 388 с.

7. *Карагодин В.Н.* Преодоление противодействия предварительному расследованию. Свердловск, 1992. 175 с.

8. *Курсанов З.И.* Теоретические основы криминалистики. М., 1998. С. 27.

9. *Кустов А.М.* История криминалистической практики и науки (X в. – середина XX в.) : монография. М. : Юрлитинформ, 2019. 240 с.

10. *Поликарпов Б.А.* Противодействие уголовному преследованию в следственных изоляторах и криминалистические средства его преодоления : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.12. Краснодар, 2016. 292 с.

11. *Тишутина И.В.* Преодоление противодействия организованной преступной деятельности: организационные, правовые и тактические основы : дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.12 / Тишутина Инна Валериевна; Место защиты: Моск. ун-т МВД РФ. М., 2013. 488 с.

12. *Утехин С.В.* О понимании истории. Неопубликованные заметки. URL : http://utechin.narod.ru/svu/notice/02_02.htm (дата обращения 04.07.2020).

13. *Чельцов-Бebutov М.А.* Курс уголовно-процессуального права. СПб., 1995. 846 с.

14. Основные этапы развития истории. URL : https://studopedia.ru/3_158161_osnovnie-etapi-razvitiya-istorii.html (дата обращения 04.07.2020).

15. Воинский Устав Петра I. URL : <http://adjutant.ru/regulations/1716-01.htm> (дата обращения 04.07.2020).

16. Именной указ от 24 декабря 1714 г. «О воспреещении взяток и посулов и о наказании за оное». URL : https://www.pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/imennoj_ukaz_o_vospredchenii_vsjatok_i_posulov_1714_goda.pdf (дата обращения 04.07.2020).

256 p.

6. *Karagodin V.N.* Fundamentals of forensic doctrine on overcoming opposition to preliminary investigation : dis. ... doctors of law: 12.00.09. Yekaterinburg, 1992. 388 p.

7. *Karagodin V.N.* Overcoming opposition to a preliminary investigation. Sverdlovsk, 1992. 175 p.

8. *Kirsanov Z.I.* Theoretical foundations of forensic science. M., 1998. P. 27.

9. *Kustov A.M.* History of forensic practice and science (10th century – mid – 20th century) : monograph. M. : Jurlitiform, 2019. 240 p.

10. *Polikarpov B.A.* Opposition to criminal prosecution in pre-trial detention centers and forensic means to overcome it : dis. ... cand. of Law: 12.00.12. Krasnodar, 2016. 292 p.

11. *Tishutina I.V.* Overcoming the opposition to organized criminal activity: organizational, legal and tactical foundations : dis. ... doctors of law: 12.00.12 / Tishutina Inna Valerievna; Place of protection: Mosk. un-t of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. M., 2013. 488 p.

12. *Utekhin S.V.* On the understanding of history. Unpublished notes. URL : http://utechin.narod.ru/svu/notice/02_02.htm (date of application 04.07.2020).

13. *Cheltsov-Bebutov M.A.* Course in Criminal Procedure Law. St. Petersburg, 1995. 846 p.

14. The main stages of the development of the history. URL : https://studopedia.ru/3_158161_osnovnie-etapi-razvitiya-istorii.html (date of application 04.07.2020).

15. Military Charter of Peter I. URL : <http://adjutant.ru/regulations/1716-01.htm> (circulation date 04.07.2020).

16. Personal decree of December 24, 1714 «On the prohibition of bribes and ambassadors and on punishment for them». URL : https://www.pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/imennoj_ukaz_o_vospredchenii_vsjatok_i_posulov_1714_goda.pdf (date of appeal 04.07.2020).

Глинщикова Татьяна Вадимовна

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры международного
частного и предпринимательского права,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т.Трубилина
glinshikowa@yandex.ru

Степкина Кристина Владимировна

студентка 2 курса магистратуры
юридического факультета,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т.Трубилина
Kristy-st@mail.ru

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СФЕРЫ
ДЕЙСТВИЯ КОНВЕНЦИИ ООН
«О ДОГОВОРАХ МЕЖДУНАРОДНОЙ
КУПЛИ-ПРОДАЖИ ТОВАРОВ» 1980 г.**

Аннотация. Конвенция ООН «о договорах международной купли-продажи товаров» 1980 г. занимает центральное место в правовом регулировании международной купли-продажи товаров. Большинство заключаемых в мире договоров международной купли-продажи товаров подпадает под сферу действия Конвенции. Значение Венской конвенции 1980 г. для регламентации отношений, возникающих из договора международной купли-продажи товаров, заключается в создании единообразного правового режима для стран с различными правовыми системами. За несколько десятилетий, прошедших после принятия Венской конвенции в 1980 г., ее актуальность только возросла. Однако, несмотря на большой опыт применения Венской конвенции 1980 г., многие вопросы остаются не решенными. Анализ пробелов Конвенции и изучение подходов к ее толкованию имеют определенную актуальность.

Ключевые слова: договор международной купли-продажи товаров, коллизионная норма, международный договор, коммерческое предприятие, международный коммерческий арбитраж, представительство, филиал.

Предметная сфера применения Конвенции ООН «О договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. (далее – Венская конвенция 1980 г.) позволяет решить вопрос о том, какие отношения подпадают под сферу ее действия. Положения, фиксирующие предметную сферу применения Конвенции, расположены в статьях с 1 по 5 [1, с. 4]. Венская конвенция 1980 г. пошла по пути исключения отношений, которые не входят в предмет ее регулирования. Их регламента-

Tatiana V. Glinshchikova

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of International
Private and Business Law,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
glinshikowa@yandex.ru

Kristina V. Stepkina

Student of the 2nd year of Magistracy
Faculty of Law,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
Kristy-st@mail.ru

**SOME ASPECTS OF THE SCOPE
OF THE 1980 UN CONVENTION
ON CONTRACTS FOR
THE INTERNATIONAL SALE OF GOODS**

Annotation. The 1980 UN Convention on Contracts for the International Sale of Goods is central to the legal regulation of the international sale of goods. Most of the contracts for the international sale of goods concluded in the world fall within the scope of the Convention. The significance of the 1980 Vienna Convention for the regulation of relations arising from the contract for the international sale of goods lies in the creation of a uniform legal regime for countries with different legal systems. In the several decades that have passed since the adoption of the Vienna Convention in 1980, its relevance has only increased. However, despite the extensive experience in the application of the Vienna Convention of 1980, many issues remain unresolved. An analysis of the gaps in the Convention and the study of approaches to its interpretation are of some relevance.

Keywords: contract for the international sale of goods, conflict of laws rule, international treaty, commercial enterprise, international commercial arbitration, representative office, branch.

ция осуществляется на основании норм внутригосударственного права, которое суд или арбитраж установит на основании коллизионных норм, в том случае, если стороны самостоятельно не определили применимое право к их отношениям.

Венская конвенция не применяется к продаже определенных предметов и не регулирует некоторые вопросы. Так, Конвенция не распространяется на отношения, которые можно классифицировать как подрядные (ст. 3), не применяется к

дистрибьюторским соглашениям, договорам франчайзинга. Применение Конвенции к договору мены специальным образом не оговаривается в ее тексте. Анализ практики международных коммерческих арбитражей свидетельствует об отсутствии единообразия в вопросе применения Венской конвенции 1980 г. к бартерным сделкам. Действительно, разработчики Венской конвенции ставили цель разработать положения, регламентирующие отношения сторон, вытекающие конкретно из договора международной купли-продажи товаров. Однако при желании стороны могут подчинить указанные договоры положениям Венской конвенции 1980 г., но они должны прямо об этом указать в контракте.

Пересечение товаром границы, направление оферты и акцепта с территории разных стран, место и дата заключения договора для применения Венской конвенции 1980 г. значения не имеют. Сфера действия Конвенции распространяется на движимые вещи, как родовые, так и индивидуально-определенные. Договор может заключаться как в отношении вещей, которые только подлежат изготовлению, так и тех, которые уже произведены. Конвенция не применяется к продаже имущественных прав, акций, а также, результатов интеллектуальной деятельности.

Венская конвенция 1980 г. помимо определенных видов товаров, к купле-продаже которых она не применяется, указывает ряд вопросов, которые она не регулирует. К таким вопросам следует отнести:

- действительность договора;
- последствия, которые может иметь договор в отношении права собственности на проданный товар;
- ответственность продавца за причиненные товаром повреждения здоровья или смерть какого-либо лица и другие.

Различия в национальных правовых системах не позволили разработчикам Венской конвенции 1980 г. предусмотреть максимально возможное регулирование международной торговли в тексте соглашения. Так, из текста Конвенции были исключены нормы о правоспособности сторон, исковой давности. Конвенция не регулирует отношения, связанные с договорной неустойкой. Как следствие, даже при наличии международного договора, в частности, Венской конвенции 1980 г., требуется обращение к какой-либо национальной правовой системе.

Единственным критерием для признания договора купли-продажи международным в свете Конвенции ООН «О договорах международной купли-продажи товаров» 1980 г. является место нахождения коммерческих предприятий сторон договора на территории различных государств. Несмотря на отсутствие в научной литературе единого подхода в толковании термина «коммерческое предприятие», анализ аутентичного текста Венской конвенции 1980 г. на английском языке приводит к выводу, что термин «коммерческое

предприятие стороны» означает постоянное место осуществления деловых операций (place of business). Таковым может быть признано место нахождения главного офиса юридического лица, его представительства или филиала.

Статья 7 Конвенции, закрепляющая принципы толкования, позволяет утверждать, что термин «коммерческое предприятие» следует толковать в отрыве от национального права. Поэтому слово «предприятие» в составе данного термина не должно пониматься в контексте ст. 132 и 113 ГК РФ. Неточный перевод указанного термина на русский язык привел к тому, что он практически не используется в российском праве.

По мнению ученых, основное место коммерческой деятельности юридического лица и место государственной регистрации не должны рассматриваться как тождественные [2, с. 430]. В зарубежной судебной практике принимается во внимание реальное место осуществления деловой активности, а не государственная регистрация юридического лица или место его нахождения, указанное в учредительных документах.

Филиалы и представительства коммерческих организаций, расположенные за рубежом, могут быть признаны местом нахождения коммерческого предприятия для целей Венской конвенции 1980 г. при условии, что они связаны с конкретным договором купли-продажи. Необходимым условием признания коммерческим предприятием является тот факт, что оно должно быть создано для осуществления деловых операций в течение достаточно продолжительного периода времени. Осуществление деятельности, связанной с проведением краткосрочной выставки, не может рассматриваться как местонахождение коммерческого предприятия в этой стране. Некоторые представители в рабочей группе по созданию проекта Венской конвенции 1980 г. высказывались за включение в ее текст термина «постоянное коммерческое предприятие». Однако данное предложение не получило поддержки. В то же время, законодательный пробел может быть восполнен, в определенной мере, доктринальными позициями по определенному вопросу [3, с. 149].

Из текста Венской конвенции 1980 г. следует, что она применяется к международным, а не внутренним договорам купли-продажи. Однако мы полагаем, что при наличии ссылки во внутреннем договоре купли-продажи на положения Венской конвенции 1980 г. она будет применяться не как международный договор, а в качестве обычных контрактных условий, подобно тому, как применяются правила ИНКОТЕРМС.

Проблематичным на практике является вопрос, связанный с определением коммерческого предприятия для тех случаев, когда договор купли-продажи заключается с помощью посредника. Нам представляется, что в этом случае применяются нормы национального права, которые суд определит на основании коллизионных норм, поскольку Конвенция не регулирует вопросы представительства.

Разработчики Венской конвенции 1980 г. предполагали, что вопросы представительства в дальнейшем будет регулировать Конвенция УНИДРУА об отношениях представительства при международной купле-продаже товаров (Женева, 1983 г.) [4]. Однако этого не случилось, поскольку до сих пор Женевская конвенция в силу не вступила.

Стороны договора международной купли-продажи могут избрать право государства-участника Конвенции (п. 1 «b» ст. 1 Конвенции), например российское. И даже, если коммерческие предприятия сторон находятся в государствах, не участвующих в Конвенции, арбитраж может руководствоваться положениями Венской конвенции 1980 г. при разрешении спора [5, с. 201].

Конвенция распространяется на договоры купли-продажи между сторонами, коммерческие предприятия которых находятся в разных государствах, если, согласно коллизионным нормам, применимо право Договаривающегося государства. Для государственного суда в этой ситуации, приоритетом будут пользование коллизионных норм

Литература:

1. Конвенция Организации объединенных наций о договорах международной купли-продажи товаров (Вена, 04 апреля 1980 г.) // Вестник ВАС РФ. 1994. № 1.
2. *Асосков А.В.* Коллизионное регулирование договорных обязательств. М. : Инфотропик Медиа, 2012.
3. *Глинщикова Т.В.* Юридическая природа инвестиционных соглашений // Ленинградский юридический журнал. 2014. № 1(35).
4. Конвенция УНИДРУА об отношениях представительства при международной купле-продаже товаров (Женева, 1983 г.) // СПС «Консультант-Плюс». URL : <http://www.consultant.ru/document/>
5. Решение МКАС при ТПП РФ от 20.01.2006 по делу № 17/2005. Практика Международного коммерческого арбитражного суда при ТПП РФ за 2006 г. / Сост. М.Г. Розенберг. М., 2007.

международных договоров перед национальными коллизионными нормами. В тоже время, следует отметить, что коллизионную норму «закон места совершения сделки», которая закреплена в соглашениях стран СНГ, не целесообразно рассматривать в качестве положения, отвечающего современным тенденциям в международном частном праве. В настоящее время договоры международной купли-продажи заключаются, как правило, с использованием электронных средств сообщения, стороны при этом находятся в разных государствах, отчего, контракты теряют связь с территорией конкретного государства и установить место совершения сделки не просто. Таким образом, государственный суд, прежде чем применять национальные коллизионные нормы, должен удостовериться в наличии международного договора, содержащего коллизионные нормы. Международный коммерческий арбитраж с целью определения применимого права, как правило, устанавливает тесную связь права с договором.

Literature:

1. The United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods (Vienna, April 04, 1980) // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 1994. № 1.
2. *Asoskov A.V.* Conflict regulation of contractual obligations. M. : Infotropic Media, 2012.
3. *Glinshchikova T.V.* The legal nature of investment agreements // Leningrad legal journal. 2014. № 1 (35).
4. UNIDROIT Convention on the relations of representation in the international sale of goods (Geneva, 1983) // SPS «ConsultantPlus». URL : <http://www.consultant.ru/document/>
5. Decision of the ICAC at the RF CCI of 20.01.2006 in case № 17/2005. Practice of the International Commercial Arbitration Court at the RF CCI for 2006 / Originator M.G. Rosenberg. M., 2007.

Коргулев Александр Геннадьевич
аспирант кафедры уголовного права,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
korguley@mail.ru

СООТНОШЕНИЕ ПРЕДМЕТА И ОБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аннотация. Предмет преступления или потерпевший имеет зачастую основное и даже главное значение в общих вопросах законодательной и правоприменительной практики, в том числе, в вопросах квалификации отдельных преступлений. Статья посвящена актуальной для современной юридической науки и, в частности, для уголовного права теме соотношения объекта и предмета преступления как признаков состава преступления, которые, по мнению автора, играют важную роль в процессе квалификации. Автор отмечает, что в науке уголовного права и правоприменительной практике остаются дискуссионными вопросы о их соотношении.

Ключевые слова: объект преступления, предмет преступления, состав преступления, соотношение, квалификация.

Предмет преступления или потерпевший имеет зачастую основное и даже главное значение в общих вопросах законодательной и правоприменительной практики, в том числе, в вопросах квалификации отдельных преступлений. Однако в современной науке уголовного права продолжают оставаться дискуссионными вопросы, связанные с предметом преступления и его соотношением с объектом преступления.

Понятия «объект преступления» и «предмет преступления» (потерпевший) являются самостоятельными в уголовно-правовой науке. Однако объект преступления и предмет находятся во взаимосвязи. Вред, который причинен непосредственному объекту, напрямую связан с предметом преступления.

Изучение проблем соотношения предмета и объекта преступления необходимо проводить в неразрывной взаимосвязи. В уголовно-правовой науке по поводу определения предмета преступления и его соотношения с объектом преступления имеется множество позиций, которые постепенно развивались.

Так, в дореволюционный период криминалисты смешивали понятия предмет и объект преступления [1, с. 94; 2, с. 280; 3, с. 255; 4, с. 255]. В более поздний период – в сороковые годы XX века в

Alexander G. Korgulyev
Postgraduate student
of the Department of Criminal Law,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
korguley@mail.ru

CORRELATION OF THE SUBJECT AND OBJECT OF THE CRIME

Annotation. The subject of a crime or victim is often of primary and even central importance in general matters of legislative and law enforcement practice, including the qualification of individual crimes. The article is devoted to the topic of the relationship between the object and the subject of the crime as signs of the crime, which, according to the author, play an important role in the qualification process, which, according to the author, play an important role in the qualification process. The author notes that in the science of criminal law and law enforcement practice, questions remain about their relationship.

Keywords: object of the crime, subject of the crime, composition of the crime, ratio, qualification.

юридической литературе предмет и объект преступления отграничивались. К примеру, согласно учебникам по уголовному праву под предметом преступления понимались вещи, иные материальные предметы по поводу которых совершалось преступление [5, с. 48]. Но были и иные мнения. Так, Пионтковский А.А. указывал на то, что обособление в системе признаков объекта преступления предмета преступления – ни что иное, как переименование непосредственного объекта преступления [6, с. 292].

По мнению Таця В.Я., следует выделять следующие группы предметов в контексте взаимосвязи с объектом преступления:

– во-первых, предмет общественного отношения, охраняемого уголовным законом;

– во-вторых, предмет преступного деяния;

– в-третьих, предмет преступного воздействия [7, с. 32, 58].

«Предмет общественного отношения является лишь элементом этого системного образования, он присущ любому общественному отношению и в его структуре может выполнять только одно социальное предназначение – является его предметом» [7, с. 46].

Такий В.Я. указывает: «Под предметом преступного воздействия необходимо понимать тот элемент охраняемого уголовным законом общественного отношения, который подвергается непосредственному воздействию и которому, следовательно, в первую очередь причиняется ущерб». Определение при совершении определенного преступного деяния, а именно – предмета противоправного воздействия, способствует установлению самого механизма причинения ущерба объекту уголовно-правовой охраны, установлению характера и размера преступного последствия [7, с. 58; 8, с. 94–97].

Продолжая изучать соотношение объекта и предмета преступления, нужно также помнить общеизвестную аксиому о том, что объект преступления является обязательным элементом абсолютно всех составов преступлений. А предмет преступления относится к переменным (факультативным, не обязательным) признакам состава преступления, то есть, является признаком не всех преступлений, влияет на квалификацию преступлений не всегда, не всегда подлежит обязательному установлению в процессе расследования. Отдельные преступления не имеют определенного предмета преступления (к примеру, незаконное оставление воинской части, клевета и др.).

Но если предмет преступления указан в диспозиции статьи, он приобретает силу обязательного признака состава преступления со всеми вытекающими последствиями (его определение в этом случае – обязательное условие верной квалификации).

Если говорить о факультативных признаках состава преступления, то предмет преступления является наиболее встречаемым признаком, закрепляемым в статьях Особенной части УК РФ. И это говорит о его значении.

Также, разница в предмете и объекте преступления заключается в том, что в процессе совершения противоправного посягательства объекту (общественным отношениям) урон наносится всегда, а предмету преступления вред причиняется не всегда. Так, в случае совершения кражи субъект незаконно обращает похищенную вещь в свое незаконное владение. То есть, предмету кражи вред не наносится, но неизбежно причиняется урон такому объекту уголовно-правовой охраны, как общественным отношениям собственности.

Однако есть и такие теории, согласно которым объект преступления (общественные отношения) может быть полностью устранен (нарушен или уничтожен) в результате совершения преступления. В этом, якобы, и заключается причинение вреда объекту. [9, с. 204]. На наш взгляд, данное утверждение ошибочно. Так как общественное отношение, по своей сути, есть определенные правила поведения между людьми в обществе, закрепленные законом, договором или правовым обычаем, то эти правила поведения уничтожить невозможно. Их можно только нарушить.

Как справедливо утверждает А.В. Шульга, в случае совершения хищения преступник лишь нарушает общественные отношения собственности, которые в обычном порядке возникают между собственником и лицом, не являющимся собственником данного имущества. После совершения хищения право собственности у потерпевшего на изъятое у него имущество остается. Он может требовать возврата имущества из чужого незаконного владения. После совершения кражи, грабежа и т.п. собственник лишается только реальной возможности владеть пользоваться или распоряжаться похищенным у него имуществом. Но эти правомочия собственника остаются за ним [10, с. 25].

Предмет же преступления, если говорить об отличии от объекта преступления, может быть поврежден не любым преступлением, а только в определенных ситуациях (к примеру, уничтожение или повреждение чужого имущества и т.п.). Также, вред, причиняемый предмету преступления, выражается в физическом его уничтожении или повреждении.

В соответствии с позицией Беляева Н.А. о предмете преступления, последний относится к элементам объекта преступления, является его частью. И путем воздействия на предмет, субъект преступления нарушает общественные отношения (либо создает угрозу их нарушения). При этом любой структурный элемент общественного отношения можно считать предметом преступления (как собственно предмет общественного отношения, так и субъекта этого отношения и даже содержание этого общественного отношения). К такому мнению ученый пришел в связи с тем, что объекту преступления (общественным отношениям) урон может быть нанесен путем воздействия на любой из названных его элементов [11, с. 303, 305].

Такую позицию поддерживал и Панченко П.Н., который указывает: «Под предметом преступления должен пониматься только тот элемент общественного отношения, посредством воздействия на который осуществляется посягательство на общественное отношение (объект посягательства). Это могут быть люди (а точнее, их жизнь, здоровье, духовная сфера), поведение людей (активное, пассивное, смешанное), позволяющее им вступать в общественные отношения, и, наконец, блага, в том числе и материальные, по поводу которых люди вступают в отношения» [12, с. 163].

К предмету преступления относят те вещи, предметы материального мира, при воздействии на которые объекту посягательства причинен урон [13, с. 44].

Отдельные ученые считают, что различать предмет и объект преступления нет нужды с практической точки зрения. Эти авторы отождествляют термины «предмет» и «объект» [14, с. 19]. Так, Никифоров Б.С. утверждал, что предмет преступления является только составной частью объекта – общественного отношения, и поэтому не нужно

самостоятельно исследовать предмет преступления [15, с. 130–132].

Все же ставить знак равенства между объектом и предметом преступления, по нашему мнению, неверно, потому что предмет преступления вне общественных отношений (объекта) не существует. Но предмет преступления имеет самостоятельное значение. Предмет указывает на те общественные отношения, в границах которых он существует. Предмет предопределяет объект преступного посягательства. Именно в связи с конкретным благом (имуществом, вещью и т.п.), которое в случае противоправного посягательства на него становится предметом преступления, возникают, изменяются или прекращаются те или иные общественные отношения.

В рамках уголовного права предмет преступления всегда выступает элементом объекта преступления, не может существовать вне объекта, всегда находится с последним во взаимосвязи. Поскольку совершение преступления возможно только в обществе, предмета преступления без общественного отношения быть не может. Конкретное благо может выступать предметом преступления только потому, что находится в сфере тех или иных общественных отношений.

Говоря о соотношении предмета и объекта преступления, известный ученый-правовед Кудрявцев В.Н. отмечал, что уголовным законом охраняются не вещи или предметы как таковые, а именно общественные отношения по поводу данных предметов, поэтому предмет преступления (его признаки, характер причиняемого предмету вреда) имеет существенное значение для многих уголовно-правовых институтов. [16, с. 66–67]. Также, по справедливому утверждению В.Н. Кудрявцева, именно предмет преступления со стороны субъекта подлежит непосредственному воздействию. С объектом преступления предмет посягательства находится в непосредственном соотношении. Последний является предпосылкой объекта, первоосновой того общественного отношения, на которое направлено преступное посягательство. Предмет также может быть внешней формой выражения этого общественного отношения. [17, с. 57].

В России большинство криминалистов считают предмет преступления составляющей общественных отношений, которые зарождаются и существуют вокруг этого предмета [18, с. 178; 19, с. 51]. В уголовно-правовой науке предмет преступления относится к одному из признаков состава преступления, который характеризует объект преступления [20, с. 149].

Исходя из такой позиции, можно и нужно говорить о первичной роли предмета преступления по отношению к объекту преступления – общественным отношениям. Предмет преступления – это конкретный предмет, а объект – общественные отношения по поводу вещи.

В связи с этим, данные категории взаимосвязаны, но не идентичны, поскольку предмет преступления представляет собой физическую, телесную

или иную сущность, а объект преступления – это имеющие социальный характер общественные отношения. Поэтому объект преступления и предмет недопустимо полностью отождествлять, но и абстрагировать друг от друга их также невозможно, поскольку в предмете преступления находит свое содержание объект; предмет является выражением общественных отношений. [21, с. 67].

Гельфер М.А. справедливо высказывал мысль о том, что несмотря на то, что хотя предмет преступления и выступает в качестве элемента объекта, его недопустимо сравнивать с объектом [22, с. 56].

Справедливо также отметил Самощенко И.С. о том, что неправильно противопоставлять объект предмету преступления или наоборот: «Между тем, отрыв предмета правонарушения от его объекта встречается довольно часто, вследствие чего сам объект правонарушения превращается в нечто эфемерно-бестелесное, терпящее вред от правонарушений лишь в конечном счете, так сказать, лишь в идее, в понятии» [23, с. 121]. Поэтому недопустимо отрывать предмет от объекта посягательства. Объект и предмет непосредственно взаимосвязаны, несмотря на то, что предмет преступления – конкретное благо (материальное, телесное или иное), а объект преступления – закрепленные в правовых нормах общественные отношения. Эти общественные отношения возникают по поводу таких благ.

Как справедливо указывается в уголовно-правовой литературе, если нет какой-либо конкретной ценности, то не нужно и устанавливать правила квалификации при противоправном воздействии на эту ценность. То есть, предмет преступления теряет свой статус вне общества, если отсутствуют лица, заинтересованные в такой ценности [24, с. 26].

В связи с этим, стоит также поддержать мнение Никифорова Б.С., который отмечал, что предмет и объект соотносятся не как структурные элементы, располагающиеся независимо, оторвано друг от друга, а как взаимосвязанные отдельные части одного целого, куда могут входить и другие элементы. Предмет следует считать структурным элементом объекта посягательства, частью общественных отношений. [25, с. 122–133].

Также, еще уместно упомянуть В.Н. Кудрявцева, который совершенно справедливо отмечал: «Установление объекта преступного посягательства служит как бы предварительной программой для выбора той группы смежных составов, среди которых нужно будет уже более тщательно искать необходимую норму» [26, с. 35]. Таким образом, предмет преступления, определяя непосредственный объект уголовно-правовой охраны, как бы, предопределяет указанную Кудрявцевым В.Н. «программу» установления объекта преступления. Предмет преступления лежит в основе объекта посягательства.

В теории уголовного права предмет преступления принято классифицировать на группы: имущество

(вещи), потерпевший (человек), растения и животные. Причем, когда в производство растений или животных вложен человеческий труд, они обладают экономическим свойством стоимости и их следует относить к категории имущества, то есть, они приобретают свойства вещи [27, с. 125].

Установление признаков предмета преступления в рамках состава приобретает существенное практическое значение. Предмет преступления учитывается в процессе квалификации, указывает правоприменителю на те общественные отношения, в рамках которых совершено преступление. Одна и та же вещь может указывать на различные общественные отношения. Например, автомобиль может быть предметом угона или кражи, или повреждения военного имущества. Поэтому предмет, предопределяя общественное отношение, различает смежные преступления, тем самым на практике становится первым этапом в определении объекта посягательства.

Несмотря на самостоятельность дефиниций объект и предмет преступления, необходимо устанавливать их соотношение. Предмет преступления и объект находятся в непосредственной взаимосвязи. Причиняя вред предмету преступления, виновный напрямую причиняет вред объ-

екту, то есть, конкретным общественным отношениям. В уголовно-правовой науке, все-таки, большинством авторов поддерживается теория о неразрывной связи объекта преступления и предмета. Но при этом следует подчеркнуть первичную роль предмета преступления во взаимоотношениях с объектом.

Именно предмет преступления предопределяет (формирует) непосредственный объект уголовно-правовой охраны, указывает на непосредственный объект преступления. А поскольку непосредственный объект преступления определяет видовой (или групповой) объект, а видовой находится в основе определения родового объекта, то отсюда вытекает вывод о том, что предмет преступления (потерпевший) в своей основе предопределяет и непосредственный, и видовой и родового объект уголовно-правовой охраны.

Таким образом, предмет преступления или потерпевший, если они являются обязательными признаками составов, играют непосредственное значение в построении (систематизации) Особенной части УК РФ, то есть, предмет преступления (потерпевший) находится в неразрывной связи с определением объекта уголовно-правовой охраны, имеет непосредственное значение в построении уголовного закона.

Литература:

1. См.: *Спасович В.* Учебник уголовного права, часть Общая. 1863. Т. 1. Вып. 1.
2. *Кистяковский А.Ф.* Элементарный учебник общего уголовного права. Часть Общая. 1891.
3. *Пусторослев П.П.* Русское уголовное права, часть Общая. 1912. Вып. 1.
4. *Познышев С.В.* Основные начала науки уголовного права. 1912.
5. См.: Советское уголовное право. М., 1940.
6. *Пионтковский А.А.* Уголовное право. Общая часть. М., 1948.
7. См.: *Таций В.Я.* Объект и предмет преступления в советском уголовном праве : монография. Харьков : Вища школа, 1988.
8. *Фролов Е.А.* Понятие непосредственного (основного), дополнительных и факультативных объектов уголовно-правовой охраны и их значение для классификации посягательств на социалистическую собственность. В кн.: Материалы конференции. Свердловск, 1968.
9. См.: Энциклопедия уголовного права. Состав преступления. СПб., 2005. Т. 4.
10. *Шульга А.В.* Хищения в условиях развития современных информационных технологий и рынка инновационных товаров. М., 2016.
11. Курс советского уголовного права / Под ред.

Literature:

1. See: *Spasovich V.* Textbook of criminal law, General part. 1863. Vol. 1. Iss. 1.
2. *Kistyakovsky A.F.* Elementary textbook of General criminal law, part General. 1891.
3. *Pustoroslev P.P.* Russian criminal law, part General. 1912. Iss. 1.
4. *Poznyshhev S.V.* Basic principles of the science of criminal law. 1912.
5. See: Soviet criminal law. M., 1940.
6. *Piontkovsky A.A.* Criminal law. General part. M., 1948.
7. See: *Tatsiy V.Ya.* Object and subject of crime in the Soviet criminal law: monograph. Kharkov : Higher school, 1988.
8. *Frolov E.A.* The Concept of direct (main), additional and optional objects of criminal law protection and their significance for the classification of attacks on socialist property. In: Proceedings of the conference. Sverdlovsk, 1968.
9. See: encyclopedia of criminal law. Corpus delicti. SPb., 2005. Vol. 4.
10. *Shulga A.V.* Theft in the conditions of development of modern information technologies and the market of innovative goods. M., 2016.
11. Course of Soviet criminal law / ed. by N.A. Be-

Н.А. Беляева, М.Д. Шаргородского. Л., 1968. Т. 1.

12. *Панченко П.Н.* Исследование объекта и предмета преступления // Проблемы борьбы с преступностью: сб. науч. Трудов. Омск, 1979.

13. *Загородников Н.И.* Понятие объекта преступления в советском уголовном праве // Труды ВЮА. Вып. XIII. М., 1951.

14. *Васильев А.Н.* Преступления против социалистической собственности. М., 1959.

15. *Никифоров Б.С.* Объект преступления по советскому уголовному праву. М. : Госюриздат, 1960.

16. *Кудрявцев В.Н.* О соотношении предмета и объекта преступления по советскому уголовному праву // Труды Военно-юридической академии. 1951. Вып. 13.

17. *Кудрявцев В.Н.* К вопросу о соотношении объекта и предмета преступления // Советское государство и право. 1951. № 8.

18. *Трайнин А.Н.* Общее учение о составе преступления. М., 1957.

19. *Загородников Н.И.* Понятие объекта преступления в советском уголовном праве // Труды ВЮА. М., 1951. Вып. XIII

20. В кн.: Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс : в 10 т. Объект преступления. Объективная сторона преступления / Под ред. докт. юрид. наук, проф. Н.А. Лопашенко. М. : Юрлитинформ, 2016. Т. VI.

21. *Уемов А.И.* Вещи, свойства и отношения. М., 1963.

22. *Гельфер М.А.* Некоторые вопросы общего учения об объекте преступления в советском уголовном праве // Ученые записки ВЮЗИ. М., 1959. Вып. 8

23. *Самощенко И.С.* Понятие правонарушения по советскому законодательству. М., 1963.

24. *Шульга А.В.* Хищения в условиях развития современных информационных технологий и рынка инновационных товаров. М., 2016.

25. См.: *Никифоров Б.С.* Объект преступления по советскому уголовному праву. М., 1960.

26. *Кудрявцев В.Н.* Общая теория квалификации преступлений. М., 1972.

27. *Коржанский Н.И.* Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М., 1980.

lyaev, M. D. Shargorodsky. L., 1968. Vol. 1.

12. *Panchenko P.N.* Investigation of the object and subject of the crime // Problems combat crime: collection of scientific works. Labours'. Omsk, 1979.

13. *Zagorodnikov N.I.* The Concept of the object of crime in Soviet criminal law // Trudy VYUA. M., 1951. Iss. XIII.

14. *Vasiliev A.N.* Crimes against the socialist system. M., 1959.

15. *Nikiforov B.S.* The Object of a crime under Soviet criminal law. M. : Gosyurizdat, 1960.

16. *Kudryavtsev V.N.* On the ratio of the subject and object of crime in the Soviet criminal law // Proceedings of the Military law Academy. 1951. Iss. 13.

17. *Kudryavtsev V.N.* On the question of the ratio of the object and the object of the crime // The Soviet state and law. 1951. № 8.

18. *Traynin A.N.* General doctrine of the composition of crime. M., 1957.

19. *Zagorodnikov N.I.* The Concept of the object of crime in Soviet criminal law // Trudy VYUA. M., 1951. Iss. XIII.

20. In the book: Criminal law. Common part. Crime. An academic course : in 10 vol. The Object of the crime. Objective side of the pre-step / ed. Doct. the faculty of law. N.A. Iopashenko, M. : Yurлитinform, 2016. Vol. VI.

21. *Uemov A.I.* Things, properties and relations. M., 1963.

22. *Gelfer M.A.* Some questions of the General doctrine of the object of crime in the Soviet criminal law // Scientific notes of vuzi. M., 1959. Iss. 8.

23. *Samoshchenko I.S.* The Concept of an offense under Soviet law. M., 1963.

24. *Shulga A.V.* Theft in the conditions of development of modern information technologies and the market of innovative goods. M., 2016.

25. See: *Nikiforov B.S.* The Object of a crime under the Soviet criminal law. M., 1960.

26. *Kudryavtsev V.N.* General theory of crime qualification. M., 1972.

27. *Korzhansky N.I.* Object and subject of criminal legal protection. M., 1980.

Кужахметова Сауле Нарбулатовна
адъюнкт 3-го факультета,
Академия управления МВД России
kuzsaule@yandex.ru

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ОБЗОР ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МИЛИЦИИ И НАСЕЛЕНИЯ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА И БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В СССР

Аннотация. В статье рассматривается вопрос взаимодействия населения с органами внутренних дел в сфере охраны общественного порядка и борьбе с преступностью в СССР, правовая регламентация указанной деятельности в соответствии с принятым 02 марта 1959 г. Постановлением «Об участии трудящихся в охране общественного порядка в стране». Анализируется Приказ МВД СССР № 0469 от 19 декабря 1959 г. по итогам проверки деятельности Молдавской МВД ССР. Сделан вывод о том, что в настоящее время одним из путей формирования положительного образа полицейского ведомства является его взаимодействие с населением, поскольку во многом от степени сотрудничества полиции и общественности зависит эффективность деятельности данного органа в борьбе с противоправными деяниями.

Ключевые слова: население, охрана общественного порядка, добровольные народные дружины.

В ст. 9 Закона «О полиции» закреплено, что общественное мнение является одним из основных критериев официальной оценки деятельности полиции, определяемых федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел. Высокие требования современного общества к правоохранительным органам актуализировали задачу формирования положительного мнения общественности об органах внутренних дел Российской Федерации.

Одним из путей формирования положительного образа полицейского ведомства является его взаимодействие с населением, поскольку во многом от степени сотрудничества полиции и общественности зависит эффективность деятельности данного органа в борьбе с противоправными деяниями. Однако в настоящий момент средства и методы, которыми располагают органы внутренних дел в вопросах сотрудничества с общественностью, не достаточны для создания эффективного механизма взаимодействия в данной сфере. С целью совершенствования и улучшения работы в данном направлении, мы считаем необходимым обратиться к имеющемуся историческому опыту подобного взаимодействия.

Saule N. Kuzhakhmetova
Adjunct of the 3rd faculty,
Academy of Management of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
kuzsaule@yandex.ru

HISTORICAL AND LEGAL REVIEW OF INTERACTION BETWEEN THE MILITIA AND THE POPULATION IN THE FIELD OF PUBLIC ORDER PROTECTION AND CRIME CONTROL IN THE USSR

Annotation. The article deals with the issue of interaction of the population with the internal Affairs bodies in the field of public order protection and crime control in the USSR, the legal regulation of this activity in accordance with the law adopted on March 02, 1959. The decree «On the participation of workers in the protection of public order in the country». Analyzes the Order of the Ministry of internal Affairs of the USSR № 0469 from 19 December 1959, following the results of check of activity of the Moldavian SSR MVD. It is concluded that currently one of the ways to create a positive image of the police Department is its interaction with the population, since the effectiveness of this body in the fight against illegal acts depends largely on the degree of cooperation between the police and the public.

Keywords: population, public order protection, voluntary people's squads.

История советской милиции второй половины XX века является одновременно и историей постоянного развития и совершенствования форм участия трудящихся в работе правоохранительного ведомства в охране общественного порядка и борьбе с преступностью.

Одним из важных этапов совершенствования правовой регламентации взаимодействия населения и правоохранительных органов стало принятие 02 марта 1959 г. ЦК КПСС и Совета Министров СССР Постановления «Об участии трудящихся в охране общественного порядка в стране», закреплявшего новую форму участия трудящихся в охране общественного порядка – добровольные народные дружины [1].

Ранее помощь в охране общественного порядка органам внутренних дел оказывали бригады содействия милиции, комсомольские отряды, которые имели достаточный опыт в данной сфере, однако, в связи с развитием советского общества, совершенствованием и ростом уровня жизни населения в стране, не в полной мере соответствовали новым условиям. В результате этого на смену бригадам и комсомольским отрядам

пришли добровольные народные дружины (ДНД). В соответствии с данным постановлением дружины создавались на предприятиях, объектах транспорта, стройках, в учреждениях, совхозах, колхозах, учебных заведениях и домоуправлениях. Обязанность руководства добровольными народными дружинами была возложена на районные (городские) штабы, состоящие из числа работников партийных и советских органов. В адрес Министерства внутренних дел, суда и прокуратуры поступило предложение от ЦК КПСС и Совета Министров СССР, в целях усиления борьбы с антиобщественными проявлениями и оказания всемерной помощи добровольным народным дружинам, ввести в практику открытые судебные процессы непосредственно на предприятиях, стройках, в колхозах и совхозах [2, с. 243].

С целью установления эффективности деятельности возникшего «нового» формирования - добровольной народной дружины в рамках принятого в марте 1959 г. высшими органами власти нормативного правового акта, регламентировавшего деятельность данного общественного института, обратимся к сведениям, отраженным в приказах и справках о результатах проверки деятельности органов милиции МВД СССР и союзных республик тех лет. В сентябре 1959 г. в МВД Молдавской ССР была командирована бригада Главного управления милиции МВД СССР, которая провела работу Управления милиции МВД республики, 13 горрайотделов, дорожного отдела милиции Кишиневского железной дороги и его линейных отделов. На основании данной проверки был издан Приказ № 0468 от 19 декабря 1959 г. В данном приказе и прилагаемой к ней справке указано следующее: общая раскрываемость преступлений за 9 месяцев 1959 г. составила 95,9 % (за аналогичные периоды 1957 г. – 85,4 %, 1958 г. – 94,1 %); раскрываемость особо опасных преступлений за 9 месяцев 1959 г. составила 92,7 %, 8 горрайорганов милиции добились 100 % раскрываемости уголовных преступлений. Министерством внутренних дел Молдавской ССР проделана некоторая работа по разъяснению и претворению в жизнь указаний XXI съезда КПСС и постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 02 марта 1959 года о широком применении профилактических и воспитательных мер, об участии трудящихся в охране общественного порядка в стране и внимательном отношении к гражданам, впервые допустившим малозначительные преступления [3]. Представленные статистические сведения позволяют сделать вывод о том, что с момента принятия Постановления, позволившего населению участвовать в охране общественного порядка, общая раскрываемость преступлений органами внутренних дел повысилась.

Следующие сведения в справке гласят о том, что органы милиции республики стали шире использовать общественные организации в борьбе с нарушениями социалистического правопорядка, активнее проводить разъяснительную работу среди населения и профилактические мероприятия в отношении лиц, впервые допустивших правонарушения. Значительная часть горрайорганов милиции передает на обсуждение общественно-

сти материалы о совершении отдельными гражданами малозначительных преступлений. Такие органы милиции, как Кишиневский, Тираспольский, Бельцкий горотделы, Рыбницкий, Олонештский, Сорокский и другие райотделы милиции, передали на обсуждение общественности от 10 до 30 дел на лиц, совершивших неопасные преступления. В ряде районов проведены объединенные совещания работников милиции, суда и прокуратуры, на которых обсуждались вопросы улучшения работы с общественностью в деле борьбы с преступностью. В республике создано 1077 народных дружин, в которых насчитывается около 28000 дружинников. В состав дружин, как правило, входят молодежь, передовики производства, учащиеся средних и высших учебных заведений. Органы милиции республики стали активнее помогать штабам и командирам народных дружин в их практической работе по обеспечению охраны общественного порядка [4]. Нельзя не отметить, что задействование большого количества молодых людей в ДНД осуществлялось не только в целях придания массовости и расширения штата дружин, это была воспитательная мера, так как таким образом достигалось не только снижение количества правонарушений и преступлений в среде молодежи, но и снижение общего роста преступности по стране.

В целях улучшения взаимодействия с народными дружинами в охране общественного порядка в республике в мае-июне 1959 года районными и городскими штабами народных дружин совместно с органами милиции были проведены совместные собрания командиров дружин и работников милиции. В мае 1959 года Министерством внутренних дел республики была разработана и разослана в городские и районные штабы народных дружин примерная учебная программа, одобренная Секретариатом ЦК КП Молдавии. Штабы народных дружин с помощью работников милиции, суда и прокуратуры проводят занятия по обучению дружинников [5]. Без должных мер, связанных с правовым воспитанием лиц, зачисленных в состав дружин, невозможно было добиться правомерного использования прав и выполнения обязанностей дружинниками.

Наряду с положительными результатами в работе органов милиции республики имели место и существенные недостатки. Как подчеркивала комиссия, органы милиции республики еще недостаточно вовлекают трудящихся в дело охраны общественного порядка. В ряде городских и районных отделов не оказывается должного содействия в налаживании работы народных дружин, робко устанавливаются с ними деловые взаимоотношения, прикрывая это боязнью вмешиваться в работу народных дружин и их штабов. Некоторые органы милиции еще не доводят до сведения коллективов трудящихся каждый факт правонарушения и не делают его предметом обсуждения в этих коллективах. С другой стороны, имеют место случаи, когда органы милиции, передавая на обсуждение общественности материалы о правонарушениях, устраняются от контроля за дальнейшим исходом таких дел, не присутствуют на собраниях, где обсуждаются нарушители, в результате чего были случаи, когда правонарушители при об-

суждении совершенных ими преступлений обманывали коллектив и уходили от ответственности [6]. Отсутствие должного взаимодействия между органами внутренних дел и общественными формированиями сказывалось на совершенствовании деятельности добровольных народных дружин, так как данные взаимодействующие стороны связаны общностью задач в области охраны общественного порядка и борьбе с преступностью, и только путем совместных, согласованных действий возможно добиться стабильных результатов в указанном направлении.

Представляют определенный интерес материалы, переданные на рассмотрение и обсуждение общественности, имевшие нарушения норм законодательства, которые также нашли свое отражение в справке к Приказу № 0468. Так, 28 июля 1959 г. при попытке продать наручные часы марки «Спортивные» на центральном рынке г. Кишинева был задержан гр-н Опря В.А., член сборной команды легкоатлетов Молдавии. Было установлено, что эти часы Опря похитил у члена сборной команды гр-на Овсеевко, который проживал в одной комнате с Опря. Учитывая ходатайство Совета Союза спортивных обществ Молдавии, материалы на Опря были переданы на обсуждение спортивного коллектива. В связи с тем, что никто из представителей милиции не присутствовал, собрание сборной команды легкоатлетов МССР, состоявшееся 28 августа 1959 г., не осудило по существу преступные действия Опря и квалифицировало их как озорство. В протоколе собрания указано: «Считать нецелесообразным возбуждать уголовное дело против Опря, так как из выступления на собрании его и знающих его товарищей видно, что часы были взяты с целью дальнейшего возврата их» [6]. Общественность, входившая в состав трудовых коллективов, рассматривавших материалы о правонарушениях, слабо ориентировалась в нормах советского законодательства, в результате чего подход к рассмотрению материалов носил формальный характер.

20 августа 1959 г. в райотдел милиции Чадыр-Лунгского района поступили материалы о том, что продавцы раймага Вылков и Тодорлов обмеривали и обвешивали покупателей. Материалы были переданы в Чадыр-Лунгский райпотребсоюз

Литература:

1. Собрание постановлений правительства СССР. 1959. № 4. Ст. 25.
2. *Косицын А.П.* Советская милиция: история и современность (1917–1987) / А.П. Косицын, Р.С. Мулукаев, С.В. Биленко и [др.]. М. : Юрид. лит., 1987. 336 с.
3. ГАРФ. Ф. 9401 сч. Оп. 12. Д. 197. Л. 3, Л. 8–10.
4. ГАРФ. Ф. 9401 сч. Оп. 12. Д. 197. Л. 12.
5. ГАРФ. Ф. 9401 сч. Оп. 12. Д. 197. Л. 13.
6. ГАРФ. Ф. 9401 сч. Оп. 12. Д. 197. Л. 14.
7. ГАРФ. Ф. 9401 сч. Оп. 12. Д. 197. Л. 5–6.

для обсуждения Вылков и Тодорлова на собрании работников торговли. Однако к 25 сентября 1959 г. на собрании они не обсуждались, и работники милиции этим вопросом не интересовались [6]. Отсутствие должного контроля со стороны милиции позволяло гражданам продолжать заниматься противоправной деятельностью, что, в свою очередь, отрицательно сказывалось на показателях работы в данном направлении. В резолютивной части приказа № 0468 от 19 декабря 1959 г. министр МВД СССР Дудоров Н.П. обращает внимание на то, что в своей деятельности органы милиции Молдавской республики должны сосредоточить основное внимание на всемерном улучшении предупредительно-профилактической и воспитательной работы среди населения, в этих целях шире использовать силы общественности, не допускать случаев формального подхода к передаче материалов на обсуждение общественности, потребовать от руководящих и оперативных работников милиции активного участия в обсуждении правонарушителей [7].

Таким образом, принятие нормативного правового акта, регламентировавшего деятельность населения в охране общественного порядка в рассматриваемый период времени, развивалось в соответствии со складывающейся обстановкой, направленной на решение задач внутригосударственной и общественной безопасности. Однако, имевшаяся общность задач взаимодействующих сторон, направленная на охрану общественного порядка и укрепление общественной безопасности, нуждалась в четкой организованности взаимодействия. Отсутствие согласованности в действиях милиции и общественности в достижении общих целей приводило к нарушениям требований советского законодательства. При этом желание населения вступать в ряды дружинников, в том числе, молодежи свидетельствовало о повышении уровня правового сознания граждан и достижении определенных результатов в области воспитательных мер. В настоящее время накопленный опыт в сфере взаимодействия милиции и населения является актуальным, так как данная деятельность продолжает развиваться, именно от эффективности взаимодействия сторон, гражданской активности зависит повышение уровня доверия населения к органам внутренних дел.

Literature:

1. Collection of resolutions of the government of the USSR. 1959. № 4. Art. 25.
2. *Kositsyn A.P.* The Soviet militia: history and modernity (1917–1987) / A.P. Kositsyn, R.S. Mulukaev, S.V. Bilenko and others. M. : Yurid. lit., 1987. 336 p.
3. GARF. F. 9401 Sch. Op. 12. D. 197. L. 3, L. 8–10.
4. GARF. F. 9401 Sch. Op. 12. D. 197. L. 12.
5. GARF. F. 9401 Sch. Op. 12. D. 197. L. 13.
6. GARF. F. 9401 Sch. Op. 12. D. 197. L. 14.
7. GARF. F. 9401 Sch. Op. 12. D. 197. L. 5–6.

Лебедь Константин Александрович
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник
сектора гражданского права,
гражданского и арбитражного процесса,
Институт государства и права РАН
konst.leb@gmail.com

ОБОСНОВАННОСТЬ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. В статье раскрывается содержание свойства обоснованности решения суда в гражданском процессе. Обозначены предпосылки принятия обоснованного решения, рассмотрены случаи принятия судами необоснованных решений, которые служат основаниями для отмены или изменения судебных решений. Автор приходит к выводу о том, что под обоснованностью решения суда можно понимать удостоверенное убедительными доказательствами соответствие выводов суда установленным обстоятельствам по делу.

Ключевые слова: решение суда, гражданский процесс, обоснованность решения суда, обоснованное судебное решение, обстоятельства дела, доказательства, правильность решения суда, основания для отмены решения суда, правосудность судебного решения.

Каждое заинтересованное лицо вправе обратиться в суд за защитой нарушенных субъективных гражданских, трудовых или иных прав, реализуя тем самым право на судебную защиту в гражданском судопроизводстве [1]. Реализуется это право в своем содержании на стадиях гражданского процесса, важнейшими из которых являются судебное разбирательство и принятие судебного решения. Неправильные решения принимаются, чаще всего, из-за ошибок, допущенных в рассуждениях (о доказательствах и установленных фактах, о примененной норме права и др.). Иногда случается так, что судья ошибается, сам того не замечая, особенно, если это касается сложных решений.

К решению суда закон традиционно предъявляет два основных требования – законности и обоснованности. Обоснованность решения суда является свойством, наличие которого, наряду с законностью, позволяет говорить, в целом, о правосудности судебного акта. В общем виде, обоснованность решения означает, что суд установил все необходимые для правильного вывода обстоятельства дела и подтвердил их соответствующими доказательствами.

Konstantin A. Lebed
Candidate of Legal Sciences,
Senior Researcher the Civil Law Sector,
Civil and Arbitration Proceedings,
Institute of State and Law of the Russian
Academy of Sciences
konst.leb@gmail.com

SUBSTANTIATED COURT DECISION IN CIVIL PROCEEDINGS

Annotation. The article reveals the content of the property of validity of a court decision in civil proceedings. The prerequisites for making a reasoned decision are outlined, and cases of courts making unsubstantiated decisions that serve as grounds for canceling or changing court decisions are considered. The author concludes that the reasonableness of the court's decision can be understood as the conformity of the court's conclusions to the established circumstances of the case certified by convincing evidence.

Keywords: court decision, civil procedure, validity of the court decision, reasonable evidence of the court's decision, circumstances of the case, evidence, correctness of the court decision, grounds for cancellation of the court decision, justice.

В советском гражданском процессе, согласно принципу объективной истины (ст.14 ГПК РСФСР в ред. до 1996 г.), советский суд обязан был, не ограничиваясь представленными материалами и объяснениями, принимать все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного выяснения действительных обстоятельств дела, прав и обязанностей сторон. Под влиянием данного основного правила, ученые формулировали определения, вошедшие в работы, ставшие классикой процессуальной литературы.

М.Г. Авдюков считал, что обоснованность – это соответствие выводов суда об обстоятельствах дела действительным взаимоотношениям сторон [2]. М.А. Гурвич понимал под обоснованностью удостоверенное убедительными доказательствами соответствие фактического основания решения действительным обстоятельствам дела [3]. На необоснованное решение как решение, не соответствующее действительным обстоятельствам дела, указывали и иные авторы [4]. Поскольку судам вменялось в обязанность найти истину по делу, обоснованность связывали, как правило, с установлением действительных прав и

взаимоотношений сторон, действительных фактических обстоятельств – объективной истины.

Действующие процессуальные правила, определяющие порядок гражданского судопроизводства, основываются на принципах состязательности и равноправия, в соответствии с которыми стороны состязаются друг с другом в доказывании, а суд выносит решение на основе тех доказательств, которые стороны или другие участвующие в деле лица сочтут необходимым ему представить. Судья не может заставить сторону представить нужное, по его мнению, доказательство, и, по общему правилу, не вправе самостоятельно истребовать доказательство у того, у кого оно находится. Поскольку круг исследуемых судом доказательств зависит от состязательности сторон, которые распоряжаются своими процессуальными правами, постольку и обоснованность судебного решения должна пониматься с учетом содержания принципа состязательности в современном понимании.

Под обоснованностью решения суда в гражданском процессе мы понимаем подтвержденное доказательствами соответствие выводов суда полностью установленным, на основании представленного суду фактического материала, обстоятельствам. Для постановления обоснованного решения суд осуществляет следующие действия:

– исследует доказательства по делу; при принятии решения определяет, какие обстоятельства установлены и какие не установлены, т.е., окончательно устанавливает имеющие значение для дела обстоятельства;

– предлагает лицам, участвующим в деле, представить дополнительные доказательства, необходимые для выяснения обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения дела и принятия правосудного решения.

Предпосылками обоснованного судебного решения являются:

– правильное выяснение обстоятельств;

– доказанность имеющих значение для дела обстоятельств;

– соответствие выводов, изложенных в решении, обстоятельствам дела.

В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 330 ГПК, основаниями для отмены или изменения решения суда в апелляционном порядке является неправильное определение обстоятельств, имеющих значение для дела. Как отмечает М.К. Треушников, только на основе верного знания фактов, порождающих, изменяющих и прекращающих права и обязанности, суд в состоянии разрешить гражданское дело, т.е., применить необходимый закон и установить взаимные права и обязанности сторон [5].

Установленные на основе изученного судом фактического материала обстоятельства составляют фактическое основание решения суда. Решение суда «не должно основываться на догадках, и в

его основе могут находиться только установленные судом факты... без соблюдения названных условий судебное решение не приобретает свойство убедительности» [6].

Вопрос о доказанности обстоятельств является важным, имея не только научную, но и практическую ценность.

По мнению М.К. Треушникова, судебное доказывание есть логико-практическая деятельность лиц, участвующих в деле, «а также в определенной мере и суда» [7]. В указанную «определенную меру» деятельности суда по доказыванию входит истребование доказательств судом по ходатайству лиц, участвующих в деле, или в отдельных случаях, по своей инициативе, исследование и оценка доказательств.

Стороны гражданского процесса доказывают обстоятельства, со своей стороны познают и оценивают представленные лицами, участвующими в деле, доказательства. Суд также оценивает доказательства, однако, в отличие от мнения сторон, окончательная судебная оценка обязательно будет положена в основу решения. В условиях новой реальности – электронного правосудия, возникает вопрос о том, «что происходит с судебной процедурой, центральным звеном которой является процесс получения судом информации о спорных обстоятельствах, т.е., получение, исследование, оценка доказательств» [8]. Остается надеяться, что судебная процедура, реализованная в форме электронного правосудия, станет эффективным элементом национальной инновационной системы, которая «в целом активно обсуждается с конца 1990-х гг.» [9].

Обязанность доказывания процессуальным законом возложена на стороны (ч. 1 ст. 56 ГПК РФ), однако, нельзя сказать, что суд в гражданском процессе вовсе лишён права истребовать доказательства без ходатайства лица, участвующего в деле – согласно части 1 статьи 272 ГПК РФ, например, судья при подготовке дела к судебному разбирательству «обязывает органы опеки и попечительства по месту жительства или месту нахождения усыновляемого ребенка представить в суд заключение об обоснованности и о соответствии усыновления интересам усыновляемого ребенка». В постановлении Пленума Верховного Суда РФ по этому поводу указано, что «не исключается право суда истребовать необходимые доказательства по собственной инициативе» (пункт 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 июня 2008 г. № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству»). Ранее в ГПК РФ содержалось известное правило о праве суда истребовать доказательства по собственной инициативе по делам, возникающим из публичных правоотношений (ч. 2 ст. 249 ГПК РФ). Теперь тот же суд общей юрисдикции вправе истребовать доказательства по своей инициативе в целях правильного разрешения административных дел, но в порядке административного судопроизводства (ч. 1 ст. 63 КАС РФ). Не совсем понятно, зачем законодателю понадобилось принимать ещё один процессуальный кодекс, без учреждения специализированных, административных судов,

без реального усиления гарантий прав граждан, обжалующих акты органов и должностных лиц, наделенных публичными полномочиями.

Рассматривая недоказанность обстоятельств, указывают на недостаточность (или неполноту) (М.Г. Авдюков, К.И. Комиссаров, В.Н. Щеглов), недостоверность или недоброкачественность (М.Г. Авдюков, М.А. Гурвич, П.Я. Трубников), неправильную оценку доказательств (С.Н. Абрамов, М.Г. П.Я. Трубников). Советские ученые часто говорили об «отсутствии полноты», о «несоответствии объективной действительности».

Правильное выяснение имеющих значение для дела обстоятельств возможно лишь в том случае, если суд использовал при принятии решения надлежащим образом приобщенные к делу и исследованные доказательства. Неправильное определение судом необходимых для разрешения дела доказательств влечет за собой и неправильное (несоответствующее закону) установление обстоятельств, что, в свою очередь, является причиной необоснованного и незаконного решения.

Генбанк обратился в суд с иском к обществу «РБТ» и Шашину А.Е. о взыскании долга по кредитному договору и обращении взыскания на заложенное имущество, указав, что между банком и обществом «РБТ» были заключены договоры о предоставлении возобновляемой кредитной линии, обеспеченные поручительством Шашина А.Е. Однако обязательства по возврату заемных денежных средств ответчиками не исполнены.

Черемушкинский районный суд г. Москвы вынес решение от 7 февраля 2018 г. об удовлетворении иска, с общества «РБТ» и Шашина А.Е. солидарно взыскан долг, включая проценты и неустойку.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила решение суда первой инстанции, указав, что материалы дела не содержат никаких документов, свидетельствующих о том, что на момент заключения указанных выше договоров кредита Шашин А.Е. имел полномочия выступать от имени общества «РБТ» [10].

Если бы суд правильно установил обстоятельство наличия или отсутствия у лица полномочия выступать от имени юридического лица, то это могло бы обеспечить принятие обоснованного решения. В приведенном случае обстоятельство оказалось и недоказанным, что повлекло также и нарушение, предусмотренное в п. 2 ч. 1 ст. 330 ГПК РФ.

На наш взгляд, доказанность, имеющих значение для дела обстоятельств, предполагает, что установленные и изложенные в судебном решении обстоятельства основаны на доказательствах, выбранных судом из тех, которые стороны и иные субъекты доказывания представили суду для исследования.

Недоказанность обстоятельств может возникнуть и по причине неправильного распределения обязанности доказывания (пункт 29 постановления

Пленума Верховного Суда РФ от 19 июня 2012 г. № 13 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции»).

Обоснованное решение предполагает умение суда обращаться с электронными документами (доказательствами) так, чтобы это не нарушало принцип непосредственности. Любой экземпляр, надлежащим образом защищенного электронного документа, на бумажном носителе является копией. «Нормативно электронный документ, обладающий юридической силой и правовыми последствиями, связан с применением при его подписании электронной подписи» [11]. При этом информация, содержащаяся в электронном документе, является подлинной, если ее целостность сохранена в том виде, в каком она была подготовлена в окончательной форме электронного документа на носителе [12].

Изложенные в решении выводы суда должны соответствовать обстоятельствам дела. На практике встречаются ситуации (п. 3 ч. 1 ст. 330 ГПК), когда суд при принятии решения неверно устанавливает права и обязанности лиц, участвующих в деле. Ошибка может быть совершена на этапе перехода от установления фактических обстоятельств к выбору правовой нормы. Речь идет о логической ошибке, на самом последнем моменте перехода от фактов к юридической стороне дела суд вступает в противоречие с обстоятельствами, которые сам же признал установленными [13]. Указанное несоответствие представляется как ошибка суда при совершении логического действия по связыванию фактического основания решения, через правовое основание, с выводом суда по делу.

Так, районным судом рассмотрено дело по иску о взыскании задолженности по договору купли-продажи, в результате которого было вынесено решение об отказе в иске. Мосгорсуд отменил решение и взыскал с ответчика денежные средства, указав, что судом первой инстанции были исследованы расписка по делу и договор купли-продажи, однако, несмотря на установленные при изучении данных доказательств факт подписания расписки и обстоятельства ее составления одновременно с заключением договора, суд первой инстанции пришел к выводу об отказе в иске [14].

Иногда можно столкнуться с примерами из судебной практики, когда невыполнение судом требования обоснованности затрагивает несколько предусмотренных процессуальным законом ошибок. Это и неправильное установление обстоятельств, и недоказанность, и несоответствие выводов (суждений) обстоятельствам дела.

В Истринский городской суд Московской области был предъявлен иск о признании недействительными доверенности и основанного на этой доверенности договора дарения.

В первой инстанции в иске было отказано, в апелляционной инстанции решение было отменено и

определением Мособлсуда иск удовлетворен (доверенность и договор признаны недействительными) на основании того, что лицо, выдавшее доверенность (истец), не осознавало значения своих действий. Следует отметить, что суд апелляционной инстанции выбирал из двух противоречащих друг другу судебно-психиатрических экспертиз, и вынес апелляционное определение об отмене решения суда первой инстанции, основываясь на результатах психолого-психиатрической экспертизы Института психического здоровья и аддиктологии. Далее дело дошло до рассмотрения Судебной коллегией Верховного Суда РФ, по результатам было вынесено определение от 21 августа 2018 г. об отмене апелляционного определения Мособлсуда. При этом в определении Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 21 августа 2018 г. было сказано о том, что экспертами не даны ответы на все вопросы, и указано суду апелляционной инстанции, при новом рассмотрении дела, решить вопрос о назначении повторной комплексной психолого-психиатрической экспертизы.

Суд апелляционной инстанции в составе судей Смышляевой О.В., Шилиной Е.М. и Нигматулиной Б.Ш. поручил проведение данной экспертизы специалистам Центральной клинической психиатрической больницы (ЦКПБ), согласно заключению которых лицо, выдавшее доверенность и являющееся дарителем, не обладала способностью понимать значение своих действий и руководить ими.

Несмотря, однако, на полученное и изученное заключение экспертов ЦКПБ, суд апелляционной инстанции отверг данное краеугольное для дела доказательство и вынес апелляционное определение от 11 марта 2019 г. об оставлении решения суда первой инстанции без изменения, признав доверенность и договор дарения действительными.

Между тем, безмотивный отказ суда использовать такое существенное доказательство, как психолого-психиатрическая экспертиза, является грубейшим нарушением требования обоснованности, и является, на наш взгляд, существенным основанием для его отмены.

Спорное апелляционное определение от 11 марта 2019 г. было обжаловано в вышестоящие суды, однако, безуспешно. В определении от 4 декабря 2019 г. об отказе в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в заседании судебной коллегии судья Верховного Суда РФ Рыженков А.М., также как и состав судей Мособлсуда, не привел

Литература:

1. *Гурвич М.А.* Гражданские процессуальные правоотношения и процессуальные действия. Труды ВЮЗИ. М., 1965 Т. III.; *Гурвич М.А.* Избранные труды. Краснодар, 2006. Т. II. С. 15.
2. *Авдюков М.Г.* Судебное решение. М., 1959. С. 131.

мотивов того, почему считает правильным решение апелляционного суда не использовать назначенную им же самим экспертизу [15]. Ситуация усугубляется ещё и тем, что позиция, выраженная в определении судьи Верховного Суда РФ Рыженкова А.М. от 04 декабря 2019 г., противоречит определению Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 21 августа 2018 года по этому же делу [16], обязавшему апелляционный суд совершить ряд действий, включающих в себя назначение психолого-психиатрической экспертизы, для вынесения законного и обоснованного постановления.

Думается, что в случае, когда определение судьи Верховного Суда РФ признается противоречащим определению Судебной коллегии Верховного Суда РФ, данное определение должно подлежать отмене как нарушающее принцип единообразия в толковании и применении судами норм права.

В свете того, что даже коллегия судей в составе трех апелляционных судей может выносить постановления, не учитывающие заключение эксперта, вызывает сомнение предложение Председателя Верховного Суда РФ В.М. Лебедева о введении «единоличного порядка рассмотрения в апелляции всех административных и гражданских дел, которые рассматривались в единоличном составе в суде первой инстанции» [17]. Можно представить, на какие доказательства позволит себе «закрывать» глаза судья, принимающий решение в одиночестве, без учета мнения коллег по составу. Е.А. Борисова обоснованно отмечает, что такая инициатива вряд ли способна повысить гарантии судебной защиты гражданских прав [18]. Заслуживает поддержки другое высказывание о том, что «в ближайшем будущем процессуальное законодательство должно быть дополнено положениями, регулирующими применение» системы веб-конференции [19]. При этом в том же ближайшем будущем, онлайн-заседания должны стать дополнением, но не заменой обычного судебного процесса, в котором его участники лично встречаются в зале заседания [20].

Необоснованное решение, т.е., решение, в котором выводы суда не соответствуют доказанным и полностью установленным, на основании представленного суду фактического материала, обстоятельствам, подлежит отмене независимо от того, в каких условиях и с применением каких современных технических средств было проведено судебное заседание.

Literature:

1. *Gurvich M.A.* Civil procedural legal relations and procedural actions. Works of VYUZI. M., 1965. Vol. III // *Gurvich M.A.* Selected works. Krasnodar, 2006. Vol. II. P. 15.
2. *Avdyukov M.G.* Judicial decision. M. 1959. P. 131.

3. *Гурвич М.А.* Судебное решение. Теоретические проблемы. М., 1976. С. 43, 88.
4. Проверка судебных решений в социалистическом гражданском процессе. М., 1989. С. 56.
5. *Треушников М.К.* Гражданский процесс: теория и практика. М., 2008. С. 21.
6. *Фурсов Д.А.* Теория правосудия в кратком трехтомном изложении по гражданским делам. Том второй: Гражданское судопроизводство как форма отправления правосудия / Д.А. Фурсов, И.В. Харламова. М., 2009. С. 445.
7. *Треушников М.К.* Судебные доказательства. М., 1999. С. 40.
8. *Лукьянова И.Н.* Доказательства в гражданских делах в эпоху электронного правосудия // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2018. № 4. С. 131.
9. Проблемы развития и перспективы предпринимательского права в современных экономических условиях : монография / М.С. Нетесова, Е.С. Сазонова; Отв. ред. С.С. Занковский. М. : Проспект, 2020. С. 250.
10. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 3 декабря 2019 г. № 5-КГ19-201 // Сайт Верховного Суда РФ. URL : http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1843034
11. *Лаптев В.А.* Электронное правосудие и электронный документооборот как условие модернизации регуляторной среды для бизнеса / В.А. Лаптев, Н.И. Соловьяненко // Российский судья. 2017. № 2. С. 17.
12. *Лукьянова И.Н.* Доказательства в арбитражном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 14.
13. *Комиссаров К.И.* Задачи судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства. Свердловск, 1971. С. 100.
14. Апелляционное определение Московского городского суда от 10.03.2020 по делу № 33-2980/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
15. Определение Верховного Суда РФ от 04 декабря 2019 г. № 4-КГ19-64.
16. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 21 августа 2018 г. № 4-КГ18-56 // Сайт Верховного Суда РФ. URL : <https://vsrf.ru/lk/practice/cases/10013174#10013174>
17. Лебедев предложил изменить ГПК И АПК // Право.Ru. URL : <https://pravo.ru/news/view/141199>
18. Проверка судебных постановлений в гражданском процессе: Российский и зарубежный опыт / Под ред. Е.А. Борисовой. М., 2018. С. 414.
19. Выступление Председателя Верховного Суда
3. *Gurvich M.A.* Judicial decision. Theoretical problems. M. 1976. P. 43, 88.
4. Verification of judicial decisions in the socialist civil process. M., 1989. P. 56.
5. *Treushnikov M.K.* Civil process: theory and practice. M., 2008. P. 21.
6. *Fursov D.A.* Theory of justice in a brief three-volume summary of civil cases. Volume two: Civil proceedings as a form of administration of justice / D.A. Fursov, I.V. Kharlamova. M., 2009. P. 445.
7. *Treushnikov M.K.* Judicial proofs. M., 1999. P. 40.
8. *Lukyanova I.N.* Evidence in civil cases in the era of electronic justice // VSU Bulletin. Series: Law. 2018. № 4. P. 131.
9. Problems of development and prospects of business law in modern economic conditions: monograph / M.S. Netesova, E.S. Sazonova; Ed. S.S. Zankovsky. M. : Prospect, 2020. P. 250.
10. Determination of the Judicial Board for civil cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 3, 2019 № 5-KG 19-201 // Website of the Supreme Court of the Russian Federation. URL : http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1843034
11. *Laptev V.A.* Electronic justice and electronic document management as a condition for modernizing the regulatory environment for business / V.A. Laptev, N.I. Solovyanenko // Russian judge. 2017. № 2. P. 17.
12. *Lukyanova I.N.* Evidence in the arbitration process : autoref. dis. ... cand. of legal sciences. M., 2003. P. 14.
13. *Komissarov K.I.* Tasks of judicial supervision in the sphere of civil proceedings. Sverdlovsk, 1971. P. 100.
14. Appeal ruling of the Moscow city court of 10.03.2020 in case no. 33-2980/2020 // SPS «ConsultantPlus».
15. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation from December 4, 2019 № 4-KG 19-64.
16. Determination of the Judicial Board for civil cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated August 21, 2018 № 4-KG 18-56 // Website of the Supreme Court of the Russian Federation. URL : <https://vsrf.ru/lk/practice/cases/10013174#10013174>
17. Lebedev proposed to amend Code of civil procedure and Code of arbitrazh procedure // Law.Ru. URL : <https://pravo.ru/news/view/141199/>
18. Verification of court decisions in civil proceedings: Russian and international experience / ed. of E.A. Borisova. M., 2018. P. 414.
19. Speech of the Chairman of the Supreme Court of

РФ Вячеслава Михайловича Лебедева на пленарном заседании Совета судей РФ 07 июля 2020 года // Сайт Верховного Суда РФ. URL : <https://www.vsrp.ru/files/29088/> (дата обращения 12.07.2020).

20. *Куликов В.* Рассудят по телефону // Российская газета. 08 июля 2020. № 147. С. 2.

the Russian Federation Vyacheslav Lebedev at the plenary session of the Council of judges of the Russian Federation on July 07, 2020 // Website of the Supreme Court of the Russian Federation. URL : <https://www.vsrp.ru/files/29088/>

20. *Kulikov V.* Will be Judged by phone // Russian newspaper. URL: www.rg.ru July 08, 2020. № 147. P. 2.

Магницкий Никита Дмитриевич
студент,
департамент бизнес-анализа и аудита,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации
Magnitskiy.nikita@gmail.com
Nikita D. Magnitskiy

СИСТЕМА КОНТРОЛЯ ЗА ФОРМИРОВАНИЕМ СРЕДСТВ БЮДЖЕТОВ ГОСУДАРСТВА И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

Аннотация. Разнородные виды, формы и методы публичного финансового контроля в части формирования средств бюджетов государства и муниципальных образований образуют единую систему. Система публичного финансового контроля за мобилизацией средств бюджета – это комплекс различных видов и методов финансового контроля, осуществляемых субъектами финансового контроля, состоящих из элементов и функций, за объектом финансового контроля, выраженный через предмет контроля – поступлением доходов публично-правовых образований, обращаемых в собственность государства и муниципальных образований. Таким образом, цель данной статьи заключается в определении всех звеньев системы финансового контроля за доходами бюджета.

Ключевые слова: система финансового контроля, формы и методы финансового контроля, формирование и мобилизация доходов бюджетов.

Под субъектами публичного финансового контроля понимаются органы, наделенные полномочиями по осуществлению функций в области бюджетной, денежно-кредитной, налогово-таможенной и валютной политики. В их число входят как органы публично-правового образования, так и различного вида хозяйственные общества (домохозяйства, коммерческие и некоммерческие организации).

Под объектами публичного финансового контроля в части мобилизации средств бюджетов, выраженного через предмет финансового контроля, понимается деятельность государства и муниципальных образований по осуществлению перераспределительных процессов в части формирования различных видов платежей публично-правового образования. В соответствии с законодательством [1, ст. 266.1., гл. 26, разд. IX, ч. III], объектами публичного финансового контроля в части мобилизации доходов государства и муниципальных образований являются главные администраторы доходов бюджета.

Nikita D. Magnitskiy
Student,
Department of Business Analysis and Audit,
Financial University under the Government
of the Russian Federation
Magnitskiy.nikita@gmail.com

THE SYSTEM OF CONTROL OVER THE FORMATION OF FUNDS FROM THE BUDGETS OF THE STATE AND MUNICIPALITIES

Annotation. Various types, forms and methods of public financial control in terms of the formation of funds of the state and municipalities form a single system. The system of public financial control over the mobilization of budgetary funds is a complex of different types and methods of financial control carried out by the subjects of financial control, consisting of elements and functions, over the object of financial control. Thus, the purpose of this article is to determine all the links in the system of financial control over budget revenues.

Keywords: financial control system, forms and methods of financial control, formation and mobilization of budget revenues.

Под предметом указанного финансового контроля понимаются непосредственно средства бюджетов.

Под методами публичного финансового контроля в части мобилизации доходов государства и муниципальных образований принято считать приемы и способы, которые используются при реализации соответствующей формы финансового контроля исходя из конкретных обстоятельств. Относительно указанного финансового контроля можно выделить пять основных методов: наблюдение, обследование, анализ, проверку и ревизию. Отметим, что в соответствии с законодательством [1, п. 1, ст. 267.1, гл. 26 разд. IX ч. 3], методами осуществления государственного (муниципального) финансового контроля являются проверка, ревизия, обследование. В то же время, согласно [2, ст. 16], в рамках осуществления деятельности в области внешнего государственного финансового контроля в Российской Федерации Счетной палатой Российской Федерации приме-

няются следующие методы: проверка, обследование, анализ, наблюдение и ревизия. В соответствии с этим [3, пп. 77, п. 2, ст. 1, гл. 1], под контрольным мероприятием понимается проводимая проверка, ревизия, обследование.

Наблюдение – метод контроля, заключающийся в ознакомлении с деятельностью объекта контроля без применения сложных комплексных приемов получения и оценки информации. Например, в части мобилизации доходов государства и муниципальных образований примером наблюдения может являться динамика поступлений определенного вида дохода.

Обследование – метод предварительного финансового контроля, в рамках которого происходит ознакомление контролирующих органов с состоянием финансово-хозяйственной деятельности хозяйствующего субъекта.

Анализ - метод контроля, преподающий изучение хозяйственных процессов посредством аналитических приемов математики. Объектом анализа выступают бухгалтерские счета и балансы, а задачами – выявление недобросовестного отражения в учете и отчетности налогооблагаемой базы.

Проверка – форма контроля, предусматривающая комплекс мероприятий, направленных на исследование определенного круга вопросов в целях выявления нарушений в рамках финансового законодательства. Объектом проверки может быть любая финансовая операция, которая совершена субъектами финансовых правоотношений.

Ревизия представляет собой систему контрольных действий, которые направлены на взаимосвязанное изучение хозяйственной и финансовой деятельности хозяйствующего субъекта на предмет законности и обоснованности совершенных или совершаемых финансовых операций, как в документальной, так и в фактической форме, в том числе, с привлечением экспертов и специалистов.

В рамках публичного финансового контроля за формированием доходов (при рассмотрении более широкого понятия, выходящего за рамки бюджетного контроля) также применяется метод надзора (в настоящее время данный метод отсутствует в Бюджетном кодексе РФ), то есть, деятельность по анализу соблюдения подконтрольным объектом, получившим лицензию на определенный вид финансовой деятельности от контролирующего органа, установленных норм и требований ведения данной деятельности. Примером контролируемого органа, использующего надзор

в качестве метода осуществления финансового контроля, можно назвать Банк России, который выдает лицензии денежно-кредитным коммерческим организациям под обязательства соблюдения действующего законодательства, а также норм и стандартов Банка России.

По времени проведения выделяются предварительный, текущий (оперативный) и последующий публичный финансовый контроль. Отметим, что все вышеперечисленные виды контроля закреплены в международном законодательстве [4]. В то же время, предварительный и последующий контроль закреплен законодательством Российской Федерации [1, ст. 265], а определение текущего финансовый контроль закреплены письмами Казначейства России. Таким образом, необходима адаптация нормативных правовых актов к современным реалиям деятельности финансовых органов.

Предварительный контроль осуществляется по совершению проверяемых операций в рамках исполнения законов о бюджетах публично-правовых образований, что способствует предупреждению нарушения финансового законодательства и выявлению дополнительных финансовых ресурсов государства и муниципальных образований еще на стадии прогноза.

Текущий (оперативный) контроль осуществляется ежедневно в целях пресечения нарушений финансовой дисциплины в рамках осуществления бюджетного процесса. Примером оперативного контроля может являться контроль за объемами реализации нефтесодержащей продукции, её экспортно-импортными поставками в целях недопущения уменьшения налогооблагаемой базы.

Последующий контроль осуществляется за истекший период и сводится к проверке финансово-хозяйственных операций на основе анализа отчетов, а также, с помощью непосредственных проверок и ревизий по месту нахождения объекта контроля.

Таким образом, система публичного финансового контроля за мобилизацией и использованием средств бюджета – это комплекс различных видов и методов финансового контроля, осуществляемых субъектами финансового контроля, состоящих из элементов и функций, за объектом финансового контроля, выраженный через предмет контроля – поступлением доходов публично-правовых образований, обращаемых в собственность государства и муниципальных образований.

Литература:

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
2. Федеральный закон «О Счетной палате Российской Федерации» от 05.04.2013 № 41-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

Literature:

1. Budget law of the Russian Federation of July 31, 1998 № 145-FZ // ATP ConsultantPlus.
2. Federal Law «On the Accounts Chamber of the Russian Federation» dated 05.04.2013 № 41-FZ // SPS ConsultantPlus.

3. Проект Бюджетного кодекса Российской Федерации. [сайт]. Москва. URL : https://www.minfin.ru/ru/performance/budget/bud_codex/ (дата обращения 20.06.2020).

4. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 10.10.2014 № 78 «О положении о бюджете Евразийского экономического совета».

3. Draft Budget law of the Russian Federation: [site]. Moscow. URL : https://www.minfin.ru/ru/performance/budget/bud_codex/ (date accessed 20.06.2020).

4. Decision of the Supreme Eurasian Economic Council dated 10.10.2014 № 78 «On the regulation on the budgets of the Eurasian Economic Council».

Маркелов Сергей Владимирович
профессор кафедры
уголовного процесса,
Краснодарский университет МВД России
s.v.markelov@yandex.ru

Маркелова Ольга Николаевна
доцент кафедры
специальных дисциплин,
Краснодарский университет МВД России
s.v.markelov@yandex.ru

Начало становления пенитенциарной системы России

Аннотация. Инновационное совершенствование отечественной системы исполнения наказаний невозможно без принятия во внимание исторического опыта реформ в данной сфере, поскольку современные проблемы УИС РФ обусловлены всем ее предыдущим развитием. Среди ряда важных историко-правовых научных проблем особый интерес вызывают реализованные на протяжении истекших столетий пенитенциарные преобразования, которые, по сути, заложили фундамент современной российской уголовно-исполнительной системы. Анализ историко-правовых источников позволяет сделать вывод о том, что пенитенциарная система России прошла ряд важных ключевых этапов, которые являются неотъемлемой частью общего процесса ее последовательного реформирования и развития на пути к ее современному состоянию.

В целом, главным позитивным результатом исторических преобразований следует считать радикальный отход от архаичной практики организации и выполнения и отбывания уголовных наказаний, централизацию и унификацию управления тюремной системой, дифференцированный подход к заключенным в зависимости от тяжести совершенного преступления и личностных характеристик, внедрение целенаправленных воспитательных и образовательных мероприятий с целью нравственного исправления заключенных, привлечение должностных лиц различного ведомственного подчинения и уровня, а также представителей широких кругов общественности к решению проблем исполнения наказания в виде лишения свободы, связанных в частности с социальной адаптацией лиц, освобожденных из мест отбывания наказания. Эти результаты являются достоянием современной уголовно-исполнительной политики Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, пенитенциарный, наказание, русская правда, тюремный.

Sergey V. Markelov
Professor of the Department
Criminal Proceedings,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
s.v.markelov@yandex.ru

Olga N. Markelova
Associate Professor of the Department
of Special Disciplines,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
s.v.markelov@yandex.ru

THE BEGINNING OF FORMATION OF PENITENTIARY SYSTEM OF RUSSIA

Annotation. Innovative improvement of the domestic system of execution of sentences is impossible without taking into account the historical experience of reforms in this area, since the current problems of the criminal code of the Russian Federation are due to all its previous development. Among a number of important historical and legal scientific problems, the penitentiary reforms implemented over the past centuries are of particular interest, which, in fact, laid the Foundation of the modern Russian penal system. The analysis of historical and legal sources allows to draw a conclusion that the penitentiary system of Russia passed a number of important key stages which are an integral part of the General process of its consecutive reforming and development on the way to its modern state.

In General, the main positive result of historical transformations should be considered a radical departure from the archaic practice of organization and execution and serving of criminal sentences, centralization and unification of the prison system management, differentiated approach to prisoners depending on the severity of the crime and personal characteristics, the introduction of targeted educational and educational activities for the purpose of moral correction of prisoners, the involvement of officials of different departmental subordination and level, as well as representatives of the General public to the solution of problems of execution of punishment in the form of imprisonment, connected in particular with social adaptation of the persons released from places of serving of punishment. These results are the property of the modern penal policy of the Russian Federation.

Keywords: penal system, penitentiary, punishment, Russian truth, prison.

Первый период (X в. – 2-я половина XVIII в.) является самым продолжительным: условно от первых договоров руссов с греками (911 и 945 гг.), подписанных при княжении Олега и Игоря, и «Русской правды» – первого писаного свода русского светского права, заключенного в первой половине XI века в период пребывания у власти князя Ярослава Мудрого и впоследствии дополненного и переработанного его сыновьями («Правда Ярославичей»), [1] и до второй половины XVIII в., когда российская система уголовных наказаний начала постепенно меняться под влиянием прогрессивных учений.

Во мнении о том, что «Русскую правду» следует считать первым правовым кодексом Киевской Руси, сходятся известные российские ученые С.М. Соловьев [6] и М.Ф. Владимирский-Буданов [1], а также автор самой известной хроники по истории Польши до 1113 г. Аноним Галл [2], польский историк-хронист Гельмольд [3] и другие значимые в отечественной и зарубежной историографии исследователи.

По мнению С.М. Соловьева, название «Русская правда» устав получил для отмежевания от уставов греческих, которые к моменту принятия христианства оказывали сильное влияние на юридический быт Руси. Поэтому «Русская правда» (в перечне, поданном летописцем Нестором) уже в первых своих строках дает понять, что речь идет о закреплении норм, бытовавших в праславянских племенах, но в то же время указывает и на изменения, произошедшие в этом быту после призвания князей. Т.е., князья были призваны для «правды» по причине того, что особые советы не могли беспристрастно рассматривать дела при враждующих столкновениях своих членов, поскольку «не было у них правды» [6, с. 797].

М.Ф. Владимирский-Буданов отмечает, что термин «наказание» в «Русской правде» во всех ее редакциях не встречается, т.к. тогда употреблялись иные термины – «казнь» и «месть». Последний термин имел несколько значений, в том числе – «наказание» в широком смысле [1, с. 187].

Такую ситуацию С.М. Соловьев объясняет тем, что при родовом быте главная обязанность родичей состояла в защите друг друга, в мести друг за друга. И если целый род, каким бы он ни был широким и разветвленным, составлял единый союз под властью одного родоначальника, то все его члены, вне зависимости от ступеней иерархии, имели единый долг. В «Русской правде» указывается, что в случае убийства родственник убитого должен мстить убийце, и этот долг ограничен ближними степенями родства [6, с. 326].

Со времен «Русской правды» сохранились сведения о древнейших видах наказаний, направленных на ограничение свободы. Так, историко-правоведческая литература оперирует сведениями об изгнании и ссылке, начиная с XI века. О заключении упоминается также с древнейших времен, начиная с первых договоров русичей с греками. Для эпохи «Русской правды» характерны три вида заключения:

- 1) «в погреб», «поруб» – земляную тюрьму;
- 2) «в железа» – кандалы;
- 3) «в дыбу» – деревянную колоду из двух плах, которая имела проем для шеи посередине и петли для рук на концах.

Телесные наказания также применялись с древнейших времен. «Русская правда» запрещала бить без княжеского ведома, а это означало, что телесные наказания должна была осуществлять власть. Фактическое узаконивание этого вида наказаний произошло после смерти князя Ярослава. Его сыновья решили не убивать вора, а брать с него штраф. Среди наказаний этого периода имела место и смертная казнь через повешение, утопление и пр., однако, все эти способы умерщвления имели довольно упрощенный характер в отличие от изощренных наказаний эпохи позднего средневековья [4, с. 250].

Таким образом, во времена «Русской правды» вместо термина «наказание» употреблялись в основном термины «казнь» и «месть», подразделявшиеся на такие виды, как:

- 1) месть;
- 2) денежные наказания;
- 3) уголовные наказания и их подвиды:
 - а) направленные на свободу – изгнание (изгой), ссылка, заключение;
 - б) направленные на здоровье – причинение боли и увечья;
 - в) смертная казнь [1, с. 399].

Однако более поздняя эпоха внесла ряд существенных изменений в систему имеющихся на Руси уголовных наказаний, фактически способствовал выделению уголовно-исполнительной функции.

Как свидетельствуют историко-правовые источники, первые тюремные учреждения упоминаются уже в Судебниках 1497 и 1550 гг. [5] По сути, формирование российской тюремной системы началось с возникновением централизованного государства и связано с изданием Судебника 1497 года. Однако данный юридический документ не устанавливал порядка исполнения наказаний, ограничиваясь лишь перечнем уполномоченных на это должностных лиц. Формальная неопределенность понятия преступного деяния и общее толкование его как «лихого дела» создавали предпосылки для произвольной квалификации поступков, давали возможность криминализации любого деяния, что потенциально угрожало господствующим общественным отношениям [5].

Судебником 1550 года впервые был введен новый вид уголовного наказания – тюремное заключение. Оно применялось в комплексе с другими

видами наказания, а сроки заключения документом не определялись. Если ранее тюрьма рассматривалась исключительно как мера пресечения содержания обвиняемых в совершении преступлений лиц в суде, то в условиях развития феодалных отношений и обострения социальных антагонизмов тюремное заключение получило стремительное распространение как вид уголовного наказания [5].

Важной вехой в становлении российского тюремного законодательства стало издание Соборного Уложения 1649 года [5]. В этом документе содержалось 967 статей. В соответствии с ним участилось применение смертной казни, телесных наказаний, тюремных заключений. В целях усиления устрашающего эффекта смертной казни, предусматривалось не только повешение, отсечение головы, но и сожжение (за богохульство, умышленный поджог), заливание горла расплавленным металлом (за фальшивомонетничество), закапывание в землю до наступления смерти (за отравление, убийство мужа). Упомянутый юридический акт предусматривал применение тюремного заключения в более чем 40 случаях. Однако упорядочить деятельность тюремной системы не удалось, она оставалась громоздким государственным институтом с нечеткой структурой и неопределенным правовым статусом.

В 1715 году вышел новый документ – Артикул воинский [5]. Он был подготовлен при непосредственном участии Петра I. Это была первая попытка систематизировать уголовно-правовые нормы царской России. Появился новый вид смертной казни – расстрел. Довольно широкое распространение получила ссылка на каторжные работы или галеры на определенный срок или бессрочно. На каторгу могли послать за прелюбодеяние, а в вечную ссылку на галеры – за мужеложство или изнасилование. Именно в этом документе получила широкое распространение практика использования труда заключенных на различного рода работах. Петр I быстро оценил преимущества арестантского труда, который не требует больших финансовых затрат, и стал активно использовать его для реализации своих грандиозных планов в процессе государственных преобразований. Условия содержания осужденных к лишению свободы были ужасными. Человек, который попадал в тюрьму, был обречен на медленную смерть.

В 1715 году вышел новый документ – Артикул воинский [5]. Он был подготовлен при непосредственном участии Петра I. Это была первая попытка систематизировать уголовно-правовые нормы царской России. Появился новый вид смертной казни – расстрел. Довольно широкое распространение получила ссылка на каторжные работы или галеры на определенный срок или бессрочно. На каторгу могли послать за прелюбодеяние, а в вечную ссылку на галеры – за мужеложство или изнасилование. Именно в этом документе получила широкое распространение практика использования труда заключенных на различного рода работах. Петр I быстро оценил преимущества арестантского труда, который не требует больших финансовых затрат, и стал активно использовать его для реализации своих грандиозных планов в процессе государственных преобразований. Условия содержания осужденных к лишению свободы были ужасными. Человек, который попадал в тюрьму, был обречен на медленную смерть.

Литература:

1. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. Киев, 1905.
2. *Галл Аноним.* Хроника и деяния князей или правителей польских / Пред., пер. и прим. Л.М. Поповой. Отв. ред. В.Д. Королюк. М. : Издательство АН СССР, 1961. (Серия «Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы»).
3. *Гельмольд.* Славянская хроника. М. : Издательство АН СССР, 1963.
4. *Евреинов Н.* История телесных наказаний в России. Харьков : Прогресс ЛТД, 1913 (1994).
5. Российское законодательство X–XX веков : в 9-ти томах. М. : Юридическая литература, 1985. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления государства.
6. *Соловьев С.М.* Сочинения : в 18 кн. Кн. 1. Т. 1–2 / С.М. Соловьев; Отв. ред. И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев; вступит. ст. И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриева. М. : Мысль, 1988.

Literature:

1. *Vladimirsky-Budanov M.F.* Review of the history of Russian law. Kiev, 1905.
2. *Gall Anonymous.* Chronicle and Acts of Princes or Rulers of Poland / Preface, translation and notes by L.M. Popova. Executive Editor V.D. Korolyuk. M. : Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1961. (Series «Monuments of the medieval history of the peoples of Central and Eastern Europe»).
3. *Gelmold.* Slavic chronicle. M. : Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1963.
4. *Evreinov N.* History of corporal punishment in Russia. Kharkov : Progress of LTD, 1913 (1994).
5. Russian legislation of the X–XX centuries : in 9 vol. M. : Legal literature, 1985. Vol. 2: Legislation of the period of formation and strengthening of the state.
6. *Soloviev S.M.* Essays : in 18 books. Book 1. Vol. 1–2 / S.M. Soloviev; editor-in-chief. I.D. Kovalchenko, S.S. Dmitriev; will enter. Art. I.D. Kovalchenko, S.S. Dmitrieva. M. : Thought, 1988.

Мата Сергей Владимирович
адъюнкт факультета подготовки
научных и научно-педагогических кадров,
Академия управления МВД России
s.mata94@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 230.1 И 230.2 УК РФ

Аннотация. В статье рассматриваются наиболее проблемные, на взгляд автора, вопросы квалификации деяний, предусмотренных ст. 230.1 УК РФ «Склонение спортсмена к использованию веществ и (или) методов, запрещенных для использования в спорте» и ст. 230.2 «Использование в отношении спортсмена веществ и (или) методов, запрещенных для использования в спорте». Утверждается, что для квалификации вышеназванных деяний следует обратить особое внимание на определение объекта, объективной стороны и субъекта преступления, приводятся проблемы квалификации каждого из признаков, а также, приводятся возможные пути решения.

Ключевые слова: допинг, квалификация преступления, уголовное право, склонение, декриминализация, спорт, тренер, спортсмен.

Общественный резонанс, связанный с международной антидопинговой политикой, продолжает набирать обороты. Так, в условиях спортивной конкуренции проблема допинга в Российской Федерации вышла на уровень отрицания и общественного порицания. Тем не менее, на сегодняшний день, по данным Российского антидопингового агентства, 18 тренеров и 77 спортсменов отбывают дисквалификацию за нарушение антидопинговых правил [8], тем самым тренеры совершают общественно опасные деяния, а, возможно, и вовлекают в них своих спортсменов.

Говоря об общественной опасности названного поведения, необходимо отметить принятие Федерального закона от 22 ноября 2016 г. № 392-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части усиления ответственности за нарушение антидопинговых правил)», который установил уголовную ответственность за склонение спортсмена к использованию веществ и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, и использование в отношении спортсмена таких веществ и (или)

Sergey V. Mata
Associate of the faculty
of Training Scientific
and Scientific-pedagogical Personnel,
Academy of Management
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
s.mata94@yandex.ru

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF CRIMES UNDER ART. 230.1 AND 230.2 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIA

Annotation. The article deals with the most problematic, in the author's opinion, issues of qualification of acts provided for by article 230.1 of the criminal code of the Russian Federation «Inducing an athlete to use substances and (or) methods prohibited for use in sports» and article 230.2 «Used in relation to an athlete substances and (or) methods prohibited for use in sports». It is argued that for the qualification of the above-mentioned acts, special attention should be paid to the definition of the object, objective side and subject of the crime, the problems of qualification of each of the features are given, as well as possible solutions.

Keywords: doping, qualification of crime, criminal law, declination to use, decriminalization, sport, coach, sportsmen.

методов, что дополнило Уголовный кодекс Российской Федерации статьей 230.1 «Склонение спортсмена к использованию веществ и (или) методов, запрещенных для использования в спорте» и статьей 230.2 «Использование в отношении спортсмена веществ и (или) методов, запрещенных для использования в спорте» [1].

Однако, несмотря на то, что в настоящий момент Российским антидопинговым агентством, активно выявляются спортсмены, тренеры и медицинский персонал, нарушающие антидопинговые правила, с января 2018 года по декабрь 2019 года в России по ст. 230.1 УК РФ возбуждено 4 уголовных дела, только одно из которых направлено в суд; по ст. 230.2 УК РФ в 2019 году зарегистрировано 2 предварительно расследованных преступления, которые до сих пор не направлены в суд. Данная статистика может свидетельствовать о возникновении ряда проблем в квалификации вышеназванных деяний и, как следствие, возможной целесообразности их декриминализации.

Под трудностями в квалификации рассматриваемых деяний стоит понимать проблему установления конкретного состава преступления, а именно –

совокупности признаков, которые будут определять общественно опасное деяние непосредственно как преступление.

Ясно видна позиция законодателя по поводу видового и родового объекта преступления, которые, как принято полагать в теории уголовного права, характеризуются разделом и главой УК РФ соответственно. Статьи 230.1 и 230.2 УК РФ помещены в раздел IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка», и главу 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности». Как справедливо заметил Кутуев А.Р., специфика рассматриваемых деяний проявляется в непосредственном объекте преступления, однако, очевидна взаимосвязь непосредственного объекта преступления и его предмета [6, с. 58].

Положения ч. 2 ст. 230.1 УК РФ устанавливают, что для целей рассматриваемых статей Правительством Российской Федерации устанавливается перечень запрещенных для использования в спорте субстанций и методов. Таким образом, предмет преступления обозначен законодателем в Постановлении Правительства РФ от 28.03.2017 № 339 «Об утверждении перечня субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, для целей статей 230.1 и 230.2 Уголовного кодекса Российской Федерации» [3]. В связи с этим, на разных этапах обновления перечень является исчерпывающим, что исключает возникновение дискуссий по поводу предмета преступления. Следовательно, опираясь на вышеизложенное и диспозиции рассматриваемых статей, нам представляется возможным говорить о непосредственном объекте преступлений как об общественных отношениях, направленных на охрану здоровья в сфере запрета использования субстанций и методов в спорте. Законодателем установлено, что противоправные действия должны быть направлены на спортсмена, однако, в условиях современных реалий, данное обозначение круга лиц не всегда является верным. Установление гражданина как спортсмена возможно ввиду применения к нему п. 22 ст. 2 Федерального закона от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», который определяет спортсмена как физическое лицо, занимающееся выбранными видом или видами спорта и выступающее на спортивных соревнованиях [2]. Данная норма права устанавливает значительный признак спортсмена – это выступление на соревнованиях. Стоит отметить мнение Семеновой В.В. о том, что в настоящее время в потребление субстанций и методов, запрещенных в спорте, вовлекаются не только спортсмены, но и обычное население страны, преследующее цель скорректировать свою массу тела и улучшить свои силовые показатели [7, с. 103]. Таким образом, возникает закономерная проблема в установлении потерпевшего лица, и определении его как спортсмена.

Что касается субъекта рассматриваемых статей, то им может выступать тренер, специалист по спортивной медицине либо иной специалист в области физической культуры и спорта. Такая кон-

кретизация лиц свидетельствует о принадлежности субъекта преступления к специальным субъектам и подразумевает наличие у него определенных свойств и характеристик. Примечательно, что с закрепленным в законодательстве понятием «тренер» трудностей не возникает; такое понятие дано в п. 24 ст. 2 Федерального закона от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»; в нем под тренером понимается физическое лицо, имеющее соответствующее среднее профессиональное образование или высшее образование и осуществляющее проведение со спортсменами тренировочных мероприятий, а также, осуществляющее руководство их состязательной деятельностью для достижения спортивных результатов [2]. Для определения иного специалиста в области физической культуры и спорта приходится обращаться к приказу Минспорттуризма России от 16.04.2012 № 347 «Об утверждении перечня иных специалистов в области физической культуры и спорта в Российской Федерации и перечня специалистов в области физической культуры и спорта, входящих в составы спортивных сборных команд Российской Федерации» [4], где под иными специалистами в области физической культуры и спорта подразумевается 27 должностей различного направления деятельности. Кроме того, не редки случаи привлечения в спортивные команды, в качестве тренеров и специалистов, иностранных граждан, такое суждение подтверждается ст. 20.4. Привлечение иностранных граждан и лиц без гражданства в качестве спортсменов, тренеров и иных специалистов в области физической культуры и спорта физкультурно-спортивными организациями и общероссийскими спортивными федерациями» Федерального закона от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» [2]. Что касается специалиста по спортивной медицине, то такое понятие нормативно не закреплено, однако, мы полагаем, что при его определении стоит прислушаться к мнению коллектива авторов Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, которые считают, что для определения рассматриваемого субъекта необходимо руководствоваться приказом Минздрава РФ от 20.08.2001 г. № 337 «О мерах по дальнейшему развитию и совершенствованию спортивной медицины и лечебной физкультуры», в котором указано, что «на должность врача по спортивной медицине принимается специалист с высшим медицинским образованием по специальности «лечебное дело» или «педиатрия», освоивший программу подготовки по спортивной медицине в соответствии с квалификационными требованиями и получивший сертификат специалиста» [5, с. 17]. Большое разнообразие понятий для определения субъекта преступления, а также – привлечение в качестве тренеров и специалистов иностранных граждан, на наш взгляд, может вызывать трудности у правоохранительных органов в квалификации преступления и повлечь за собой множество правовых споров и разногласий. Как одно из решений данной проблемы можно считать законодательное закрепление полного перечня специальных субъектов для целей рассматриваемых статей.

Еще одним проблемным вопросом в квалификации рассматриваемых деяний выступает определение объективной стороны преступления для применения ст. 230.1 УК РФ. Исходя из диспозиции данной статьи, объективной стороной преступления будут выступать действия, направленные на склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных в спорте. Причем, для применения данной статьи не имеет значения использовал склоняемый запрещенные субстанции и методы или нет. Такая позиция законодателя увеличивает латентность данных преступлений и затрудняет их выявление. В примечании к рассматриваемой статье приведены действия, которые понимаются под склонением – это любые умышленные действия, способствующие использованию спортсменом запрещенной субстанции и (или) запрещенного метода, в том числе, совершенные путем обмана, уговоров, советов, указаний, предложений, предоставления информации либо запрещенных субстанций, средств применения запрещенных методов, устранения препятствий к использованию запрещенных субстанций и (или) запрещенных методов. Такой подход к понятию «склонение» вызывает множество споров, ведь в традиционном понятии, склонение есть некое психологическое воздействие на человека, которое впоследствии провоцирует у него желание к использованию чего-либо. Так, например, в ряд способов склонения, согласно примечанию к ст. 230.1 УК РФ, включено «предоставление информации», что,

Литература:

1. Федеральный закон от 22 ноября 2016 г. № 392-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части усиления ответственности за нарушение антидопинговых правил)». Официальный портал правовой информации. URL : <http://pravo.gov.ru>
2. Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации». Официальный портал правовой информации. URL : <http://pravo.gov.ru>
3. Постановление Правительства РФ от 28.03.2017 № 339 (ред. от 29.04.2019) «Об утверждении перечня субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, для целей статей 230.1 и 230.2 Уголовного кодекса Российской Федерации». Официальный портал правовой информации. URL : <http://pravo.gov.ru>
4. Приказ Минспорттуризма России от 16.04.2012 № 347 «Об утверждении перечня иных специалистов в области физической культуры и спорта в Российской Федерации и перечня специалистов в области физической культуры и спорта, входящих в составы спортивных сборных команд Российской Федерации». Официальный портал правовой информации. URL : <http://pravo.gov.ru>
5. *Власов П.Е.* Расследование преступлений, связанных с использованием запрещенных субстанций или методов в отношении спортсмена

по своей сути, заведомо не может привести к возбуждению желания у спортсмена к использованию запрещенных субстанций и методов. В большинстве спортивных команд такая информация предоставляется в качестве учебной либо справочной, очевидно, что расценивать такие действия как склонение к использованию запрещенных субстанций не всегда является верным. Далее законодатель в данной статье понимает под склонением еще и предоставление самих запрещенных субстанций, средств применения запрещенных методов, а также, устранение препятствий к их использованию, что является ничем другим, как физическим способствованием спортсмену, и не может являть собой возбуждение желания. Таким образом, можно сделать вывод о том, что перечень действий, попадающий под склонение, несправедливо расширен и может быть ограничен традиционными методами склонения, такими, как обман, уговоры, советы, указания и предложения.

Вышеизложенные проблемы в квалификации преступлений могут свидетельствовать о стремлении законодателя отвечать нормам международного права в сфере противодействия допингу, а также – привлечения внимания к проблеме допинга в Российской Федерации. Однако, на наш взгляд, данные нормы требуют дополнительного пересмотра и корректировки, а, следовательно, внимательного отношения к криминализации указанных деяний.

Literature:

1. Federal Law of November 22, 2016 № 392-ФЗ «On Amending the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation (in terms of strengthening liability for anti-doping rule violation)». Official Portal of Legal Information. URL : <http://pravo.gov.ru>
2. Federal Law of 04.12.2007 № 329-ФЗ «On Physical Culture and Sports in the Russian Federation». URL : Official Portal of Legal Information. URL : <http://pravo.gov.ru>
3. Decree of the Government of the Russian Federation 28.03.2017 № 339 (ed. from 29.04.2019) «On approval of the list of substances and (or) methods prohibited for use in sports for the purposes of articles 230.1 and 230.2 of the Criminal Code of the Russian Federation». URL : Official Portal of Legal Information: <http://pravo.gov.ru>
4. Order of the Ministry of Sports and Tourism of Russia 16.04.2012 № 347 «On approval of the list of other specialists in the field of physical culture and sports in the Russian Federation and the list of specialists in the field of physical culture and sports included in the composition of sports teams of the Russian Federation». URL : Official portal of legal information: <http://pravo.gov.ru>
5. *Vlasov P.E.* Investigation of crimes related to the use of prohibited substances or methods against an athlete (part 1.2 of article 230.1, part 1 of article 230.2)

(ч. 1, 2 ст. 230.1, ч. 1 ст. 230.2 УК РФ) : учеб. пособие / П.Е. Власов, А.А. Орлова. М. : ВНИИ МВД России, 2019. 49 с.

6. *Кутуев А.Р.* Уголовная ответственность за склонение, распространение и применение субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 167 с.

7. *Семенова В.В.* Уголовная ответственность за склонение к потреблению веществ, представляющих угрозу здоровью населения : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2019. 235 с.

8. Российское антидопинговое агентство: [сайт]. URL : <https://rusada.ru/doping-control/disqualifications/>

of the Criminal Code of the Russian Federation) : Educational manual / P.E. Vlasov, A.A. Orlova. M. : VNIИ Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019. 49 p.

6. *Kutuev A.R.* Criminal liability for the inducement, distribution and use of substances and (or) methods prohibited for use in sports : dis. ... edging. jurisprudence. M., 2019. 167 p.

7. *Semenova V.V.* Criminal liability for inducing the consumption of substances that pose a threat to public health sports : dis. ... edging. jurisprudence. SPb., 2019. 235 p.

8. Russian Anti-Doping Agency: [site]. URL : <https://rusada.ru/doping-control/disqualifications/>

Матвеева Елена Юрьевна
кандидат юридических наук,
доцент департамента
правового регулирования,
Финансовый университет
при Правительстве РФ
eyumatveeva@fa.ru

СПЕЦИАЛЬНАЯ ДОГОВОРНАЯ КОНСТРУКЦИЯ ДОГОВОРА В ПОЛЬЗУ ТРЕТЬЕГО ЛИЦА КАК СПЕЦИАЛЬНАЯ ДОГОВОРНАЯ КОНСТРУКЦИЯ В ПРАВЕ РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена договору в пользу третьего лица. Указанная специальная договорная конструкция рассмотрена в контексте исторического развития в древнем и отечественном праве. Доказано, что договор в пользу третьего лица является востребованным в гражданском обороте правовым средством, позволяющим достичь правовых целей сторон с сокращением числа сделок, дающим возможность должнику и кредитору создать необходимые им правоотношения без дополнительных формальностей в виде привлечения третьего лица к участию в договорных условиях в момент совершения сделки, обеспечивающим расширение возможностей по сотрудничеству и кооперации в различных сферах экономической деятельности.

Ключевые слова: договор в пользу третьего лица, специальная договорная конструкция, промиссар, промитент, дестинатарий.

Введение.
История права и сравнительное правоведение свидетельствуют о том, что институт договоров в пользу третьих лиц признавался далеко не всегда и далеко не всюду. Как и многие иные правовые институты, договор в пользу третьего лица обязан своим возникновением античному праву, однако именно эта правовая модель в ходе рецепции римского права была существенно переосмыслена многими правовыми системами.

Предпосылками того, что институт договора в пользу третьих лиц имеет интереснейший генезис, является конфликт данного института с относительной природой обязательственных правоотношений. Обязательственные правоотношения характеризуются тем, что должник (промитент) в соответствии с законом или договором обязан совершить в пользу кредитора (промиссара) активные действия, направленные на погашение задолженности, передачу имущества, оказание

Elena Yu. Matveeva
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor
of the Department Legal Regulation,
Financial University under the Government
of the Russian Federation
eyumatveeva@fa.ru

A CONTRACT IN FAVOR OF A THIRD PARTY AS A SPECIAL CONTRACTUAL STRUCTURE IN RUSSIAN LAW

Annotation. The article is devoted to a contract in favor of a third party. The specified special contractual structure is considered in the context of historical development in ancient and domestic law. It has been proved that an agreement in favor of a third party is a legal means in demand in civil circulation, allowing to achieve the legal goals of the parties with a reduction in the number of transactions, enabling the debtor and the creditor to create the legal relations they need without additional formalities in the form of attracting a third party to participate in the contractual conditions at the time making a deal, providing an expansion of opportunities for cooperation and cooperation in various fields of economic activity.

Keywords: contract in favor of a third party, special contractual structure, promissar, promient, destination.

услуг или выполнение работ и т.д. и этой обязанности корреспондирует право кредитора требовать от должника исполнения указанных действий. Именно такое традиционное понимание обязательственных правоотношений было заложено римским частным правом, положения которого развивались в русле личных прав требования кредитора к должнику, т.е. обязательство и сторона обязательства выступали парными категориями. Квинт Муций, Сцевола, предложивший в первом веке до н.э. первую систематизацию контрактов, указывал: «Nec paciscendo nec legem dicendo nec stipulando quisquam alteri cavere potest» (D. 50. 17. 73. 4) – Ни путем соглашения, ни установлением условий сделки, ни путем стипуляции никто не может обусловливать права для другого. Или «Alteri stipulari nemo potest» – никто не может заключать договоров для другого. Таким образом, на протяжении длительного времени римское частное право не признавало возможности участия третьих лиц на стороне кредитора, что следовало из «строгого индивидуализма римского частного права (ut unusquisque sibi adquirat quod sua interest; ut alii detur, nihil

interest mea)» [7].

Вместе с тем римское право оперировало целым рядом приемов и понятий, явившимися предпосылками к развитию конструкции договора в пользу третьих лиц. В частности: при исполнении обязательства могли учитываться интересы лица наделенные субсидиарным правом на получение платежа (*solutionis causa adiectus*), допускалось присоединение к кредитору третьих лиц в качестве самостоятельных кредиторов (*correi stipulandi*) или добавочных кредиторов (*adstipulatio*) т.д. Е.А. Флейшиц отмечала, что договору в пользу третьих лиц обеспечивалось некоторое практическое применение «при помощи таких приемов, как *stipulatio poenae* (соглашение о неустойке) и привлечение *adiectus solutionis gratia* (лицо, присоединенное к кредитору для получения платежа)» [4].

Со временем, по мере развития кредитования, страхования, перевозок грузов, совершенствования и усложнения завещательных прав, усложнение общественных связей и отношений сделало договоры в пользу третьих лиц востребованным институтом. Реалии гражданского оборота требовали наделения третьего лица (дестинатария) правами и обязанностями, что и было закреплено в европейских гражданских кодексах и уложениях XIX века.

Договоры в пользу третьих лиц в России

Ценнейшим источником для понимания истории развития института договора в пользу третьих лиц в Российском праве является изданная в 1885 году монография «Договоры в пользу третьих лиц. Опыт теоретического исследования по гражданскому праву», автором которой является русский цивилист, сенатор Адольф Максимович Нолькен. На основании данного научного труда можно судить каким образом трансформировалось понимание договора в пользу третьих лиц в российском праве за полтора века, какие подходы оказались востребованными современным правом, а какие не выдержали испытания временем.

Итак, А.М. Нолькен указывает на то, что по состоянию на конец 19 века, Свод законов Российской империи не содержал самостоятельных норм, посвященных непосредственно институту договора в пользу третьего лица: «Что же касается наконец общих гражданских законовъ Имперіи, то они вполнѣ умалчиваютъ о занимающемъ насъ предметѣ» [6]. Далее Нолькен отмечает, что в сложившихся условиях, когда Свод законов ввиду общего характера его содержания не содержит норм, определяющих отношение законодательства к договорам в пользу третьих лиц, тем не менее важнейшие походы к пониманию существа и последствий договора в пользу третьих лиц уже сформированы Гражданским Кассационным департаментом Сената (решения Гражданского Кассационного Департамента от 1869, 1873, 1877, 1878, 1800–1882 гг. за № 181, 1623, 372, 257, 174, 4, 6).

Эти подходы из буквального толкования положений первой части десятого тома Свода законов сводились к следующему:

Первое. Действующее законодательство императивно не устанавливает, что право требования по договору может принадлежать исключительно стороне договора (контрагенту).

Второе. Действующее законодательство не устанавливает требования того, что договор составляется исключительно между контрагентами и того, что лицо, не участвующее в договоре, не может получить никаких прав на основании такого договора.

Третье. Закон не содержит запрета для договаривающихся сторон устанавливать договором права в пользу третьих лиц. В частности основанием по которым контрагент выговаривает право в пользу третьего лица могут быть как возмездные отношения (существующие обязательства между контрагентом и третьим лицом) или же безвозмездные отношения, например желание контрагента одарить третье лицо.

Четвертое. Требование указывать в договоре мотивы, побудившие контрагентов к определению прав в пользу третьих лиц отсутствуют.

Пятое. Третье лицо может воспользоваться своим правом по договору если оно выразит согласие на принятие того, что выговорено в договоре в его пользу.

Шестое. Если для исполнения договора в пользу третьего лица указанное лицо должно выполнить какие-либо условия, то третье лицо должно выразить свое согласие также и на выполнение таких условий.

Седьмое. Согласие на принятие по договору третье лицо может выразить предъявлением иска о приведении договора в исполнение. При защите своего права третье лицо действует самостоятельным иском от своего имени, независимо от поручения промиссара (кредитора) и не зависимо от того считает промиссар необходимым предъявить иск от своего имени или нет.

Восьмое. До момента выражения согласия третьего лица воспользоваться договором в свою пользу, контрагенты могут изменить или вовсе прекратить права третьего лица на получение того, что выговорено в договоре. С момента выражения третьим лицом своего согласия, стороны договора не могут по своему желанию лишиться третье лицо своего права.

Девятое. Если третье лицо отказывается от права принимать данное ему обещание или от права требовать исполнения его, то в первом случае право сосредоточивается и упрочивается в лице промиссара (кредитора), во втором же восстанавливается для промиссара в том виде, как оно существовало для него до принятия обещания третьим лицом.

Комментируя вышеизложенные подходы следует

отметить, что первые два по сути отразили сложившийся к XX веку отход европейского права от *privity of contract* – доктрины договорной связи, предусматривающей, что права и обязанности по договору могут возникать только у непосредственных участников договора, презюмирующей, что договорная связь образуется исключительно между лицами, заключившими договор.

В положении третьем и четвертом сформулировано актуальное для того времени понимание отношений валюты в рамках договора в пользу третьего лица, т.е. отношений, связывающих промиссара и дестинотария. Следует отметить, что третье и четвертое положения, в части абстрагирования от возмездного либо не возмездного характера отношений между кредитором и третьим лицом и отсутствия необходимости указывать в договоре мотивы следствием которых третьи лица наделяются правами по договору объективизируют утвердившиеся на рубеже XIX и XX века идею частной автономии, принцип свободы договора и принцип относительности обязательства.

Касательно пятого положения в части того, что третье лицо должно выразить согласие на принятие выговоренного в его пользу договором следует отметить, что данный подход демонстрирует выработанное в XIX веке судебной практикой и европейским правом требование присоединения третьего лица к договору (теория акцептации; *Akzeptations – Beitrittstheorie*) [1]. Гражданский кодекс РСФСР 1922 (ст. 140) сместил акцент получения согласия третьего лица в плоскость того, что следствием выражения намерения третьего лица воспользоваться выговоренным в его пользу является ограничение должника и кредитора в правах на изменение или отмены договора без согласия указанного третьего лица. Данный подход практически без изменений воспроизводится современным ГК РФ (п. 2. ст. 430) с тем небольшим уточнением, что акцент законодателем сегодня сделан на временной фактор: стороны теряют право расторгать или изменять договор непосредственно с того момента, когда третье лицо выразило должнику намерение воспользоваться своим правом по договору. Данная норма в современном праве формулируется как диспозитивная, т.е. законом либо самим договором может быть предусмотрен отход от указанного порядка.

Ю.А. Тарасенко анализируя данное положение кодекса отмечает, что основной целью законодателя в данном случае являлось определение момента, с которого права третьего лица по договору становятся защищенными во времени: «Иными словами, заявляя о намерении воспользоваться своими правами, лицо в первую очередь создает себе гарантии сохранения прав» [8].

Интересно отметить, что в период между первой и третьей кодификацией российского современного права, т.е. в период действия ГК РСФСР 1964 года регламентация договора в пользу третьего лица (ст. 167) вообще не расценивала согласие третьего лица как правоустанавливающее обстоятельство для реализации указанного дого-

вора. Касательно шестого положения следует отметить, что тут принципиальными являются два момента. Первое: А.М. Нолькен обращает внимание на то, что договор может предусматривать зависимость приобретения третьим лицом прав в свою пользу от выполнения каких-либо обязанностей или условий (с чем указанное третье лицо должно быть согласено). Здесь представляется важным отметить наметившийся отход от понимания договора в пользу третьего лица в контексте римской традиции как сделки обязательно безвозмездной, «дарственной».

Седьмое положение наделяет третье лицо правом самостоятельно действовать в своем интересе и требовать приведения договора в исполнение независимо от воли и согласия промиссара. Представляется, что данный подход соответствовал вектору дальнейшего развития договора в пользу третьего лица как договора, в соответствии с которым должник должен произвести исполнение именно третьему лицу, а никак не кредитору, что и подчеркивается в п. 1. ст. 430 ГК РФ. В современной конструкции договора в пользу третьего лица кредитор «вытесняется» из правоотношения. Такое положение кредитора соответствует целевой направленности и правовым задачам конструкции договора в пользу третьего лица, однако следует отметить, что в редакции Кодекса РСФСР 1964 г. (ст. 167) правом требования по договору в пользу третьего лица были наделены как третье лицо так и непосредственно кредитор.

Необходимо также обратить внимание на седьмое положение в части предоставления третьему лицу права выразить согласие на принятие по договору предъявлением иска о приведении договора в исполнение. Доктрина того времени расценивала как преимущество для гражданского оборота то обстоятельство, что судебная практика не требовала особого волеизъявления со стороны третьего лица на вступление в договор, а признавала достаточным выражение согласия в виде предъявления иска к промитенту [3].

Восьмое положение содержит описание возможных действий должника и кредитора в вопросе лишения третьего лица прав, выговоренных договором. Если кратко, то суть подхода выражается в следующем: до момента выражения согласия третьего лица на принятие прав по договору стороны вольны изменить свою волю любым приемлемым для них способом частично или полностью, а с момента выражения третьим лицом согласия и должник и кредитор лишаются возможности лишить третье лицо своего права. Вышеназванный подход не претерпел существенного изменения во времени и в настоящее время договор в пользу третьего лица в части возможности лишения третьего лица своего права регулируется согласно именно этим принципам. Здесь, проявляется специфика договора в пользу третьего лица, поскольку классическая оферта носит безотзывный характер.

Последнее, девятое положение регламентирует судьбу договора в пользу третьего лица в случае, когда третье лицо отказывается от своих прав по

договору. А.М. Нолькен рассмотрел два варианта развития событий. В случае, когда третье лицо отказывается принимать обещанное по договору – все права сосредотачиваются у кредитора. В случае, когда третье лицо отказывается от права требовать от должника исполнения такое право восстанавливается для кредитора и договор в пользу третьего лица по сути «трансформируется» в обычный договор. Данный концепт в дальнейшем применялся при всех российских кодификациях.

Договор в пользу третьего лица как специальная договорная конструкция и средство права.

Договор в пользу третьего лица относится к институту специальных договорных конструкций. На сегодняшний момент частью первой ГК РФ именованы следующие специальные договорные конструкции: публичный договор (ст. 426), договор присоединения (ст. 428), предварительный договор (ст. 429), рамочный договор или договор с открытыми условиями (ст. 429.1), опционный договор (ст. 429.3), договор с исполнением по требованию (ст. 429.4) и договор в пользу третьего лица (ст. 430). В отечественной системе права специальные договорные конструкции занимают особое место. Не являясь видовыми договорами (которым посвящена часть вторая ГК РФ «Отдельные виды обязательств»), специальные договорные конструкции в отечественной доктрине рассматриваются как некие модели, опосредующие в своих периметрах самые различные виды обязательств. Как верно отмечает Р.Ф. Мустафин: «Особым индивидуализирующим свойством типовых договоров является отсутствие у них экономической цели, в связи с чем, они не могут быть классифицированы по признаку направленности» [5]. Стороны договорного обязательства используют специальные договорные конструкции в том случае, когда основное обязательство в силу закона или по воле сторон нуждается в дополнительном правовом регулировании. Это может быть, например, обязательность заключения посредством использования конструкции предварительного договора, обеспечение защиты слабой стороны посредством использования конструкции договора присоединения или предоставление прав дестинатарию договором в пользу третьего лица.

Специальные договорные конструкции возникли и возникают как результат развития общественных отношений, внедрения в хозяйственный оборот новых моделей правовых связей. Таким образом, значение специальных договорных конструкций в правовом и социально-экономическом аспекте заключается в том, что они являются юридическими приемами, приспособляющими право к изменениям общественных отношений. И это отчетливо иллюстрирует история развития института договора в пользу третьего лица, т.к. данная специальная договорная конструкция заняла свое место в праве и хозяйственном обороте именно как востребованная общественными отношениями правовая форма, ставшая необходимой участникам гражданского оборота в связи

с развитием страхования, банковского дела, отношений ренты, грузоперевозок и т.д. Вступая в договорные отношения стороны всегда стремятся найти и применить такую модель, которая обеспечивала бы наиболее выгодный и эффективный для них вариант взаимодействия. И договор в пользу третьего лица представляет собой выработанный практикой и востребованный гражданским оборотом инструмент правового регулирования специфических отношений между промитентом, промиссаром и дестинатарием. Приведем основания по которым в практике делового оборота возникла необходимость использовать такое правовое средство как договор в пользу третьего лица.

Во-первых использование конструкции договора в пользу третьего лица позволяет обеспечить «сокращение числа сделок, опосредующих отношения сторон договора и третьего лица, и, как следствие, сокращение издержек, что имеет большое значение для гражданского оборота» [2].

Во-вторых данная конструкция дает возможность должнику и кредитору создать необходимые им правоотношения покрытия и квазидоговорные отношения с третьим лицом без дополнительных формальностей в виде привлечения третьего лица к участию в договорных условиях в момент совершения сделки либо «обойти правила о присутствии третьего лица при заключении сделки» [1].

И в-третьих, что самое важное, конструкция договора в пользу третьего лица позволила повысить эффективность экономических отношений участников гражданского оборота, способствовала расширению возможностей по сотрудничеству и кооперации в сферах страхования, логистики и перевозок, кредитования, что сделало договор в пользу третьего лица социально-полезной и востребованной моделью правового регулирования общественных отношений.

Заключение.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что институт договора в пользу третьего лица на протяжении многих веков постоянно совершенствовался и развивался. В отечественном праве договор в пользу третьего лица сформировался как правовой институт во второй половине XIX века и в последующих кодификациях XX века сохранил свои основные индивидуализирующие характеристики. Договор в пользу третьего лица получил свое признание и востребованность в результате развития общественных отношений и усложнения гражданского оборота. Как специальная договорная конструкция договор в пользу третьих лиц является правовым средством, позволяющим реализовать с участием дестинатария практически любой гражданско-правовой договор нацеленный на передачу товаров, выполнение работ или оказание услуг.

Литература:

1. *Бибикова Е.В.* Договор в пользу третьего лица в российском и европейском частном праве: сравнительно-правовой обзор // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 12. С. 95–157. С. 12.
2. Договорное и обязательственное право (общая часть) постатейный комментарий к ст. 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко, О.А. Беляева и др.; Отв. ред. А.Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2017. Электронное издание. Редакция 1.0. 1120 с.
3. *Дубовицкий Ю.* Договоры в пользу третьих лиц // Юридический вестник Московского юридического общества. 1885. № 6–7. С. 303.
4. *Морандьер Л.Ж.* Гражданское право Франции / Л.Ж. Морандьер; Л. Жюллио де ла Морандьер; Перевод с французского и вступительная статья д-ра юрид. наук Е.А. Флейшиц. М. : Издательство иностранной литературы, 1960. Т. 2. 728 с; С. 364.
5. *Мустафин Р.Ф.* Правовое регулирование типовых договоров российским гражданским правом в контексте реформы частного права : дис. ... кандидата юрид. наук: 12.00.03. М., 2014. 182 с.
6. *Нолькен А.* Договоры в пользу третьих лиц. Опыт теоретического исследования по гражданскому праву. СПб., 1885. 148 с; С.141.
7. Пусть каждый приобретает для себя то, в чем именно он имеет интерес; мне дела нет до того, чтобы другому было дано / В.А. Краснокутский, И.Б. Новицкий, И.С. Перетерский и др.; Под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского.// Римское частное право : учебник. М. : Юристъ, 2004. 544 с.
8. *Тарасенко Ю.А.* Договор в пользу третьих лиц: особенности правового конструкции // Сделки: проблемы теории и практики. Сборник статей. Сер. «Анализ современного права» Исследовательский центр частного права. М., 2008. С. 298–309; С. 300.

Literature:

1. *Bibikova E.V.* Treaty in favor of a third person in Russian and European private law: comparative legal review // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2017. № 12. P. 95–157. P. 12.
2. Contractual and compulsory law (general part) article-by-article commentary on articles 307–453 of the Civil Code of the Russian Federation / V.V. Baybak, R.S. Bevzenko, O.A. Belyaev and others; editor-in-chief A.G. Karapetov. M. : M-Logos, 2017. Electronic edition. Revision 1.0. 1120 p.
3. *Dubovitsky Yu.* Contracts in favor of third parties // Legal Bulletin of the Moscow Law Society. 1885. № 6–7. P. 303.
4. *Morandiere L.J.* French Civil Law / L.J. Morandiere; L. Juliot de la Morandiere; Translation from French and introductory article by Doctor of Law E.A. Fleischitz. M. : Publishing House of Foreign Literature, 1960. Vol. 2. 728 p; P. 364.
5. *Mustafin Rafael Failevich.* Legal regulation of model treaties by Russian civil law in the context of private law reform: dissertation... Candidate of Law: 12.00.03. M., 2014. 182 p.
6. *Nolken A.* Contracts in favour of third parties. Experience of theoretical research in civil law. SPb., 1885. 148 p; P. 141.
7. Let everyone acquire for himself what exactly he has an interest in; I don't care if another is given // Roman private law : textbook / V.A. Krasnokutsky, I.B. Novitsky, I.S. Peretersky and others; ed. I.B. Novitsky, I.S. Peretersky. M. : Lawyer, 2004. 544 p.
8. *Tarassenko Yu.A.* Contract in favor of third parties: peculiarities of legal design // Transactions: problems of theory and practice. a collection of articles. It is gray. «Analysis of Modern Law» Private Law Research Center. M., 2008. P. 298–309; P. 300.

Михайлов Дмитрий Олегович
соискатель,
Российский государственный
университет правосудия
mikhailove2018@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Аннотация. Сравнительное правоведение углубляет общие знания о праве, расширяя кругозор и юриста-теоретика, и юриста-практика; оно позволяет юристу обойтись без бессмысленного заучивания норм иностранного права, необходимых ему в научной или практической деятельности, обращая его внимание не на содержание норм, а на те элементы правовой системы, которые неизменны на протяжении веков. В статье анализируются вопросы теории и практики освобождения от уголовной ответственности в связи с привлечением к ответственности административной по законодательству Республики Беларусь. Отмечается правовая природа данного института, определяется его значение с точки зрения возможностей использования для совершенствования российского уголовного закона.

Ключевые слова: уголовная ответственность, административная ответственность, освобождение от ответственности судебный штраф, сравнительное правоведение.

Сравнительное правоведение углубляет общие знания о праве, расширяя кругозор и юриста-теоретика, и юриста-практика; оно позволяет юристу обойтись без бессмысленного заучивания норм иностранного права, необходимых ему в научной или практической деятельности, обращая его внимание не на содержание норм, а на те элементы правовой системы, которые неизменны на протяжении веков [1, с. 15]. Без знания действительного и существенного, без сопоставления положений отдельных законов, без знания их применения к различным условиям жизни людей в зависимости от времени, климата и государственного устройства, юриста-исследователя априори постигнет неудача. Сложно не согласиться с такими точными словами.

В последнее время стало модно применять сравнительно-правовой метод просто через простую трактовку текста, в отрыве от существующей общественно-политической обстановки, что, однако, не позволяет получить достоверного научного знания. Нам представляется, что при изуче-

Dmitry O. Mikhailov
Applicant,
Russian State University of Justice
mikhailove2018@mail.ru

SOME ISSUES OF EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY UNDER THE LEGISLATION THE REPUBLIC OF BELARUS

Annotation. Comparative jurisprudence deepens general knowledge of the law, expanding the horizons of both theoretical lawyer and lawyer-practice; it allows a lawyer to dispense with the senseless memorization of the norms of foreign law he needs in scientific or practical activities, drawing his attention not to the content of the rules, but to those elements of the legal system that have been unchanged for centuries. The article analyzes the issues of theory and practice of exemption from criminal liability in connection with bringing to administrative responsibility under the legislation of the Republic of Belarus. The legal nature of this institution is noted, its importance is determined in terms of the possibilities of using it to improve the Russian criminal law.

Keywords: criminal liability, administrative liability, exemption from liability judicial fine, comparative law.

нии нового правового явления, к которому, безусловно, следует отнести норму о судебном штрафе, обращение к опыту иностранных государств приобретает еще большую актуальность, но, как совершенно верно предостерегает Арямов А.А.: «...ни в коем случае [при изучении иностранного опыта – курсив мой Д.О.] не должно иметь место элементарное заимствование. Прежде всего осмысление и анализ, и лишь во вторую очередь осторожная рецепция» [2].

Подавляющее большинство исследователей [3; 4; 5], занимающихся проблематикой института освобождения от уголовной ответственности и судебного штрафа, обращаются к опыту Республики Беларусь. Согласно положениям Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК РБ) [6], вопросы освобождения от уголовной ответственности помещены в главу 12 и объединены с институтом освобождения от наказания.

Как и УК РФ, так и УК РБ содержит общие и специальные основания освобождения от уголовной

ответственности, где к первой группе относят основания, описанные в главе 12 УК РБ, ко второй же – основания, содержащиеся в примечаниях к отдельным статьям Особенной части УК РБ (к примеру, ст. 1931 – Незаконные организация деятельности общественного объединения, религиозной организации или фонда либо участие в их деятельности, – где законодателем предусмотрено освобождение лица от уголовной ответственности в случае, если оно добровольно прекратит действия, предусмотренные данной статьей, а также заявит об этом государству).

Основания освобождения от уголовной ответственности, описанные в главе 12 УК РБ, также можно подразделить на условные (дискреционные) и безусловные (императивные) основания освобождения. К первым относятся:

– освобождение от уголовной ответственности в связи с привлечением лица к административной ответственности;

– освобождение от уголовной ответственности в силу утраты деянием или лицом общественной опасности;

– освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием;

– освобождение от уголовной ответственности в связи с добровольными возмещением причиненного ущерба (вреда), уплатой дохода, полученного преступным путем;

– освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим.

К безусловным основаниям относятся: освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности; освобождение от уголовной ответственности в связи с актом амнистии.

Уголовно-правовой смысл ряда указанных оснований освобождения от уголовной ответственности, а равно порядок их применениями разобран в рамках постановления Пленума Верховного суда Республики Беларусь от 29 марта 2012 года № 1 [7] (далее – ПП ВС РБ).

Не преследуя цели проведения разбора всех оснований освобождения от уголовной ответственности по действующему уголовному законодательству Республики Беларусь, мы остановимся на положениях статьи 86, посвященной вопросу освобождения от уголовной ответственности с привлечением лица к административной ответственности.

При этом позволим себе заметить, что с позиций юридической техники нормы УК РБ в части регламентации порядка использования механизма освобождения от уголовной ответственности прописаны четче, нежели чем в УК РФ, исключая двойное толкование. К примеру, в ст. 82 УК РБ законодатель поступил мудро, описав общие положения об освобождении от уголовной ответственности. Так, он прямо указал, что в случае освобождения от уголовной ответственности в случае

уплаты уголовно-правовой компенсации, лицо не освобождается от обязанности возместить причиненный преступлением ущерб (вред) и (или) уплатить доход, полученный преступным путем (ч. 1); в части 2 предусмотрел, как нам представляется, совершенно верно условие, что в случае отклонения ходатайства об освобождении лица от уголовной ответственности, внесенные им ранее денежные средства, передаются этому же лицу, которое внесло данные денежные средства.

Также, определенный интерес вызывает подход белорусского законодателя в части описания условий применения того или иного основания освобождения от уголовной ответственности. Так, помимо классической конструкции «лицо, совершившее впервые...», применительно к ст. 89 УК РБ возможно увидеть дифференциацию: конструкция «впервые совершившее...» применяется только в случаях совершения менее тяжких преступлений, тогда как совершение преступлений, не представляющих большой общественной опасности, не содержит уже указание на совершение его впервые. Еще дальше идет Верховный суд РБ, указывая в приведенном выше постановлении Пленума на возможность применения основания освобождения от уголовной ответственности по ст. 89 УК РБ и в случае, когда лицо ранее освобождалось от уголовной ответственности (п. 7), суду предоставляется право самостоятельного выбора основания освобождения от уголовной ответственности (п. 12). В ст. 881 УК РБ возможность применения уголовно-правовой компенсации ограничена случаями, когда преступление не было сопряжено с посягательством на жизнь или здоровье человека. Нам представляется, что отечественному законодателю и судебным инстанциям следует обратить внимание на указанную практику в части регламентации выплаты судебного штрафа.

Статья 86 УК РБ является уже известным национальному законодательству Республики основанием для освобождения от уголовной ответственности, введенным в структуру УК БССР [8] еще после серии Указов Президиума Верховного Совета от 08.02.1977 г.

К условиям применения данного основания освобождения от уголовной ответственности, описанного в ст. 86 УК РБ, относится:

– совершение впервые преступления, не представляющего большой общественной опасности, или менее тяжкого преступления;

– возмещение ущерба;

– либо уплата дохода, полученного преступным путем;

– либо иным образом заглаживание вреда.

Также, принято выделять следующее условие – достижение лицом возраста 16 лет, – что продиктовано требованиями Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях [9]

(далее – КоАП РБ), где, согласно ст. 4.3, административная ответственность наступает по достижении 16 лет, с соответствующими изъятиями (ч. 2 ст. 4.3; ст. 4.6.).

Рассмотрим указанные условия подробнее.

Согласно ст. 12 УК РБ, в действующем законодательстве выделяется 4 группы преступлений: преступления, не представляющие большой общественной опасности (I), менее тяжкие (II), тяжкие (III) и особо тяжкие (IV). Как и в УК РФ, основанием категоризации преступлений в УК РБ является форма вины и возможное наказание в виде лишения свободы. Следовательно, применение механизма ст. 86 возможно только для первых двух категорий. Понимание впервые совершенного преступления дается в ПП ВС РБ (п. 9), куда предлагается отнести лицо, которое совершило преступное деяние в первый раз, или лицо, освобожденное от уголовной ответственности за ранее совершенное преступление, или по совершенному преступлению истекли сроки давности привлечения к уголовной ответственности, или же судимость была снята или погашена в установленном законом порядке.

Вместе с тем, ч. 3 ст. 86 содержит ограничение по применению данного механизма освобождения от уголовной ответственности – совершенное преступление содержит указание на административную преюдицию. Данное ограничение критикуется представителями национальной доктрины с позиции справедливости действия уголовного закона. Так, Васильевич С.Г. отмечает, что ч. 3 ст. 86 УК РБ приводит к парадоксальной ситуации, когда лицо совершает преступление, не представляющее большой общественной опасности, но ранее привлекалось к административной ответственности, а другое – более тяжкое, т.е. имеющее более негативные последствия для общества [10, с. 61], т.е., в первом случае ст. 86 не применима, а во втором вполне допустима. Вместе с тем, как нам представляется, определенная логика в указанном запрете все же есть: в случае, если к лицу ранее была применена мера административного взыскания, которая, если следовать смыслу ч. 8 ст. 4.2. КоАП РБ, преследует цель воспитания, не была воспринята надлежащим образом лицом, т.е., не состоялось его перевоспитание, то освобождение уже от уголовной ответственности именно по основанию ст. 86 УК РБ, по нашему мнению, будет являться необоснованным расширительным толкованием принципа справедливости, описанного в ст. 3 УК РБ, а равно приведет к нарушению баланса между частными и общественными интересами [11, с. 128–131]. Освобождение от уголовной ответственности с привлечением лица к административной ответственности свидетельствует о стремлении государства минимизировать случаи применения мер уголовной репрессии в отношении лица, предоставляя ему последний шанс избежать неблагоприятных последствий в виде судимости и стигматизации в глазах общества.

Следует здесь также обратить внимание на конкуренцию оснований освобождения от уголовной

ответственности при прочих равных условиях, что предполагает разный объем действий, образующих позитивное постпреступное поведение лица, и различие в процедуре освобождения от уголовной ответственности.

Рассмотрим пример. Лицо привлекается к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренное ст. 244 УК РБ «Нарушение антимонопольного законодательства». Преступление относится к категории преступления, не представляющего большой общественной опасности, но содержит указание на административную преюдицию. Следовательно, применение ст. 86 УК РБ невозможно. Применение статьи 881 УК РБ также представляется невозможным, но уже именно по основанию отсутствия ущерба в виде материального последствия в диспозиции статьи. Хотя позиция и может выглядеть спорной, так как далее в диспозиции статьи имеется конструкция «существенный вред государственным или общественным интересам» к которой, как нам кажется, применимо последствие в виде «исполнения иных условий освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных законодательным актом». К такому акту относится Указ Президента РБ от 03.12.1994 года № 250 «Об утверждении Положения о порядке осуществления в Республике Беларусь помилования осужденных, освобождения от уголовной ответственности лиц, способствовавших раскрытию и устранению последствий преступлений». Но изучение его свидетельствует именно о материальной составляющей возмещения: денежное или же натуральное возмещение ущерба, упущенной выгоды, орудия и средства совершения преступления, имущество, приобретенное преступным путем и т.п. [12, с. 106–113].

Как нам представляется, единственным способом освобождения от уголовной ответственности в этом случае будет применение ст. 88 УК РБ, предусматривающей уплату уголовно-правовой компенсации, определяемой как «форма заглаживания вины перед обществом» (ч. 16 ст. 4 УК РБ). Указанный механизм, как нам видится, наиболее близко стоит по своему духу к норме, описанной в ст. 762 УК РФ.

Второе важное комплексное условие применения механизма ст. 86 УК РБ – возмещение ущерба; уплата дохода, полученного преступным путем; иное заглаживание нанесенного преступлением вреда – подробно разъяснено в ПП ВС РБ (п.п. 10–12). Так, возмещение ущерба возможно осуществить любыми законными действиями, куда предлагается относить, как классические случаи денежного возмещения, так и возврат похищенного имущества, передачу равнозначной вещи и т.п. Иное заглаживание нанесенного преступлением вреда предлагается рассматривать максимально широко, куда относится, к примеру, оплата санаторно-курортного лечения потерпевшего, компенсация упущенной выгоды. В комментарии к УК РБ [13, с. 209] отмечается, что характер возмещения – добровольный или по предложению правоохранительных органов – не влияет на возможность применения указанного основания освобождения от уголовной ответственности.

Данная доктринальная позиция нашла отражение в ПП ВС РБ (абз. 2 п. 10). Но еще более интересным в контексте нашего исследования является п. 11 описанного выше Постановления Пленума, которое, как нам представляется, является продолжением курса на гуманизацию уголовного законодательства Республики Беларусь. Формулируется два правила:

1. «Правило отсутствия ущерба», т.е., в ситуации, когда вследствие совершения преступления отсутствует ущерб (случай неоконченного преступления), а также ситуация, когда возмещение ущерба произошло из имущества, изъятого или возвращенного потерпевшей стороне сотрудниками правоохранительных органов. Обе ситуации не являются обстоятельствами, исключающими возможность применения механизма освобождения от уголовной ответственности;

2. «Правило отказа потерпевшего», т.е., ситуация, когда потерпевшая сторона отказалась от предъявления требования по возмещению ущерба, предоставляется дискреционное полномочие правоохранительному органу решать вопрос об освобождении от уголовной ответственности с применением иных механизмов, описанных в УК РБ.

Суд или прокурор (ст. 30 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь [14]), придя к решению, что имеются основания по применению механизма освобождения от уголовной ответственности, описанного в ст. 86 УК РБ, могут применить одну из 4 мер административного взыскания:

– штраф в пределах от 5 до 30 базовых величин (по состоянию на апрель 2019 года, одна базовая величина для целей административного законодательства составляет 25,50 рублей [15]);

– исправительные работы на срок от 1 до 2 месяцев с удержанием 20% из заработка;

– административный арест на срок до 15 суток;

– лишение специального права на срок от 3 месяцев до 3 лет.

Важно отметить, что после принятия соответствующего решения, вопрос, связанный с исполнением меры административного взыскания, разрешается уже в рамках Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях [16], т.е., в отличие от нормы ст. 762 УК РФ, последствия неисполнения, в том числе, и по уплате штрафа, уже регулируются иной отраслью права, механизм уголовного права и уголовно-процессуального права уже не применим. К примеру, если лицо в течение 15 суток не выплачивает наложенный штраф, то в отношении него можно применить принудительный порядок взыскания (ст. 15.4 ПИКАП РБ).

Касаемо административного ареста (глава 18 ПИКАП РБ), возможно применение только мер дисциплинарного характера к арестованным, не

выполняющим установленных администрацией требований. К ним относятся:

– выговор, внеочередное дежурство по уборке помещений и территории места отбывания административного ареста;

– водворение в карцер или одиночную камеру на гауптвахте на срок до 5 суток (ст. 18.10 ПИКАП РБ).

В случае же, если лицо уклоняется от отбывания исправительных работ (ст. 21.4 ПИКАП РБ), то на основании постановления суда неотбытый срок исправительных работ может быть заменен на следующие административные взыскания:

– штраф, из расчета 0,3 базовой величины за один день исправительных работ;

– административный арест, из расчета 1 день административного ареста за 3 дня исправительных работ, но не более чем на 15 суток.

Последняя мера административного воздействия – лишение специального права – может касаться запрета управления транспортным средством, судами, включая маломерные, а также лишение права охоты (ст. 17.1 ПИКАП РБ).

Завершая рассмотрение опыта Республики Беларусь в области т.н. «альтернативных» путей разрешения уголовно-правового конфликта, как нам кажется, следует обратить внимание еще на одну проблему. В отличие от Российской Федерации, в Республике Беларусь, меры, понимаемые в законодательстве РФ как «иные меры уголовно-правового характера», имеют строго определенную правовую природу: так, конфискация рассматривается как вид наказания (ст. 61 УК РБ), принудительные меры медицинского характера – как самостоятельный институт уголовного права (раздел IV УК РБ), преследующий цели как лечения лиц, диагностированных ментальными отклонениями, так и помещение их в безопасную среду для предупреждения нанесения травм и вреда самим себе, своим родным и близким, а равно и оградить общества от возможных неблагоприятных проявлений с их стороны в целом. При этом в структуре УК РБ наличествует глава 11 – Иные меры уголовной ответственности – куда законодатель отнес комплекс мер, который может быть определен как меры дополнительного общественно-превентивного характера. В частности, статья 80 и 81, устанавливающая профилактический и превентивный надзор за осужденными.

Вместе с тем, несмотря на кажущееся благоприятное впечатление от имеющихся механизмов в области освобождения от уголовной ответственности и предупреждения совершения новых преступлений, все же, стоит отметить применительно к статье 86 УК РБ основной контраргумент, сформулированный в конце советской эпохи развития нашего государства и выраженной в позиции Комитета Конституционного Надзора СССР, Заключение от 13.09.1990 № 2-8, где прямо отмечалось, что механизм применения мер административной ответственности за дея-

ние, хотя и не представляющее большой общественной опасности, но описанное в уголовном законодательстве и презюмируемое как преступление, является нарушением презумпции невиновности и положений Конституции СССР (ст. 160) [17].

Резюмируя, можем отметить, что национальное уголовное законодательство РБ в области освобождения от уголовной ответственности, сохранило отдельные черты уголовного законодательства времен вхождения республики в состав СССР, обладает выверенной и понятной структурой как применения, так и описания в тексте УК РБ, в сравнении с уголовным законодатель-

Литература:

1. *Есаков Г.А.* Основы сравнительного уголовного права. М., 2007.
2. *Арямов А.А.* Альтернативные формы решения уголовно правового конфликта / А.А. Арямов, М.А. Кольванцева. М., 2017.
3. *Полуэктов А.Г.* Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: теоретический и прикладной аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.
4. *Хлебницына Е.А.* Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019.
5. *Молчанов Д.М.* Судебный штраф в УК РФ и уголовно-правовая компенсация в УК Республики Беларусь: сравнительный анализ / Д.М. Молчанов, А.С. Куликов // Актуальные проблемы российского права. 2017 № 12. С. 125–134.
6. Уголовный кодекс Республики Беларусь, введенный в действие Законом Республики Беларусь от 09.07.1999 № 275-З. URL : <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275>
7. Постановление Пленума Верховного суда Республики Беларусь от 29 марта 2012 года № 1 «О практике применения судами статей 86, 88, 89 Уголовного кодекса Республики Беларусь, предусматривающих возможность освобождения лица от уголовной ответственности». URL : http://court.gov.by/ru/jurisprudence/post_plen/criminal/toco/cae9d2aedc1bdaa2.html
8. Указ Президиума ВС БССР от 29.03.1977 № 1129-IX «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Республики Беларусь» и Указ Президиума ВС БССР от 29.03.1977 № 1130-IX «О внесении дополнений и изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь». URL : <http://pravo.levonevsky.org/by.htm>
9. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях, введен в действие Законом Республики Беларусь 21.04.2003 г. № 194-З. URL : <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=>

ством РФ, направлено на существенное расширение роли общества в предупреждении избыточного применения мер уголовной репрессии, предполагает наличие дополнительных механизмов по предупреждению направления лица в подразделения пенитенциарной система (к примеру, постановление приговора без назначения наказания), обеспечен дифференцированный подход к применению механизмов освобождения от уголовной ответственности. Вместе с тем, стоит обратить внимание, что законодатель Республики продолжает поиск иных мер и механизмов альтернативного разрешения уголовно-правового конфликта и, как следствие, новых механизмов освобождения от уголовной ответственности.

Literature:

1. *Esakov G.A.* Fundamentals of comparative criminal law. M., 2007.
2. *Aryamov A.A.* Kolyvantseva MA, Alternative forms of resolving a criminal law conflict. M., 2017.
3. *Poluektov A.G.* Exemption from criminal liability with the imposition of a fine: theoretical and applied aspects : dis ... cand. legal sciences. M., 2018.
4. *Khlebnitsyna E.A.* Exemption from criminal liability with the imposition of a fine : dis ... cand. legal sciences. M., 2019.
5. *Molchanov D.M.* Judicial fines in the Criminal Code of the Russian Federation and criminal law compensation in the Criminal Code of the Republic of Belarus: a comparative analysis / D.M. Molchanov, A.S. Kulikov // Actual problems of Russian law. 2017. № 12. P. 125–134.
6. The Criminal Code of the Republic of Belarus, enforced by the Law of the Republic of Belarus dated 09.07.1999 № 275-Z. URL : <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275>
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Republic of Belarus of March 29, 2012 № 1 «On the practice of the application by the courts of articles 86, 88, 89 of the Criminal Code of the Republic of Belarus providing for the possibility of exemption from criminal liability». URL : http://court.gov.by/ru/jurisprudence/post_plen/criminal/toco/cae9d2aedc1bdaa2.html
8. Decree of the Presidium of the Supreme Council of the BSSR dated March 29, 1977 № 1129-IX «On Amendments and Additions to the Criminal Code of the Republic of Belarus» and Decree of the Presidium of the Supreme Council of the BSSR dated March 29, 1977 № 1130-IX «On Amendments and Changes to the Criminal Procedure Code Republic of Belarus». URL : <http://pravo.levonevsky.org/by.htm>
9. The Code of the Republic of Belarus on administrative offenses, enforced by the Law of the Republic of Belarus on April 21, 2003 № 194-Z. URL : <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk0300>

10. *Василевич С.Г.* Баланс уголовного и административного законодательства – важный показатель качества нормотворчества / С.Г. Василевич; Под ред. М.В. Андрияшко // Уголовная политика Республики Беларусь: состояние пути совершенствования. Сборник материалов II Международной научно-практической конференции (Барановичи, 12–13 мая 2016 года) Барановичи, 2016.

11. *Хатеневич Т.Г.* Развитие института освобождения от уголовной ответственности: вопросы управления рисками и возможностями / Т.Г. Хатеневич; Ред. коллегия: А.А. Данилевич (отв. ред.), О.В. Петрова, В.И. Самарин // Уголовная юстиция в свете интеграции правовых систем и интернационализации криминальных угроз. Сборник научных трудов, приуроченных к 90-летию д.ю.н., проф. И.И. Мартинович. Мн., 2017.

12. Альтернативное разрешение споров в уголовном процессе : учебно-метод. пособ. / Под ред. У. Хелльманна, С.А. Балашенко, Л.Л. Зайцевой. Мн., 2015.

13. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Под общ. ред. А.В. Баркова, В.М. Хомича. Мн., 2007. С. 209.

14. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь, введён в действие Законом Республики Беларусь от 16.07.1999 года № 295-3. URL : <http://etalonline.by/document/?regnum=HK9900295>

15. Постановление Совета Министров РБ от 27.12.2018 № 956. URL : <http://www.government.by/ru/solutions/3438>

16. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях, введен в действие Законом Республики Беларусь от 20.12.2006 № 194-3. URL : <http://etalonline.by/document/?regnum=Hk0600194>

17. Заключение Комитета Конституционного надзора от 13 сентября 1990 г. № 2–8 «О несоответствии норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства, определяющих основания и порядок освобождения от уголовной ответственности с применением мер административного взыскания или общественного воздействия, Конституции СССР и международным актам о правах человека» // Вестник Верховного суда СССР. 1991. № 1.

10. *Vasilevich S.G.* Balance of criminal and administrative legislation – an important indicator of the quality of rulemaking / S.G. Vasilevich; under ed. M.V. Andriyashko // Criminal policy of the Republic of Belarus: state of improvement. Compendium of material from the II International Scientific and Practical Conference (Baranovichi, May 12–13, 2016). Baranovichi, 2016.

11. *Khatenevich T.G.* Development of the institute of exemption from criminal liability: issues of risk and opportunity management / T.G. Khatenevich; ed. Collegium: A.A. Danilevich (ed.), O.V. Petrova, V.I. Samarin // Criminal justice in the light of the integration of legal systems and the internationalization of criminal threats: a collection of scientific works dedicated to the 90th anniversary of Doctor of Law, prof. I.I. Martinovich. Mn., 2017.

12. Alternative dispute resolution in criminal proceedings: teaching aid / ed. W. Hellmann, S.A. Balashenko, L.L. Zaitseva. Mn., 2015.

13. Scientific and practical commentary on the Criminal Code of the Republic of Belarus / under general. Ed. A.V. Barkova, V.M. Khomich. Mn., 2007. P. 209.

14. The Code of Criminal Procedure of the Republic of Belarus, enforced by the Law of the Republic of Belarus dated July 16, 1999 № 295-3. URL : <http://etalonline.by/document/?regnum=HK9900295>

15. Decree of the Council of Ministers of the Republic of Belarus dated December 27, 2018 № 956. URL : <http://www.government.by/ru/solutions/3438>

16. The procedural and executive code of the Republic of Belarus on administrative offenses, enforced by the Law of the Republic of Belarus dated 20.12.2006 № 194-3. URL : <http://etalonline.by/document/?regnum=Hk0600194>

17. Conclusion of the Constitutional Oversight Committee of September 13, 1990 № 2–8 «On the inconsistency of the norms of criminal and criminal procedural legislation that determine the grounds and procedure for exemption from criminal liability with the use of administrative penalties or public influence, the Constitution of the USSR and international acts on human rights» // Bulletin of the Supreme Court of the USSR. 1991. № 1.

Науменко Оксана Александровна
кандидат юридических наук,
доцент кафедры криминалистики,
Краснодарский университет МВД России,
полковник полиции
kseny1010@mail.ru

СПОСОБЫ СОВЕРШЕНИЯ «СПОРТИВНОГО» ХУЛИГАНСТВА И ВАНДАЛИЗМА В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В ПЕРИОД ПРОВЕДЕНИЯ МАССОВЫХ СПОРТИВНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Аннотация. Проведению крупных международных и массовых спортивных мероприятий сегодня уделяется в стране большое внимание. Ежегодно в Российской Федерации проходит более 15 крупных международных спортивных мероприятий, за исключением 2020 года, когда в условиях пандемии вынужденно были приостановлены все спортивные мероприятия.

В статье раскрываются способы совершения «спортивного» хулиганства и вандализма, как значимого элемента криминалистической характеристики преступлений. Автор разделил рассматриваемые преступления на две категории организационные и спонтанные, исходя из чего исследовал способы совершения преступлений, отметив их различные виды.

Ключевые слова: хулиганство, вандализм, расследование, спортивное мероприятие, следователь.

Проведению крупных международных и массовых спортивных мероприятий сегодня уделяется в стране большое внимание. Ежегодно в Российской Федерации проходит более 15 крупных международных спортивных мероприятий, за исключением 2020 года, когда в условиях пандемии вынужденно были приостановлены все спортивные мероприятия.

Одной из главных задач, стоящих перед правоохранительными органами во время их проведения остается обеспечение безопасности, недопущение массовых беспорядков, противоправных деяний. Чаще всего, в период проведения массовых спортивных мероприятий совершаются преступления против общественной безопасности, а именно хулиганство и вандализм, которые характеризуются тем, что связаны не со всеми видами спорта, а чаще всего с футболом и хоккеем. По сведениям сайта Судебной статистики РФ, в 2018 году осуждено по ст. 213 ч. 1530 человек, по ч. 2 –

Oksana A. Naumenko
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of Forensic Science,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Police Colonel
kseny1010@mail.ru

METHODS OF COMMITTING «SPORTS» HOOLIGANISM AND VANDALISM IN THE FORENSIC ANALYSIS OF CRIMES COMMITTED DURING MASS SPORTS EVENTS

Annotation. Major international and mass sporting events are now receiving a lot of attention in the country. More than 15 major international sporting events are held in the Russian Federation every year, with the exception of 2020, when all sporting events were forced to be suspended in the context of the pandemic. The article reveals the ways of committing «sports» hooliganism and vandalism, as an important element of the criminalistic characteristics of crimes. The author divided the crimes under consideration into two organizational and spontaneous categories, on the basis of which he investigated methods of committing crimes, noting their various types.

Keywords: hooliganism, vandalism, investigation, sports event, investigator.

147 человек, по ч. 3-2. По ст. 214 ч.1 осуждено 154 лица, по части 2 – 36 лиц. В 2017 году осуждено по ст. 213 части 1 – 563 лица, части 2 – 156. По ст. 214 части 1 – 156 лиц, по части 2 – 41 лицо [5]. Таким образом, уголовные дела по фактам хулиганства и вандализма чаще всего направляются в суд как совершенные не в группе. Полагаем, что такое обстоятельство связано не с реальной картиной преступления, а с существованием проблем в расследовании, со сложностями в доказывании умысла и факта совершения преступления по предварительному сговору. Для разрешения проблем в расследовании необходимо изучить способ совершения «спортивного» хулиганства и вандализма, который является одним из ключевых элементов криминалистической характеристики преступления.

Рассматривая «спортивное» хулиганство и вандализм, отметим, что мы согласны с мнениями

И.В. Понкина, А.А. Соловьёва, А.И. Понкиной, которые разделили «спортивное» хулиганство на две категории: организованное и спонтанное [3, с. 135]. Так, организованное «спортивное» хулиганство подразумевает наличие в составе группы большого количества участников (иногда их количество превышает сотню), обычно это болельщики какого-то клуба, которые объединяются в определенное время, обусловленное проведением спортивного матча или мероприятия, для совершения конкретных хулиганских действий. Спонтанное же «спортивное» хулиганство отличается и по составу и количеству участников преступления, и даже по причиненному ущербу, который обычно не настолько значителен, как при организованном хулиганстве.

«Спортивное» хулиганство и вандализм по способу совершения можно разделить на следующие группы:

1) совершаемые во время спортивного мероприятия, направленное как акт агрессии против игроков или судей, характеризуется внезапностью, быстротой, чаще всего совершается в одиночку;

2) совершение преступления группой болельщиков против другой группы болельщиков непосредственно на месте проведения спортивного мероприятия или после него или во время проведения, иногда преступные действия направлены против полиции;

3) совершение преступлений после проведения спортивного мероприятия или до него, связанные с повреждением транспорта, общественных мест, совершение «погромов» магазинов и иных общественных мест, которые могут располагаться по пути группы преступников, являющихся болельщиками определенной спортивной команды.

Полагаем, что в способе совершения «спортивного» хулиганства необходимо выделить действия по нарушению порядка, характерные именно для такой категории преступлений:

– пение или выкрикивание издевательских или оскорбительных высказываний;

– демонстрация присутствующим на спортивном мероприятии непристойных жестов;

– бросание предметов, таких, как продукты питания, напитки, кирпичи, сломанные зрительские сиденья;

– попытки причинения вреда чужому имуществу (чаще всего, имуществу спортивного объекта, транспорта);

– применение холодного или огнестрельного оружия [2, с. 207].

«Спортивному» вандализму присущи следующие особенности в способах его совершения:

– посягательства не только на общественный порядок, но и на собственность (общественный транспорт, здания, сооружения общественных

мест);

– совершаются они, чаще всего, в составе группы лиц;

– в случаях обезображивания зданий, сооружений преступники используют баллончики с краской и изображают символику спортивных команд или клубов;

– порча имущества на общественном транспорте, стадионах, совершается колюще-режущими предметами, камнями, палками.

Следует согласиться с С.В. Мосиной, которая отмечает, что главной задачей фанатов становится не поддержка спортсменов, а драка или хулиганские действия с болельщиками футбольных клубов, являющимися принципиальными противниками [1, с. 50].

Как правило, в качестве подготовительных действий к совершению хулиганства можно отнести следующее:

– использование сети Интернет как средства связи, для определения места встречи и обстоятельств совершения хулиганства в группе;

– подыскивание предметов, используемых в качестве оружия для совершения хулиганства (чаще всего петарды, палки от транспарантов, обломки стульев, реж – оружие, взрывчатые вещества);

– использование предметов, в качестве защиты своего тела от ударов (например, эластичные бинты на руках, капы в рот и др.).

Например: «гр. А. с иными лицами в количестве не менее 100 человек договорились о встрече в кафе «Смол Паб», за несколько часов до начала футбольного матча ФК «Спартак» (Москва) и ФК «ЦСКА» (Москва), в их руках были стеклянные бутылки с пивом, которые в случае необходимости предполагалось использовать в качестве оружия, многие перетянули руки эластичными бинтами и одели капы для совершения хулиганских действий» [4].

Кроме того, в качестве подготовительных действий необходимо выделить и физическую подготовку преступников, специальное обучение к встрече с фанатами других клубов. Исследуя способ совершения преступления, необходимо учесть все обстоятельства, такие как мотив самоутверждения, противопоставления себя общепринятым правилам поведения, обществу и будет в основе хулиганства, а если будет установлена все же личная неприязнь, то состава хулиганства не будет. Для хулиганства и вандализма, совершаемых в период проведения спортивных мероприятий, не характерно укрытие следов совершенного преступления; преступники зачастую просто убегают после совершения преступления.

Подводя итог исследованию вопроса о способах совершения «спортивного» хулиганства, отметим, что такие преступления могут быть спонтанными и организованными, часто совершаются в

группе. «Спортивный» вандализм на спортивных объектах и транспорте совершается без особой подготовки, либо в ходе совершения драк, нападений. Сокрытие рассматриваемых преступлений встречается крайне редко в силу мотива самого

хулиганства и вандализма; преступники ограничиваются покиданием места преступления, выбрасывают предметы, использованные в качестве оружия, не принимая мер к их сокрытию или уничтожению.

Литература:

1. *Мосина С.В.* Уголовно-правовые меры противодействия преступлениям, совершаемым участниками спортивных соревнований : монография. Екатеринбург : УрЮИ МВД России, 2017. 80 с; С. 50–51.
2. *Пальцев А.И.* Радикальный фанатизм как угроза безопасности футбольным соревнованиям: опыт противодействия и способы локализации (в контексте предстоящего ЧМ – 2018) / А.И. Пальцев, С.М. Баскаков, С.А. Иванов, С.А. Чалых // Нац. интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т. 13. № 8(353). С. 1562–1574. URL : <http://elibrary.ru>
3. *Понкин И.В.* Правовое обеспечение противодействия противоправному поведению спортивных болельщиков / И.В. Понкин, А.А. Соловьёв, А.И. Понкина; Под ред. И.В. Понкина. Комиссия по спортивному праву Ассоциации юристов России; Национ. объединение спорт. юристов РФ; кафедра спорт. права МГЮУ им. О.Е. Кутафина (МГЮА). М., 2014. 207 с.
4. Приговор судьи Хамовнического районного суда гор. Москвы дело № 1-31/204. URL : <https://www.mos-gorsud.ru/rs/hamovnicheskij/services/cases/criminal> (дата обращения 22.01.2020).
5. Уголовное судопроизводство Данные о назначенном наказании по статьям УК. URL : <http://stat.ани-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17>. (дата обращения 12.01.2020).

Literature:

1. *Mosina S.V.* Criminal-legal measures of counteraction to crimes committed by participants of sports competitions : monograph. Yekaterinburg : Ural law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia, 2017. 80 p; P. 50–51.
2. *Palcev A.I.* Radical fanaticism as a threat to the safety of football competitions: countermeasures and methods of localization (in the context of the upcoming World Cup 2018) / A.I. Palcev, S.M. Baskakov, S.A. Ivanov, S.A. Chalykh // National interests: priorities and security. 2017. Vol. 13. № 8(353). P. 1562–1574. URL : <http://elibrary.ru>
3. *Ponkin I.V.* Legal support for counteracting the unlawful behavior of sports fans / I.V. Ponkin, A.A. Solovyov, A.I. Ponkina; Ed. I.V. Ponkina. Sports Law Commission of the Russian Bar Association; National Association of Sports Lawyers of the Russian Federation; Department of Sports Law of Moscow State Law University named after O.E. Kutafina (Moscow State Law Academy). M., 2014. 207 p.
4. The verdict of the judge of the Khamovnichesky district court of the mountains. Moscow case № 1-31/2014. URL : <https://www.mos-gorsud.ru/rs/hamovnicheskij/services/cases/criminal> (date of application 01/22/2020).
5. Criminal procedure Data on the appointed punishment under the articles of the Criminal Code. URL : <http://stat.ани-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17>. (date of application 12.01.2020g).

Помазанский Андрей Евгеньевич

кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник
отдела конституционного права,
Институт законодательства
и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации
const@izak.ru

Шманцарь Юлия Александровна

аспирантка
отдела конституционного права,
Институт законодательства
и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации
6414627s@gmail.com

Гасанова Розалия Багдиевна

магистрант кафедры криминалистики
юридического факультета,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
gasanova.r@inbox.ru

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ
И КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ
АСПЕКТЫ ПРЕДВЫБОРНОЙ АГИТАЦИИ
ПОСРЕДСТВОМ ЭЛЕКТРОННЫХ
СООБЩЕНИЙ И ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ**

Аннотация. Цель. Обратить внимание на проблемы, связанные с популяризацией электронных методов агитации, рассмотреть эти методы с точки зрения криминалистики и рассмотреть проблему отсутствия их четкой законодательной регламентации.

Методы. В работе были использованы как общенаучные методы, такие как анализ, синтез, индукция и дедукция, так и собственно юридические методы – метод сравнительного правоведения, юрико-догматический.

Результаты. Авторы предлагают дополнить Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» статьей, регламентирующей порядок агитации в интернет-среде.

Выводы. В ходе исследования авторы пришли к выводу об отсутствии законодательной регламентации Интернет-сайтов как платформ для агитации и электронных сообщений, как средств агитации.

Ключевые слова: выборы; избирательные; права; электронная; предвыборная; агитация; Интернет-ресурсы; электронные сообщения; конституционное право; криминалистика; форензика.

Andrey E. Pomazanskiy

Candidate of Legal Sciences,
Senior Researcher
Constitutional Law Department,
Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government
of the Russian Federation
const@izak.ru

Ulia A. Shmantsar

Graduate student
Constitutional Law Department,
Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government
of the Russian Federation
6414627s@gmail.com

Rozaliia B. Gasanova

Master of Criminology
faculty of Law,
Moscow State University
named after M.V. Lomonosov
gasanova.r@inbox.ru

**FORENSIC AND CONSTITUTIONAL
ASPECTS OF ELECTION CAMPAIGNING
VIA ELECTRONIC MESSAGES
AND INTERNET RESOURCES**

Annotation. Object. To Draw attention to the problems associated with the popularization of electronic methods of campaigning, consider these methods from the point of view of criminology and consider the problem of their lack of clear legislative regulation.

Methods. Both General scientific methods such as analysis, synthesis, induction and deduction were used in the work, as well as legal methods proper – the method of comparative law, jurico-dogmatic.

Findings. the Authors propose to Supplement the Federal law «on basic guarantees of electoral rights and the right to participate in a referendum of citizens of the Russian Federation» with an article regulating the procedure for campaigning in the Internet environment.

Conclusions. in the course of the study, the authors came to the conclusion that there is no legal regulation of Internet sites as platforms for campaigning and electronic messages as means of campaigning.

Keywords: elections; electoral; rights; electronic; election; campaigning; Internet resources; electronic messages; constitutional law; criminalistics; forensic science.

Введение.

В наше время технический прогресс не стоит на месте, а технические достижения развиваются с большой скоростью. Электронные устройства и информационные технологии стали неотъемлемой частью жизни людей. Особую популярность приобрел информационный обмен между людьми с использованием электронных устройств. Такое общение в сети «Интернет» посредством обмена электронными сообщениями используется огромным количеством людей по всему миру. Электронная переписка постепенно заменяет живое общение.

Новые способы передачи информации рожают новые способы осуществления иной деятельности. В сети «Интернет» люди обмениваются информацией, ведут рабочую деятельность, занимаются торговлей. Информационные технологии играют важную роль во всех сферах жизни общества, в том числе, и в политике. Рост популярности электронной переписки поднимает вопрос о новой форме предвыборной агитации – рассылке электронных сообщений. Кроме этого агитация осуществляется и на площадках в сети «Интернет» – сайтах.

Материалы и методы.

Для анализа Интернет-ресурсов в качестве способов агитации в работе использованы общенаучные методы анализа и синтеза. Материалы об Интернет-сайтах и электронных сообщениях синтезированы и проанализированы. Также, в работе использованы собственно юридические методы, метод сравнительного правоведения для оценки уже имеющихся статей Федерального закона, регламентирующих предвыборную агитацию и формирования на основе этого анализа предложения о введении статьи, регламентирующей электронную агитацию.

Литературный обзор.

Поскольку проблема использования Интернет-сайтов и электронных сообщений в ходе предвыборной агитации достаточно нова для общества, несмотря на ее актуальность, работ по данной тематике достаточно не много. В ходе изучения проблематики были исследованы основные имеющиеся работы, затрагивающие рассмотренную проблему. Были изучены следующие работы: Бондарь Н.С., Джагорян А.А. «Конституционная ценность избирательных прав»; Браун С. «Мозаика» и «Всемирная паутина», Зелинский Я.В. «Формы и методы предвыборной агитации: проблемы идентификации», Хвалёв С.А. «Предвыборная агитация в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»», Яценко К.М. «Электронная предвыборная агитация: концептуальные основания понимания и классификации».

Обсуждение.

Электронные сообщения – это форма обмена информацией в сети «Интернет». Это – обмен мыслями, выраженными на письме, с использованием электронных устройств. Электронные сообщения делятся на переписку в социальных сетях,

переписку в мессенджерах, переписку по электронной почте.

Социальная сеть является ресурсом, посредством которого люди налаживают взаимодействие в сети «Интернет» [2, с. 167], поэтому для агитации она может быть полезна тем, что является удобным инструментом для поиска лиц, принадлежащих к определенному кругу (возраст, место жительства и даже социальный статус).

В последнее время все большую популярность набирают такие средства общения, как мессенджеры. Это – приложения, которые устанавливаются на мобильное устройство, и с их помощью можно вести переписку в сети «Интернет» с любого устройства. Удобство агитации с использованием мессенджера заключается в моментальной коммуникации и возможности массовой рассылки, поскольку с его помощью обеспечивается отправка мгновенных сообщений.

Электронная почта не обеспечивает поиск адресатов по определенному кругу лиц, как социальная сеть, и не обеспечивает мгновенную отправку сообщений, как мессенджер. Однако она тоже имеет определенную значимость для агитации, поскольку сегодня значение адреса электронной почты встало на один уровень с адресом места жительства или номером мобильного телефона. Таким образом, электронный адрес имеется у наибольшего круга людей, чем страница в социальной сети или приложение мессенджер, поэтому агитация посредством электронной почты позволит охватить большее количество потенциальных избирателей.

Вышеупомянутые технологии действительно являются очень удобными способами агитации и используются повсеместно. Электронные сообщения на сегодняшний день часто используются в предвыборной агитации. Однако встает вопрос о законодательном регулировании таких форм и о появлении нового вида предвыборной агитации – электронной предвыборной агитации.

Существуют разные взгляды на то, стоит ли отдельно регламентировать электронную предвыборную агитацию в сети «Интернет». Так, Зелинский Я.В. отмечает, что согласно законодательству любые формы агитации могут быть использованы в политической кампании, если они не запрещены законом [3, с. 37]. С одной стороны, данная позиция кажется логичной. Бондарь Н.С., Джагорян А.А. выделяют предвыборную агитацию как разновидность конституционного права и пишут, что без свободной агитации выборы нельзя считать демократичными [1, с. 337]. Однако, как пишет Яценко К.М., эта точка зрения не верна [6, с. 7]. Агитация посредством публичных мероприятий, печатных изданий и их распространение, агитация посредством аудиовизуальных материалов получила подробное закрепление в законодательстве. Такое же закрепление должна получить и электронная агитация в сети «Интернет».

В соответствии со ст. 48 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и

права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее – Федеральный закон) граждане Российской Федерации имеют право на проведение, а также, общественные объединения имеют право на проведение предвыборной агитации посредством предусмотренных законом форм и методах [4]. Перечень форм агитации остается на сегодняшний день открытым, соответственно, агитация может быть проведена не только при помощи Интернет-сети, но также - при помощи любых других современных устройств коммуникации, распространяющих информацию. К ним можно отнести такие социальные сети, как «ВКонтакте», «Одноклассники», «Инстаграмм», «Фэйсбук», а также наиболее популярные мессенджеры «Вотсап», «Телеграмм». Агитация может осуществляться при помощи рассылок SMS-сообщений и электронных писем на электронную почту. На наш взгляд, отсутствие четкого законодательного регулирования предвыборной агитации в электронном пространстве может нарушать избирательные права граждан. Так, например, из-за отсутствия налаженного механизма контроля за распространением информации в данных устройствах, избирателям может быть предоставлена недостоверная информация о кандидатах.

Так, летом 2019 года были организованы выборы в Московскую городскую думу 7-ого созыва. В предвыборной гонке были использованы различные способы и методы агитации. Так, на интернет-площадке был создан интернет ресурс URL : <http://mosgorduma-2019.ru/> о кандидатах в депутаты в Московскую городскую думу 7 созыва. Данный интернет ресурс был опубликован на платном хостинге Wordpress и куплено доменное имя mosgorduma-2019.ru, что не соответствует пункту 5 статьи 48 Федерального закона, так как расходы на проведение предвыборной агитации осуществляются исключительно за счет средств соответствующих избирательных фондов в установленном законом порядке. Также, вся информация интернет ресурса URL : <http://mosgorduma-2019.ru/> была собрана независимым муниципальным депутатом района Северное Измайлово г. Москвы Барановским Д.С., что приводит к нарушению части 5 статьи 59 Федерального закона, согласно которой допускается добровольное бесплатное личное выполнение гражданином работ, оказание им услуг по подготовке и проведению выборов без привлечения третьих лиц. Кроме нарушения правил финансирования, по данному обстоятельству имелись обращения кандидатов в депутаты о недостоверной предвыборной информации о кандидатах на интернет ресурсе URL : <http://mosgorduma-2019.ru/>. Это, в свою очередь, нарушает права граждан на получение достоверной информации о кандидатах. Также, на наш взгляд данный сайт как форма агитации противоречит понятию «предвыборная агитация», определенной в п. 4 ст. 2 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

Ко дню выборов 08 сентября 2019 года «сайт mosgorduma-2019.ru» стал самым посещаемым сайтом о выборах в Мосгордуму. Избиратели

легко попадали на сайт, набирая в поисковых системах популярные фразы, такие как «кандидаты в Мосгордуму», «список кандидатов в Мосгордуму по районам» и многим другим. Почти по всем популярным фразам сайт выводился в Яндекске и Гугле на первые строчки, что обеспечивало большой поток избирателей на сайт. Чем ближе к выборам, тем сильнее росла посещаемость сайта» [7].

8 сентября 2019 года, в день выборов, в 14 часов дня домен сайта был отключен российским регистратором доменов REG.RU по требованию Роскомнадзора РФ. По мнению кандидата юридических наук Д.А. Реута, агитационные сайты о выборах должны быть отключены в день выборов [7].

Результаты.

На наш взгляд, данный сайт был заблокирован достаточно поздно, поскольку он мог осуществить действительно огромное влияние на формирование выбора избирателя, поэтому избирательное законодательство нуждается в детальной регламентации электронной предвыборной агитации. Мы согласны с мнением С.А. Хвалёва, что «существующие проблемы можно решить путем внедрения в избирательное законодательство Российской Федерации нормы о возможности проведения предвыборной агитации в Интернете на строго определенном перечне интернет-сайтов. Их перечень должен быть определен системой требований к интернет-сайтам и установления факта соответствия конкретного ресурса этим требованиям» [5, с. 21].

Что же касается электронных сообщений, они также должны подлежать четкой регламентации в законодательстве. Следует определить допустимое содержание таких сообщений, количество, вложения и ссылки, которые могут в них содержаться. Также, следует закрепить, что по электронной почте сообщения должны отправляться только с официальной электронной почты партии.

Заключение.

Считаем целесообразным внести изменения в Федеральный Закон, дополнив его статьёй, регламентирующей порядок агитации в интернет-среде. Такая статья должна содержать требования к агитационным интернет-сайтам и агитационным сообщениям, ограничивать количество таких сайтов и сообщений (так, как, например, ограничено эфирное время в ст. 51 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»). Безусловно, регулирование информационного обеспечения граждан информацией о кандидатах в интернет ресурсах сложный и достаточно объемный процесс, но его действительно важно реализовать, поскольку он позволит обеспечить защиту конституционных прав граждан на получение, хранение и сбор достоверной информации, а кандидатов в будущем предостережет от нарушения их избирательных прав.

Литература:

1. *Бондарь Н.С.* Конституционная ценность избирательных прав / Н.С. Бондарь, А.А. Джагорян. М., 2005. С. 336.
2. *Браун С.* «Мозаика» и «Всемирная паутина» для доступа к Internet / С. Браун; Пер. с англ. М. : СК Пресс. 2016. С. 167.
3. *Зелинский Я.В.* Формы и методы предвыборной агитации: проблемы идентификации // Научный вестник Омской академии МВД России. 2013. № 2(49). С. 37.
4. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 23.05.2020) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // «Российская газета». 15.06.2002. № 106.
5. *Хвалёв С.А.* Предвыборная агитация в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» // Журнал Право и Выборы. 2014. № 3.
6. *Ященко К.М.* Электронная предвыборная агитация: концептуальные основания понимания и классификации // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 7(53-7).
7. Как в Рунете работает политическая цензура // Официальный сайт Московской городской думы. URL : <https://mosgorduma-2019.ru> (дата обращения 12.06.2020).

Literature:

1. *Bondar N.S.* The constitutional value of electoral rights / N.S. Bondar, A.A. Dzhagoryan. M., 2005. P. 336.
2. *Brown S.* «Mosaic» and «World Wide Web» for Internet access / S. Brown Per. from English. M. : SK Press. 2016. P. 167.
3. *Zelinsky Ya.V.* Forms and methods of pre-election campaigning: identification problems // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. № 2(49). P. 37.
4. Federal Law of 12.06.2002 № 67-FZ (revised from 23.05.2020) «On the basic guarantees of electoral rights and the right to participate in a referendum of citizens of the Russian Federation» // «Rossiyskaya Gazeta». 15.06.2002. № 106.
5. *Khvalev S.A.* Election campaigning in the information and telecommunication network «Internet» // Journal of Law and Vybery. 2014. № 3.
6. *Yashchenko K.M.* Electronic pre-election campaigning: conceptual foundations of understanding and classification // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 7 (53-7).
7. How does political censorship work in Runet // Official site of the Moscow City Duma. URL : <https://mosgorduma-2019.ru/> (date of application 12.06.2020).

Попов Евгений Александрович

кандидат юридических наук,
профессор кафедры гражданского
и международного права,
Государственный морской университет
имени адмирала Ф.Ф. Ушакова
abrsyuzanna@yandex.ru

Штырхунова Наталья Александровна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры гражданского
и международного права,
Государственный морской университет
имени адмирала Ф.Ф. Ушакова
abrsyuzanna@yandex.ru

**ЭФФЕКТИВНОСТЬ
ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ
ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА
«О ТРАНСПОРТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ»**

Аннотация. Транспортная безопасность - это сравнительно новый административно-правовой институт, возникновение которого связывается с принятием постановления Правительства РФ, определяющего вопросы Минтранса России. Проблема обеспечения транспортной безопасности выходит на новый уровень. Вектор ее развития определяют положения нормативно-правовых актов РФ. В статье определены структурные проблемы, решение которых позволит усовершенствовать систему и процесс транспортной безопасности. В числе главных проблем актуальными остаются определение полномочий субъектов транспортной безопасности и межведомственное взаимодействие. В статье рассмотрены также вопросы эффективности применения норм Федерального закона «О транспортной безопасности», обосновывается выделение транспортной безопасности как средства достижения социально-экономических и внешнеполитических целей нашей страны, рассматривается ее сущность и содержание как одного из предметов административно-правового регулирования.

Ключевые слова: транспорт, транспортная безопасность, эффективность норм, реализация.

Степень эффективности применения норм Федерального закона от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности», а также, мера их совершенства, равно как и результаты их оптимизации, в первую очередь – со стороны компетентных органов и организаций, как организующих, так и непосредственно осуществляющих деятельность по обеспечению безопасности объектов транспортной инфраструктуры [2, с. 109].

Evgeny A. Popov

Candidate of Legal Sciences,
Professor of the Department of
Civil Department and International Law,
State Maritime University
named after Admiral F.F. Ushakov
abrsyuzanna@yandex.ru

Natalya A.I. Shtyrkhunova

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department of
Civil Department and International Law,
State Maritime University
named after Admiral F.F. Ushakov
abrsyuzanna@yandex.ru

**EFFECTIVENESS OF APPLICATION
OF THE FEDERAL LAW
«ON TRANSPORT SECURITY»**

Annotation. Transport security is a relatively new administrative-legal Institute, the occurrence of which is associated with the adoption of RF Government decree defining the issues of the Ministry of transport. The problem of ensuring transport security is reaching a new level. The vector of its development is determined by the provisions of normative legal acts of the Russian Federation. The article identifies structural problems that can be solved to improve the system and process of transport security. Defining the powers of transport security entities and interagency cooperation remain among the main issues of concern. The article considers the issues of effective application of the Federal law «On transport security», justifies the allocation of transport security as a means of achieving socio-economic and foreign policy goals of our country, considers its essence and content as one of the subjects of administrative and legal regulation.

Keywords: transport, transport security, efficiency of norm, implementation.

В связи с этим, окончательный вывод о целесообразности отмены категорирования транспортных средств, а также ее эффективности, можно будет сделать только после практической реализации новых требований по транспортной безопасности.

В соответствии с новой редакцией Федерального закона «О транспортной безопасности», вместо планов обеспечения транспортной безопасности

транспортного средства субъект транспортной инфраструктуры должен разрабатывать и утверждать паспорт обеспечения транспортной безопасности транспортного средства, типовые формы которых будут установлены в порядке, утверждаемом Правительством РФ. Он должен содержать меры, принимаемые субъектом транспортной инфраструктуры в целях выполнения соответствующих требований, предусмотренных законодательством о транспортной безопасности, а также устанавливает срок его разработки и утверждения [1, с. 47].

В соответствии с указанной нормой Закона, разработке паспорта транспортной безопасности предшествует обследование транспортных средств субъектом транспортной инфраструктуры, а также исследование мер, принятых с целью противодействия угрозам совершения актов незаконного вмешательства, в том числе имеющих террористическую направленность, учитывая требования законодательства в области обеспечения транспортной безопасности.

Результаты указанных мероприятий будут являться приложением к паспорту обеспечения транспортной безопасности. Законом также определено, что утвержденный субъектом транспортной инфраструктуры паспорт обеспечения транспортной безопасности, направляется в компетентный орган в области обеспечения транспортной безопасности соответствующего вида транспорта в двух экземплярах. Компетентный орган установленным порядком в течение определенного времени возвращает первый экземпляр паспорта с отметкой о получении субъекту транспортной инфраструктуры. При определении указанного порядка и процедур особо выделяются такие транспортные средства, как ледокольные суда, которые применяются для проводки судов по морским маршрутам, и конвенционные суда. В отношении указанных транспортных средств применяются правила торгового мореплавания и требования по защите судов и портовых сооружений, установленные международными договорами РФ. В частности, в отношении этих судов и ледоколов сохраняются процедуры проведения оценки уязвимости (оценки охраны морского судна) и разработки плана обеспечения транспортной безопасности (плана охраны морского судна) [1, с. 48].

Необходимо отметить, что флот на морском транспорте предназначен не только для перевозки пассажиров и коммерческих грузов, в том числе, повышенной опасности. Также, существуют суда, которые используются для обеспечения дноуглубительных и навигационно-гидрографических работ, буксировки и ледокольной проводки судов, оказания лоцманских, экологических и иных услуг в морских портах. Однако практически все эти суда, так как они используются в целях торгового мореплавания, согласно формулировке подп. «г» п. 11 ст. 1 Федерального закона «О транспортной безопасности» являются транспортными средствами, для которых требования законодательства по обеспечению транспортной безопасности являются обязательными.

В соответствии с КТМ РФ, при определении торгового мореплавания используется методика системно-функционального анализа, т.е. в интересах типологизации субъектов деятельности в соответствующей сфере (торгового мореплавания) применяется подход, когда за основу берутся те функции, которые указанный субъект осуществляет. В данном случае принято расширительное толкование указанных функций, в результате чего при определении круга субъектов торгового мореплавания в их число включены субъекты, реализующие функции, связанные не только с эксплуатацией судов для транспортировки грузов, пассажиров и их багажа, но также – и с целью рыболовства, морских ресурсных исследований неживых ресурсов морского дна, а также других целей.

Такая формулировка КТМ РФ позволяет расширительно толковать понятие «транспортное средство морского транспорта» в целях исполнения законодательства о транспортной безопасности. При этом в новой редакции Федерального закона «О транспортной безопасности» из категории транспортных средств морского транспорта исключены суда, используемые для санитарного, карантинного и других видов контроля, как ранее были выведены из сферы действия законодательства о транспортной безопасности прогулочные и спортивные парусные суда.

Таким образом, складывается ситуация, когда требования по транспортной безопасности распространяются на суда портового флота исключительно морского транспорта, а на аналогичные по назначению суда внутреннего водного транспорта – нет. В связи с изложенным, очевидно, что распространение требований Федерального закона «О транспортной безопасности» практически на все суда, используемые в целях торгового мореплавания, представляется избыточным.

Законом также установлено, что требования по обеспечению транспортной безопасности для транспортных средств являются обязательными для исполнения иностранными перевозчиками, осуществляющими каботажные перевозки в пределах Российской Федерации, а также, международные перевозки в/из Российской Федерации и через ее территорию, с учетом положений международных договоров РФ. На наш взгляд, необходимо уделить внимание гармонизации законодательства о транспортной безопасности, установить сроки реализации этапов обеспечения транспортной безопасности объекта транспорта или транспортного средства, предусматривающие вопросы закупочной деятельности, оснащения инженерно-техническими средствами и пр., конкретизировать перечень предметов и веществ, запрещенных или ограниченных к перемещению для каждого вида транспорта с учетом объема пассажирских перевозок, технических и технологических особенностей типа транспорта.

С учетом изложенного, однозначно определить эффективность внесенных указанным законом поправок и оценить их влияние на состояние дел в сфере обеспечения транспортной безопаснос-

сти, включая снижение или увеличение финансовой нагрузки на субъекты транспортной инфраструктуры, в настоящее время представляется преждевременным, так как изменения обуславливают необходимость серьезной кор-ректировки

Литература:

1. *Голубкина К.В.* Проблемы в сфере реализации транспортной безопасности / К.В. Голубкина, С.К. Абрамян // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 5. С. 47–49.
2. *Голубкина К.В.* Правовое регулирование обеспечения транспортной безопасности в России / К.В. Голубкина, С.К. Абрамян // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 6–7. С. 109–111.

имеющихся и подготовки новых подзаконных нормативных правовых актов, что на значительное время отодвигает сроки их реализации.

Literature:

1. *Golubkina K.V.* Problems in the sphere of transport security implementation / K.V. Golubkina, S.K. Abramyan // Humanities, socio-economic and social Sciences. 2017. № 5. P. 47–49.
2. *Golubkina K.V.* Legal regulation of transport security in Russia / K.V. Golubkina, S.K. Abramyan // Humanities, socio-economic and social Sciences. 2017. № 6–7. P. 109–111.

**Родригес Да Роша
Анастасия Александровна**

соискатель,
Московский государственный
юридический университет
имени О.Е. Кутафина,
специалист,
юрист кафедры адвокатуры и нотариата,
Институт адвокатуры и нотариата
rodrigues.law@mail.ru

**Da Rocha
Anastasia A. Rodrigues**

Applicant,
Moscow State
University of Law named after O.E. Kutafin,
Expert,
Lawyer of the Department
of Lawyers and Notaries,
Institute of Lawyers and Notaries
rodrigues.law@mail.ru

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
АРБИТРАЖНОГО СОГЛАШЕНИЯ**

Аннотация. Статья посвящена актуальным проблемам, возникающим при заключении участниками международных взаимоотношений арбитражного соглашения, включает вопросы, связанные с пониманием международного арбитражного соглашения в целом, содержит его законодательное определение, описание особенностей существующих форм и правовой природы. На основе анализа законодательства, судебной и арбитражной практики, доктрины России и ряда зарубежных стран, среди которых, Соединенные Штаты, Франция, Швейцария, автором рассматриваются такие важные аспекты, возникающие в результате необходимости заключения арбитражного соглашения, как выбор места проведения арбитража и применимого права. Отдельное внимание в статье уделено следующим вопросам: виды арбитража, применение принципа *lex mercatoria*, границы применения арбитражного права, принудительное исполнение иностранного решения.

Ключевые слова: арбитражное соглашение, форма арбитражного соглашения, арбитражная оговорка, арбитражный компромисс, природа арбитражного соглашения, автономность арбитражного соглашения, *lex mercatoria*.

В современном мире арбитражное соглашение играет важную роль в качестве средства урегулирования споров в международной торговле. Это выражение следует понимать в самом широком смысле, потому что заключение арбитражных соглашений очень часто используется не только в спорах, касающихся торговли, где оно традиционно применяется, но и в самых различных областях экономической деятельности, таких как: объемные работы связанные со строительством дорог, аэропортов, заводов, электростанций, лицензионные или дистрибьюторские соглашения, соглашения связи с авиакомпаниями и т.д. Чтобы привести пример в одной области, следует отметить, что большинство основных концессионных соглашений на эксплуатацию нефтя-

**CURRENT PROBLEMS
OF ARBITRATION AGREEMENT**

Annotation. The Article is devoted to the current problems that arise when participants in international relations conclude an arbitration agreement. It includes issues related to understanding the international arbitration agreement as a whole, contains its legislative definition, and describes the features of existing forms and legal nature. Based on the analysis of legislation, judicial and arbitration practice, the doctrine of Russia and a number of foreign countries, including United States, France, Switzerland, the author considers such important aspects that arise as a result of the need to conclude an arbitration agreement, as the choice of the place of arbitration and the applicable law. Special attention is paid to the following issues: types of arbitration, application of the *lex mercatoria* principle, limits of application of arbitration law, enforcement of a foreign decision.

Keywords: arbitration agreement, form of arbitration agreement, arbitration clause, arbitration compromise, nature of arbitration agreement, autonomy of arbitration agreement, *lex mercatoria*.

ных ресурсов содержат пункт, который представляет на арбитражное урегулирование споры между концедентом (государственной компанией) и концессионером. Мы можем догадаться о важности этих положений в случае национализации. Такие соглашения послужили основанием для вынесения судебных решений, затрагивающих существенные интересы и играющие важную роль в развитии международного права (См. следующие решения: *Government of Saudi Arabia v. Arabian American Oil Company Ltd.*; *Sapphire International Petroleum Ltd. v. National Iranian Oil Company*, and *BP Exploration Company (Libya) v. Government of the Libyan Arab Republic*) [8].

Обращение к арбитражному соглашению также не является исключительно практикой частных

юридических лиц. Большинство крупных международных контрактов, по крайней мере в развивающихся странах, заключаются государствами, прямо или косвенно с компаниями, которые тем или иным образом зависят от них. В качестве примера можно привести недавний конфликт, связанный с алжирскими соглашениями между правительством Соединенных Штатов и правительством Ирана, важная часть которых посвящена организации международного арбитража по урегулированию спора между американскими компаниями и Ираном после денонсации или невыполнения контрактов заключенных до революции. Во исполнение этих соглашений в Гааге инициирован международный арбитраж и в марте 2020 года Международный уголовный суд дал разрешение на расследование военных преступлений в Афганистане, к которым могут быть причастны американские солдаты [1]. Данный процесс может продлиться в течение нескольких лет и возможно будет касаться нескольких сотен случаев. В связи с чем, на сегодняшний день, учитывая активное применение арбитражного соглашения в различных сферах его применения, следует подвести итоги некоторых основных проблем, с которыми в настоящее время сталкиваются стороны при заключении международного арбитражного соглашения.

Определение и форма арбитражного соглашения

Первый ряд вопросов который следует рассмотреть касается определения и формы арбитражного соглашения. Арбитражное соглашение - действительно не простое соглашение, может заключаться в различных формах и регулироваться как международным, так и национальным законодательством стран, что в свою очередь делает его осложненным и в тоже время интересным.

Определение арбитражного соглашения

На международном уровне понятие арбитражного соглашения можно встретить в пункте 1 статьи II Конвенции Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г. (далее – «Нью-Йоркская конвенция») [4], где предусматривается, что оно представляет собой «письменное соглашение, по которому стороны обязуются передавать в арбитраж все или какие-либо споры, возникшие или могущие возникнуть между ними в связи с каким-либо конкретным договорным или иным правоотношением, объект которого может быть предметом арбитражного разбирательства».

Стоит также отметить наличие определения арбитражного соглашения в п. 1 ст. 7 Типового закона ЮНИСТРАЛ «О международном торговом арбитраже» 1985 г. (далее – «Типовой закон ЮНИСТРАЛ») [5], положения которого дословно имплементированы в российском законодательстве, так согласно п. 1 ст. 2. Закона Российской Федерации № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» от 07 июля 1993 г. [2], арбитражное соглашение представляет собой соглашение сторон о передаче в арбитраж всех или

определенных споров, которые возникли или могут возникнуть между ними в связи с каким-либо конкретным правоотношением или его частью независимо от того, носило такое правоотношение договорный характер или нет. Таким образом решение об обращении в арбитраж может быть принято только сторонами в форме договорного соглашения. Кстати, это одна из трудностей, возникших в Соединенных Штатах в связи с подписанием Алжирской конвенцией, которая упомянута выше. Некоторые американские компании оспаривают действительность положения об арбитраже, в результате чего их спор с Ираном должен был обязательно передаваться в арбитраж без их согласия [14].

Форма арбитражного соглашения

В большинстве случаев международные определения совпадают с определениями, содержащимися в национальном законодательстве, как это прослеживается на примере российского законодательства и Типового закона ЮНИСТРАЛ, однако не всегда внутренние нормы различных государств сходятся в своей интерпретации. Например, статья 1442 Гражданского процессуального кодекса Франции указывает на формы арбитражного соглашения: арбитражная оговорка и компромисс и далее дает их легальное определение, так «арбитражная оговорка – это соглашение, в соответствии с которым стороны одного или нескольких договоров обязуются передавать в арбитраж любые споры, которые могут возникнуть в связи с этим или этими договорами; Компромисс – это соглашение, по которому стороны возникшего спора передают его на арбитраж». С одной стороны положения о международном арбитраже Гражданского процессуального кодекса Франции касаются арбитражного соглашения, но тем не менее международное арбитражное соглашение не входит в определение, содержащееся во внутреннем законодательстве. Это, однако, не исключает различия существующего между установленными формами арбитража – компромиссом и арбитражной оговоркой, особенно в тех случаях, когда действительность или эффективность арбитражного соглашения зависит от момента его согласования. Причина отсутствия определения, заимствованного из внутреннего арбитража, заключается в существовании конкретных способов выражения согласия в международном арбитраже. В частности, в вопросе об инвестиционном арбитраже между иностранным инвестором и принимающим инвестиции государством возникла гипотеза о раздельном согласии [9]. Этот механизм описывает встречу арбитражного предложения принимающего государства, с одной стороны, в международном договоре или внутреннем законе, и его принятие инвестором, который подает, иногда десятки лет спустя, заявку на арбитраж на основе этого договора или закона. Таким образом использование понятия арбитражной оговорки или компромисса было бы не совсем адекватным. Именно поэтому на сегодняшний день арбитражное соглашение больше не упоминается в статье 1520-1 Гражданского процессуального кодекса Франции.

В свою очередь в России сравнительно недавно

вступил в силу Федеральный закон от «01» апреля 2020 года № 69-ФЗ «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации» который в п. 7 ст. 13 [7]. устанавливает: «местом арбитража должна являться Российская Федерация». Подобные изменения в законодательстве вопреки легальному определению арбитражного соглашения и его форм во внутреннем законодательстве, таких как «*арбитражная оговорка*» и «*отдельное соглашение*» согласно п. 1 ст. 2. Закона Российской Федерации № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» от 07 июля 1993 г. [2]., ст. 7 Федерального закона № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» от 29.12.2015 г. [6]. (далее – «Закон об арбитраже») подтверждают преждевременное возникновение арбитражной юрисдикции в соответствии с иными формами встречного соглашения.

Тем не менее, как отмечает один из французских исследователей по международному коммерческому арбитражу Крисоула Пану - «независимо от формы арбитражного соглашения оно может иметь двойственный эффект воздействия как положительный, так и отрицательный. Так, положительный эффект, обуславливает юрисдикционные полномочия арбитра на рассмотрение спора, а отрицательный – нейтрализует согласие государственного судьи на его рассмотрение» [13]. На примере российского законодательства наличие так называемого отрицательного эффекта можно проследить путем анализа ст. 7 Закона об арбитраже которая гласит, что арбитражное соглашение является выражением готовности сторон передать в арбитраж любой спор, который может возникнуть между сторонами, из чего можно сделать вывод, что процессуальная сущность арбитражного соглашения заключается именно в исключении юрисдикции любого государственного суда.

Следовательно, арбитраж не только представляется в форме соглашения. По своему характеру и последствиям он очень близок к судебным дебатам и, в любом случае, затрагивает интерес государства. Прежде всего потому, что цель и следствие арбитражного соглашения заключается в исключении спора из юрисдикции судов, созданных государством для выполнения одной из его основных функций – судебной. Поэтому арбитражное соглашение лишает стороны возможности обращаться в суды первой инстанции или в апелляционном порядке. В свою очередь государство, как правило, не остается безразличным к тому, каким образом исполняется арбитражное соглашение и осуществляется арбитраж на его территории, что приводит к вынесению решения, которое в принципе окончательно закрепит права и обязанности сторон как на территории государства где данное решение было вынесено, так и на территории других странах согласно положениям международных конвенций, к которым присоединилось государство участник [4]. Таким образом, арбитражное соглашение подлежит исполнению как и решение обычного суда на национальном и на международном уровне.

Выбор места арбитража посредством заключения арбитражного соглашения

Подходя к вопросу выбора места арбитража, необходимо отметить, что данный вопрос приобретает особенно важное значение, когда стороны находятся в разных юрисдикциях либо если споры могут привести к возникновению сложных технических вопросов. На практике отмечается, что как правило, каждая из сторон международного договора чаще всего желает избежать разрешения споров через местные суды другой стороны. Прежде всего это связано с определенным недоверием к компетенции и независимости судов принимающей страны, доступ к которым также будет значительно осложнен необходимостью использования иностранного языка. Принимающая страна обычно считает посягательство на свой суверенитет или престиж подчиниться иностранной юрисдикции. Исходя из перечисленных соображений, стороны чаще основывают свой выбор на нейтральном месте разрешения споров, например при применении международных норм многонациональным трибуналом.

Еще одним не малозначимым фактором при выборе места арбитража может служить степень конфиденциальности, обеспечиваемая арбитражным правом различных юрисдикций. В этом смысле в отличии от судебного процесса, который часто имеет публичный характер, арбитраж обеспечивает большую конфиденциальность. Однако, немногие арбитражные правила касаются конфиденциальности, так Лондонский арбитражный суд является исключением в этом смысле, поэтому, если стороны хотят предусмотреть условие о конфиденциальности, то они должны сделать об этом отдельную оговорку в своем арбитражном соглашении. Тем не менее, и в данном случае стороны должны быть готовы к тому, что принудительное исполнение решения через суд в случае необходимости может поставить под угрозу условие о конфиденциальности (данное условие может быть нарушено при исполнении обязательств сторон, предоставлении запрашиваемых судом отчетностей, иных документов и т.д.).

В отношении стоимости нет четкого ответа на вопрос что является экономически более выгодным арбитраж или судебное разбирательство, поскольку как правило судебные издержки составляют большую часть расходов на судопроизводство вне зависимости от того о какой из двух процедур мы говорим, контролирующими факторами в значительной степени являются сложность спора, способ судопроизводства и его продолжительность. Тем не менее сторонам стоит учитывать, что выбор наиболее популярных центров международных коммерческих арбитражей, таких как Международный арбитражный суд при Международной торговой палате (ICC) либо Лондонский международный арбитражный суд (LCIA) не всегда будет выгодным для сторон с точки зрения предстоящих судебных расходов, особенно при небольших суммах иска [11].

Выбор применимого права к арбитражному соглашению

Рассмотрим некоторые из проблем, которые в настоящее время возникают при фактическом рассмотрении спора на основании арбитражного соглашения. Во-первых, какое решение вынесет судья? В соответствии с законом либо на основании собственных убеждений? Ответ не так прост, как может казаться. Прежде всего, стоит задаться вопросом, каким образом арбитр определит право, применимое к представленному перед ним спору? В подавляющем большинстве случаев спор возникает на основании заключенного договора, толкование или исполнение которого вызывает определенные затруднения. Изначально, стороны должны указать в международном договоре, какой правовой системе они намерены подчинить свой договор. Однако по некоторым причинам, стороны не всегда делают такой выбор. Поэтому арбитр должен самостоятельно определить применимое право, в связи с чем первоначальный вопрос, который ему предстоит разрешить – это выбор коллизионной нормы (т.е. нормы международного частного права), которая позволит определить применимое право. Именно на данной стадии возникает один из основных вопросов, волнующих международного арбитража. Должен ли арбитр, как и обычный судья, определять систему внутреннего права, которая будет регулировать спор, возлагая на себя риск обнаружить, что указанный закон недостаточно эффективен для разрешения проблем, затронутых международным договором? Кроме того, может ли арбитр, при отсутствии выбора сторонами применимого права, урегулировать данный спор в соответствии с общими правовыми принципами и правилами международной торговли? Под общими принципами здесь понимается *lex mercatoria*, как система правовых норм, которые проистекают из практики международной торговли и формулировка которых во многом является результатом работы международного арбитража, а именно выносимых им решений [3]. Как справедливо отмечает профессор А. Лоунфельд *lex mercatoria* представляет собой совокупность норм, достаточную для разрешения международных коммерческих споров, действующих альтернативно по отношению к национальному праву [12]. Нельзя отрицать, что *lex mercatoria* играет все более важную роль в разрешении международных торговых споров через арбитраж.

Данному явлению, несомненно, способствует широко распространенная практика наделения арбитров полномочиями дружеских посредников. Степень этих полномочий вызывает дискуссию. В частности, может ли арбитр принявший полномочия дружеского посредника урегулировать спор, представленный ему, в соответствии с его чувством справедливости без какой-либо ссылки на общие принципы? Например то, что допускает швейцарское национальное законодательство. Другие страны более строгие в данном отношении. Как бы то ни было, на практике проявляется, что дружеский посредник, если он в принципе считает себя освобожденным от обязанности ссылаться на систему позитивного права, воздерживается от вынесения решения, основанного исключительно на соображениях справедливости. Он охотно ссылается на общие правовые нормы

и, на самом деле, он чаще всего применяет *lex mercatoria*.

Следует также учитывать тот факт, что при согласовании права, которое стороны будут указывать при заключении договора, принимающее государство зачастую настаивает на том, чтобы это была именно его собственная правовая система. Однако иногда к такому праву трудно получить доступ, хотя бы из-за языкового барьера. Кроме того, право противоположной стороны не всегда может находиться на уровне развития, необходимом для решения сложных вопросов, которые могут возникнуть на основании крупного международного соглашения. Наконец, многие партнеры боятся подчиняться закону, которое их государство-участник может изменить по своему усмотрению, в том случае, когда это необходимо, чтобы избежать обязательств, вытекающих из заключенного договора.

Поэтому последняя проблема, которую хотелось бы упомянуть – границы арбитражного права и публичного, внутреннего и международного права. В какой степени государство может избежать арбитража? Этот вопрос важен с учетом нынешней роли государств в международной торговле. Возникает на нескольких этапах срока действия договора. Прежде всего, необходимо знать, может ли государство или компании, которые подчиняются заключенному договору, согласиться на арбитражную оговорку. В некоторых национальных правовых системах правоспособность государства или государственных образований ограничивается обязательным получением согласия на арбитраж.

Подводя итог, хотелось также упомянуть, что наиболее значимая трудность, с которой также может столкнуться сторона арбитражного соглашения, связана с принудительным исполнением на своей территории решения вынесенного в отношении иностранного государства. Сторона выигравшая спор во исполнение вынесенного решения стремиться добиться взыскания в другой стране путем наложения ареста на имущество, принадлежащее государству должнику. Однако в международном праве правоприменение возможно только в отношении имущества, используемого в экономических целях, а не в отношении имущества, предназначенного для выполнения государственных задач. Учитывая роль государств в экономической деятельности, невозможно найти товары, попадающие в первую категорию. Кроме того, в соответствии со швейцарским законодательством в любом случае необходимо, чтобы правовые отношения, на основании которых было вынесено решение, были связаны со Швейцарией [10], что исключительным образом ограничивает возможности исполнения.

Таким образом, актуальные проблемы международного арбитражного соглашения – сложный и захватывающий мир. Однако их возникновение не должно скрывать два существенных факта: международное арбитражное соглашение придает значительную роль международному ком-

мерческому арбитражу как наиболее эффективному способу разрешения конфликтов; удовлетворительный результат данного метода разрешения споров, возникающий на основании заключенных контрактов, зависит от качественного анализа сторонами всех тех условий которые необходимо согласовать заранее во избежание дополнительного затягивания процесса по урегулированию будущих споров.

Эффективность обращения сторон к междуна-

Литература:

1. В Международном уголовном суде назвали недопустимым решение США принять ограничения в отношении его сотрудников. Новости ООН. 2020. URL : <https://news.un.org/ru/story/2020/06/1380002>
2. Закон РФ «О международном коммерческом арбитраже» от 07.07.1993 № 5338-1 (ред. от 25.12.2018) // Ведомости съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 32. Ст. 1240.
3. *Канашевский В.А.* Методы установления применимого права в практике международного коммерческого арбитража // Журнал российского права. 2007. № 5(125). С. 114–122.
4. Конвенция Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Заключена в г. Нью-Йорке в 1958 г.) URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2692/ (дата обращения 24.07.2020).
5. Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже (Принят в г. Нью-Йорке 21.06.1985 на 18-ой сессии ЮНСИТРАЛ) из информационного банка «Международное право». С. 4. URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=15221#08938668351112948> (дата обращения 24.07.2020).
6. Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (Ч. I). Ст. 2.
7. Федеральный закон от 01.04.2020 № 69-ФЗ «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации» (ред. от 19.04.2020) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
8. ARAMCO-Award, ILR 1963, at 117 et seq. URL : https://www.trans-lex.org/260800/_aramco-award-ilr-1963-at-117-et-seq/
9. *Ancel Marie-Elodie.* Droit des contrats internationaux / Ancel Marie-Elodie, Deumier Pascale, Laazouzi Malik. Sirey, 2017. P. 742.
10. Banque centrale de la République de Turquie v. Weston Compagnie de Finance et d'Investissement SA, Tribunal fédéral suisse, 15 Nov. 1978, ATF 104

родному арбитражу посредством заключения арбитражного соглашения, особенно важна для обеспечения безопасности экономики современных страны. Популярность обращения к арбитражной оговорке подтверждает растущее число споров, рассмотренных в последнее время арбитражем, что лишь подтверждает желание участников профессионального рынка воспользоваться автономией воли, предоставляемой им на основании арбитражного соглашения в полном объеме.

Literature:

1. The International criminal court called inadmissible the decision of the United States to accept restrictions on its employees. UN news-2020. URL : <https://news.un.org/ru/story/2020/06/1380002>
2. Law of the Russian Federation «On International Commercial Arbitration» (latest version). dated 7 July 1993 № 5338-1 (ed. from 25.12.2018) / Vedomosti of the Congress of people's deputies of the Russian Federation and the Supreme Soviet of the Russian Federation. 1993. № 32. Art. 1240.
3. *Kanashevsky V.A.* Methods of establishing applicable law in the practice of international commercial arbitration. Journal of Russian law. 2007. № 5(125). P. 114–122.
4. United Nations Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards (New York, 10 June 1958). URL : <http://www.newyorkconvention.org/english> (date of application 24.07.2020).
5. UNCITRAL Model Law on International Commercial Arbitration (Adopted in New York on 21.06.1985 at the 18th session of UNCITRAL) from the International law information Bank. P. 4. URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=15221#08938668351112948> (date of application 24.07.2020).
6. Federal Law «On arbitration (Arbitral Proceedings) in the Russian Federation» of 29.12.2015 № 382-FZ (ed. from 27.12.2018) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2016. № 1 (Part I). Art. 2.
7. Federal Law № 69-FZ of 1 April 2020 «On protecting and promoting capital investments in Russia» (ed. from 19.04.2020) // Access from SPS «ConsultantPlus».
8. ARAMCO-Award, ILR 1963, at 117 et seq. URL : https://www.trans-lex.org/260800/_aramco-award-ilr-1963-at-117-et-seq/
9. *Ancel Marie-Elodie.* Droit des contrats internationaux / Ancel Marie-Elodie, Deumier Pascale, Laazouzi Malik. Sirey, 2017. P. 742.
10. Banque centrale de la République de Turquie v. Weston Compagnie de Finance et d'Investissement SA, Tribunal fédéral suisse, 15 Nov. 1978, ATF 104

la 367, 65 ILR 417.

11. Latham & Watkins Guide to International Arbitration. Copyright 2019. 57 p.

12. *Lowenfeld A. Lex Mercatoria: An Arbitrator's View / A. Lowenfeld*; In Carbonneau (ed.) *Lex Mercatoria: An Arbitration*, New York, Transnational Juris Publications. 1990. P. 37, 51.

13. *Panou C. Le consentement à l'arbitrage*. Ed.: IRJS Editions. Bibliothèque de l'Institut de Recherche Juridique de la Sorbonne – André Tunc. 2011. 342 p.

14. *Dames & Moore v. Reagan*, 02 июля 1981 г. URL : <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/453/654>

la 367, 65 ILR 417.

11. Latham & Watkins Guide to International Arbitration. Copyright 2019. 57 p.

12. *Lowenfeld A. Lex Mercatoria: An Arbitrator's View / A. Lowenfeld*; In Carbonneau (ed.) *Lex Mercatoria: An Arbitration*, New York, Transnational Juris Publications. 1990. P. 37, 51.

13. *Panou C. Le consentement à l'arbitrage*. Ed.: IRJS Editions. Bibliothèque de l'Institut de Recherche Juridique de la Sorbonne – André Tunc. 2011. 342 p.

14. *Dames & Moore v. Reagan*, 02 июля 1981 г. URL : <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/453/654>

Рыжова Юлия Валерьевна
кандидат юридических наук,
доцент,
профессор кафедры
государственно-правовых дисциплин,
Академия управления МВД России
julia1806@yandex.ru

Yulia V. Ryzhova
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Professor of the Department
Public Law Disciplines,
Academy of Management of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
julia1806@yandex.ru

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УГОЛОВНО-СЫСКНОЙ ПОЛИЦИИ ПО БОРЬБЕ С ОБЩЕУГОЛОВНОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

LEGAL BASIS FOR THE ACTIVITIES OF THE CRIMINAL INVESTIGATION POLICE TO COMBAT ORDINARY CRIME IN THE RUSSIAN EMPIRE

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению правовых основ деятельности уголовно-сыскной полиции Российской империи. Научный анализ нормативных правовых актов, регламентировавший деятельность уголовно-сыскной полиции, позволяет установить ее задачи и функции, а также, основные направления деятельности. Акцентируется внимание на основном нормативном правовом акте ведомственного характера - Инструкции чинам сыскных отделений. Рассматриваются система и методы применения «бертильонажа» в деятельности уголовно-сыскной полиции Российской империи. Затрагиваются вопросы ее взаимодействия с общей и политической полицией. Уделено внимание научно-практической значимости вопросов, связанных с обеспечением внутренней безопасности в Российской империи по борьбе с общеуголовной преступностью.

Annotation. The article is devoted to the consideration of the legal foundations of the activities of the criminal investigation police of the Russian Empire. The scientific analysis of the normative legal acts that regulated the activities of the criminal investigation police makes it possible to establish its tasks and functions, as well as the main directions of activity. Attention is focused on the main regulatory legal act of a departmental nature – Instructions to the ranks of detective departments. The system and methods of application of «bertillonage» in the activities of the criminal investigation police of the Russian Empire are considered. The issues of interaction with the General and political police are discussed. Attention is paid to the scientific and practical significance of issues related to ensuring internal security in the Russian Empire in the fight against ordinary crime.

Ключевые слова: внутренняя безопасность, уголовно-сыскная полиция, Российская империя, общая полиция, расследование преступлений.

Keywords: internal security, criminal investigation police, Russian Empire, general police, crime investigation.

Одной из основных функций любого суверенного государства является обеспечение национальной безопасности, то есть, принятие мер для защиты личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. Благодаря реализации этой функции, обеспечивается территориальная целостность и устойчивое развитие государства, укрепляется его оборона и безопасность, обеспечиваются права, свободы, достойный уровень жизни населения.

Общая полиция структурно подразделялась на городскую, сельскую, а также, на специализированные и вспомогательные органы.

Важную роль в охранительной функции Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. играла общая полиция. Именно на нее кроме охранительных функций были возложены непростые задачи по общему управлению. Основная задача общей полиции состояла в обеспечении и в охране интересов императорской власти на местах. При этом именно общая полиция была обязана содействовать политической полиции в обеспечении внутренней безопасности Империи.

Городская полиция занималась вопросами поддержания общественного порядка в борьбе с уголовной преступностью. Сельская полиция проверяла слухи об оскорблении членов императорской фамилии и проверяла сведения о возможных слухах о покушении на них, разбирала вопросы крестьянских массовых волнений, в антиправительственной агитации в среде студентов, учителей и др. Создание в 1903 г. уездной полицейской стражи позволило принимать меры к обеспечению правопорядка и внутренней безопасности. В частности, «на селе из общественной повинности в полном объеме было преобразовано в государственную службу, это позволило поднять административное управление на качественно новый уровень. На территории каждого крупного селения появился новый представитель

полицейской власти, для подавления аграрных волнений были созданы мобильные вооруженные отряды» [1].

К специализированным органам можно отнести сыскную полицию, к вспомогательным видам – речную, фабрично-заводскую, ярмарочную, частноохранную стражу. В 1867 г. с целью «ближайшего» полицейского наблюдения и исполнения полицейских требований» в соответствии с инструкцией Министерства внутренних дел был создан институт околоточных надзирателей. В Министерстве внутренних дел была утверждена инструкция, регламентировавшая порядок их деятельности, в соответствии с которой в прямом подчинении находились городовые – низшие чины общей полиции. Что касается сыскной полиции, то при раскрытии и расследовании преступлений она имела более приоритетное значение. «Чины общей полиции, в частности, околоточные надзиратели и городовые являлись ее приданными силами» [2].

Взаимодействие между ними выражалось в том, что околоточные надзиратели должны были негласным путем собирать подробную информацию о лицах, проживающих в околотке, «по собственному побуждению приступать к производству дознаний во всех тех случаях, когда усмотрят какой-то повод подозревать, что совершено преступление», в определенных случаях задерживать лиц, подозреваемых в совершении преступлений [3].

В связи с тем, что в 1908 г. были созданы сыскные отделения, произошло, своего рода, определенное усиление общей полиции в Империи и была увеличена раскрываемость уголовных преступлений. 6 июля 1908 г. была принят «Высочайше утвержденный и одобренный» Государственным Советом и Государственной Думой Закон «Об организации сыскной части». В соответствии с принятым Законом, в составе полицейских управлений было образовано сыскные отделения четырех разрядов для производства розыска по делам общеуголовного характера в городах и уездах [4].

Всего было образовано 89 сыскных отделений. Важным моментом являлось то, что в качестве главной определяющей в необходимости создания данных отделений Правительством Российской империи было рассмотрено два вида структурного построения сыскной полиции – централизованный и децентрализованный. В итоге, за основу был взят децентрализованный принцип построения, как наименее затратный. Первоначально и сами штаты этих отделений насчитывали от 8 до 20 сотрудников.

С целью создания, своего рода, информационного центра для сбора и аналитической обработки информации в структуре Департамента полиции было создано 8-е делопроизводство, осуществлявшее координационные функции и занимавшееся составлением документов по организации уголовного сыска, созданием центрального регистрационного бюро, вопросами взаимодействия по обмену опытом в деятельности с полицией западноевропейских государств и др.

С целью эффективного осуществления деятельности сыскной полиции, 09 августа 1910 г. была принята Инструкция чинам сыскных отделений, закрепившая организационное устройство, права и обязанности чинов сыскных отделений [5]. В частности, Инструкцией было определено, что сыскные отделения имеют целью своей деятельности негласное расследование и производство дознаний в виде предупреждения, устранения, разоблачения и преследования преступных деяний общеуголовного характера. В Инструкции обращалось внимание на район деятельности каждого сыскного отделения, а также на то, что все сведения по делам политического характера, начальники отделений обязаны незамедлительно сообщать начальникам губернских или охранных отделений. Интерес представляет и примечание в Инструкции, в соответствии с которым начальники сыскных полиций С. – Петербурга, Московской подчинялись градоначальникам, а Варшавской – обер-полицмейстеру.

Инструкцией 1910 г. были определены задачи сыскных отделений. В частности, определялись сыскные отделения, состоявшие в негласном расследовании и производстве дознаний в видах предупреждения и преследования преступных деяний общеуголовного характера. Кроме того, были определены и принципы организации отделений. По своей структуре каждое из отделений состояло из четырех столов:

- личного задержания;
- розысков;
- наблюдения;
- справочного регистрационного бюро, занимавшегося именно регистрацией преступников, установлением их личности, выдачей справок о судимости и о розыске скрывающихся лиц.

Начальник сыскного отделения, в соответствии с Инструкцией, получил право требовать содействия от чинов общей полиции как в процессе расследования преступлений по уголовным делам, так и в выполнении полученных полицмейстеров, в подчинении которых состояли и чины сыскной и чины общей полиции.

В своей работе чины сыскных отделений использовали метод наружного наблюдения и негласных сотрудников.

Рассматривая организацию и деятельность сыскных отделений, следует обратить внимание и на то, что большое значение в их деятельности имели научные методы расследования преступлений, систематизации и анализ полученных результатов, их оценка и даже научное обоснование. Это было связано с тем, что полиция Российской империи в своей деятельности по состоянию на конец XIX – начало XX вв. начинает использовать различные научные методы классификации. Особое развитие это получает при применении антропометрической системы измерений. В частности, в работе использовалась антропометрическая система «бертильонаж», которую активно в своей деятельности использовала сыскная полиция.

ция Парижа и названная так по имени ее создателя Альфонса Бертильона. В деятельности российской полиции она будет введена с 1890 г. Система Бертильона состояла в измерении длины и ширины головы, длины среднего пальца и мизинца руки, ширины скуловой кости человека, в ширине правого уха, в определении радужной оболочки глаза и др. «За период с 1891 по 1897 гг. по системе Бертильона в России было измерено 23 тыс. мужчин и 4 тыс. женщин. Среди них было обнаружено 1700 рецидивистов и 180 рецидивисток» [6]. Со временем эту систему перестали использовать, заменив ее на более точную систему измерения и идентификации преступников – дактилоскопию, разработанную начальником полиции Лондона Эдвардом Генри. Данная система была введена и успешно апробирована в Скотланд-Ярде. Именно эту систему была взята в качестве эталона в деятельности российской полиции того времени.

Обращаясь к началу XX в., остановимся и на деятельности Центрального регистрационного бюро, которое было образовано распоряжением Министерства внутренних дел по Департаменту полиции 29 декабря 1906 г. 09 апреля 1907 г. в Департаменте полиции было образовано Центральное регистрационное бюро, а в сыскных отделениях на местах – регистрационные бюро. С целью сбора информации, ее обработки была создана система, в основу которой легла регистрационная карта [6].

Литература:

1. *Реент Ю.А.* Полицейская система Российской империи начала XX века (1900–1917 гг.) : автореф. дис ... докт. ист. наук. М. : МГУ имени М.В. Ломоносова, 2002. 48 с.
2. *Жилина Ю.А.* Чины сыскной и общей полиции дореволюционной России в борьбе с общеуголовной преступностью // *Оперативник (сыщик)*. 2012. № 1(30).
3. Инструкция околоточным надзирателям. СПб., 1867. Отдельное издание.
4. Из глубины времен. СПб., 1992. № 1.
5. Инструкция чинам сыскных отделений 9 августа 1910 г. Отдельное издание. СПб., 1910.
6. *Мулукаев Р.С.* Избранные труды: К 80-летию со дня рождения. М. : Академия управления МВД России. М., 2009. 561 с.

Таким образом, создание сыскных отделений в Империи привело к тому, что данные подразделения направляли деятельность всей городской полиции по борьбе с общеуголовными преступлениями. До их образования задача борьбы с уголовной преступностью входила в непосредственные обязанности чинов общей полиции. По Закону 06 июля 1908 г. чины сыскных отделений наделялись равными правами в деле расследования уголовных преступлений с чинами общей полиции, так как они действовали на основе одних и тех же принятых нормативных правовых актов. Созданные в соответствии с Инструкцией от 09 августа 1910 г., сыскные отделения занимались организацией и проведением негласного расследования и производства дознания с целью предупреждения, устранения и преследования преступных деяний общеуголовного характера. Именно в этой Инструкции были более конкретно определены положения Закона 1908 г.: цели, задачи сыскных отделений, их внутренняя структура, порядок производства оперативно - розыскных действий. Вместе с тем, она, в целом, не изменила принципа организационного построения сыскных отделений и поэтому они, все же, отчасти, оставались ограниченными в своей деятельности в рамках подведомственной им территории». В связи с этим, они не могли осуществлять оперативно-розыскные мероприятия за пределами городов, в которых они были расположены.

Literature:

1. *Reent Yu.A.* The Police system of the Russian Empire at the beginning of the XX century (1900–1917) : abstract of the dis. ... doctor of historical Sciences. M. : Lomonosov Moscow state University, 2002. 48 p.
2. *Zhilina Yu.A.* The Ranks of the detective and General police of pre-revolutionary Russia in the fight against ordinary crime // *The field investigator (sleuth)*. 2012. № 1(30).
3. Instructions to district wardens. SPb., 1867. Separate edition.
4. From the depth of time. SPb., 1992. № 1.
5. Instructions to the ranks of detective departments August 9, 1910 Separate edition. SPb., 1910.
6. *Mulukaev R.S.* Selected works: To the 80th anniversary of the birth. M. : Academy of management of the Ministry of internal Affairs of Russia. M., 2009.

Сафонов Андрей Александрович

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
техничко-криминалистического
обеспечения экспертных исследований,
Московский университет МВД России
safonov_volga@mail.ru

Варченко Игорь Александрович

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
уголовного процесса и криминалистики,
Новороссийский филиал
Краснодарского университета МВД России
igorvarchenko@yandex.ru

**К ВОПРОСУ
О СЛЕДСТВЕННЫХ СИТУАЦИЯХ
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ НЕЗАКОННОГО
ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ
И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ**

Аннотация. Несмотря на критическое отношение отдельных ученых к «криминалистической характеристике преступления», в целом, ввиду «фантомности» данного теоретического построения, стоит отметить, что далеко не все ее элементы, как правило выделяемые криминалистами, лишены практического смысла.

В статье рассматриваются отдельные следственные ситуации и возможные версии при расследовании незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Исходя из полученной информации об изъятых предметах и веществах, их качественном и количественном составе, можно выдвинуть предположения о путях поступления (доставки), иных участников преступления, их криминальных связях.

Ключевые слова: следственная ситуация, наркотические средства, расследование, следственные действия, оперативно-розыскные мероприятия, планирование расследования.

Несмотря на критическое отношение отдельных ученых к «криминалистической характеристике преступления», в целом, ввиду «фантомности» [1] данного теоретического построения, стоит отметить, что далеко не все ее элементы, как правило выделяемые криминалистами, лишены практического смысла. Одним из таких элементов всегда выступали след-

Andrey A. Safonov

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
Technical and Criminalistic
Providing Expert Research,
Moscow University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
safonov_volga@mail.ru

Igor A. Varchenko

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
Criminal Procedure and Forensic Science,
Novorossiysk branch Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
igorvarchenko@yandex.ru

**ON THE ISSUE OF INVESTIGATIVE
SITUATIONS IN THE INVESTIGATION
OF ILLICIT TRAFFIC
IN NARCOTIC DRUGS
AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES**

Annotation. Despite the critical attitude of individual scientists to the «criminal characterization of the crime», in general, due to the «phantom» of this theoretical construction, it is worth noting that not all its elements, usually allocated by criminologists, have no practical meaning. The article deals with individual investigative situations and possible versions in the investigation of illicit traffic in narcotic drugs and psychotropic substances. Based on the information received about seized objects and substances, their qualitative and quantitative composition, it is possible to put forward assumptions about the ways of arrival (delivery), other participants in the crime, their criminal ties.

Keywords: investigative situation, drugs, investigation, investigative actions, operational search activities, investigation planning.

ственные ситуации исследуемого вида преступлений и планирование расследования. Именно детальное изучение возможных следственных ситуаций позволяет грамотно спланировать дальнейшую деятельность по расследованию преступления, определить последовательность производства ОРМ и следственных действий, последовательность назначения и производства экспертных исследований и т.д.

Говоря о следственных ситуациях расследования незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, стоит отметить, что в большинстве случаев возбуждение уголовных дел возможно только лишь на основании оперативно-разыскных данных, реализуемых специализированными подразделениями МВД России. В ряде случаев, когда речь идет о достаточно внушительных размерах незаконного оборота, оперативное сопровождение возможно со стороны иных правоохранительных органов. В соответствии со ст. 151 УПК РФ, деяния, подпадающие под определение «незаконный оборот...», предполагают альтернативную подследственность, поэтому органом расследования будет выступать, как правило, орган, выявивший преступление.

Предшествующая расследованию оперативно-разыскная деятельность, опосредованная особенностями осуществления самой преступной деятельности. Во многих случаях, если вести речь о поставленном «на поток» криминальном бизнесе по сбыту указанных предметов, подобная деятельность острейшим образом противостоит расследованию и борьбе со стороны правоохранительных органов, что выражается в серьезном противодействии. К последнему можно отнести конспирацию своей деятельности, достаточно четкое распределение функций между участниками цепочки по сбыту, наличие собственной субкультуры с вытекающими отсюда поведенческими, языковыми, жестовыми особенностями, по которым можно фильтровать людей по принципу «свой» – «чужой», доступность производных к наркотическим средствам и психотропным веществам, в конце концов, отсутствие четко определенного «потерпевшего» в большинстве рассматриваемых преступлений, а, следовательно, и лица, которое дает определенный объем информации для расследования.

В подобных условиях вряд ли приходится говорить о бесконфликтных, пусть даже в той или иной степени, следственных ситуациях. Ситуации расследования незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, по большому счету всегда конфликтны, а в ряде случаев – остро конфликтны. Искать заинтересованность со стороны задержанного в расследовании дела и глубокое понимание деятельности сотрудников ОВД, бессмысленно. Он всегда находится по другую сторону расследования, пусть и является в какой-то степени «потерпевшим», исключительно больным человеком с хронической зависимостью в ситуации задержания конечного звена в цепочке сбыта – наркомана.

Таким образом, можно вести речь о довольно сложных следственных ситуациях, в которых даже достаточно неплохое начало расследования с позиции имеющихся исходных данных, может достаточно скоротечно перейти в безинформативную осложненную систему. Другими словами, при задержании абстрактного курьера, мы, конечно, будем иметь лицо, при котором находится вещество с достаточными качественными и количественными характеристиками, но задачи расследования, требующие установления всех

обстоятельств дела, всех лиц, причастных к преступлению, всех эпизодов преступной деятельности вряд ли будут решены в столь полном объеме, поскольку задержанный, как показывает практика расследования, в самой незначительной степени обладает такой информацией. Подобные обстоятельства ведут к серьезным затруднениям в деятельности правоприменителя за счет полнейшего или частичного информационного вакуума. Подобная модель сложной проблемной ситуации возможна как при описанном примере, так и в ситуации, например, хищения наркотических средств, при отсутствии данных о преступнике, когда преступление совершено в условиях неочевидности.

Как правило, в ситуации, при которой подозреваемый установлен, задержан с поличным, но при этом правоохранительные органы не могут с уверенностью определить содержание установленной преступной деятельности ввиду отсутствия или недостаточного оперативного сопровождения, к наиболее характерным ситуациям и, соответственно, разрабатываемым по отдельным вопросам типичным версиям можно отнести следующие:

1. Ситуация, складывающаяся при задержании перевозчика наркотических средств (во время непосредственной транспортировки). К возможным версиям при этом можно отнести причастность задержанного к преступной организации, занимающейся незаконным оборотом наркотических средств, в качестве одного из членов данной организации, либо это лицо, используемое от одного до нескольких раз в качестве только лишь перевозчика по отдельным, как правило, платным поручениям одного из членов данной преступной организации.

2. Ситуация, складывающаяся при задержании лица после того, как правоохранительными органами были обнаружены наркотические средства в каком-либо по своему целевому назначению помещении или ином месте, используемом в качестве хранилища. К типовым версиям в данном случае можно отнести, также, отношение задержанного лица к преступной организации, занимающейся незаконным оборотом наркотических средств, в качестве одного из членов данной организации, аккумулирующего у себя определенный объем наркотических средств с целью дальнейшей передачи по цепочке или непосредственного распространения (сбыта), либо непосредственно производящего наркотические средства и использующего данное помещение (квартиру, гараж и пр.) в качестве промежуточного склада. Второй версией возможно определить похищение, либо иную форму приобретения лицом наркотических средств, с целью дальнейшего сбыта и временного хранения в настоящий момент.

3. Ситуация, складывающаяся непосредственно в момент задержания при сбыте наркотических средств. В качестве типовых версий можно выдвинуть несколько в зависимости от ролей задержанных преступников. Относительно продавца –

им является производитель (заготовитель), перекупщик крупных партий у оптовых производителей (заготовителей), посредник в организованной преступной группе, роль которого заключается как раз в сбыте наркотических средств. Относительно покупателя – им является лицо, выступающее в качестве оптового (мелкооптового) скупщика в целях дальнейшего сбыта приобретенного товара на различных массовых мероприятиях, либо в местах постоянной массовой концентрации потенциальных потребителей (концерты, ночные клубы, учебные заведения и пр.). Также, возможно выдвинуть версию об отношении покупателя к содержанию наркопритона, либо относительно обеих сторон – о том, что они являются представителями устойчивых организованных преступных групп, систематически (либо в первый раз) осуществляющих продажу-приобретение наркотических средств в целях дальнейшего их распространения.

Более детальные типовые версии могут быть выдвинуты с учетом индивидуальных обстоятельств задержания – по месту задержания, по изъятым предметам и пр.

Так, в ситуации задержания лица с наркотическими средствами у места производства (переработки) наркотиков, обоснованно должно повлечь выдвижение версии о скупке произведенного вещества.

В зависимости от природы наркотического средства можно выдвинуть версии о местном (региональном) его происхождении, либо трансграничном его перемещении и сбыте в месте обнаружения. Например, обнаруженный гашиш, как правило, изготовлен по месту из собранной дикорастущей конопли. В свою очередь, обнаруженные наркотические средства растительного происхождения иных климатических условий, географических широт должны натолкнуть на версию о контрабанде, либо их транзите (исходя из установленных объемов вещества).

В случае обнаружения (изъятия) наркотических средств, используемых в медицинских целях, в соответствующих лекарственных формах, упаковках, обоснованно может повлечь выдвижение версии о хищении соответствующих препаратов из аптек, иных лечебных и производственных медицинских учреждений. Зачастую сопутствующим в подобных ситуациях обнаруженным предметом могут выступать поддельные рецепты, что не может не повлечь отработки версии о взаимодействии задержанных лиц с соответствующими должностными лицами медучреждений.

Литература:

1. *Белкин П.С.* Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М. : Норма, 2001. С. 219–224.

В ситуации выявления нарушения правил хранения, транспортировки, реализации (выдачи) наркотических препаратов (средств) можно выдвинуть две версии:

а) о низкой рабочей дисциплине (контроле со стороны ответственных лиц, либо ввиду халатного отношения персонала к своим должностным обязанностям) на предприятии, повлекшей утрату указанных предметов;

б) об умышленном нарушении установленных правил для образования официально оформленных излишков, которые в последующем возможно реализовать. Возможно, детальный криминологический анализ лиц, ответственных за выполнение указанных правил, позволит установить иные факты преступной деятельности.

В ситуации, когда оперативное сопровождение все же предшествовало задержанию подозреваемого(ых), стоит отметить, что личность последнего, как правило, хорошо известна и правоохранительные органы в достаточной степени осведомлены как об исполнителях содеянного, так и об иных эпизодах их преступной деятельности.

Как и в процессе расследования по иным преступлениям, при расследовании анализируемых составов версии проверяются комплексом оперативно-разыскных мероприятий и следственных действий. По понятным причинам, именно доказательства в процессуальном смысле могут быть получены лишь в результате грамотного производства именно следственных действий. Тем не менее, умалывать информацию, полученную путем производства ОРМ, вовсе не стоит – она носит серьезный исходный, базовый характер, ее можно использовать, исходя из тактических соображений в дальнейших тактических приемах и комбинациях при производстве следственных действий (их комплекса с ОРМ). Надо отметить, что при расследовании незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ наибольшее значение имеет наличие вещественных доказательств по делу, которые могут быть обнаружены при производстве задержания, личного обыска, обыска в помещениях, жилище, при следственном осмотре. Исходя из полученной информации об изъятых предметах и веществах, их качественном и количественном составе, можно выдвинуть предположения о путях поступления (доставки), иных участников преступления, их криминальных связях.

Literature:

1. *Belkin R.S.* Criminalistics: problems of today. M. : Norma, 2001. P. 219–224.

Семенихина Татьяна Николаевна
адъюнкт кафедры криминалистики,
Краснодарский университет
МВД России
Milena.555@mail.ru

Tatyana N. Semenikhina
Adjunct of the Department
of Forensic Science,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
Milena.555@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПРИ ПРОВЕРКЕ ЗАЯВЛЕНИЯ (СООБЩЕНИЯ) О ДИСТАНЦИОННОМ МОШЕННИЧЕСТВЕ

PARTICULARITIES OF HOLDING AN INSPECTION OF THE INCIDENT SCENE IN EXAMINING THE POLICE REPORT (MESSAGE) ABOUT THE REMOTE FRAUD

Аннотация. Осмотр места происшествия относится к неотложным следственным действиям. Он незамедлительно проводится при поступлении сообщения о преступлении в том случае, если могут быть обнаружены следы противоправного деяния, выяснены обстоятельства, которые лягут в доказательственную базу по уголовному делу. В статье делается акцент на особенности проведения осмотра места происшествия при совершении дистанционного мошенничества. Обозначаются цели производства осмотра места происшествия. Рассматриваются особенности осмотра жилища заявителя, мобильного устройства, платежного терминала самообслуживания, а также помещения, где данное устройство обнаружено.

Annotation. The examination of the scene is an urgent investigation. It is immediately carried out when a crime is reported, if traces of an illegal act can be found, the circumstances that will fall into the evidence base in a criminal case can be clarified. The article focuses on the particularities of holding an inspection of the incident scene when committing remote fraud. There are the purpose of holding an inspection of the incident scene. The article is concerned with an exploring habitation of an appellant, mobile device, self-service payment terminal as well as the accommodation this device was found.

Ключевые слова: дистанционное мошенничество, осмотр места происшествия, протокол, осмотр мобильного устройства, денежные средства.

Keywords: remote fraud, holding an inspection of the incident scene, a report (a protocol), inspection of a mobile device, monetary funds.

В соответствии со статьей 176 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, осмотр места происшествия при проверке заявления (сообщения) о преступлении может проводиться сотрудниками правоохранительных органов до возбуждения уголовного дела. Осмотр места происшествия относится к неотложным следственным действиям. Он незамедлительно проводится при поступлении сообщения о преступлении в том случае, если могут быть обнаружены следы противоправного деяния, выяснены обстоятельства, которые лягут в доказательственную базу по уголовному делу.

выполнить данные обязательства со стороны злоумышленников), с согласия заявителя проводится осмотр места происшествия в жилом помещении, если в нем расположены компьютерные устройства, подключенные к телекоммуникационной сети и содержащие компьютерную информацию.

При поступлении сообщения о дистанционном мошенничестве, обычно известны такие сведения: место нахождения заявителя в момент мошенничества, место перевода либо зачисления денежных средств.

Цели производства осмотра места происшествия: установление обстановки произошедшего, обнаружение и изъятие следов (электронной информации), предметов (носитель информации), документов, которые могут стать доказательственной базой в рамках процессуального производства по уголовному делу о дистанционном мошенничестве.

В случаях, когда жертва преступления, находясь по месту жительства (квартира, жилой дом), просматривала размещенную на Интернет-ресурсе информацию об оказании услуг (без намерения

В протоколе осмотра места происшествия необходимо указать следующие данные:

1) местонахождение компьютера (стационарный, планшет, ноутбук, смартфон), устройства связи (модем или роутер wi-fi), порядок их связи между собой (беспроводная или локальная сеть);

2) многозадачность каждого устройства: название, комплектация, серия и номер (сетевые карты, разъемы), присутствует ли на момент осмотра соединение с телекоммуникационной сетью, в каком состоянии находится устройство;

3) смысловая нагрузка текста, выведенного на монитор.

В тех ситуациях, когда при осмотре места происшествия выявлен факт функционирования Интернет – ресурса, с использованием которого совершено дистанционное мошенничество (не удален, нет блокировки), то в протоколе отражаются сведения данного сайта (сфера деятельности, есть ли комментарии или отзывы, также можно сделать снимок (скриншот) экрана компьютера, путем нажатия на клавиатуре кнопки PrintScreen): адресная строка и идентификатор страницы.

Кроме того, при осмотре места происшествия могут изыматься системные блоки, либо накопители на жестких магнитных дисках, электронные носители данных, устройства связи.

С письменного согласия заявителя при осмотре места происшествия следователем (дознавателем) может производиться осмотр его мобильного телефона. По итогам осмотра, который целесообразнее проводить при участии специалиста, фиксируется следующая информация:

- IMEI мобильного устройства заявителя;
- абонентский номер SIM-карты заявителя;
- данные записной книжки (контакты), расположенные в памяти телефона и SIM-карты, входящие/исходящие вызовы и СМС-сообщения;
- тексты переписки между жертвой и мошенником по средством СМС-сообщений, мессенджеров «WhatsApp», «Viber»;
- история посещения Интернет-ресурсов;
- о поиске через браузер в Интернете сведений, относящихся к совершенному дистанционному мошенничеству;
- об использовании Интернет – сервисов по виртуальному обороту платежных средств (электронные кошельки);
- о регистрации в социальных сетях («Вконтакте», «Одноклассники», «Инстаграм»), где страница пользователя может содержать важные для расследования сведения;
- в форме сохраненных паролей и логинов (так, на мобильном устройстве могут быть установлены программы, сохраняющие сведения о логинах и паролях на сайтах при регистрации пользователя);
- о виде программного обеспечения на телефоне жертвы преступления, в том числе собственной защитной программы (антивируса).

Для того, чтобы отследить движение платежных средств по счету (банковской карте) в ходе

осмотра целесообразно проанализировать активность приложения «Мобильный банк» («Историю платежей», «Последние операции» и др.). Для запечатления полученной информации необходимо сделать снимки экрана, либо с помощью самого мобильного устройства (скриншот), либо сфотографировать экран другим устройством. Таким же способом фотографируется информация, хранящаяся в памяти телефона (переписки с мошенником с помощью СМС-сообщений и в мессенджерах «WhatsApp», «Viber», сохраненные страницы в браузере из социальных сетей, мобильных приложений и др.). Полученные сведения фиксируются в протоколе осмотра места происшествия, а фотоматериалы оформляются фототаблицей.

Кроме того, платежные средства могут быть похищены путем внедрения в мобильное устройство на базе Android заявителя вредоносной программы. С помощью такого вируса мошенник без ведома жертвы дистанционно управляет СМС-сообщениями (отправкой, удалением, осуществляет их перехват). Списание денежных средств потерпевший обнаруживает во время проверки баланса карты, либо обезличивания денежных средств. Поэтому мобильный телефон жертвы дистанционного мошенничества не осматривается на предмет сохраненных сообщений.

При дистанционном мошенничестве, совершенном при помощи вредоносного программного обеспечения, в мобильном устройстве сохраняются СМС-сообщения, отправленные с номера абонента связи на сервисные номера банка. Их можно отследить по детализации соединений абонентского номера.

Если для осмотра мобильного устройства жертвы дистанционного мошенничества требуется длительное время, специальные познания и технические средства, то в ходе осмотра места происшествия можно изъять мобильный телефон (и его содержимое), чтобы впоследствии провести отдельное следственное действие – осмотр мобильного устройства.

В ходе осмотра жилища заявителя могут также изыматься имеющие значение для дела документы и сведения, которые потерпевший самостоятельно получил: например, 1) детализация входящих и исходящих соединений абонентского номера, с помощью которого заявитель контактировал с виновным; 2) выписки движения денежных средств по платежной карте, с которой были списаны деньги; 3) договор по открытию счета в банке (документы по оформлению банковской карты, договор банковского обслуживания).

При проведении процессуальной проверки по сообщению о дистанционном мошенничестве требуется провести осмотр места, где жертва преступления перевела денежные средства (если удалось установить – осмотр места зачисления денежных средств), которые были переданы на абонентский номер, банковскую карту, электронный кошелек. Как правило, в подобных случаях заявителем используется банкомат (платежный терминал самообслуживания).

При осмотре места происшествия необходимо произвести осмотр помещения, где данные устройства установлены. В протоколе отражается наличие либо отсутствие камер наружного наблюдения, видеозаписи, а также факт перевода либо снятия наличных денежных средств заявителем. Помимо этого, фиксируется информация о лицах, подозреваемых в совершении мошенничества, их соучастниках, свидетелях, а также автотранспорте, которое располагалось в момент денежной операции у банкомата. Если камеры наружного видеонаблюдения имеются, тогда следователь (дознатель) обязаны их изъять.

Идентификационные номера на корпусе банкомата (платежного терминала) в последующем используются лицом, проводящем расследование, при направлении запросов администратору платежной системы (оператору сотовой связи) с целью подтверждения факта списания или зачисления денежных средств. Поэтому при осмотре целесообразно привлекать таких специалистов, как поставщик данного технического устройства, специалист центра технического обслуживания.

В ходе осмотра места происшествия следователь (дознатель) является руководителем следственно-оперативной группы, решает вопрос о

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 52 (Часть I). Ст. 4921.

привлечении дополнительных специалистов, определяет объем работы каждого участника, отвечает за сохранность следов, разъясняет права всем участникам следственного действия, несет персональную ответственность за результативность работы и достоверность отраженной в протоколе информации. Итогом обобщения и анализа такого массива работы является решение вопроса о возбуждении уголовного дела, принятие мер к установлению и задержанию подозреваемого в совершении дистанционного мошенничества лица.

Таким образом, осмотр места происшествия по заявлению (сообщению) о дистанционном мошенничестве в большей мере нацелен на получение криминалистически значимой информации о механизме преступления, способе совершения, алгоритме действий злоумышленников, проверку имеющихся сведений с разработанными версиями. С учетом вышеизложенного, существует объективная необходимость в проведении такого следственного действия как осмотр места происшествия при расследовании дистанционных мошенничеств. Оперативное и качественное его проведение может оказать определенный положительный результат при установлении преступника.

Literature:

1. Penal Code of the Russian Federation dated December 18, 2001 № 174-FZ (revised December 27, 2018) // Corpus of legislative acts of the Russian Federation. December 24, 2001. № 52 (Part I). Art. 4921.

Соловяненко Нина Ивановна

кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник
сектора предпринимательского права,
Институт государства и права
Российской академии наук
spp@igpran.ru

Nina I. Solovyanenko

Candidate of Legal Sciences,
Senior Researcher the Business Law Sector,
Institute of State and Law Russian
Academy of Sciences
spp@igpran.ru

**ЮРИДИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ДОКУМЕНТАЦИИ, ТЕХНИЧЕСКИХ
ДАНЫХ И ИНОЙ ИНФОРМАЦИИ
В СОСТАВЕ ЕДИНОЙ ТЕХНОЛОГИИ**

**LEGAL CHARACTERISTICS
OF DOCUMENTATION, TECHNICAL
DATA AND OTHER INFORMATION
AS PART OF A SINGLE TECHNOLOGY**

Аннотация. В статье рассматриваются юридические особенности создания и применения результатов интеллектуальной деятельности (РИД), не охраняемых в качестве интеллектуальной собственности (технических данных), в составе единой технологии. Анализируются теоретические и юридико-технические характеристики не охраняемых РИД и их компонентов, таких как информация, документация. Исследуется правовая природа документированной информации, в том числе представленной в виде электронных документов. Делается вывод о целесообразности разработки юридического механизма управления электронными документами, в которых зафиксированы не охраняемые РИД, включенные в состав единой технологии.

Annotation. The article discusses the legal features of creating and applying the results of intellectual activity (RIA) that are not protected as intellectual property (technical data) as part of a single technology. The theoretical and legal-technical characteristics of non-protected RIA and their components, such as information and documentation, are analyzed. The legal nature of documented information, including those presented in the form of electronic documents, is investigated. It is concluded that it is expedient to develop a legal mechanism for managing electronic documents that contain unprotected RIA included in the single technology.

Ключевые слова: результаты интеллектуальной деятельности, единая технология, право на технологию, информация, документация, правовой режим технической документации, электронный документ, электронная форма документа, электронная подпись.

Keywords: results of intellectual activity, unified technology, right to technology, information, documentation, legal regime of technical documentation, electronic document, electronic form of document, electronic signature.

И нновационная деятельность, разработка и внедрение прогрессивных технологий в качестве «точек роста» является неотъемлемой частью социально-экономического развития государства. В документах Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) отмечается необходимость активизации инновационной деятельности в интересах укрепления производственного потенциала государств, ответа на новые вызовы и реализации целей в области устойчивого развития: «новые направления научно-технической и инновационной политики и методологии означают переосмысление политики в области науки, техники и инноваций с учетом Повестки дня ООН в области устойчивого развития на период до 2030 года».

либо бюджетов субъектов РФ, выделяемых для оплаты работ по государственным контрактам, по другим договорам, для финансирования по сметам доходов и расходов, а также в виде субсидий.

Базовые правовые конструкции, опосредующие создание и применение в составе единой технологии результатов интеллектуальной деятельности (РИД), закреплены в Гражданском кодексе РФ, включая распространяемые на данные отношения основы гражданско-правового регулирования, а также в ряде других федеральных законов, в том числе Федеральном законе от 25.12.2008г. «О передаче прав на единые технологии» и других нормативных правовых актах.

Указанным целям отвечает правовая модель единой технологии. Она имеет специальное назначение и применяется к отношениям, связанным с правом на технологию, созданную за счет или с привлечением средств федерального бюджета

В п. 1 ст. 1542 ГК РФ задан набор юридических спецификаций единой технологии. Это результат интеллектуальной, научно-технической, деятельности, который может служить технологической основой практической деятельности в гражданской или военной сфере. Интеллектуальный

научно-технический результат должен быть выражен в объективной форме. Единая технология включает в различных сочетаниях такие результаты интеллектуальной деятельности как изобретения, полезные модели, промышленные образцы, программы для ЭВМ или другие РИД, которые являются объектами исключительных прав и пользуются правовой защитой в качестве интеллектуальной собственности в соответствии с нормами ГК РФ [1, с. 37–40].

Представление о единой технологии близко зафиксированному в Федеральном законе от 23.08.1996 г. «О науке и государственной научно-технической политике» содержанию понятия научной и (или) научно-технической продукции, определяемому как «научный и (или) научно-технический результат, в том числе результат интеллектуальной деятельности, предназначенный для реализации».

Права на отдельные интеллектуальные результаты в составе единой технологии не преобразовываются в целостное обособленное право новой юридической природы. Они консолидируются в целях использования каждого из результатов по общему назначению – при осуществлении определенной практической деятельности.

Право на созданную единую технологию, как и право использовать РИД в составе данного сложного объекта, принадлежит лицу, организовавшему создание единой технологии на основании договоров с обладателями исключительных прав на РИД, входящих в состав единой технологии за исключением случаев, когда это право принадлежит Российской Федерации или субъекту РФ.

Единые технологии относятся к комбинационным интеллектуальным объектам правовой защиты и могут включать помимо объектов исключительных прав также результаты интеллектуальной деятельности, не охраняемые в качестве интеллектуальной собственности (технические данные, другую информацию, за исключением информации, которая может быть опубликована в СМИ, произведениях науки, литературы и искусства, рекламных материалах).

Особенности правового режима результатов интеллектуальной деятельности, не являющихся интеллектуальной собственностью

В процессе идентификации полученных результатов научно-технической деятельности как единой технологии подобные результаты обязательно исследуются на предмет наличия РИД, не пользующихся правовой охраной и составляет перечень последних. РИД, не являющиеся объектами исключительных прав, обладают ценностью и подлежат инвентаризации с целью учета и правомерного использования в гражданском обороте. Если при выполнении научно-исследовательских работ за счет средств федерального бюджета, предусмотренных на финансирование НИОКР, получены положительные результаты в виде РИД, не являющихся объектами авторских прав, возникшие активы (права на РИД) подлежат отражению в бюджетном учете в составе нематериальных активов.

В целях юридического признания РИД, представляющие собой технические данные или иную научно-техническую информацию, должны получить объективную форму выражения, то есть быть закреплены на материальном носителе (включая электронный). Зафиксированная подобным способом научно-техническая информация, оформленная в соответствии с требованиями нормативных правовых актов и/или стандартами, считается документированной информацией и обозначается терминами «документ», «документация». Так, в договоре на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ может предусматриваться научно-техническая, проектная, конструкторская, технологическая, эксплуатационная, отчетная документация. Перечень документов, содержащих сохраняемые результаты интеллектуальной деятельности (техническая документация), предусмотрен в постановлении Правительства РФ от 31.10.2009 г. «Об утверждении примерных форм договоров о передаче прав на единые технологии и примерной формы договора о выполнении дополнительных работ по доведению единой технологии до стадии практического применения с учетом потребностей заинтересованного лица».

Правовая природа документированной информации (документации)

Документы (документация) имеют двойственную правовую природу, поскольку они, с одной стороны, представляет собой материальные объекты, например, документы на бумаге, принадлежащие к категории вещей, а с другой стороны – зафиксированную в документах информацию.

Информацией в юридическом смысле признаются в силу Федерального закона от 27.07.2006 г. «Об информации, информационных технологиях и защите информации» сведения, сообщения, данные. Информация отдельно от носителя не указана в числе объектов гражданских прав (ст. 128 ГК РФ). Статус обладателя информации и его права в ГК РФ не определены. Они раскрываются в федеральном законе «Об информации». Обладателем информации считается лицо, самостоятельно создавшее информацию либо получившее право на нее в силу закона или договора. Обладатель информации пользуется правами по своему усмотрению использовать информацию, передавать информацию, определять порядок и условия доступа к ней, а также защищать информацию от несанкционированного доступа иных лиц. Вместе с тем федеральными законами может быть предусмотрена обязанность обладателя информации ограничивать доступ к информации.

Положения закона «Об информации» применимы к любому виду информации, в том числе представленной результатами интеллектуальной деятельности, не охраняемыми в режиме интеллектуальной собственности, которая приобретает характер специальной информации. В соответствии с «Методическими рекомендациями по признанию результатов интеллектуальной деятельности единой технологией» (утвержденными Министерством образования и науки РФ 22.04.2010 г.)

специальная информация используется для разработки, производства или применения контролируемой продукции; передача специальной информации может производиться в форме передачи технических данных или оказания технической помощи.

Обобщенная правовая категория «информация» безразлична к форме отображения последней. Вместе с тем документированной информацией, документом, закон признает информацию на материальном носителе, обладающую реквизитами, которые позволяют идентифицировать такую информацию или ее материальный носитель [3, с. 8–11]. Федеральный закон от 29.12.1994 г. «Об обязательном экземпляре документов» подобно закону «Об информации» трактует документ как «материальный носитель с зафиксированной на нем в любой форме информацией в виде текста, звукозаписи, изображения и (или) их сочетания», который содержит идентифицирующие признаки – реквизиты. В Рекомендациях ЮНЕСКО «О статусе научно-исследовательских работников» (от 20.11.1974 г.) систематизированное знание о способе производства продукта включает в том числе техническую информацию в виде определенного набора документов. Стандарт «ГОСТ Р ИСО 15489-1-2019. Национальный стандарт РФ. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Информация и документация. Управление документами» также исходит из двойственной природы документов, квалифицируя их одновременно как свидетельства деловой деятельности и информационные активы [6, с. 24–34].

Документ может иметь как бумажную, так и электронную форму. Электронные документы создаются, обращаются и хранятся в цифровой среде. В законодательной трактовке электронный документ это документированная информация, представленная в электронном виде, воспринимаемая человеком с использованием ЭВМ и передаваемая в информационных системах. Электронный документ, применяемый в правовых отношениях, должен отвечать нормативным требованиям, в первую очередь, быть подписанным электронной подписью в соответствии с федеральным законом «Об электронной подписи» от 06.04.2011 г.

В настоящее время активизировалось использование электронных документов в качестве приоритетного способа юридического взаимодействия в сфере гражданского оборота [5, с. 152–156]. Федеральный проект РФ «Нормативное регулирование цифровой среды в числе законодательных мероприятий цифровой экономики предусматривает совершенствование правового режима электронных документов. «Дорожная карта» по совершенствованию законодательства и устранению административных барьеров в целях обеспечения реализации Национальной технологической инициативы по направлению «Технет» предусматривает упрощение процедур оформления, учета, хранения, обмена цифровой документации, установление единых форматов подготовки и приемки цифровой (электронной) документации, гармонизацию системы национальных и отраслевых стандартов электронного документооборота.

В этой связи представляется целесообразной разработка правового режима неохранных результатов интеллектуальной деятельности в составе единой технологии, выраженных в виде электронных документов, а также юридический механизм управления такими документами. Юридический механизм должен содержать правила и процедуры создания, использования, получения, передачи, хранения электронных документов, а также права, обязанности и ответственность лиц участвующих в процессах создания, использования электронных документов и/или управления ими.

Передач прав на неохранные РИД

Как уже говорилось выше, неохранные РИД могут использоваться в гражданском обороте, приоритетной юридической формой которого является договорная форма передачи права на РИД [4, с. 8]. В соответствии с Федеральным законом «О передаче прав на единые технологии» и постановлением Правительства РФ от 31 октября 2009 г. № 880 по договору об отчуждении права на единую технологию правообладатель передает приобретателю право на единую технологию в полном объеме То есть наряду с отчуждением всех исключительных прав на охраняемые результаты интеллектуальной деятельности производится передача в полном объеме неохранных РИД. Приобретатель в свою очередь обязуется обеспечить практическое применение (использование, внедрение) единой технологии в соответствии с планом реализации последней. Вознаграждение за передачу права на единую технологию также включает плату за входящие в ее состав неохранные результаты интеллектуальной деятельности.

Каждый из неохранных результатов интеллектуальной деятельности выраженный в объективной, документальной, форме, индивидуализируется посредством обозначения наименования соответствующего документа и числа страниц в этом документе. Количество таких документов указывается в договоре. При переходе прав на единую технологию правообладатель по акту приема-передачи передает, а приобретатель принимает оригиналы (копии) документов, содержащих неохранные результаты интеллектуальной деятельности (техническую документацию). Документы индивидуализируются способом, указанным выше.

В правоотношениях по усовершенствованию единых технологий, предусмотренных лицензионном договором, фиксируется обязанность лицензиата незамедлительно информировать лицензиара о произведенном им усовершенствовании единой технологии, в том числе неохранных результатов интеллектуальной деятельности.

Наряду с этим необходимо отметить, что в лицензионный договор, предусмотренный «Правилами управления правами на единые технологии, принадлежащими Российской Федерации, утвержденными постановлением Правительства РФ от 22.12.2010 г., включается условие о закреплении за Российской Федерацией всех исключительных

прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные при использовании единой технологии [2, с. 66–81]. Однако отсутствует аналогичное положение о принадлежности РФ прав на неохранные РИД. В этой связи следует дополнить условия названного лицензионного договора

Литература:

1. *Баттахов П.П.* Понятие и правовая природа интеллектуальной собственности // Право и государство: теория и практика. 2019. № 11(179). С. 37–40.
2. *Васильева Е.Н.* Правовая охрана результатов интеллектуальной деятельности, созданных за счет средств федерального бюджета // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. № 5(212). С. 66–81.
3. *Двоеносова Г.А.* Документ как инструмент самоорганизации информационного общества // Вестник ВНИИДАД. 2019. № 2. С. 8–11.
4. *Санникова Л.В.* Договоры, обеспечивающие оборот исключительных прав / Л.В. Санникова, Ю.С. Харитоновна, А.В. Минбалева, Р.Ш. Рахматулина. М., 2018. 184 с.
5. *Соловяненко Н.И.* Правовой режим электронных документов в предпринимательстве: вопросы доктрины и юридической практики // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 3. С. 152–156.
6. *Янковая В.Ф.* Новый стандарт по управлению документами ГОСТ Р ИСО 15489-1-2019 // Дело-производство и документооборот на предприятии. 2019. № 9. С. 24–34.

положением о принадлежности Российской Федерации также прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные при использовании единой технологии и не являющиеся исключительными правами.

Literature:

1. *Battakhov P.P.* Concept and legal nature of intellectual property // Law and state: theory and practice. 2019. № 11(179). P. 37–40.
2. *Vasileva E.N.* Legal protection of the results of intellectual activity created at the expense of the Federal budget // Property relations in the Russian Federation. 2019. № 5(212). P. 66–81.
3. *Dvoenosova G.A.* Document as a tool of self-organization of the information society // Bulletin of VNIIDAD. 2019. № 2. P. 8–11.
4. *Sannikova L.V.* Agreements that ensure the circulation of exclusive rights / L.V. Sannikova, Yu.S. Kharitonova, A.V. Minbaleev, R.Sh. Rakhmatulina. M., 2018. 184 p.
5. *Solovyanenko N.I.* Legal regime of electronic documents in business: issues of doctrine and legal practice // Humanities, socio-economic and social Sciences. 2020. № 3. P. 152–156.
6. *Yankovaya V.F.* New standard for document management GOST R ISO 15489-1-2019 // Office Management and document management at the enterprise. 2019. № 9. P. 24–34.

Шалимов Евгений Евгеньевич
помощник генерального директора,
ФГУП «Космическая связь»
consul-trade@rambler.ru

СОВРЕМЕННАЯ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА В СФЕРЕ БОРЬБЫ С ФИНАНСИРОВАНИЕМ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В настоящей статье проанализирована правоприменительная практика различных стран по фактам совершения деяний, связанных с финансированием экстремистской деятельности в различных странах, а также рассмотрены основные трудности, которые возникают при расследовании данного типа правонарушений, обусловленные способами совершения самого преступления.

Поскольку обеспечение государственной и общественной безопасности являются ключевым приоритетом российской политики национальной безопасности, развитие нормативно-правового регулирования и анализ правоприменительной практики в сфере противодействия экстремизму остаются одной из наиболее актуальных задач современного российского общества.

Ключевые слова: национальная безопасность, Уголовный кодекс Российской Федерации, правоприменительная практика, финансирование экстремизма, противодействие экстремизму.

Правоприменительная практика России

Уголовный кодекс РФ в 2014 году был дополнен очень важной статьей 282.3. Согласно данному нововведению предусматривается уголовная ответственность за деятельность, которая предусматривает под собой финансирование экстремизма.

Проведя глобальный анализ норм отечественного законодателя, которые посвящаются борьбе с экстремизмом, с уверенностью можно сказать о том, что финансирование прочей деятельности, которая имеет черты экстремизма – основной элемент, по большому счету, указанного рода деятельности.

На сегодняшний день не может существовать в принципе ни одна структура, которая не получает должного технического, финансового, а также материального обеспечения. Прежде всего, если рассматривать экстремизм, то в нем принимают участие так называемые заинтересованные лица,

Evgeni E. Shalimov
Assistant Director General
for the Russian Satellite
Communication Company
consul-trade@rambler.ru

CURRENT LAW ENFORCEMENT PRACTICES IN COMBATING THE FINANCING OF EXTREMIST ACTIVITIES

Annotation. This article examines the law enforcement practices of different countries regarding the commission of acts related to the financing of extremist activities in different countries, as well as the main difficulties that arise in investigating this type of offense due to the methods of committing the crime itself.

Since ensuring state and public security are a key priority of Russian national security policy, the development of regulatory regulation and the analysis of law enforcement practices in the field of countering extremism remain one of the most pressing tasks of modern Russian society.

Keywords: national security, Criminal Code of the Russian Federation, law enforcement practice, financing of extremism, countering extremism.

целевые группы, которые имеют не только указанное, но и идеологическое подкрепление. Соответственно, можно сделать вывод о том, что финансирование экстремизма – это крайне опасная деятельность, так как выступает в качестве движущей силы любого преступления [4].

Согласно статьям 282.1, а также 282.2 действующего УК РФ, определяется некая степень ответственности, которая назначается подстрекателям, организаторам, а также исполнителям преступлений экстремистского характера. В то же время в Уголовном кодексе вовсе ничего не сказано о наказании для таких лиц, как пособники преступления. Впрочем, ранее мы говорили о том, что именно пособничество в форме финансирования выступает в качестве главного фактора многих преступлений. Например, если выделять гражданина или даже организацию, которые отправляют средства для определенной формы экстремизма, то по юридическим основаниям подобные операции сопряжены с термином «пособничество», о котором говорится в части 5 статьи 33 УК РФ. При этом нельзя не отметить, что за

чертой понятия «пособник» ныне в уголовном праве РФ бытует такой компонент финансирования рассматриваемой противозаконной деятельности, как оказание услуг финансового характера.

Если принять во внимание ФЗ № 135 «О защите конкуренции» и 26 июля 2006 года, можно сказать, что финансовая услуга – это страховые, банковские, а также лизинговые услуги, осуществляемые компаниями или рынком ценных бумаг. Следовательно, по сравнению с таким видом деятельности, как пособничество, гражданин, предоставляющий финансы для экстремизма, не дает собственные деньги для преступных целей. Тут он лишь организует благоприятные условия, при которых средства могут успешно размещаться, а далее – направляться непосредственно на экстремистские цели.

Следовательно, гражданин, который способствует экстремистским проявлениям через финансирование, по большому счету, выступает в качестве соучастника преступления, но не является организатором, исполнителем или пособником (о чем сказано в статье 33 УК РФ).

Правоприменительная практика Великобритании

Если обратить внимание на английское законодательство, можно выделить в нем характерную особенность. Заключается она в том, что в нем нет специализированных норм, связанных с борьбой с экстремизмом. Еще одна особенность законодательства Великобритании заключается в том, что экстремизм в этой стране полностью приравнивается к терроризму. Соответственно, в Великобритании был принят, а также действует на сегодняшний день ряд нормативно-правовых актов, которые заслуживают особого внимания [1]:

- Закон «О терроризме» (2000 г.);
- Закон «О борьбе с преступностью, терроризмом, а также обеспечении безопасности» (2001 г.);
- Закон «О предотвращении терроризма» (2005 г.) и так далее.

Согласно перечисленным Законам, британское законодательство террористической деятельностью, кроме непосредственного совершения актов терроризма, относит несообщение властям о планируемых террористических актах. Кроме прочего, укрывательство террористов, оказание материальной, финансовой помощи – все это также приравнивается к терроризму.

Говоря конкретно о финансировании терроризма, то заметим, что этот вопрос прописан в разделе 3 Закона «О терроризме». В частности, в разделе 15 части этого Закона сказано о том, что преступником может считаться лицо, если:

- привлекаются третьи лица для финансирования терроризма;
- выделяются средства, имущество, в дальнейшем используемое террористами.

Во всех указанных, а также прочих ситуациях человеку заранее должно быть известно о том, что выделенные им лично средства или привлеченные от третьих лиц – обязательно будут использованы в целях террористических актов. Анализируя разделы 16 и 17, отмечаем, что в них определяется ответственность за применение средств, направленных на терроризм, а также о финансировании терроризма соответственно. Вопросом отмывания указанных средств посвящается восемнадцатый раздел закона.

После того, как Великобритания принимает 14.12.01 года Закон «О борьбе с терроризмом, преступностью», в стране начинается новый виток борьбы с экстремизмом. Важная заслуга указанного закона заключается в том, что с его помощью законодатель строго определил ответственность за задействование оружия массового поражения.

В целом, можно отметить, что в Великобритании борьба с экстремизмом ведется в свете другого, не менее опасного проявления преступности – терроризма.

Правоприменительная практика Соединенных Штатов Америки

Рассматривая актуальный вопрос в США, отметим, что с экстремизмом в этой стране ведут борьбу не только посредством федерального законодательства, но и с помощью отдельных законов, принимаемых по штатам.

В Америке с 1958 по 2007 год принимается 90 Законов, которые, так или иначе, были связаны с вопросами экстремизма, а также терроризма.

Впрочем, уже сегодня можно быть свидетелями того, как в США развивается новое, не известное ранее направление – противодействие терроризму и экстремизму, как общественно опасным явлениям. Прежде всего, государство ведет активную кампанию, направленную на борьбу с терроризмом через Интернет. Так, проведя сравнительный анализ УК РФ и уголовного законодательства в США, заметим, что характерная тенденция американского законодательства состоит в том, что там с экстремизмом борются исключительно с помощью борьбы с терроризмом. Именно он считается самым опасным видом экстремизма [2].

Особого внимания заслуживают концепции, посвященные борьбе с экстремизмом в странах СНГ, а также государствах – бывших союзных республиках.

Правоприменительная практика Республики Беларусь

Например, в Беларуси борьба с экстремизмом по концептуальным основам близка к российской системе. 04.01.07 года принимается закон РБ № 203-З «О противодействии экстремизму». Очень важно отметить, что этот нормативно-правовой акт практически аналогичен ФЗ России от 25.07.02 года № 114 «О противодействии экстремистской деятельности». Итак, в статье 1 Закона

РБ особенно отмечается понятие «финансирование экстремизма», чего не сказать об аналогичном законе РФ. В нем финансирование экстремизма прописано непосредственно в понятии «экстремизм». В белорусском законодательстве финансирование экстремизма – это сбор, выдача финансов, ценных бумаг, имущества прочего характера – тем или иным способом для целей экстремистских актов. Однако для нас интерес представляют формулировки, которые напрямую касаются финансирования экстремизма [3].

В данной ситуации в статье 290.1 УК РБ определена ответственность за финансирование терроризма, то есть сбор средств любым образом для террористов, организаций террористов, в том числе – сбор и предоставление им прочих материальных благ, которые будут использованы в общественно опасных преступлениях.

Правоприменительная практика Украины

Наконец, нужно уделить внимание уголовному законодательству Украины – в области борьбы с экстремизмом. Тут выделим статью 110.2 УК Украины, которая рассматривает вопросы,

Литература:

1. *Андреев А.В.* Законодательство зарубежных государств об ответственности за финансирование экстремизма / А.В. Андреев, Б.В. Епифанов // Вестник Санкт-Петербургского Университета МВД России. 2015. № 4(68). С. 100–103.
2. *Крохмалев С.В.* Уголовная ответственность за преступления экстремистской направленности (новеллы законодательства) // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2015. № 1(33). С. 56–58.
3. *Тимофеев Е.В.* Расследование преступлений, связанных с финансированием экстремизма // В Сборнике: Организационное, процессуальное и криминалистическое обеспечение уголовного производства Материалы VI Международной научной конференции студентов и магистрантов. 2017. С. 109–110.
4. *Щебляков Е.С.* Основные направления развития уголовного права в сфере борьбы с финансированием экстремистской деятельности // Юридическая наука. 2020. № 4.

связанные с финансированием действий, которые совершаются ради насильственного свержения, изменения конституционного строя, изменения границ Украины.

Итак, часть 1 обозначенного закона гласит о том, что лица, финансирующие мероприятия, связанные с изменением государственных границ, территориальной целостности Украины, должны понести наказание в виде лишения свободы на срок от 3 до 5 лет. При этом человек не имеет права в течение 2 лет после осуждения занимать важные руководящие посты, а также заниматься некоторыми видами деятельности. Дополнительно у преступников конфискуют имеющееся имущество.

Что касается части 2 статьи 110.2 УК Украины, то в ней определена ответственность за действия, которые противоправно совершаются ради захвата власти в стране. За подобное преступление лицо получает тюремный срок на 5–7 лет, с конфискацией имущества, с запретом на занятия определенных должностей в течение 2 лет.

Вопросы финансирования терроризма освящены в статье 258.5 УК Украины.

Literature:

1. *Andreev A. V.* Legislation of Foreign States on Responsibility for Financing Extremism / A.V. Andreev, B.V. Epifanov // Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 4(68). P. 100–103.
2. *Krokhmalev S.V.* Criminal liability for extremist crimes (short stories of legislation) // Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 1(33). P. 56–58.
3. *Timofeev E.V.* Investigation of crimes related to the financing of extremism // In the Collection: Organizational, procedural and forensic support of criminal proceedings Materials of the VI International Scientific Conference of Students and Undergraduates. 2017. P. 109–110.
4. *Shchablyakov E.S.* The main directions of the development of criminal law in the field of combating the financing of extremist activities // Legal science. 2020. № 4.

Штырхунова Наталья Александровна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры
гражданского и международного права,
Государственный морской университет
имени адмирала Ф.Ф. Ушакова
abrsyuzanna@yandex.ru

Попов Евгений Александрович

кандидат юридических наук,
профессор кафедры
гражданского и международного права,
Государственный морской университет
имени адмирала Ф.Ф. Ушакова
abrsyuzanna@yandex.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ НОРМ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О ТРАНСПОРТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ»

■ ■ ■

Аннотация. Транспортная безопасность уже несколько лет является самостоятельной отраслью, объединяя производственные, административные и специализированные организации и предприятия, как в области транспорта, так и в области обеспечения безопасности. Данное направление с каждым годом наполняется новыми нормами закона, регламентирующими общественные отношения. Очевидным следствием развития любого подобного направления с участием большого числа субъектов права являются возникающие пробелы и коллизии законодательных актов, применение которых на практике становится непосильной задачей для работников транспорта. В данной статье речь пойдет о противоречиях и коллизиях в области применения норм транспортной безопасности, а также о возможных решениях возникающих проблем.

Ключевые слова: транспорт, транспортная безопасность, эффективность норм, реализация.

■ ■ ■

Транспортная безопасность сегодня и 10 лет назад – это две разные вещи. Знания и правильные пути решения всегда приходят с опытом, а метод проб и ошибок, все же, является самым действенным на пути к построению системы, поэтому ни одна серьезная отрасль жизнедеятельности общества не формировалась в одночасье по одним лишь теоретическим представлениям. Даже при участии экспертов и профессионалов на практике будут возникать те или иные проблемы, решение которых может привести лишь к возникновению новых пробелов или коллизий. К сожалению, данной участи не смогла избежать и отрасль транспортной безопасности, которая объединяет производственные, административ-

Natalya A.I. Shtyrkhunova

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Civil and International Law,
State Maritime University
named after Admiral F.F. Ushakov
abrsyuzanna@yandex.ru

Evgeny A. Popov

Candidate of Legal Sciences,
Professor of the Department of Civil
and International Law,
State Maritime University
named after Admiral F.F. Ushakov
abrsyuzanna@yandex.ru

IMPLEMENTATION OF THE FEDERAL LAW «ON TRANSPORT SECURITY»

■ ■ ■

Annotation. Transport security has been an independent industry for several years, uniting industrial, administrative and specialized organizations and enterprises both in the field of transport and in the field of security. This direction is filled with new legal norms regulating public relations every year. The obvious consequence of the development of any such direction with the participation of a large number of legal entities is the emerging gaps and conflicts of legislation, the application of which in practice becomes an impossible task for transport workers. This article will focus on contradictions and conflicts in the application of transport safety standards, as well as possible solutions to emerging problems.

Keywords: transport, transport security, efficiency of nom, implementation.

■ ■ ■

ные и специализированные организации и предприятия, как в сфере транспорта, так и – обеспечения безопасности. Данное направление с каждым годом наполняется новыми нормами закона, регламентирующими общественные отношения. Очевидным следствием развития любого подобного направления с участием большого числа субъектов права являются возникающие пробелы и коллизии законодательных актов, применение которых на практике становится непосильной задачей для работников транспорта [1, с. 48].

С точки зрения практики применения норм в области обеспечения транспортной безопасности, сложно не согласиться с вышесказанным. Ведь

транспортная безопасность, являясь важной составной частью национальной безопасности, занимает значительное место в системе устойчивого и безопасного функционирования транспортного комплекса.

Рассмотрим одни из наиболее актуальных правовых коллизий в области регулирования транспортной безопасности, возникшие в процессе нормотворчества. В соответствии с требованиями постановлений Правительства РФ, устанавливающих требования по обеспечению транспортной безопасности по видам транспорта, субъект транспортной инфраструктуры (СТИ) обязан в течение 3-х месяцев обеспечить проведение оценки уязвимости категорированных объектов транспортной инфраструктуры силами сторонней специализированной организации. Далее, в течение 3-х месяцев с момента утверждения оценки уязвимости СТИ обязан разработать и утвердить в компетентном органе план обеспечения транспортной безопасности (ПОТБ). На практике данное требование неисполнимо, т.к. только процедура выбора исполнителя оценки уязвимости (одной из специализированных организаций, аккредитованных компетентным органом) и заключения контракта в соответствии с требованиями законодательства о закупочной деятельности составляет более 1,5 месяцев без учета срока на подготовку конкурсных процедур. В более крупных транспортных предприятиях этот срок может увеличиваться в связи с производственной необходимостью [1, с. 49].

Более того, рассмотрение результатов оценки уязвимости и ПОТБ является государственными услугами, оказываемыми Росжелдором, Росавиацией, Росморречфлотом и Росавтодором соответственно. Срок оказания каждой услуги составляет 30 дней, что является частью выше упомянутых 3-х месячных сроков разработки необходимой технической и организационно-распорядительной документации. Неисполнимым также является и срок реализации ПОТБ (1 либо 2 года в зависимости от присвоенной категории), ведь сама реализация подразумевает уже оснащение объекта транспорта техническими средствами; привлечение или формирование собственного подразделения, осуществляющего физическую защиту объекта; проведение многих других мероприятий, для реализации которых требуется финансирование и проведение соответствующих процедур.

Следствием данной коллизии являются не только административные штрафы на перевозчиков из-за несоблюдения ими установленных сроков исполнения закона, но и существенное снижение качества подготовки данной документации, которая является основой для дальнейших этапов обеспечения безопасности транспортного объекта. Важно также подчеркнуть, что, согласно требованиям приказа Минтранса России от 01.04.2015 № 145, в настоящее время отсутствует возможность самостоятельного прохождения физическими лицами процедуры аттестации. Данный фактор приводит к необходимости принимать на работу лицо без аттестации на основании

ученического договора (с оплатой), при этом отсутствуют гарантии прохождения аттестации данным лицом. К примеру, в сфере частной охранной деятельности лицо может самостоятельно получить необходимую квалификацию частного охранника и сразу трудоустроиться без каких-либо рисков для себя и работодателя.

На практике получается так, что человек уже работает на транспортном предприятии на основании ученического договора и по факту выполняет работу по обеспечению транспортной безопасности, но под видом ученика-стажера (занимает это около 2–3 месяцев). В связи с пересечением сфер правоприменительной деятельности, также важно обратить внимание и гармонизировать Федеральные законы: от 09.02.2007 № 16-ФЗ «О транспортной безопасности»; от 14.04.1999 № 77-ФЗ «О ведомственной охране»; от 11.03.1992 № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации».

В соответствии с требованиями постановлений Правительства РФ, устанавливающих требования по обеспечению антитеррористической защищенности по видам транспорта, СТИ обязан воспрепятствовать проникновению в зону транспортной безопасности объекта транспорта (станция, вокзал и пр.) нарушителя, пытающегося совершить АНВ, в том числе, подготовленного нарушителя.

Необходимо отметить, что данная норма законодательства требует от СТИ именно воспрепятствовать, а не принять меры к воспрепятствованию проникновения подготовленного нарушителя. При этом конкретные требования и рекомендаций к средствам или методам защиты от проникновения подготовленного нарушителя ни одним нормативно-правовым актом не установлено. На деле возникают интересные прецеденты. Перевозчик выполняет целый комплекс мероприятий по обеспечению безопасности своего объекта – устанавливает системы видеонаблюдения, охранной сигнализации и пр., строительные (инженерные) заграждения, нанимает или формирует собственное подразделение охраны.

И вот долгожданная проверка всех систем безопасности. Нарушитель перелезает через забор, задев луч охранной сигнализации, благодаря системе видеонаблюдения немедленно прибывает группа быстрого реагирования и задерживает нарушителя для его дальнейшей передачи правоохранительным органам. Казалось бы, огромный дорогостоящий комплекс мер сработал и показал свою эффективность. Однако факт проникновения подготовленного нарушителя на объект будет рассматриваться проверяющими (надзирающими) органами как нарушение требований федерального законодательства. И перевозчик будет обязан выплатить административный штраф, т.к. нарушитель, все же, перелез через забор.

Согласно п. 155 приказа Минтранса РФ от 23.07.2015 № 227, на станциях метрополитена

обследование объектов досмотра, перемещаемых в сектор свободного доступа зоны транспортной безопасности и (или) в перевозочный сектор зоны транспортной безопасности с целью осуществления их перевозки, проводится выборочно. На практике данное положение приводит к его неоднозначному толкованию, как работниками досмотра, так и самими пассажирами. Неясно, как определить и обосновать критерии выборочности и сделать данные критерии объективными для всех сотрудников досмотра.

Не стоит забывать и о том, что из всех видов транспорта больших мегаполисов метрополитен является не только самым удобным и экономичным для пассажиров, но и наиболее привлекательной целью для террористических атак.

Транспортная отрасль на сегодняшний день является одной из самых зарегулированных: общее количество нормативных актов – 456, а обязательных требований почти 9 тысяч. К слову, о важности запуска «регуляторной гильотины» на полную мощность в ходе мероприятия говорили почти все. Термин «регуляторная гильотина» означает инвентаризацию всех действующих и обязательных для бизнеса требований с целью понять – соответствуют ли они современным реалиям. Именно поэтому Правительство России

Литература:

1. *Голубкина К.В.* Проблемы в сфере реализации транспортной безопасности / К.В. Голубкина, С.К. Абрамян // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки.* 2017. № 5. С. 47–49.
2. *Голубкина К.В.* Правовое регулирование обеспечения транспортной безопасности в России / К.В. Голубкина, С.К. Абрамян // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки.* 2017. № 6–7. С. 109–111.

приняло решение провести «регуляторную гильотину». К 01 января 2021 года весь массив норм, устанавливающих обязательные требования, должен быть полностью заменен на новые. Это позволит существенно сократить административную нагрузку на бизнес – с одной стороны, а с другой – повысить уровень безопасности потребителей.

Результаты реформы можно будет оценить только по прошествию времени и хочется надеяться на ее положительные результаты. При этом главные надежды связаны с устранением формализма в реализации механизма «регуляторной гильотины», поскольку главная цель реформы – повышение уровня безопасности и устранение избыточной административной нагрузки на субъекты предпринимательской деятельности, что прямым образом должно ускорить темпы развития экономики страны [2, с. 110].

Как уже было сказано, на практике всегда будут возникать те или иные проблемы, решение которых может привести лишь к возникновению новых пробелов или коллизий. И спорить о негативных или положительных факторах этого явления просто бессмысленно.

Literature:

1. *Golubkina K.V.* Problems in the sphere of transport security implementation / K.V. Golubkina, S.K. Abramyan // *Humanities, socio-economic and social Sciences.* 2017. № 5. P. 47–49.
2. *Golubkina K.V.* Legal regulation of transport security in Russia / K.V. Golubkina, S.K. Abramyan // *Humanities, socio-economic and social Sciences.* 2017. № 6–7. P. 109–111.

Щебляков Евгений Степанович
старший преподаватель кафедры
теории и истории государства и права,
Красноярский государственный
аграрный университет
esshcheblyakov@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРОФИЛАКТИЧЕСКИХ МЕР БОРЬБЫ С ХИЩЕНИЯМИ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ

Аннотация. настоящая статья рассматривает актуальные вопросы профилактических мер хищения домашних животных (скота).

Исследование вопросов эффективности раскрытия преступлений хищения домашних животных (скота) в настоящее время относится к еще мало изученной и относительно новой сфере. С одной стороны можно констатировать, что хищения домашних животных (скота), представляет собой достаточно древний вид преступлений, а с другой стороны, практика раскрытия данного вида преступлений и законодательных инициатив зависит от дифференциации регионов, уровня развития в них сельского хозяйства и информационных систем.

Ключевые слова: скотокрадство, хищение, поголовье, профилактические меры.

Для того чтобы специалисты могли вести успешную борьбу, направленную на устранение краж, где в качестве предмета хищения выступает скот, нужно, прежде всего, знать, какими способами совершается данный тип преступлений. Кроме прочего, нужно обязательно знать, а также анализировать условия, собственно причины, которые активно способствуют росту преступлений, носящих под собой корыстный характер.

Пожалуй, на сегодняшний день одна из самых главных причин, по которым совершаются кражи скота, это низкий социальный уровень проживания людей, а также столь распространенное явление, как безработица. Шли времена, колхозы приходили в упадок. Сначала рушилась инфраструктура. Например, линии электропередач начали обесточивать по причине того, что некому было платить за услугу. Еще через некоторое время опоры и проводники разобрали на металлолом. Соответственно, без электричества не могли работать насосы в колодцах. Стойла, предназначенные для зимнего удержания скота, остались бесхозными. Этим моментом сполна воспользовались мародеры, которые растянули имущество [1].

Evgeny S. Shcheblyakov
Senior lecturer of the Department
Theories and Histories of State and Law,
Krasnoyarsk State
Agrarian University
esshcheblyakov@mail.ru

FEATURES OF PREVENTIVE MEASURES AGAINST PET THEFT

Annotation. This article deals with topical issues of preventive measures of theft of pets (livestock).

The study of the effectiveness of the crime of pet theft (livestock) is currently a little studied and relatively new area. On the one hand, it can be noted that the theft of pets (livestock) is a rather ancient type of crime, and on the other hand, the practice of solving this type of crime and legislative initiatives depends on the differentiation of regions, the level of development of agriculture in them and information systems.

Keywords: cattle rustling, theft, livestock, preventive measures.

Практика показывает, что в настоящее время чаще всего совершаются кражи скота у сельских жителей. Особенно это касается хозяйств, которые не имеют особых условий содержания: ограждения, специальные постройки, охрана. Ворам не составляет труда ночью проникнуть в хлев, откуда запросто можно увести лошадь и даже корову.

Но есть другая, не менее важная причина, которая обуславливает рост краж скота. Прежде всего, это проблемы, связанные с законодательством. Сейчас в стране нет такого закона, которым бы регулировались правовые отношения в области оборота огнестрельного оружия, частной собственности. Не всегда правильно трактуются нормы законодательства, обозначающие нормы требуемой обороны граждан. Соответственно, все это не может не отражаться негативно на скотоводстве, а также многих других сферах жизни людей.

Преимущественно, сами пострадавшие виноваты в том, что совершаются кражи их домашнего скота. Статистика показывает, что правоохранительные органы способны раскрыть только 2 с 10 совершенных преступлений подобного рода. Так, наблюдаются повсеместно ситуации, в которых

животноводы, экономя средства, создают благоприятную почву для совершения преступлений. Например, животные могут быть на выгуле без охраны, без пастуха. Но чаще всего кражи скота совершаются в вечерние часы. Именно в это время преступники действуют так, что их практически невозможно вовремя заметить – ни перед совершением преступления, ни после совершения такового. Таким образом, охрана (причем с круглосуточным режимом), а также надежные защитные сооружения – это гарантия того, что скот не будет становиться объектом посягательства преступников.

В целом, собственникам скота, которые не хотят допустить кражи так называемого имущества, нужно следовать ряду простых правил:

– каждое животное должно иметь свое описание в деталях: порода, вид, пол, возраст, признаки, указывающие на принадлежность к тому или иному хозяйству и так далее. Возможно, на скот нужно одевать ошейники, ставить клеймо на ушах или другой части тела. Иногда бывает так, что животное имело травму, от которой остался шрам. Это также важный признак дальнейшей идентификации имущества;

– места, в которых в летние месяцы проводится выгул животных, должны иметь ограждения; хлева выполняются с надежных конструкций, с замками на дверях и воротах у входа в хозяйство;

– территория в темное время суток обязательно должна иметь освещение;

– выгул скота нужно доверять только проверенным лицам, с которыми составляется соответствующее соглашение (договор); важно указать на материальную ответственность лиц, занимающихся выгулом скота.

Но если вдруг выявляется пропажа скота, нужно как можно быстрее сообщить в полицию, в участок, который работает на конкретной территории. Параллельно с тем, пострадавшее лицо должно предпринять меры, направленные на сохранение вещественных доказательств, следов преступников до того момента, как приедут следователи на место преступления. Далее нужно сообщить черты животного, указав самые важные приметы, о которых было сказано ранее. Разумеется, можно самостоятельно подключиться к поиску пропавшего животного, но с соблюдением мер безопасности. Важно как можно больше сообщать жителям селения о преступлении, чтобы максимальное количество людей помогло в выявлении преступников [2].

Самыми пиковыми моментами в плане краж является летнее время года, когда скот выгоняют на пастбища, и перед постановкой его в стойло, на зиму. Это время – самая горячая пора в работе участкового инспектора. Постоянные ночные рейды дают положительные результаты, как в задержании преступников, так и в предупреждении краж скота.

Однако можно с уверенностью сказать, что в по-

исках преступника, а также пропажи едва ли смогут помочь одни правоохранители. Как было сказано ранее, нужно сообщать родственникам, соседям, прочим жителям села о происшествии. Ведь в округе могут проживать люди, которые уже завтра рискуют стать потенциальными жертвами. Соответственно, народ будет заинтересован в том, чтобы решить резонансное дело.

Примечательно, что сразу после кражи преступники стараются за 1–2 часа сбыть украденный скот. И если это время будет упущено, то все поисковые средства, усилия в комплексе не принесут пользы. Теперь становится очевидно, насколько важно оснащать места удержания скота качественными ограждениями, освещением, а в некоторых случаях – сигнализацией (с видеонаблюдением в круглосуточном режиме). Особенно актуальны проблемы краж в крупных хозяйствах. Впрочем, здесь проблема решается принятием в штаб нескольких охранников, с привлечением сторожевых собак, например.

Нужно понимать, что реализация украденной коровы или лошади – это довольно сложная процедура. Практика показывает, что по стране до сих пор работают недобросовестные фермы, которые готовы купить украденное имущество у конкурентов. Есть множество коммерсантов, которые также за умеренную плату выкупают у воров товар – на мясо.

Итак, преступники стараются как можно скорее реализовать скот. Это обуславливается рядом причин [3]:

– население имеет колоссальный спрос на мясо; продать его не составит труда с получением существенной прибыли. Кража скота по статистике считается максимально «безопасным делом» у преступников;

– очень трудно выявить в останках туши, в мясе животное, которое именно было украдено. Порой правоохранители вообще не могут найти «зацепок».

Чтобы предупредить возможные преступления, правоохранительные органы совместно с сельскими головами на регулярной основе проводят мероприятия – рейды по местам потенциальной скупки, переработки украденного скота. Однако в настоящее время такая работа организована слабо.

Что касается прочих сфер деятельности общества, то в них налажены тесные контакты правоохранительных структур и общественных организаций. В то же время в плане скотокрадства такое сотрудничество не ведется, что негативно влияет на тенденцию. Тем не менее, во многих республиках страны такой опыт имеется. К слову сказать, проводимые мероприятия приносят определенные дивиденды (в виде снижения количества преступлений, связанных с кражей скота). В частности, в Киргизии активно ведут деятельность конные патрули, сформированные с общественников. Ночью ведутся охраны окраин населенных

пунктов, с целью защиты от преступников, осуществляющих кражу скота.

Во многом выявить украденное животное (или по крайней мере – его останки) помогает процедура чипирования крупного рогатого скота (мера идентификации животных).

Прежде всего, можно сказать, что процедура вживления чипов под кожу животных гарантирует [4]:

– возможность дифференциации животных, проведение инвентаризации за считанные часы;

– контроль над состоянием здоровья скота, ведение статистики по кормовым, весовым, ростовым параметрам, по отдаче молока;

– возможность шифровки индивидуальных сведений, которые помогут в дальнейшем анализе;

– возможность проведения регистрации, связанной с оплодотворением животных;

– можно планировать кормовые расходы на голову.

Вне сомнения, чипирование животных – это процедура, которая имеет свое экономическое обоснование. Существует ряд причин, по которым можно проводить чипирование скота на ферме:

– процедура совершается всего 1 раз. Следовательно, повторные мероприятия проводить не нужно. По сравнению с краской, чип не стирается;

– процедура чипирования позволяет провести оптимизацию в плане учета. Соответственно, при подсчете животных невозможно допустить ошибку, что крайне важно в крупных фермерских

хозяйствах;

– исключаются варианты с подменой скота; упрощаются во много раз поиски в случае кражи животного.

В целом, процедура чипирования для животного – безопасна, безболезненна. Применяется устройство размером 2 на 12 миллиметров (микрочип), который внедряется под кожу животного в районе шеи. Чип закрепляется на одном месте, не реагирует с тканями скота, не портится в течение длительного времени. Итак, чипирование приравнивается ветеринарами на практике к обычной прививке (проводится без применения обезболивающих препаратов). Для процедуры применяется специальный шприц, который в комплекте имеет уже микрочип.

Чтобы провести идентификацию животного с чипом того хозяйства, например, в котором совершена кража, применяется сканер. Микрочип излучает незначительной силы радиоволны. Сканирующее устройство прикладывается к месту чипирования, после чего проводится считывание номера животного.

Как видим, процедура чипирования животных имеет ряд неоспоримых преимуществ не только в плане ведения хозяйственных операций на ферме (подсчет, контроль здоровья животных), но и в плане безопасности.

На основании выше изложенного можно сделать вывод о том, что для решения проблем и реализации воздействия всех правовых рычагов борьбы со скотокрадством необходимо повысить правосознание населения, улучшить социальный жизненный уровень животноводов, законодательно урегулировать рычаги противодействия краж скота.

Литература:

1. *Александрова И.А.* Особенности использования современных цифровых средств идентификации для воздействия на детерминанты краж в сфере животноводства / И.А. Александрова, М.А. Желудков // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 1(45). С. 71–76.

2. *Волынкин Е.Н.* Некоторые меры противодействия кражам скота в Республике Тыва // Аллея науки. 2018. Т. 3. № 5(21). С. 941–947.

3. *Ханов Т.А.* Криминалистическая характеристика личности скотокрада: по материалам Республики Казахстан / Т.А. Ханов, К.К. Биржанов // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. Т. 10. № 4(40). С. 107–116.

4. *Щебляков Е.С.* Криминалистические особенности хищения домашних животных (скота) // Гуманитарные. 2020. № 2.

Literature:

1. *Alexandrova I.A.* Features of using modern digital identification tools to influence the determinants of theft in the field of animal husbandry / I.A. Alexandrova, M.A. Zheludkov // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 1(45). P. 71–76.

2. *Volynkin E.N.* Some measures to counter cattle theft in the Republic of Tuva // Alley of Science. 2018. Vol. 3. № 5(21). P. 941–947.

3. *Khanov T.A.* Forensic characteristic of the identity of a cattle factory: according to the materials of the Republic of Kazakhstan / T.A. Khanov, K.K. Birqhanov // Current problems of economics and law. 2016. Vol. 10. № 4 (40). P. 107–116.

4. *Shchablyakov E.S.* Forensic features of the theft of pets (livestock) // Humanitarian. 2020. № 2.

РЕТРАГИРОВАНА

УДК 343

DOI 10.23672/b9574-5596-4986-1

Ярошенко Ольга Николаевна

кандидат юридических наук,
доцент,
судья,
Нижегородский областной суд
olga.yaroshenko.74@bk.ru

ЮРИДИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВОВЛЕЧЕНИЯ В ЗАНЯТИЕ ПРОСТИТУЦИЕЙ, ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ И ПРОФИЛАКТИКИ СОВЕРШЕНИЯ ДАННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы, связанные с определением понятия юридического состава преступления вовлечения в занятие проституцией, уголовно правовая характеристика элементов состава преступления, особенности квалификации и правоприменения, меры по профилактике совершения данного преступления.

Вовлечение в занятие проституцией является преступлением против общественной нравственности. При этом, именно общественная нравственность выступает как отношения по охране здоровья, телесной неприкосновенности, нормального нравственного и физического воспитания лица.

Исторически сексуальные взаимоотношения людей являются одной из наиболее важных и сокровенных сторон жизни человека, оказывающей сильное воздействие на добровольный выбор личностью правил поведения, ориентированных на выбор в первую очередь нравственных основ жизнедеятельности индивида в обществе.

Ключевые слова: проституция, оказание сексуальных услуг, занятие проституцией, эротические злоупотребления, услуги сексуального характера, интимные услуги, действия интимного характера, действия сексуального характера, иные действия сексуального характера, интимность, торговля людьми.

Уголовная ответственность за вовлечение в занятие проституцией предусмотрена в статье 240 Уголовного кодекса Российской Федерации. Данное противоправное деяние относится к преступлениям против общественной нравственности, нарушающие нравственные установления в сфере взаимоотношения полов и формирования половой культуры общества.

Общественная опасность данного состава преступления заключается в том, что в антиобщественные действия по оказанию интимных услуг за плату вовлекаются новые люди, круг которых

Olga N. Yaroshenko

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Judge,
Nizhny Novgorod Regional Court
olga.yaroshenko.74@bk.ru

LEGAL ANALYSIS OF INVOLVEMENT IN PROSTITUTION, ESPECIALLY QUALIFICATIONS AND PREVENTION OF THIS CRIME

Annotation. The article deals with the issues related to the definition of the concept of the legal corpus delicti of involvement in prostitution, the criminal legal characteristics of the elements of the corpus delicti, the specifics of qualifications and enforcement, measures to prevent the commission of this crime.

Involvement in prostitution is a crime against public morals. At the same time, it is public morality that acts as a relationship for the protection of health, bodily integrity, normal moral and physical education of a person.

Historically, the sexual relationship of people is one of the most important and intimate aspects of human life, which has a strong impact on the voluntary choice of a person's rules of behavior, focused on the choice, first of all, of the moral foundations of the individual's life in society.

Keywords: prostitution, sexual services, prostitution, erotic abuse, sexual services, intimate services, intimate activities, sexual activities, other sexual activities, intimacy, human trafficking.

постоянно расширяется.

Непосредственным объектом вовлечения в занятие проституцией являются – отношения, обеспечивающие общественную нравственность в сфере сексуальной жизни людей. Это также общественные отношения, представляющие пристойность и непристойность (аморальность) в поведении того или иного человека, его честь и достоинство (авторитет) среди других людей, благосостояние семьи и в целом общества.

Дополнительный объект данного состава преступления – здоровье человека, его свобода, половая неприкосновенность. Потерпевшим (вовлеченным) может быть любой человек старше 18 лет (по ч. 1 ст. 240), независимо от социального положения, пола.

Проституция представляет собой не единичные половые контакты с партнерами, а систематическое оказание сексуальных услуг лицами женского или мужского пола за материальное вознаграждение.

Под занятием проституцией понимается систематическое (более двух раз) вступление лиц женского или мужского пола в сексуальные отношения с клиентами за плату.

Следует отметить, что проституция, характеризуется такими признаками, как систематичность половых связей, не связанность сексуальных контактов брачными отношениями, наличие различных партнеров (клиентов), получение соответствующего вознаграждения как более или менее регулярного источника дохода. При этом клиентами также могут быть лица различного пола. Формы сексуальных отношений и вид выплачиваемого вознаграждения не имеют значения при определении проституции. Занятие проституцией не является преступлением, а признается административным правонарушением, предусмотренным ст. 6.11 КоАП.

Основное отличие проституции от эротических злоупотреблений в системе половых связей заключается в том, что проститутки вступают в половую связь с различными лицами за плату.

Проституция - это сексуальная услуга, оказываемая на платной основе исполнителем потребителю с целью удовлетворения его половой потребности в определенной форме. Она отличается от иных услуг с сексуальной составляющей непосредственным половым актом и (или) иными формами полового сношения с их обязательной систематичностью, возмездностью и отсутствием брачных отношений. Как сексуальная услуга проституция – это действия сексуального характера, направленные на удовлетворение половой потребности за плату, включающие половое сношение (гетеросексуальный коитус); мужеложство, лесбиянство; иные действия сексуального характера, состоящие в сексуальном проникновении, суррогатные и викарные (заместительные) формы полового сношения (петтинг, мастурбация, мазохизм), любое манипулирование половыми органами как иные действия сексуального характера. Проституция как сексуальная услуга включает одно или сочетание нескольких, или всю совокупность перечисленных действий. Проституция отлична от прочих услуг с сексуальной составляющей непосредственным половым актом и (или) иными видами полового сношения с их обязательной систематичностью, возмездностью и отсутствием брачных отношений. Иными словами, как форма сексуальной (в сфере секса) деятельности проституция есть сексуальная услуга, оказываемая на платной основе исполнителем потребителю с целью удовлетворения его

половой потребности в определенной форме, не запрещенной законодательством Российской Федерации [1]. Под проституцией понимается систематическое вступление в половые отношения с различными лицами за вознаграждение. Половые отношения могут носить гетеросексуальный или гомосексуальный характер. Возможность выбора сексуального партнера у лиц, занимающихся проституцией, носит ограниченный характер или вообще отсутствует. Вознаграждение чаще всего бывает денежным, однако имеет место и оплата имущественных услуг, приобретение товаров, продуктов. Как правило, существует предварительная договоренность о вознаграждении. Определяющим признаком проституции является систематичность, т.е. вступление в половые отношения за вознаграждение более двух раз.

Следует отметить, что такие понятия как «интимные услуги», «сексуальные услуги», «услуги сексуального характера», «действия интимного характера», «действия сексуального характера», «иные действия сексуального характера» и другие не имеют не только детальной регламентации, но и четкого правового разграничения. Возникающие сложности в терминологии не всегда позволяют отмежевать проституцию от не проституции, разовую сексуальную услугу, незапрещенные виды досуговой деятельности, предназначенные для удовлетворения интимных потребностей человека, а также деяния, нарушающие сферу сексуальных отношений.

Понятие интимность означает самые близкие, сокровенные, задушевные, глубоко личные отношения людей. Этим понятием охватываются разные стороны человеческих отношений, в том числе и сексуальные.

Интимной потребностью человека признается «состояние, обусловленное неудовлетворенностью требований организма, необходимых для его нормальной жизнедеятельности и комфортного существования в обществе, а также в частной и семейной жизни, наличие которого индивид, в силу тех или иных причин преимущественно морального плана, не намерен афишировать» [2]. Потребность в сексе, удовлетворяемую в различных формах и способах (в том числе запрещенных правовыми нормами), интимные потребности человека включают только наряду с другими. В этой связи категории «интимные потребности» («потребности интимного характера») и «сексуальные потребности» («потребности сексуального характера») неравнозначны по своему содержанию и объему, соотносятся как общее (родовое) и частное (видовое), и второе из словосочетаний является составной частью первого. Названное правило действует и в отношении понятия «интимные услуги» – оно более общее, объемное и включает в свое содержание и сексуальные услуги, и услуги сексуального характера.

Понятие сексуальных услуг (услуг сексуального характера) следует рассматривать в узком и широком смыслах: в узком, буквальном – как одномоментный акт вступления в половую связь, как конкретные действия, направленные на удовле-

творение половой потребности на возмездной основе, а в широком – как продолжаемое поведение, деятельность, подразумевающую систематическое вступление в сексуальные отношения с разными лицами за плату (множество актов).

Сексуальная услуга или услуга сексуального характера в контексте проституции всегда есть платные действия сексуального характера (иные действия сексуального характера) с целью реализации половой потребности, однако действия сексуального содержания при их безвозмездности не есть сексуальная услуга.

В силу многозначности понятия «сексуальные услуги» («услуги сексуального характера»), то следует отделить от них услуги, которые не связаны с половым актом. Для их обозначения применяется термин «услуги, не связанные со вступлением в половую связь».

«Сексуальные услуги», «услуги сексуального характера», «действия сексуального характера», «иные действия сексуального характера» и прочие по смыслу вариации словосочетаний, предполагающие их оплату, характеризуют только проституцию. Иные виды деятельности, основанные на использовании сексуальности человека, опосредованно связанные с удовлетворением полового влечения, не могут быть причислены к сексуальной услуге (услуге сексуального характера).

Объективная сторона данного состава преступления это – вовлечение в занятие проституцией или принуждение к продолжению занятием проституцией.

Вовлечением в занятие проституцией в данном случае считаются любые действия, направленные на возбуждение желания заниматься проституцией у лица, ранее не занимавшегося этим видом деятельности. Это, в частности, могут быть обращения, и уговоры, и убеждения, и угрозы применения, и применение физического или психического насилия.

Это также активные действия, направленные на возбуждение желания, стремления у лица женского или мужского пола либо на получение от него согласия заниматься проституцией. Способы вовлечения могут быть различными, в том числе с использованием зависимого положения потерпевшего или его критического положения, путем различных обещаний, уговоров, обмана, шантажа, угроз или иным образом. При этом, вовлечение в занятие проституцией означает склонение лица к систематическому вступлению в сексуальные отношения за плату.

Способами вовлечения в занятие проституцией являются уговоры, обещания, шантаж, обман, угроза уничтожением или повреждением имущества. При совершении деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 240 УК РФ способы вовлечения в занятие проституцией должны носить ненасильственный характер. Количество потерпевших, лиц, вовлеченных в это занятие (один или более), для квалификации значения не имеет.

Принуждение к продолжению занятия проституцией – это противоправное воздействие на волю лица с тем, чтобы побудить его продолжить занятие. Это физическое или психическое воздействие на лицо, занимавшееся ранее проституцией. В результате лицо, в отношении которого осуществляется принуждение, лишается возможности жить и действовать по своему усмотрению вопреки желанию и целям принуждающего. Кроме того, принуждение означает требование продолжения занятия проституцией вопреки воле потерпевшей. Принуждение к продолжению занятия проституцией сопровождается психическим насилием (угрозами), выражающимся в угрозе уничтожения или повреждения имущества либо распространения сведений, позорящих потерпевшую или ее близких, либо иных сведений, оглашение которых может причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшей или ее близких. Также принуждение к продолжению заниматься проституцией состоит в психическом или ином (например, путем лишения свободы, шантажа) воздействии на лицо, которое занимается оказанием сексуальных услуг за плату, если оно решило прекратить эту деятельность. Способ совершения преступления значения не имеет (уговоры, приказ, шантаж, угроза уничтожением или повреждением имущества, изъятие личных документов и др.). Однако применение насилия или угроза его применения квалифицируется по ч. 2 ст. 240 УК РФ.

Преступление имеет формальный состав и считается оконченным с момента совершения действий, направленных либо на вовлечение в занятие проституцией, либо на принуждение к продолжению занятия проституцией.

Цель принуждения – пресечь попытки прекращения занятия проституцией, которые предпринимает потерпевший, чтобы, например, заниматься ею самостоятельно и уклониться от контроля, по моральным соображениям.

Вовлечение или принуждение, сопровождающееся совершением других преступлений (изнасилованием клиента, уничтожением или повреждением имущества), требует дополнительной квалификации.

В частности, вовлечение, сопровождающееся куплей-продажей лица, его вербовкой, перевозкой, укрывательством или получением, образует совокупность с преступлением, предусмотренным ст. 127.1 (торговля людьми) УК РФ.

Субъективная сторона вовлечения в занятие проституцией или принуждения к продолжению занятия проституцией характеризуется прямым умыслом. При таких обстоятельствах лицо осознает, что своими действиями вовлекает в занятие проституцией или принуждает к продолжению занятия проституцией, и желает совершить эти действия.

Мотив и цель преступления могут быть различными и не являются обязательными признаками преступления.

Субъект преступления – физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста.

Квалифицированный состав представляет собой деяние, как вовлечение в занятие проституцией или принуждение к продолжению занятия проституцией с применением насилия или с угрозой его применения.

Так, под физическим насилием понимается принудительное удержание, связывание, нанесение побоев, причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью. Под психическим насилием (угрозой) следует понимать воздействие на психику человека путем запугивания устно, жестами, демонстрацией оружия, чтобы сломить волю потерпевшего к сопротивлению.

Применение насилия предполагает нанесение потерпевшему ударов, побоев, причинение легкого (ст. 115 УК РФ) или средней тяжести (ч. 1 ст. 112 УК РФ) вреда ее здоровью. В случае причинения тяжкого вреда здоровью, содеянное, помимо квалификации по ст. 240 УК РФ, нуждается в дополнительной квалификации по ст. 111 УК РФ.

Применение насилия или угроза его применения (п. «а» ч. 2 ст. 240 УК РФ) означает причинение потерпевшему вреда здоровью [5].

Преступление признается совершенным организованной группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений. В данном случае - для вовлечения в занятие проституцией или для принуждения к продолжению занятия проституцией. Все участники такой организованной группы признаются соисполнителями. Вовлечение в занятие проституцией несовершеннолетнего или принуждение его к продолжению занятием проституцией предполагает, что виновному заранее достоверно известно о недостижении потерпевшим 18-летнего возраста. Если виновный заблуждается относительно возраста, то ответственность по данному признаку исключается.

Квалифицирующий признак в отношении несовершеннолетнего предполагает, что действия, связанные с вовлечением в занятие проституцией или принуждением к продолжению занятия проституцией, совершаются в отношении несовершеннолетнего, т.е. лица, не достигшего 18-летнего возраста. Указанный квалифицирующий признак наличествует, если виновный знает или допускает, что такое деяние совершается в отношении несовершеннолетнего, а не в связи с самим фактом недостижения несовершеннолетия потерпевшим. Дополнительной квалификации действий виновного по ч. 1 ст. 151 УК в данном случае не требуется.

Вовлечение в занятие проституцией несовершеннолетних организованной группой квалифицируется по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 151 и ч. 2 ст. 240 УК. Деяния, предусмотренные ч. 1 или 2 рассматриваемой статьи, совершенные организованной группой либо в отношении несовершеннолетнего, влекут

ответственность по ч. 3 ст. 240 УК РФ. Квалифицирующий признак «совершение деяния в отношении несовершеннолетнего» по-прежнему может вменяться только в том случае, когда виновному известен возраст потерпевшего (из факта близкого знакомства, ознакомления с документами и т.д.) либо внешность потерпевшего явно свидетельствует о его несовершеннолетии. Иной подход означал бы объективное вменение, привлечение к ответственности невинного лица.

Судебная практика по уголовным делам показывает, что квалификация юридических составов преступлений предусмотренных ст. 240 – ст. 241 УК РФ имеет определенные сложности. Главной причиной квалификационных ошибок в применении на практике ст. 240 – ст. 241 УК РФ являются размытость и неопределенность их формулировки, что позволяет субъекту правоприменения толковать диспозиции статей произвольно, причисляя к деяниям, направленным на организацию занятия проституцией другими лицами, любые действия, опосредованно связанные с проституцией. Неопределенным является позиция законодателя в отношении посредничества, пособничества и иных разновидностей содействия проституции. Также, это относится и к организации занятия проституцией, содержанию притонов и систематическому предоставлению помещений для целей проституции. Сложность вызывают вопросы, связанные с квалификацией действий с идентичными обстоятельствами совершения преступления, но с разными фигурантами.

Для исключения разной квалификации тождественных действий субъекта следует разработать правила отграничения посредничества от других видов группового участия. Отождествление посредничества с соучастием, неприемлемо потому, что роль посредника в организации занятия проституцией не ограничивается интеллектуальным пособничеством (установление контакта между проституткой и потребителем для оказания платных сексуальных услуг), отличается значительностью затрачиваемых усилий, выраженной в объеме совершенных действий.

В качестве возможного определения проституции предлагается следующее «...проституция – систематическое оказание сексуальных услуг неопределенному кругу лиц за определенную плату». Актуальным будет признать квалифицирующим обстоятельством вовлечение в занятие проституцией, совершенное лицами, уже занимающимися проституцией [4].

В судебной практике встречаются случаи квалификации противоправных действий по ст. 240 УК РФ. Так, по приговору Московского районного суда г. Н. Новгорода от 16 июня 2017 года З., была осуждена ч. 3 ст. 240, ч. 1 ст. 241 УК РФ УК РФ. Установлено, что П., совместно с З., в течение длительного времени действуя из корыстных побуждений, создали организованную преступную группу, целями которой являлось: получения преступного дохода от организации занятия проституцией, то есть систематического

вступления в сексуальные отношения с неопределенным кругом партнеров за материальное вознаграждение, вовлечение и принуждение женщин к продолжению занятия проституцией, в том числе с применением насилия и с угрозой его применения. Реализуя свой преступный умысел, П., и З., путем уговоров, обещаний вознаграждения и создания безопасных условий для занятия проституцией вовлекали женщин из неблагополучных семей, малообеспеченных, употребляющих наркотические средства, не имеющих возможности устроиться на высокооплачиваемую работу и обеспечить себя материально, а также приехавших в город из различных районов Нижегородской области и других регионов России. Для привлечения клиентов с целью оказания им сексуальных услуг З., выезжала в различные сауны, бани, гостиницы и другие организации, которые предоставляли помещения для занятия проституцией, где оставляла номер телефона «конторы». Кроме того, они давали указания женщинам-проституткам оставлять клиентам номер вышеуказанного телефона для последующих обращений. Для обеспечения конспирации и соблюдения мер безопасности П., запрещал женщинам, занимающимся оказанием сексуальных услуг под его покровительством, вести любые разговоры о месте их проживания и руководителях «конторы». Последний выдавал каждой отработавшей женщине вместо обещанного денежного вознаграждения дозу наркотического средства, а также деньги в сумме от 50 до 100 рублей для приобретения продуктов питания на один день и отвозил их в принадлежащую ему квартиру. При этом большую часть денежных средств, полученных от организации занятия проституцией, П., использовал на свои личные нужды совместно со своей сожительницей З.

В ходе организации занятия проституцией и принуждении к продолжению занятий проституцией П., создал особую систему наказаний, включающую в себя физическое и психологическое насилие и другие методы воздействия в виде взимания денежных штрафов, избиения за малейшие провинности за нарушение установленных им лично правил и норм, а именно за распитие спиртных напитков с клиентами, за сокрытие денежного вознаграждения, полученного женщинами от клиента сверх установленных расценок, за недонесение о нарушениях, допущенных другими женщинами-проститутками. С целью недопущения в дальнейшем нарушений установленных им правил, П., заставлял всех женщин присутствовать при избиении «провинившихся». Не желая терять доход от преступной деятельности, путем угроз применения насилия и применения физического насилия принуждали женщин-проституток к продолжению занятия проституцией.

Литература:

1. *Осокин Р.Б.* Проблемы квалификации деяний против нравственности в сфере сексуальных отношений // Уголовное право. 2006. № 2. С. 59–63.

Одну из потерпевших П., избивал около 5–6 часов, с перерывами. При этом он раздробил ей кисть на большом пальце правой руки, сломал несколько ребер. Все туловище и лицо у нее было в синяках. Она несколько раз теряла сознание, бил он ее, тщательно продумывая каждый удар, профессионально, так как он занимался боксом. Сам процесс избиения П., делил на раунды, то есть раундом он называл периоды избиения до каждой потери ее сознания. Около двух с половиной месяцев потерпевшая пролежала в квартире у П., не обращая ни в какие медицинские учреждения, так как он не разрешал. Около месяца она даже не могла самостоятельно передвигаться по квартире. Особенно жестоко наказывались те потерпевшие, кто пытался убежать. Виновные лица были осуждены к наказанию в виде лишения свободы.

Следует отметить, что профилактика преступлений против общественной нравственности - это многогранная деятельность государственных органов и правоохранительных органов, которая направлена на предупреждение преступности и защиту объектов уголовно-правовой охраны от преступлений.

Вопросы профилактики преступлений против общественной нравственности, непосредственно связаны с уголовно-правовой и административно-правовой политикой России, и их решение должно быть ориентировано на поиск оптимального взаимодействия уголовно-правовых и административных мер предупреждения преступлений и административных правонарушений.

Для реализации профилактики таких преступлений как вовлечение в занятие проституцией, следует организовать эффективную виктимологическую профилактику. А именно, обратить первоочередное внимание правоохранительных органов на защиту прав и интересов потерпевших от преступлений; – необходимо создание информационной базы данных виктимологической профилактики с полной регистрацией и учетом правоохранительными органами лиц, потерпевших от преступлений, и создании единой информационной системы.

На наш взгляд, следует идти по пути расширения функций существующих служб профилактики либо создания специальных подразделений по виктимологической профилактике, а также необходимо совершенствовать правовые меры, направленные на предупреждение преступлений против общественной нравственности и защиту лиц, потерпевших от применения насилия и особенно несовершеннолетних и малолетних, как наиболее незащищенных лиц.

Literature:

1. *Osokin R.B.* Problems of qualification of acts against morality in the sphere of sexual relations // Criminal Law. 2006. № 2. P. 59–63.

2. *Vasilchenko G.S.* General sexology: a guide for

2. *Васильченко Г.С.* Общая сексология: руководство для врачей : в 2 т. М. : Медицина, 2005. С. 197.
 3. *Овсянникова А.А.* Сексуальная эксплуатация как форма насилия над несовершеннолетними // Вестник Владимирского юридического института. 2013. № 3(28). С. 82–86.
 4. *Шибанова Е.В.* Выявление и расследование преступлений, связанных с проституцией : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 19.
 5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. Л.Л. Кругликов. М., 2005. С. 738.
 6. Приговор Московского районного суда г. Н. Новгорода от 16 июня 2017 года по делу № 22-5531/17
- doctors : in 2 vol. M. : Medicine, 2005. P. 197.
 3. *Ovsyannikova A.A.* Sexual exploitation as a form of violence against minors // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2013. № 3(28). P. 82–86.
 4. *Shibanova E.V.* Identification and investigation of crimes related to prostitution : abstract dis. ... of candidate of legal sciences. Saratov, 2005. P. 19.
 5. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation / Otv. ed. L.L. Kruglikov. M., 2005. P. 738.
 6. Verdict of the Moscow District Court of N. Novgorod of June 16, 2017 in case № 22-5531/17

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Александрова Ирина Борисовна
кандидат философских наук,
доцент кафедры индустрии моды
и художественных технологий,
Нижегородский
инженерно-экономический университет
irinann1954@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЕ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Аннотация. Период развития свободного рынка сопровождается необходимостью перестройки и трансформацией экономики, но не всегда это – снижение налогового бремени, производство широкой номенклатуры товаров, часто связано с дополнительным финансированием, так как перестроечные мероприятия зависят от импортного сырья, технологий и оборудования.

Статья посвящена вопросам эффективности управления предприятиями на региональном уровне в условиях санкций и других внешних факторов. В ней автор рассматривает особенности реализации программ импортозамещения на региональном уровне и инструменты повышения ее эффективности.

Ключевые слова: региональный уровень, комплексное решение, инновационные технологии, бизнес-планирование, импортозамещение.

За последние пять лет была разработана не одна Государственная программа по поддержке отечественного производителя в различных сферах экономики в период принятых санкций и контрсанкций. На основе их разрабатывались и принимались региональные программы. Это потребовало изменения структурного соотношения в деятельности бизнес – структур, переориентация их из торговой и посреднической деятельности в производственную и, прежде всего, продовольственную, так как продовольственная безопасность – это не только экономическая свобода государства, но и политическая.

Импортозамещение в рамках продолжающихся санкций в первую очередь направлено на социальную защиту отечественного потребителя, создание товаров народного потребления с высокими конкурентными характеристиками и ослабление зависимости от импортных поставок. И здесь нельзя не согласиться с авторами, которые раскрывают понятие данного термина. Под импортозамещением понимается уменьшение или прекращение импорта определенного товара посредством производства, выпуска в стране такого же или аналогичного продукта [5].

Irina B. Aleksandrova
Candidate of Philosophical Sciences
Associate Professor of Fashion Industry
and Art Technologies,
Nizhny Novgorod University
of Engineering and Economics
irinann1954@yandex.ru

PROBLEMS AND SOLUTIONS OF IMPORT SUBSTITUTION AT THE REGIONAL LEVEL

Annotation. The period of development of the free market is accompanied by the need for restructuring and transformation of the economy. But this is not always a reduction of the tax burden, production of a wide range of goods, often associated with additional financing, since perestroika measures depend on imported raw materials, technologies and equipment. In article the article is devoted to the issues of effective management of enterprises at the regional level in the conditions of sanctions and other external factors. In the article, the author considers the specifics of implementing import substitution programs at the regional level and tools to improve its effectiveness.

Keywords: regional level, integrated solution, innovative technologies, business planning, import substitution.

Импортозамещение и повышение безопасности тесно связаны друг с другом. При этом «экономическая безопасность рассматривается специалистами как состояние национальной экономики, при которой обеспечивается защита национальных интересов, устойчивость к внутренним и внешним угрозам, способность к развитию и защищенность жизненно важных интересов людей, общества, государства» [3].

Проблемы импортозамещения затрагивают все отрасли региональной политики России. На поверхности зависимость бюджета региона от экспорта нефтегазового сектора, производства технического оборудования, машиностроения, производство продукции обрабатывающей промышленности, медицинской аппаратуры.

Импортозависимыми отраслями нижегородского региона является легкая промышленность, машиностроение, химия и нефтехимия. Эти отрасли на ближайшую перспективу потребуют больших вложений (особенно в период действия санкций) в разработку и реализацию мер, направленных на поддержку данных сфер производства.

Положительный экономический эффект на развитие отечественной пищевой промышленности и производство сельскохозяйственной продукции в регионе в условиях санкций оказали введенные со стороны правительства контрсанкции, коснувшиеся запрета на ввоз широкой продуктовой линейки продовольственных товаров, изготовленных в странах, присоединившихся к указанным санкциям.

В обстановке ужесточения экономических санкций получило развитие малое и среднее предпринимательство, в основе деятельности которого лежит фермерство, животноводство и сельское хозяйство. Примером может служить Фермерское Хозяйство «Заречное» в Нижегородской области, специализирующееся на производстве молока, мяса, зерна. Для данного Фермерского Хозяйства «Инновационно-консультационным центром агропромышленного комплекса» был разработан проект, цель которого состоит в увеличении объемов выхода и реализации сельскохозяйственной продукции путем интенсификации производства, укрепления и расширения материально-технической базы предприятия, внедрения новых технологий. Прогнозируемые показатели бизнес-плана ФХ «Заречное» направлены на развитие молочного скотоводства до 2023 года, определяют цель повышения эффективности производства и реализации сельскохозяйственной продукции. Так, предполагается увеличение поголовья крупного рогатого скота за период восемь лет на 64 %, производство молока прогнозируется рост за этот же период на 81 %. Данных результатов предприятие достигнет за счет улучшения кормления и сбалансированности питательности рациона кормления, использования опыта рабочего персонала.

Производством и реализацией сельскохозяйственной продукции занимается в Нижегородской области более 300 предприятий. Большинство из них не обладают высокими конкурентными позициями на рынке продуктов питания. Это объясняется непростыми финансовыми трудностями, ухудшением материально-технической базы, порой, отсутствием квалифицированных кадров на селе, неэффективным управлением. Для удержания на рынке своих позиций хозяйства пытаются совершенствовать технологии производства продукции с целью повышения ее качества, что является одним из путей роста конкурентоспособности продукции.

Литература:

1. *Волков А.И.* Человеческое измерение прогресса. М. : Политиздат, 1990. 296 с.
2. *Вудкок М.* Раскрепощенный менеджер / М. Вудкок, Д. Френсис. М. : Дело, 1991. 320.
3. *Захарова Е.В.* Важность инновационного импортозамещения в условиях международных санкций против российской экономики // Современная наука. 2014. № 12.

Так, СПК «Деяновский», расположенный в Пильнинском муниципальном районе региона, для получения субсидий на реализацию целей проекта, включающих в себя: научную организацию производства сельскохозяйственной продукции, финансовый менеджмент, техническую поддержку, внедрение инновационных технологий. Такой подход позволит получить конкурентную продукцию со снижением себестоимости. На снижение себестоимости будет также влиять четко выстроенная логистика и гарантированный рынок сбыта производимой продукции. Основными покупателями молока является ООО «Приволжское молоко», а мяса – жители областного центра и других городов области. Наиболее привлекательным для развития товарно-денежных отношений является рынок зерна. Производимый данным СПК продукт реализуется через ООО Мукомольный завод «Володарский». СПК «Деяновский» реализует эффективно разработанный бизнес-план, который позволяет обеспечивать жителей г. Нижнего Новгорода и области качественной продукцией и получать за нее своевременную оплату. Но и при переходе на производство отечественной продукции придется решать комплексно задачи, чтобы получить максимальный результат. При разработке программ придется учитывать взаимодействие среды и организации, интенсивность и скорость изменения среды. Разработка стратегии импортозамещения предполагает усвоение принципов принятия управленческих решений, где, на мой взгляд, главным критерием позволяющим менеджеру принять эффективное решение является компетентность. Компетентность в принятии решений на региональном уровне будет складываться из: профессионально-экономических знаний, социальной компетентности, ценностных компетенций. Сложно учесть все факторы, условия и имеющийся жизненный опыт, которые могут повлиять на конечный результат.

Таким образом, решение ключевых задач импортозамещения в организации должно строиться на основе моделирования с использованием IT-технологий, творческих методов, системно-логических и интуитивно-творческих методов. Полученный результат должен быть направлен на повышение конкурентоспособности произведенной продукции с использованием инновационных технологий и модернизации производства, ответственной работы в групп.

Literature:

1. *Volkov A.I.* The Human Dimension of Progress. M. : Politizdat, 1990. 296 p.
2. *Woodcock M.* Liberated manager / M. Woodcock, D. Francis. M. : Business, 1991. 320.
3. *Zakharova E.V.* The Importance of Innovative Import Substitution under international sanctions against the Russian economy // Modern Science. 2014. № 12.

4. *Мардалиева Э.Б.* Импортозамещение / Э.Б. Мардалиева, М.Х. Камбулатова // Молодой ученый. 2015. № 11. С. 907–909.

5. *Райзберг Б.А.* Современный экономический словарь. 2-е изд., испр. / Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лазовский, Е.Б. Стародубцева. М. : ИНФРА-М, 1999. 479 с.

6. *Симоненко М.В.* Проблемы импортозамещения в России в условиях экономических санкций США и Западной Европы // Молодой ученый. 2015. № 19. С. 423–426.

7. *Трофимов Г.* Механизмы импортозамещения на уровне отраслей // Институт финансовых исследований. М., 2015.

4. *Mardalievа E.B.* Import Substitution / E.B. Mardalievа, M.Kh. Kambulatova // Young scientist. 2015. № 11. P. 907–909.

5. *Raizberg B.A.* Modern economic dictionary. 2nd edition, corrected / B.A. Raizberg, L.Sh. Lazovsky, E.B. Starodubtseva. M. : INFRA-M, 1999. 479 p.

6. *Simonenko M.V.* Import substitution problems in Russia under the economic sanctions of the USA and Western Europe // Young scientist. 2015. № 19. P. 423–426.

7. *Trofimov G.* Mechanisms of import substitution at the industry level // Institute for Financial Studies. M., 2015.

Барашева Елена Викторовна
кандидат экономических наук,
доцент,
доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин,
Российский государственный
университет правосудия, г. Иркутск
barahevaev@bk.ru

ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ ОЦЕНКИ РЕГУЛИРУЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В настоящей статье анализируется ряд особенностей оценки регулирующего воздействия органов государственной власти Российских регионов на комплексное развитие территорий.

Поскольку любая деятельность государственных органов, с одной стороны, неразрывно связана с управлением и комплексным развитием инфраструктуры и макроэкономики подчиненной территории, а с другой – с расходованием бюджетных средств, естественной задачей является повышение эффективности использования бюджетных ресурсов и качества деятельности органов государственной власти регионов.

Ключевые слова: государственное регулирование, субъекты Российской Федерации, оценка эффективности, стимулирование развития, экономические критерии.

Современная Россия представляет собой огромное государственное образование, обладающее наибольшей территорией в мире, простирающейся в нескольких климатических зонах с огромным геологическим, рельефным и природным разнообразием, а также – с массой культурно-исторических особенностей и традиций, разнящихся от региона к региону.

Соответственно, эффективное управление настолько значительной территорией из какого бы то ни было единого центра, даже при наличии современных технологий анализа и обработки информации, связи и коммуникаций, практически не возможно, поскольку слишком разные параметры характеризуют состояние исторически сложившихся областей и регионов страны, а значит, размерный фактор территории государства обуславливает необходимость делегирования части государственных полномочий на уровень субъектов Федерации, где региональные руководящие

Eleva V. Barasheva
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of State Law Disciplines,
Russian State University of Justice, Irkutsk
barahevaev@bk.ru

PECULIARITIES OF THE ECONOMIC TOOLKIT OF REGULATORY IMPACT ASSESSMENT IN THE STATE DEVELOPMENT MANAGEMENT SYSTEM OF THE CONSTITUENT ENTITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. This article analyzes a number of features of assessing the regulatory impact of the state authorities of the Russian regions on the integrated development of territories.

Since any activity of state bodies on the one hand is inextricably connected with the management and integrated development of the infrastructure and macroeconomics of the subordinate territory, and on the other, with the spending of budget funds, the natural task is to increase the efficiency of the use of budget resources and the quality of the activities of state authorities of the regions.

Keywords: state regulation, subjects of the Russian Federation, efficiency assessment, stimulation of development, economic criteria.

элиты способны принимать наиболее эффективные управленческие решения, исходя их специфических, характерных для данного конкретного региона условий и видения развивающихся социально-экономических процессов. Таким образом, вопросы регионального развития являются сферой непосредственной деятельности органов государственной власти субъектов, в рамках общегосударственной политики развития инфраструктуры и экономики.

Очевидно, что управление развитием региона включает в себя, помимо прочего, три основных направления:

– экономическое развитие, в том числе, стимулирование и создание благоприятных условий для экономической и предпринимательской деятельности;

– инфраструктурное развитие территории региона;

– обеспечение региональной экономики необходимым качественным человеческим капиталом, т.е., развитие систем образования (подготовка кадров для производств и предпринимательской деятельности), здравоохранения (как системы сбережения человеческого капитала), и обеспечения общественной безопасности (гарантия безопасности экономической и предпринимательской деятельности, сохранение человеческого капитала).

Последнее, очевидно, неразрывно связано с такой первоочередной функцией власти, как обеспечение надлежащего качества жизни (реализация социальных ожиданий населения).

Необходимо отметить, что для успешного развития региона, как и страны, в целом, необходимо комплексное, взаимосвязанное решение всех трех выше перечисленных задач.

Необходимость регулирующего воздействия государственных институтов на системное, комплексное развитие, в принципе, на сегодняшний

день не подлежит сомнению, однако, при этом открытыми остаются вопросы допустимой степени такого влияния, а значит, востребованным является инструмент оценки эффективности (как положительной, так и отрицательной) такого регулирующего воздействия. Одно дело, когда государство инвестирует в комплексное инфраструктурное развитие территорий как основу последующего привлечения субъектов бизнеса и предпринимательства, получающих возможность использовать вновь создаваемую инфраструктуру для своей деятельности, и совершенно другое дело – когда государственные органы пытаются жестко диктовать ценовую, ассортиментную и иную политику производителям.

В качестве примера регулирующей деятельности органов государственной власти, допустимой в современных условиях Российской Федерации, можно привести инструментарий государственного регулирования инвестиционной деятельности, применимый как на федеральном, так и на региональных уровнях. Такой набор регулирующих инструментов графически приведен на схеме рисунка 1.

Рисунок 1 – Основной набор регулирующих инструментов государственного регулирования инвестиционной деятельности

Как видно из схемы рисунка 1, в современной России предпочтение отдается не прямому вмешательству, а косвенному воздействию в части регулирования экономических процессов.

Как следует из положений Федерального закона от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», к полномочиям органов государственной власти субъектов отнесен ряд инструментов, призванных обеспечивать комплексное развитие регионов. Во-

первых – это полномочия по реализации программ развития инфраструктуры; во-вторых – регулирующие полномочия; в-третьих – полномочия, связанные с разработкой и реализацией программ стратегического планирования [1]. Иными словами, регулирующая деятельность органов государственной власти в отношении экономического развития является не правом, а обязанностью органов. Однако на практике необходимо избегать и чрезмерного государственного вмешательства в экономику, в связи с чем, опять же встает вопрос о наличии механизмов оценки эффективности регулирующего воздействия (далее по тексту – ОЭРВ).

Статьей 26.3.2. вышеупомянутого 184-го Федерального закона [1], а также, указами Президента от 14 ноября 2017 г. № 548 [2] и от 25 апреля 2019 г. № 193 [3] утверждены критерии оценки эффективности деятельности органов государственной власти российских регионов, однако, среди данных параметров отсутствует инструмент оценки эффективности регулирующего воздействия на экономическое и комплексное развитие региона. Оценка такой эффективности является в настоящее время предметом исследований научного со-

общества. В 2018 году специалистами Российского национального университета «Высшая школа экономики» на основе проведенных исследований выпущен доклад, посвященный регуляторной политике в России [4], в котором среди прочего рассматриваются механизмы оценки эффективности регулирующего воздействия органов государственной власти в российских субъектах. Географическая диаграмма оценки регулирующего воздействия по отдельным регионам Российской Федерации представлена на рисунке 2.

Рисунок 2 – Оценка регулирующего воздействия региональных органов государственной власти на комплексное развитие субъектов [4]

Рейтинг развития ОЭРВ в российских регионах демонстрирует самый широкий разброс показателей, в частности, рейтинг развития ОЭРВ регионов Центрального федерального округа представлен в таблице 1.

Сложность оценки эффективности регулирующего воздействия государственных институтов заключается именно в сложности подбора адекватного экономического инструментария.

Таблица 1

ОЭРВ регионов ЦФО на 2018 г. [4]

Субъект ЦФО	ОЭРВ
Белгородская область	высокая
Брянская область	средняя
Владимирская область	хорошая
Воронежская область	высокая
Ивановская область	хорошая
Калужская область	высокая
Костромская область	высокая
Курская область	средняя
Липецкая область	высокая
Москва	хорошая
Московская область	высокая
Орловская область	хорошая
Рязанская область	высокая
Смоленская область	высокая
Тамбовская область	высокая
Тверская область	средняя
Тульская область	хорошая
Ярославская область	хорошая

С одной стороны, существуют бухгалтерские критерии – такие, как профицит/дефицит бюджета, степень и эффективность освоения бюджетных ресурсов, количество налоговых поступлений, бюджетная экономия, кредиторская задолженность и т.п. Однако, что касается эффективности регулирующего воздействия и эффективности деятельности органов власти, в целом, в большинстве случаев перечисленные стандартные

инструменты далеко не всегда применимы.

Аналогичная ситуация характерна и для случаев, например, регулирования ценообразования естественных монополий. В краткосрочной перспективе административное сдерживание роста тарифов естественных монополий сокращает их прибыль, а, следовательно, и налоговые отчисления.

Однако в долгосрочном плане доступность энергоносителей и услуг транспортных компаний положительно сказывается на развитии субъектов бизнеса и предпринимательства и ведет в среднесрочной и долгосрочной перспективе к росту налоговых поступлений.

Соответственно, для адекватной оценки эффективности регулирующего воздействия необходима разработка экономического инструментария, позволяющего учитывать именно комплексный и долгосрочный эффект регулирующего воздействия. Очевидно, необходима научная проработка нелинейной зависимости основных макроэкономических показателей субъекта от использования тех или иных формализованных инструментов государственного регулирования.

Анализ сложившейся на сегодняшний день в Российской Федерации ситуации в части оценки эф-

фективности регулирующего воздействия органов государственной власти субъектов Российской Федерации на комплексное развитие регионов позволяет сделать следующие основные выводы.

Во-первых, нормативно-правовые документы, согласно которым сегодня проводится ежегодная оценка эффективности деятельности органов региональной власти, нуждаются в дополнении формализованными критериями оценки эффективности регулирующего воздействия.

Во-вторых, необходимо утверждение единой методики определения критериев данной эффективности.

В-третьих, при разработке вышеупомянутых методик необходимо учитывать и специфику экономического инструментария такой оценки.

Литература:

1. Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ (ред. от 23.05.2020) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». «Консультант плюс». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_14058/ (дата обращения 22.07.2020).

2. Указ Президента РФ от 14 ноября 2017 г. № 548 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации». «Гарант». URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71709662/> (дата обращения 22.07.2020).

3. Указ Президента РФ от 25 апреля 2019 г. № 193 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц и органов исполнительной власти субъектов РФ». URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72130744/> (дата обращения 22.07.2020).

4. Регуляторная политика в России: основные тенденции и архитектура будущего. URL : <https://base.garant.ru/77580500/> (дата обращения 22.07.2020).

Literature:

1. Federal Law of 06.10.1999 № 184-ФЗ (ed. From 23.05.2020) «On General Principles for the Organization of Legislative (Representative) and Executive Bodies of State Power of the Constituent Entities of the Russian Federation». «Consultant Plus». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_14058/ (date of application 22.07.2020).

2. Decree of the President of the Russian Federation of November 14, 2017 № 548 «On assessing the effectiveness of the executive authorities of the constituent entities of the Russian Federation». «Guarantor». URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71709662/> (date of application 22.07.2020).

3. Decree of the President of the Russian Federation of April 25, 2019 №193 «On assessing the effectiveness of the activities of senior officials and executive authorities of the constituent entities of the Russian Federation». «Guarantor». URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72130744/> (date of application 22.07.2020).

4. Regulatory policy in Russia: the main trends and architecture of the future. «Guarantor». URL : <https://base.garant.ru/77580500/> (date of application 22.07.2020).

Голубкина Ксения Вячеславовна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории
и истории государства и права,
Государственный морской университет
имени адмирала Ф.Ф. Ушакова
abrsyuzanna@yandex.ru

Абрамян Сюзанна Кароевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории
и истории государства и права,
Государственный морской университет
имени адмирала Ф.Ф. Ушакова
abrsyuzanna@yandex.ru

МЕХАНИЗМ

**РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТОВ НА ОСНОВЕ
ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО
ПАРТНЕРСТВА**

Аннотация. В статье обосновывается необходимость дальнейшего совершенствования механизма реализации проектов на основе партнерства публичных и частных участников в условиях высокого уровня неопределенности. Такое взаимодействие представляет эффективный инструмент привлечения дополнительных частных инвестиций, передовых технологий, профессиональных компетенций и опыта партнеров. Проведен анализ проектов государственно-частного партнерства (ГЧП) (организационная форма, стоимость, объем частных инвестиций и модель их возврата и др.). Сформулированы преимущества для различных заинтересованных сторон проектов ГЧП. Рассмотрены основные факторы, стимулирующие развитие проектов ГЧП в современной российской экономике.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, транспорт, инвестиции.

Государственные расходы на объекты инфраструктуры, предоставление важнейших общественных благ населению в последнее время сокращаются. Вероятно, такая тенденция в результате негативного влияния пандемии на устойчивое развитие будет усиливаться. Решение данной проблемы требует новых механизмов привлечения инвестиций, внедрения инноваций, оптимизации системы управления рисками. Одним из них является реализация проектов на основе ГЧП и муниципально-частного партнерства (МЧП). Надо отметить, что степень разработанности теоретических и практических аспектов ведения проектной деятельности на принципах ГЧП/МЧП является достаточно высокой.

Ksenia V. Golubkina

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of Theory
and the History of the State and Law,
State Maritime University
named after Admiral F.F. Ushakov
abrsyuzanna@yandex.ru

Syuzanna K. Abramyan

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of Theory
and the History of the State and Law,
State Maritime University
named after Admiral F.F. Ushakov
abrsyuzanna@yandex.ru

MECHANISM

**FOR IMPLEMENTING PROJECTS BASED
ON PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP**

Annotation. The article substantiates the need for further improvement of the project implementation mechanism based on a partnership of public and private participants in a high level of uncertainty. Such interaction is an effective tool for attracting additional private investment, advanced technologies, professional competencies and experience of partners. The analysis of public-private partnership (PPP) projects (organizational form, cost, volume of private investments and their return model, etc.). Advantages for various stakeholders of PPP projects are formulated. The main factors that stimulate the development of PPP projects in the modern Russian economy are considered.

Keywords: public-private partnership, transport, investment.

Анализ научных публикаций позволяет сделать вывод о том, что многие теоретические, методологические и организационно-правовые аспекты проектной деятельности на основе ГЧП/МЧП в современной экономике раскрыты достаточно детально. Вместе с тем, нынешняя социально-экономическая ситуация в российской экономике, не всегда высокая эффективность проектов ГЧП/МЧП определяют необходимость дальнейшего изучения механизма их инициации и реализации. Все это делает актуальным тематику данного исследования, его цель и задачи, проекты государственно-частного партнерства и их признаки.

Проектное управление представляет эффективный инструмент, позволяющий субъектам экономики обеспечивать необходимый уровень конкурентоспособности и избегать нестабильных ситуаций. Отметим, что основные процессы в проектном управлении достаточно глубоко разработаны и документированы. Имеются международные и национальные стандарты, на основе которых проводится сертификация специалистов, оценивается зрелость организаций в области проектного управления. Российская Федерация, учитывая международный опыт, осуществляет государственную стандартизацию в проектном управлении, начиная с 2012 года.

Анализ российских и зарубежных стандартов в сфере проектного управления, позволяет сделать вывод о том, что проекту присущи следующие признаки:

- наличие конкретной цели;
- временные рамки;
- ограниченные объемы ресурсов;
- уникальность, неповторимость конечного результата.

С учетом данных критериев в мировой практике используются различные формулировки категории «проект», например, как:

- «комплекс взаимосвязанных мероприятий для создания уникальной продукции при ограничении ресурсов» [1, с. 23];
- «уникальный набор процессов, состоящих из координируемых и контролируемых работ с датами начала и окончания, которые выполняются для достижения целей проекта» – «временное предприятие, образованное для создания уникальных продуктов, услуг или результатов [2, с. 40] и др.

Каждый проект имеет жизненный цикл, охватывающий период от зарождения идеи до его завершения. Таким образом, проектная деятельность носит разовый характер и отличается от операционной и функциональной деятельности. В целом, успешность проекта определяется тем, насколько его полученные параметры соответствуют запланированному уровню. Проекты существенно различаются между собой в зависимости от таких критериев, как цель, масштаб, сложность реализации и др. Выделяют следующие виды проектов: монопроекты и мультипроекты; малые, средние и крупные; экономические, социальные, организационные; инвестиционные; инновационные; отраслевые; национальные и международные; государственные, региональные и муниципальные; частные и государственные; проекты ГЧП/МЧП и др.

Установленный вид проекта позволяет выбрать необходимый набор инструментов управления. Сложившаяся ситуация с нехваткой инвестиционных ресурсов диктует необходимость более активной инициации проектов ГЧП/МЧП. К ним относятся проекты, которые выполняются государ-

ством и частными участниками на объектах государственной собственности и собственности местных органов власти в целях увеличения доступности и роста качества общественных благ, предоставляемых населению. Проекты ГЧП/МЧП представляют эффективный инструмент привлечения дополнительных частных инвестиций и передовых технологий в экономику. Такого рода проекты используются для создания, модернизации и содержания объектов общественной инфраструктуры, оказания жизненно важных услуг населению. Многие проекты ГЧП/МЧП способствуют развитию инноваций, укреплению позиций национального бизнеса в рамках глобального рынка, формированию культурного и спортивного имиджа страны и ее отдельных регионов. В мировой практике основными сферами реализации проектов ГЧП/МЧП являются: транспорт, жилищно-коммунальное хозяйство, телекоммуникации, окружающая среда, образование, здравоохранение, оборона, отдых и развлечения, культура, государственные услуги общего пользования и др. Проекты ГЧП/МЧП ведутся во многих странах мира. В частности, такие проекты, начиная с 90-х годов XX века, являются неотъемлемым элементом экономики стран Европейского Союза (ЕС).

Наиболее крупные, дорогостоящие проекты ГЧП/МЧП реализуются в сфере транспорта и жилищно-коммунального хозяйства. По количеству проектов лидирует образование. На сферу отдыха и культуры приходится незначительное число проектов, обладающих к тому же невысокой стоимостью. В России принято решение о реализации 3950 проектов ГЧП/МЧП, в том числе, осуществляется 3701 проект, общий объем частных инвестиций в которые составляет более 3,2 млрд руб.

В российской экономике, как и в мировой практике, проекты ГЧП/МЧП ведутся преимущественно на муниципальном (87 %) и региональном уровнях (12 %). Целью федеральных проектов является комплексное развитие территорий, формирование уникальных инфраструктурных комплексов. Региональные проекты способствуют созданию быстрых точек экономического и социального роста, обладают высокой эффективностью и относительно небольшим сроком реализации. Муниципальные проекты связаны с такими секторами, как социальное обслуживание населения, детский отдых и оздоровление, физическая культура и спорт, образование, досуг, туризм и др. Надо отметить, что российские регионы существенно различаются по уровню развития ГЧП/МЧП. К наиболее передовым регионам относятся Самарская область, г. Москва, Московская область и др.

В ряде регионов проекты ГЧП/МЧП пока еще занимают несущественные позиции (Республика Северная Осетия – Алания, Республика Ингушетия и др.). Проектам ГЧП/МЧП присущи следующие признаки:

- длительный срок реализации;
- распределение рисков и ответственности

между участниками;

– частный партнер участвует в процессе создания, эксплуатации объекта соглашения;

– участие частного партнёра в финансировании объекта соглашения. (полное или частичное).

При реализации проектов ГЧП/МЧП следует учитывать, что интересы и цели публичных и частных партнеров различаются, поэтому уже на этапе инициации проекта следует их выявить и в последующем эффективно ими управлять. В целом, взаимодействие партнеров в рамках проектов ГЧП/МЧП выгодно всем участникам соглашения,

Литература:

1. *Белякова М.Ю.* Проектные технологии управления : монография / М.Ю. Белякова, Т.В. Юрьева. М. : Международный издательский центр «Город XXI век», 2020. 152 с.

2. *Иванов О.В.* Механизмы государственно-частного партнерства в экономической политике России / О.В. Иванов; Под ред. О.В. Иванова, П.Л. Селезнев, А.А.Галкина и др. М. : МГИМО-Университет, 2018. 408 с.

3. *Голубкина К.В.* Правовое регулирование транспортной безопасности в России / К.В. Голубкина, С.К. Абрамян // Гуманитарные науки, социально-экономические и социальные науки. 2017. № 6–7. С. 109–111.

а также обществу в целом. Его результатом является:

– интенсивное развитие инфраструктуры;

– сокращение расходов государства, рисков, сроков исполнения и стоимости проектов;

– повышение качества выполняемых работ и управления;

– увеличение количества рабочих мест;

– формирование позитивного образа государства и бизнеса в обществе и др.

Literature:

1. *Belyakova M.Yu.* Project management technologies : monograph / M.Yu. Belyakova, T.V. Yurieva. M. : international publishing center «City of XXI century», 2020. 152 p.

2. *Ivanov O.V.* Mechanisms of public-private partnership in the economic policy of Russia / O.V. Ivanov; Ed. by O.V. Ivanov, P.L. Seleznev, A.A. Galkin et [al.]. M. : MGIMO-University, 2018. 408 p.

3. *Golubkina K.V.* Legal regulation of transport security in Russia / K.V. Golubkina, S.K. Abramyan // Humanities, socio-economic and social Sciences. 2017. № 6–7. P. 109–111.

Ермаков Роман Владимирович
главный специалист,
Управление инвестиционных операций,
АКБ «Ланта-Банк»
ermakov_roman@aol.com

ПУТИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННЫХ МЕТОДОВ УПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫМИ ПРЕДПРИЯТИЯМИ

Аннотация. Развитие современных технологий, базирующихся на последних достижениях науки, является естественным ресурсом для повышения и удержания конкурентоспособности не только отдельными экономическими субъектами, но и целыми экономическими зонами, включая макроэкономику отдельных государств, в связи с чем, особую значимость приобретает именно развитие инноваций и инновационных производств.

Современные правящие российские элиты в полной мере осознают необходимость перехода отечественной экономики на инновационный путь развития, в связи с чем, как показывает анализ деятельности органов федеральной власти, в России реализуется комплекс мероприятий, направленных на модернизацию национальной экономики. Вместе с тем, до настоящего времени приходится констатировать, что большинство российских промышленных предприятия до сих пор не проявляют должной активности в вопросах инновационного развития, что обусловлено не только экономическими, но и рядом психологических факторов.

Ключевые слова: инновации, стратегия инновационного развития, инновационные предприятия, формы и пути инновационного развития.

Глобализация всех сфер жизни человеческих сообществ, технический прогресс, скорость распространения информации являются сегодня основными ключевыми факторами, определяющими развитие экономических процессов, а, следовательно, они должны быть учтены при разработке стратегий экономического развития, как отдельных субъектов экономики, так и комплексных экономических зон или кластеров, что само собой подразумевает необходимость внедрения эффективных инновационных технологий производства, управления и продвижения.

Еще несколько лет назад, осознавая всю необходимость реализации стратегии опережающего развития российской экономики, в нашей стране была принята концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (далее – Концепция 2020), которая провозгласила переход к инновационному социально ориентированному типу экономического развития страны.

Roman V. Ermakov
Chief specialist,
Investment Operations Management,
Company commercial bank «Lanta-Bank»
ermakov_roman@aol.com

WAYS TO DEVELOP MODERN METHODS OF MANAGING INNOVATIVE ENTERPRISES

Annotation. The development of modern technologies based on the latest achievements of science is a natural resource for increasing and maintaining competitiveness not only by individual economic actors, but also by entire economic zones, including macroeconomics of individual states, and therefore it is the development of innovations and innovative industries that acquires special importance.

Modern ruling Russian elites are fully aware of the need to transition the domestic economy to an innovative path of development, in connection with which, as an analysis of the activities of federal authorities shows, a set of measures is being implemented in Russia aimed at modernizing the national economy. At the same time, to date, it has to be noted that most Russian industrial enterprises still do not show proper activity in issues of innovative development, which is due not only to economic, but also to a number of psychological factors.

Keywords: innovation, strategy of innovative development, innovative enterprises, forms and ways of innovative development.

В п. 5 Концепции 2020 сформулирован основной критерий достижения соответствующей цели, а именно: «...создание максимально благоприятных условий для предпринимательской инициативы, повышение конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности российских частных компаний, расширения их способности к работе на открытых глобальных рынках в условиях жесткой конкуренции, поскольку именно частный бизнес является основной движущей силой экономического развития. Государство может создать необходимые условия и стимулы для развития бизнеса, но не должно подменять бизнес собственной активностью» [1]. Таким образом, в качестве приоритета Концепция 2020 одним из приоритетных направлений реализации политики инновационного развития сделала ставку на частные экономические субъекты, максимально отстранив государство от непосредственного внедрения инноваций на производствах.

Вместе с тем, данная концепция полностью не исключает деятельности государства в сфере продвижения и стимулирования инновационной деятельности. Возможно, что прямое, директивное навязывание инновационных технологий в производство, способно привести в ряде случаев к обратному эффекту, как, например, это зачастую случалось во времена административно-хозяйственной системы плановой экономики СССР, однако, такое положение дел не всегда закономерно, и, при определенных условиях, прямое воздействие государства на модернизацию и производство, и внедрение экономических инноваций, по крайней мере, в российских условиях способно давать положительный эффект. В частности, исторический опыт реформ Петра I, модернизации экономики СССР 1920–1930-х годов свидетельствуют о потенциальных возможностях подобных методик внедрения инновационных технологий производства и управления.

С другой стороны, современное российское государство, выступая в качестве распорядителя бюджетных средств, стремясь повысить их эффективность, опосредованно, все же, стимулирует развитие экономических инноваций на государственном уровне, в частности, посредством перевода практически всех государственных и муниципальных закупок, а также - закупок для нужд естественных монополий и ряда предприятий, связанных с жизнеобеспечением, в обязательный электронный вид, с обязательным использованием единой информационной системы (ЕИС).

Вместе с тем, непосредственное развитие инноваций и внедрение инновационных технологий в условиях современной России возможно непосредственными собственниками таких производств. Если с предприятиями, имеющими в своей структуре значительную долю государ-

ственного инвестирования, ситуация более-менее однозначная – модернизация таких производств зависит от административных решений либо от назначенного государственными органами менеджмента, то внедрение инноваций на предприятиях, представляющих собой объекты частной собственности, зачастую зависит не только от экономического состояния соответствующей организации, но также и от психологического настроя, мотивации и компетентности владельцев таких предприятий. В частности, многие владельцы российского бизнеса желают получать от него доходы «здесь и сейчас», не задумываясь о перспективах развития, и не обращая внимания на необходимость стратегического планирования повышения конкурентоспособности, и тем более, не желая вкладывать в проекты на перспективу какие-либо финансовые затраты.

Критерием, позволяющим определить состояние инновационной активности в сфере бизнеса являются показатели затрат на НИОКР. И здесь анализ продуктивности научной деятельности в России по показателям затрат на НИОКР на фоне развитых и развивающихся стран выглядит неоднозначно. В частности, определенную пищу для размышлений дает рассмотрение двух, наиболее популярных международных рейтингов:

- рейтинг глобальной конкурентоспособности;
- рейтинг самых инновационных экономик мира.

Одним из показателей уровня развитости экономики страны считается рейтинг глобальной конкурентоспособности, в котором каждая страна стремится занимать высокие места [3].

Из рисунка 1 видно, что в тройку лидеров здесь вошли Швейцария, США и Сингапур [2]. Именно в этих странах наиболее эффективны расходы на НИОКР, а уровень благосостояния граждан, в среднем, достаточно высок.

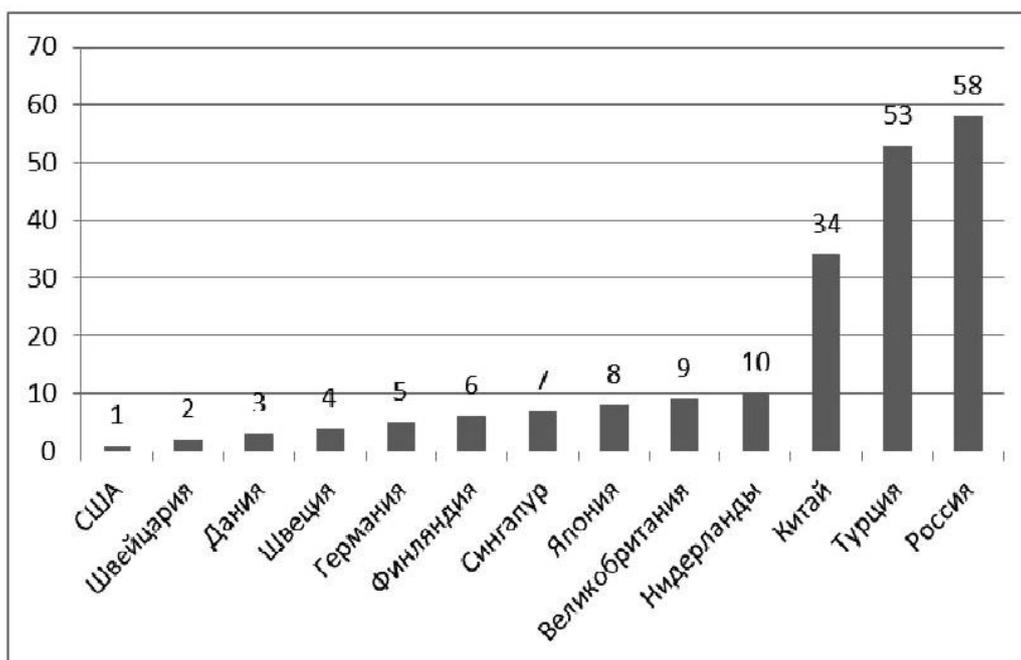

Рисунок 1 – Данные о рейтинге глобальной конкурентоспособности

Текущий рейтинг наиболее инновационных экономик мира отображен на рисунке 2.

Согласно данным Организации экономического сотрудничества и развития, в открытой базе данных «Основные показатели науки и технологий» мировыми лидерами по общему объему внутренних расходов на НИОКР являются США, Германия, Китай, Япония, Южная Корея. Рассмотрим расходы на НИОКР и структуру источников финансирования НИОКР в разных странах (рис. 3, 4).

Анализ экономической деятельности российского бизнеса позволяет, помимо уже отмеченных выше, выделить в качестве основных проблем, препятствующих активному инновационному раз-

витию российских предприятий, следующие факторы:

1. Отсутствие четкого законодательного регулирования ведения инновационной деятельности на предприятии, что является причиной многих споров и недопонимания. В частности, в российском правовом поле отсутствует само формализованное определение понятия «инновационное развитие», а также, формализованные определения таких понятий, как «инновационная продукция», «инновационный процесс» и др.
2. Недостаточность финансирования инновационной деятельности предприятиями в связи с высокой стоимостью внедрения и освоения нововведений, а также – долгосрочностью вложений.

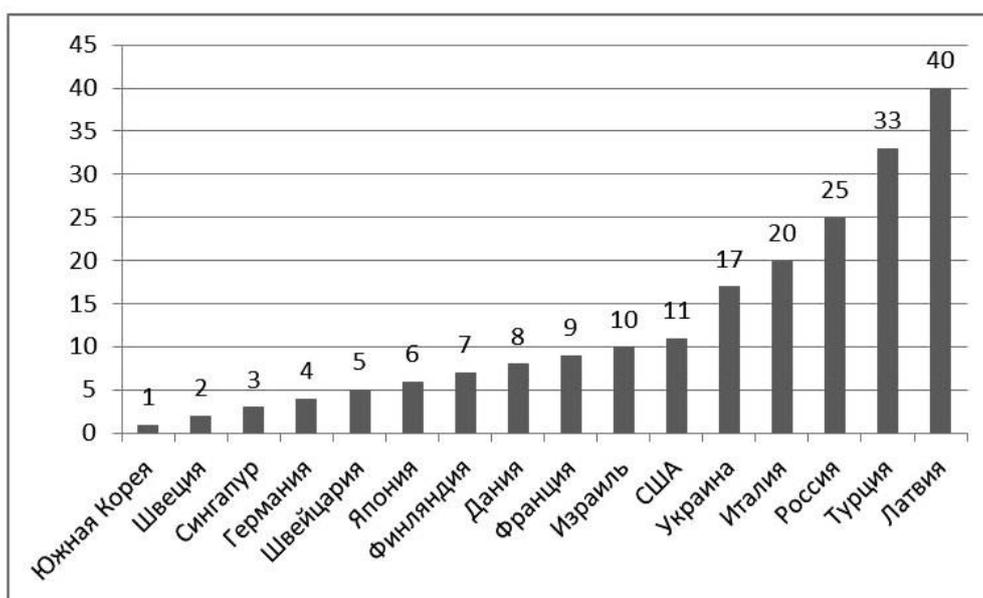

Рисунок 2 – Рейтинг наиболее инновационных экономик мира [2]

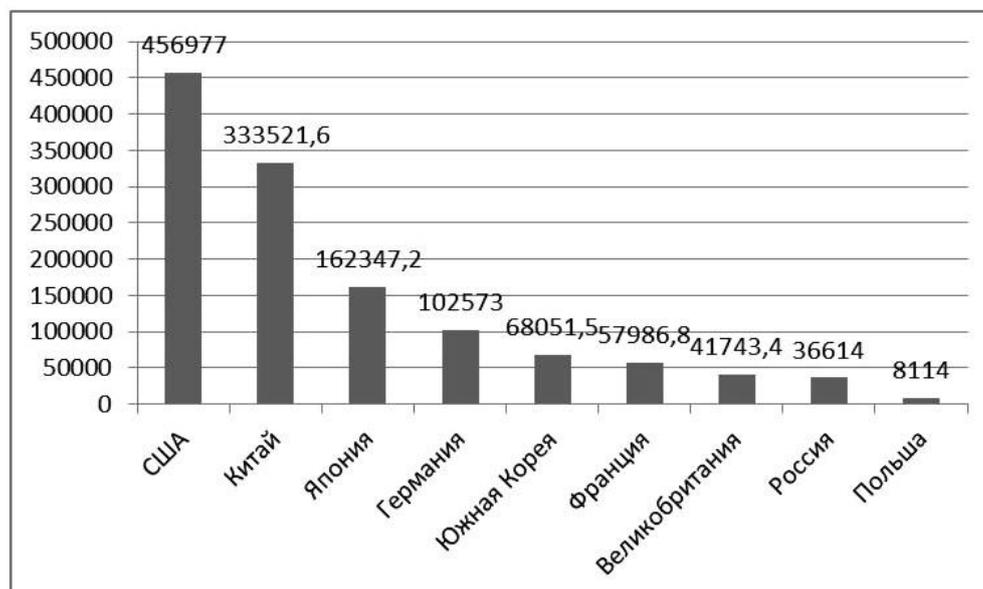

Рисунок 3 – Расходы на НИОКР, млн долл. США [2]

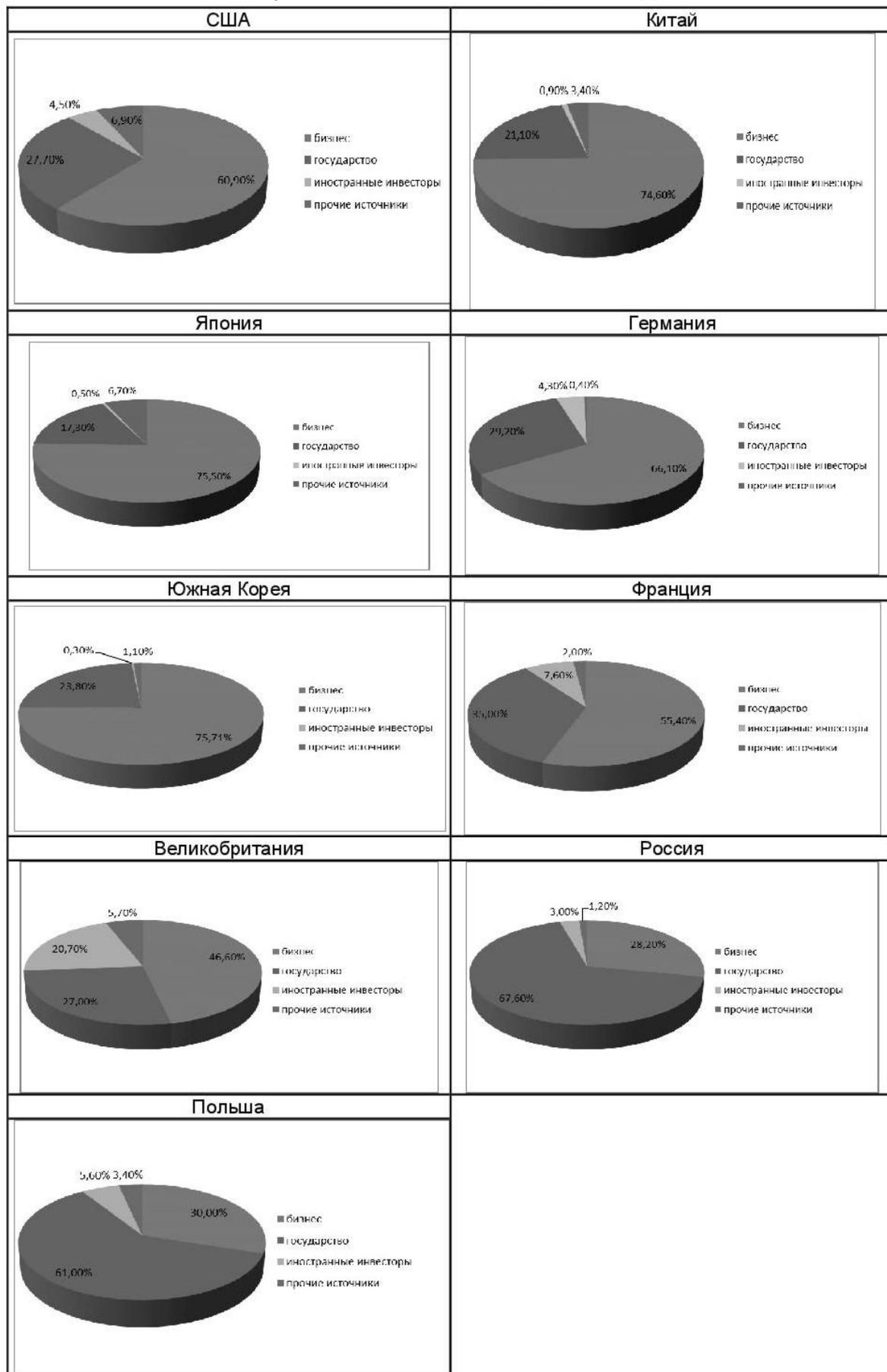

Рисунок 4 – Доля секторов в финансировании затрат на НИОКР, %. [2]

Как правило, хозяйствующие субъекты во всем мире, не только в России, не обладают достаточным количеством собственных свободных средств для финансирования разработок, а современная специфика российского финансового сектора не позволяет привлекать внешние финансовые ресурсы на комфортных условиях. В частности, ставка рефинансирования Российского Центробанка, несмотря на позитивную тенденцию к снижению, по-прежнему все еще высока для финансового обеспечения развития технологических проектов внутри страны.

3. Отсутствие у российских предприятий современной базы для внедрения разработок по причине износа или отсутствия необходимого оборудования.

4. Наличие феномена сопротивления инновациям, которое наиболее часто происходит по двум причинам:

– человеку свойственен страх перед всем новым. Наиболее ярко это выражено в переходные моменты, особенно в кризисные, когда наблюдается социально-психологическая нестабильность, и внедрение нового воспринимается как угроза существующему положению дел;

– с точки зрения инвестора, вкладывающего деньги в какую-либо технологию, появление новой, более эффективной, часто построенной на новых принципах, создает угрозу существующей, поэтому инвесторы стараются на какое-то время ее придержать, хотя бы до тех пор, пока предыдущие вложения не окупятся.

5. Отсутствие кадров, способных эффективно руководить инновационным процессом, причем, кадровая проблема ощущается на всех уровнях управления, как страны, так и отдельных предприятий.

6. Трудности в проведении маркетинговых исследований инновационных продуктов. Неустой-

чивая экономическая ситуация в стране затрудняет достоверную оценку спроса на инновационную продукцию даже на краткосрочную перспективу.

7. Инновационная деятельность требует наличия на предприятии соответствующей организационной структуры управления.

8. Недооцененный человеческий капитал, который не учитывается ни при определении уставного капитала, ни при обосновании инвестиций, ни при выработке стратегии экономического субъекта, в то время, как в мировой практике широко используются системы по развитию человеческого потенциала.

Анализ деятельности иностранных инновационных компаний демонстрирует, что инновационное развитие наиболее успешно реализуется крупными субъектами экономики, опять же, благодаря наличию ресурсов, контактов и определенному политическому влиянию.

Также, анализ деятельности наиболее успешных компаний, задействованных в сфере инноваций, позволяет сделать вывод о том, что, для эффективного внедрения инновационных технологий желательнее формирование качественной системы управления инновационной деятельностью, а также – освоение технологий инновационного менеджмента. Кроме того, инновационное развитие на крупном промышленном предприятии может эффективно осуществляться при активном включении в работу специально формируемой организационно-управленческой структуры, которую можно условно обозначить как центр инновационно-технологической поддержки.

Иными словами, в целях обеспечения эффективного инновационного развития предприятия, целесообразно создание специализированных внутренних структурных подразделений на предприятиях, непосредственно отвечающих за инновационное развитие.

Литература:

1. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (вместе с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года»).

2. Официальная статистика. Информация о рейтинге Глобальной конкурентоспособности. URL : <https://www.weforum.org/reports/the-global-competitiveness-report-2017-2018>

3. *Маслова Т.С.* Сравнительный анализ финансирования НИОКР в России и за рубежом / Т.С. Маслова, А.А. Кызы Лалаева // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2018. № 7(2–10). С. 2–10.

Literature:

1. Order of the Government of the Russian Federation dated 17.11.2008 № 1662-r «On the Concept of Long-Term Socio-Economic Development of the Russian Federation for the Period until 2020» (together with the «Concept of Long-Term Socio-Economic Development of the Russian Federation for the Period until 2020»).

2. Official statistics. Information on the Global Competitiveness Rating. URL : <https://www.weforum.org/reports/the-global-competitiveness-report-2017-2018>

3. *Maslova T.S.* Comparative analysis of R & D financing in Russia and abroad / T.S. Maslova, A.A. Kzyzy Lalaeva // Accounting in budget and non-profit organizations. 2018. № 7(2–10). P. 2–10.

Жигунов Эдуард Аркадьевич
кандидат экономических наук,
доцент,
кафедра естествознания,
географии и туризма,
Ленинградский государственный
университет имени А.С. Пушкина
EdwardZ65@mail.ru

ОЦЕНКА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ НА ОСНОВЕ ФОРМИРОВАНИЯ ФАКТОРНОЙ СИСТЕМЫ АНАЛИЗА КОНКУРЕНТНОЙ СРЕДЫ

Аннотация. Статья посвящена оценке конкурентоспособности туристского предприятия на базе факторного анализа конкурентного рынка, окружающего предприятие.

Конкурентоспособность туристского предприятия - это его основное свойство, выражающее и состояние предприятия, и процесс реализации взаимоотношений с другими производителями турпродукта в специфической форме соперничества между ними по полному и эффективному удовлетворению целевых потребностей и желаний потребителя туристского продукта, являющееся необходимым условием для достижения целей организации на конкретном рынке.

Ключевые слова: конкурентоспособность, конкуренция, конкурентное преимущество, конкурентная позиция, продвижение турпродукта, факторный анализ, иерархичность.

Современное развитие туристской индустрии в период после пандемии характеризуется усилением конкурентной борьбы между туристскими предприятиями за клиента и более выгодное положение на рынке по отношению к другим фирмам, оказывающим аналогичные услуги. Конкуренция – это объективный процесс в условиях рынка, и ни одно турпредприятие не может позволить себе его игнорировать как объектное явление.

Вся хозяйственно-экономическая деятельность турфирмы, работающей на туристском рынке, все её усилия по созданию и реализации туристского продукта, проведению мероприятий по продвижению произведенного турпродукта подчинена одной цели – достижению посредством формирования, поддержания и развития конкурентного преимущества такой рыночной ниши (конкурентной позиции), которая позволит получить максимальный доход (прибыль). Поэтому создание конкурентного преимущества, стратегии и тактики

Eduard A. Zhigunov
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Department of Natural Sciences,
geography and tourism,
Leningrad State University
named after A.S. Pushkin
EdwardZ65@mail.ru

ASSESSMENT OF THE CRUISE ENTERPRISE'S COMPETITIVENESS BASED ON THE FORMATION OF A FACTOR SYSTEM FOR ANALYZING THE COMPETITIVE ENVIRONMENT

Annotation. The article is devoted to assessing the competitiveness of a tourist enterprise on the basis of factor analysis of the competitive market surrounding the enterprise.

The competitiveness of tourism enterprises is its main property, which expresses the condition of the company, and the process of developing relationships with other producers of tourism products in a specific form of rivalry between them on full and effective satisfaction of targeted needs and desires of the consumer the tourism product is a prerequisite for achieving the organization's objectives in a particular market.

Keywords: competitiveness, competition, competitive advantage, competitive position, promotion of tourist products, factor analysis, hierarchy.

предпринимательской деятельности должны основываться на знании законов, закономерностей и принципов конкурентной борьбы [2].

Все турпредприятия в процессе конкурентной борьбы стремятся обойти конкурентов и повысить тем самым свою конкурентоспособность. Однако конкурентоспособным турпредприятие может стать только в случае, если его ресурсный потенциал сформирован адекватно сложившейся рыночной конъюнктуре, нацелен на эффективное производство и продвижение туристского продукта и реализуется высококвалифицированным в профессиональном плане персоналом.

Обеспечение конкурентоспособности невозможно без управления этим сложным, часто противоречивым и комплексным процессом, что обуславливает необходимость постоянной корректировки, внесения соответствующих изменений в содержание и методическое обеспечение управления предприятием для повышения фактора

конкурентоспособности [3].

Отсутствие системной, качественной и полной информации о конкурентоспособности приводит к тому, что, даже обладая необходимым ресурсным потенциалом, руководители не могут определить рыночную позицию предприятия, сформулировать и реализовать стратегию и тактику конкурентных действий, а, соответственно, ответить на вопрос об экономической целесообразности управленческих решений на всех этапах управления конкурентоспособностью. Это негативно сказывается на эффективности предпринимательской деятельности и имидже турпредприятий.

Конкурентоспособность – это системное свойство туристского предприятия, которое определяется наличием конкурентного преимущества. Для выявления конкурентного преимущества необходимо использовать ценностный подход, когда под конкурентным преимуществом понимается какая-либо эксклюзивная ценность, которой обладает система (предприятие) и которая дает ей превосходство перед конкурентами.

Материальными (вещественными) и нематериальными основами формирования конкурентного преимущества являются факторы его конкурентоспособности. В зависимости от конкретных значений (параметров) факторов конкурентоспособности, турфирма получает (формирует) либо благоприятные конкурентные условия функционирования на конкретном рынке (конкурентные преимущества), либо неблагоприятные (конкурентные недостатки) [1].

Организация системы факторных показателей, их анализ и оценка должны быть ориентированы на соблюдение следующих принципов:

1. Принцип *системности*, в соответствии с которым поведение каждого элемента системы влияет на поведение системы в целом, каждый элемент влияет на нее во взаимодействии хотя бы еще с одним элементом и нет элементов, которые влияли бы на систему независимо от других элементов.

Литература:

1. *Криворотов В.В.* Принципы и факторы построения системы показателей конкурентоспособности предприятия // Проблемы современной экономики. Евразийский международный научно-аналитический журнал. 2004. № 1/2. С. 102–104.
2. *Портер Майкл.* Международная конкуренция : в 2-х т. М. : Международные отношения, 2016. 896 с.
3. *Портер Майкл.* Конкуренция / Майкл Портер; Пер. с англ. М. : Вильямс, 2015. 608 с.

2. Принцип *комплексности*, когда каждый системный показатель характеризует влияние на конкурентоспособность предприятия какого-либо фактора или группы факторов и соответственно дополняющие друг друга факторы должны строиться с учетом комплекса факторов, обуславливающих конкурентоспособность турпредприятия.

3. Принцип *функциональной направленности*, предполагающий использование факторов, характеризующих различные функции турпредприятия: экономическую, управленческую, маркетинговую и т.д.

4. Принцип *иерархичности*, т.е. все факторы должны быть ранжированы по их значению – от общих к частным. К общим относятся сводные, обобщающие показатели, а частные показатели их дополняют, учитывая влияние на исследуемый процесс особенностей деятельности предприятия.

5. Принцип *информационного* обеспечения – это показатели, расчет которых может быть обеспечен имеющейся (в действующих формах бухучета и статотчетности) информацией, обладающей достаточной достоверностью.

6. *Сопоставимость* показателей по их характеристикам, методам получения информации, единицам измерения и способам расчета.

7. *Непрерывность* – это корректировка показателей системы либо включение в нее дополнительных показателей по мере поступления новых данных об объекте исследования и окружающей его конкурентной обстановке [1].

Таким образом, из всей системы факторов конкурентоспособности, основополагающим является принцип комплексной оценки факторов процесса конкурентоспособности.

Literature:

1. *Krivorotov V.V.* Principles and factors of building a system of indicators of enterprise competitiveness // Problems of modern economy. Eurasian international scientific and analytical journal. 2004. № 1/2. P. 102–104.
2. *Michael Porter.* International competition : in 2 vol. M. : International relations, 2016. 896 p.
3. *Michael Porter.* Competition / Michael Porter; Trans. from English. M. : Williams, 2015. 608 p.

Жигунова Татьяна Сергеевна
аспирантка кафедры
экономики и управления,
Ленинградский государственный
университет имени А.С. Пушкина
stegniy@mail.ru

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ КАК КЛЮЧЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ИНДУСТРИИ ТУРИЗМА И ГОСТЕПРИИМСТВА

Аннотация. Статья посвящена междисциплинарной области научного знания о туризме и туристских услугах, а также, рассуждению о том, что представляет собой туристика как комплексная наука и ее теоретическая составляющая как науки о туризме. Также, в статье раскрываются влияние совокупности наук и дисциплин, рассматривающих отдельные стороны развития туристской деятельности и влияющих на формирование целостного взгляда на туризм, как науку. Исследован аспект развития туристской теории и практики, различных достижений в области географии туризма как направления, изучающего пространственные представления человека и механизмы их использования в различных аспектах турдеятельности.

Ключевые слова: туристика, туристская теория, геотуризм, историко-географическое развитие, туристский поток, индустрия туризма, клиентоориентированный подход, туроперейтинг.

Туризм: ремесло или наука? Ответ на этот вопрос лежит в процессе развития междисциплинарной сферы научного знания о туризме и туристской индустрии. Ранее специалистами и практиками были предложены три варианта ее терминологического обозначения: туристика, туология, тураграфия. Однако более частое упоминание в литературных источниках наименования «туристика» повлияло на применение именно этого термина в индустрии туризма.

Недостаточная изученность туриста в изменяющихся социально-экономических условиях, неопределенность и широта туристской среды как объекта, на который направлена деятельность субъекта, сложное и многогранное функционирование туристской индустрии делают достаточно неопределенным сам предмет науки. Вопрос о туризме как предмете исследования требует своей специальной проработки и в литературе представлен недостаточно. Даже определения понятия «туризм» менялись с течением времени, и их содержание зависело от того, в рамках какой научной дисциплины оно формулировалось.

Tatiana S. Zhigunova
Postgraduate student of the Department
Economics and Management,
Leningrad State University
named after A.S. Pushkin
stegniy@mail.ru

INTERDISCIPLINARY AS A KEY CHARACTERISTIC OF SCIENTIFIC RESEARCH IN THE TOURISM AND HOSPITALITY INDUSTRY

Annotation. The article is devoted to the interdisciplinary field of scientific knowledge about tourism and tourist services, as well as to the discussion of what is tourism as a complex science and its theoretical component as a science of tourism. The article also reveals the influence of a set of Sciences and disciplines that consider certain aspects of the development of tourism activities, and affect the formation of a holistic view of tourism as a science. The aspect of development of tourist theory and practice, various achievements in the field of tourism geography as a direction that studies the spatial representations of a person and the mechanisms of their use in various aspects of tourism activity is studied.

Keywords: tourism, tourist theory, geotourism, historical and geographical development, tourist flow, tourism industry, customer-oriented approach, tour management.

Однако теоретическая составляющая туристики как науки о туризме еще не сформировалась. Отсутствие единого мнения в раскрытии базового для туристских исследований понятия «туризм» не является доказательством неразвитости этого направления. Более того, каждое высшее учебное заведение при подготовке бакалавров и магистров для туристской индустрии опирается на свой профиль. Однако в таком подходе есть опасность подмены паспорта направления «социально-культурный сервис и туризм» другими родственными направлениями и профилями, занимающимися изучением туризма как культурно-досуговой сферы. В сформированном междисциплинарном поле четко выявляется географический компонент туристского знания [2]. Автору представляются весьма перспективными, в плане развития туристской теории и практики, достижения в области когнитивной или гуманитарной географии как направления, изучающего пространственные представления человека и механизмы их использования в различных аспектах человеческой деятельности [3].

Попытка ещё теснее соединить субъекта с объектом и предметом – туриста со средой и туроперейтингом – на основе изучения туристской мотивации, туристского интереса к территории и использовании причин и факторов этого интереса в целях развития туризма (в рамках клиентоориентированного подхода) предпринята в работах Т.С. Комиссаровой, которая как географ предложила термин «геотуристика» и подразумевает под этим термином тот раздел туристики, который рассматривает туристские дестинации в их историко-географическом развитии [4].

Данный процесс начинается с формирования в отдельных дестинациях природных и культурных объектов, событий, явлений, ставших объектами туристского (покупательского) интереса. Создавая такие образы средствами культуры, искусства, СМИ, а главное – совершенствуя и развивая сами территории, формируя специально организованную предметную реальность – объективную, сконструированную или постановочную,

Литература:

1. Багдасарян В.Э. Наука о туризме: URL : [Servicology.ru](http://servicology.ru); URL : <http://servicology.rU/glossary/n/109.html>
2. *Квартальное В.А.* Основные концепции и модели рекреологии / В.А. Квартальнов, В.С. Преображенский // Теоретические проблемы рекреационной географии. М., 2010. С. 14.
3. *Комиссарова Т.С.* Представление о геотуристике и туристской дестинации // Страноведение и регионоведение в решении проблем устойчивого развития в современном мире: Материалы междунар. научн. конф. Сб. статей. 2010. С. 50–55.

можно управлять туристским интересом и туристскими потоками, направляя их по «нужному» руслу. Тем самым, можно осуществлять постоянный мониторинг за туристской деятельностью и её влиянием на перспективы развития туристской индустрии, в целом.

Исходя из вышесказанного, мы приходим к выводу о том, что туристика – это комплексная наука о туризме и туристских услугах, которая представляет собой сферу интересов совокупности следующих наук и дисциплин: экономики, экологии, социологии, истории, философии, антропологии, рекреологии, географии и психологии. Каждая из перечисленных наук изучает туризм со своих позиций, но ни одна — в комплексе, хотя в современных специфических условиях развития индустрии туризма и гостеприимства необходим целостный взгляд на туризм, в котором были бы синтезированы все аспекты его функционирования.

Literature:

1. *Bagdasaryan V.E.* Science of tourism: URL : [Servicology.ru](http://servicology.ru); URL : <http://servicology.rU/glossary/n/109.html>
2. *Kvartalnoye V.A.* Basic concepts and models of recreation / V.A. Kvartalnov, V.S. Preobrazhenskiy // Theoretical problems of recreational geography. M., 2010. P. 14.
3. *Komissarova T.S.* Representation of geotourism and tourist destination // Country studies and regional studies in solving the problems of sustainable development in the modern world: Proceedings of the international conference. scientific Conf. Collection of articles. 2010. P. 50–55.

Звягин Леонид Сергеевич
кандидат экономических наук,
доцент,
доцент кафедры
системного анализа в экономике,
Финансовый университет
при Правительстве
Российской Федерации
(Финансовый университет)
sdmif@yandex.ru

ОЦЕНКА СОВРЕМЕННЫХ МЕТОДИК УПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫМИ ПРЕДПРИЯТИЯМИ

Аннотация. В данной статье применялись специальные инструменты, посредством которых удалось оценить степень эффективности системы управления инновационной активностью в компании. Примечательно, что алгоритм построения, а также собственно реализации инновационной политики компании в системе учета его инновационной деятельностью должен предусматривать 2 этапа: модель, а также оценку. Кроме прочего, в статье делается вывод о том, что методика оценки эффективности управленческой системы в области инновационной активности, реализации инновационной политики в компании формируется в составе некоторых финансовых коэффициентов: параметры ликвидности, финансовой стабильности, рентабельности, а также деловой активности.

Ключевые слова: инновационная деятельность, инновационный менеджмент, система, система сбалансированных показателей, инновационная политика.

Н а сегодняшний день инновационная деятельность рассматривается как одно из главных условий модернизации экономики и одним из основных показателей конкурентоспособности государства.

На рисунках 1–3 представлена динамика показателей затрат на инновации в России за период 2014–2018 гг. [1]

Проведя детальный анализ рисунка 1, можно отметить, что расходы, направляемые на разработку, а также интеграцию технологических ноу-хау в промышленности составляют 886,8 миллиардов рублей. К слову сказать, данный показатель на 5,2 % меньше уровня предшествующего года (оценка велась на основании постоянных цен). За пять последних лет динамика демонстрирует разнонаправленный характер. Например, в 2015 году финансирование сокращается на 10 %, а уже в 2016–2017 годах напротив – отмечается

Leonid S. Zvyagin
Zvyagin Leonid Sergeevich
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
System Analysis in Economics,
Financial University under the Government
of the Russian Federation
(Financial University)
sdmif@yandex.ru

EVALUATION OF MODERN METHODS OF MANAGEMENT OF INNOVATIVE ENTERPRISES

Annotation. In this article, special tools were used, through which it was possible to evaluate the effectiveness of the innovation activity management system in the company. It is noteworthy that the algorithm for building, as well as the actual implementation of the company's innovation policy in the system of accounting for its innovation should include 2 stages: a model, as well as an assessment. Among other things, the article concludes that the methodology for assessing the effectiveness of the management system in the field of innovation activity, the implementation of innovation policy in the company is formed as part of some financial coefficients: parameters of liquidity, financial stability, profitability, as well as business activity.

Keywords: innovation activity, innovation management, system, system of balanced indicators, innovation policy.

несущественный рост. В то же время в 2018 году опять наметилась тенденция к понижению анализируемого показателя.

Итак, среди сфер промышленности в сравнении с 2017 годом, снижаются затраты на инновации в выпуске табачных и текстильных изделий, нефтепродуктов, одежды, пищевых товаров, изделий с металла, мебели, по добыче полезных ископаемых. Что касается группы отраслей, которые имеют положительную динамику, то преимущественно в нее включены так называемые среднетехнологичные сектора. Особого внимания заслуживает фармацевтическая промышленность, а также производство кожаных изделий, продукции с бумаги, напитков.

Что касается компаний, которые работают в области информационных, а также телекоммуникационных технологий, то по ним общая сумма затрат

в 2018 году несущественно меняется (–0,7 %). Таким образом, абсолютная их величина составляет 59,8 миллиардов рублей, где порядка 66 %

принадлежит предприятиям, работающим по телекоммуникационному направлению.

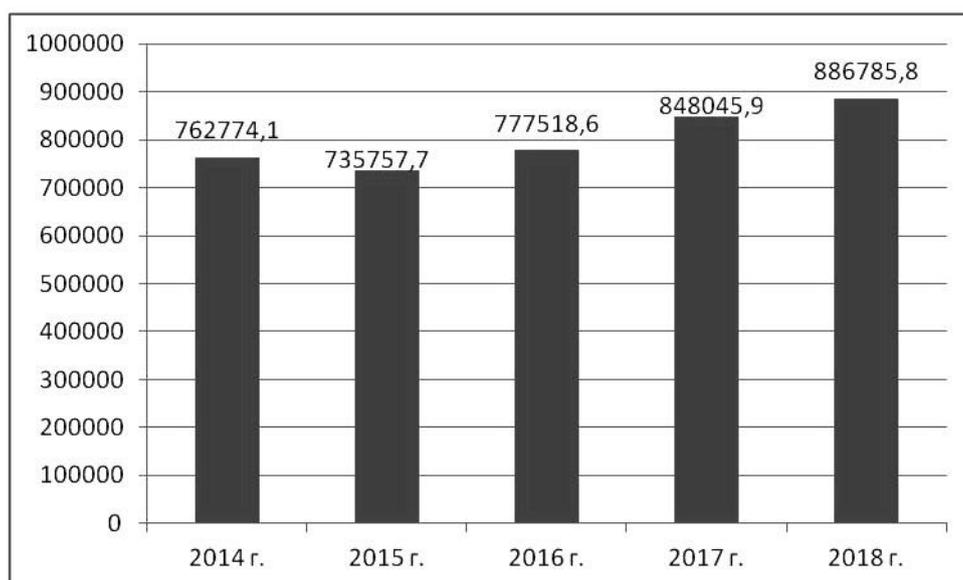

Рисунок 1 – Динамика затрат на инновационную деятельность в промышленном производстве, млн руб.

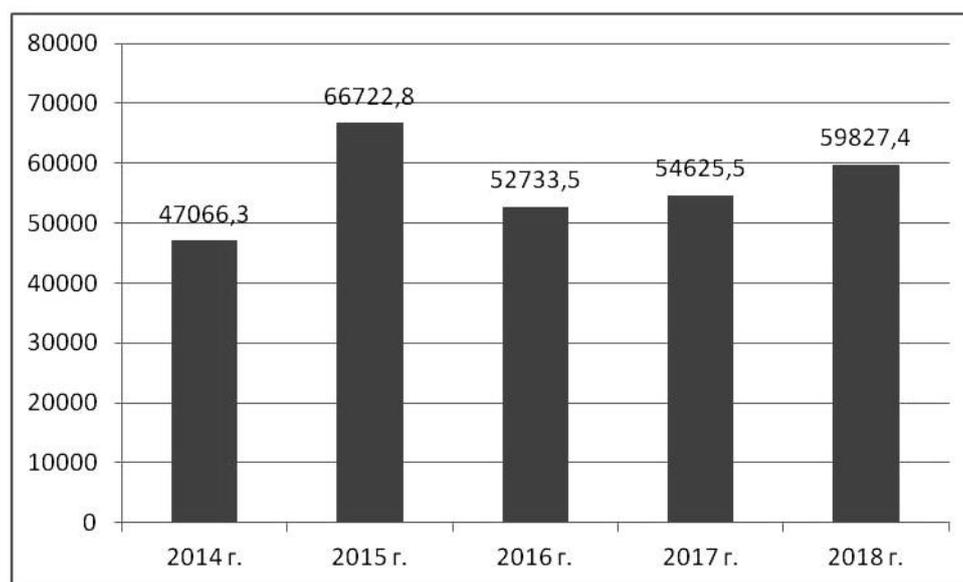

Рисунок 2 – Динамика затрат на инновационную деятельность в сфере телекоммуникаций и информационных технологий, млн руб.

Выделяя показатель интенсивности расходов на технологические инновации (другими словами – их часть в объеме отгруженных товаров), то в промышленности за 2018 год он составляет 1,4 %. Это на 0,3 % меньше, чем в 2017 году. Такие сферы промышленности, как производство нефтепродуктов, добыча ископаемых характеризуются тенденцией к понижению анализируемого выше параметра.

В то же время в высокотехнологичных сферах рассматриваемый индикатор уверенно стоит на 5 %-й отметке (исключение, пожалуй, составляет производство ПК – 5,5 %). Увеличение степени

интенсивности инновационных затрат отмечается в производстве бумаги. В 2018 году показатель растет на 4,2 %; химические вещества – 2,6 %; фармацевтика – 2,1 %; напитки – 2,4 %. Как видим, четко прослеживается тенденция роста показателя. Аналогичная ситуация складывается в компаниях информационных и телекоммуникационных технологий. Если в 2018 году рост составлял 2,5 %, то в 2016–2017 годах было только 2,3 %.

Нельзя не отметить рост инновационных затрат, которые имеют место в сельскохозяйственном производстве. Известно, что их объем на чет-

верть превышает показатели 2017 года, составляя 22 миллиарда рублей. В целом, результативность инновационной активности в рассматриваемом сегменте производства – несущественная,

всего 1,9 %. Но за последние годы отмечается тенденция увеличения: за 2017 год на 1,8 %, а в 2016 было только 1,4 %.

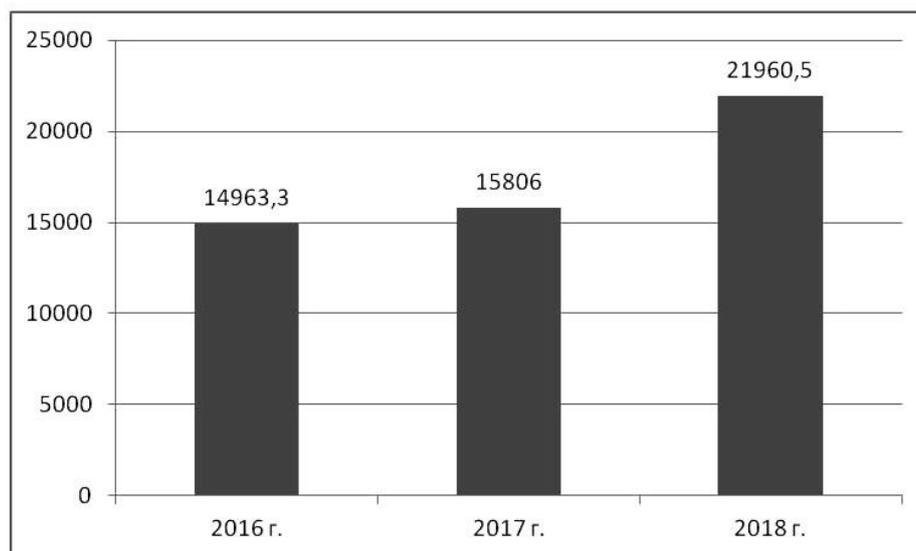

Рисунок 3 – Динамика затрат на инновационную деятельность в сельском хозяйстве, млн руб.

В то же время заметим, что тот или иной инновационный проект, который удастся реализовать, пребывает в тесной связи с инновационной политикой, которая проводится на конкретном предприятии. Прежде всего, инновационная политика призвана [2]:

- 1) активизировать мероприятия, направленные на расширение рынка;
- 2) создавать продукты, решения, которые в существенной степени будут отличаться от тех решений, товаров, которые на данный момент представлены на рынке;
- 3) производить продукты, которые будут характеризоваться большей полезностью, функциональностью для конечного потребителя;
- 4) выпускать продукт, который вызовет большой спрос у множества клиентов;
- 5) разрабатывать новые процессы, а также совершенствовать имеющиеся направления деятельности.

В общем виде, инновационная политика любой компании в обязательном порядке должна предусматривать ряд структурных компонентов:

- обеспечение ресурсами;
- мотивационный блок;
- методическую, а также правовую помощь со стороны соответствующих специалистов;
- организационное обеспечение.

Инновационной политикой стоит называть ряд методов, которые оказывают целенаправленное воздействие; формы, источники поступления

средств в инновации, что в комплексе оказывает существенное воздействие на воспроизводство. Главная цель, с которой проводится инновационная политика – расширение, а также создание новых производственных мощностей.

На сегодняшний день практически не существует компаний, которые не имеют инновационной политики, характеризующейся своей направленностью. Другими словами, предприятия стремятся реализовать научный, конструкторский, технологический потенциал на практике. В то же время современные инновации позволяют разрабатывать уникальные новинки, то есть ноу-хау.

Существует понятие – «инновационный менеджмент»: комплекс методов, а также принципов, управленческих инструментов, посредством которых удается воздействовать на инновационную деятельность, соответствующие процессы, которые реализуются сотрудниками компании. В целом, аналогично понятию «управление», инновационное управление или менеджмент – сопоставляются в качестве менеджмента и управления. Примечательно, что инновационное управление может иметь точно такие принципы, функции, как и в целом управление: планирование, организация инновационной активности, управление мотивацией, процессы коммуникации, контроль. Соответственно, тут приходится подключать особые принципы, методы, позволяющие оценить степень эффективность управления: программно-целевой принцип планирования, планирование новшеств, принцип комплексности в планировании, прочее.

Чтобы оценить степень эффективности управления инновациями, применяют экспертный метод, модель инновационных решений, сценарный метод, коэффициент локализации, теорию графов,

методы проработки решений на основании выбора вариантов инноваций и другие методы.

Было установлено, что в качестве альтернативы предложенным методам по оценке эффективности, лучше всего применять ССП – систему сбалансированных показателей. Также нужно использовать метод финансовых коэффициентов совместно с параметрами рентабельности, деловой активности. Особое место занимает SWOT-анализ (то есть анализ слабых и сильных сторон в работе компании). С помощью ССП можно из стратегических целей сделать четкий план, которого будут придерживаться департаменты компании, основные сотрудники-исполнители. После этого должны оцениваться итоги их деятельности, с использованием основных параметров эффективности – КРІ [3].

Рекомендуется применять систему финансовых коэффициентов с целью определения эффективности менеджмента инновациями вместе с финансовой моделью.

Итак, чтобы решить главные задачи, связанные с

Литература:

1. Экспресс-информация Динамика затрат и результатов инноваций в России // Наука Технологии Инновации (НИУ ВШЭ). 2019. С. 1–2.
2. *Ермаков Р.В.* Пути развития современных методов управления инновационными предприятиями // Гуманитарные. 2020. № 7.
3. *Маслова Т.С.* Сравнительный анализ финансирования НИОКР в России и за рубежом / Т.С. Маслова, А.А. Кызы Лалаева // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2018. № 7(2–10). С. 2–10.

оценкой эффективности системы управления инновациями в компании, которая занимается инновационной деятельностью, можно предложить некий алгоритм действий. В нем предусмотрено 2 этапа, а также оценочная методика.

Первый этап – это оценка экономической эффективности управления, конкурентоспособности компании, которая занимается инновационной активностью.

Второй этап – это непосредственная проработка экономической модели, которая позволяет оценить реализацию инновационного процесса, применяя экономические параметры.

В конечном итоге, можно сказать, что оценочная методика в плане определения эффективности инновационного развития компании, согласно предложенному алгоритму – предусматривает выявление, а также плановую систематизацию главных групп финансовых параметров. Среди таких параметров назовем финансовую стабильность, показатели деловой активности, уровень ликвидности, рентабельности.

Literature:

1. Express Information Dynamics of Costs and Results of Innovation in Russia // Science of Technology Innovations (HSE). 2019. P. 1–2.
2. *Ermakov R.V.* Ways to develop modern methods of managing innovative enterprises // Humanitarian. 2020. № 7.
3. *Maslova T.S.* Comparative analysis of R & D financing in Russia and abroad / T.S. Maslova, A.A. Kyzy Lalaeva // Accounting in budget and non-profit organizations. 2018. № 7(2–10). P. 2–10.

Калыгина Валентина Викторовна
старший преподаватель кафедры
маркетинга экономического факультета,
Российский университет дружбы народов
kalygina-vv@rudn.ru

Valentina V. Kalygina
Senior lecturer of the Department
Marketing of the Faculty of Economics,
Peoples' Friendship University of Russia
kalygina-vv@rudn.ru

ОЦЕНКА СОВРЕМЕННОГО УЧАСТИЯ ГРАЖДАН РФ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ

ASSESSMENT OF THE CURRENT PARTICIPATION OF RUSSIAN CITIZENS IN INTERNATIONAL LABOR MIGRATION

Аннотация. В современном мире глобальной проблемой являются возрастающие и непропорциональные потоки трудовой миграции. Нищета и большое социальное расслоение общества, различные кризисы и военные действия заставляют людей покинуть свой дом, а зачастую и свою семью, в поисках лучшей жизни и работы. Поэтому в данной статье проведена оценка современного участия граждан РФ в международной трудовой миграции.

Annotation. In the modern world, increasing and disproportionate flows of labor migration are a global problem. Poverty and a large social stratification of society, various crises and military actions force people to leave their homes, and often their families, in search of a better life and work. Therefore, this article assesses the current participation of Russian citizens in international labor migration.

Ключевые слова: миграция, миграционные процессы, нелегальная миграция, иностранные работники, миграционная политика.

Keywords: migration, migration processes, illegal migration, foreign workers, migration policy.

«Российская Федерация всегда привлекала большинство иностранных граждан как регион для трудоустройства в виду своей большой территории и большого спектра разновидностей труда. Во избежание возникновения экономического кризиса в стране все трудовые отношения с мигрантами регулируются законами Российской Федерации. Так, к примеру, с помощью миграционных квот, правительство страны регулирует численность рабочих, которым могут предоставить место на ее предприятиях» [1].

принимающими мигрантов и находящимися на Севере и странами-экспортерами рабочей силы, находящимися на Юге. РФ выступает в следующих аспектах: страна трудовой иммиграции, трудовой эмиграции и трудового транзита (перевалочного пункта на пути мигрантов в Западную Европу). Большой частью в Россию прибывают мигранты из Центральной Азии. Примерно у 60 % из них имеется семейный статус, а 40–45 % имеет детей в возрасте от 0 до шестнадцати лет.

Весьма активное участие Российской Федерации в международных мировых миграционных процессах обусловлено географическим положением страны между странами, преимущественно

Следует отметить, что в январе-апреле 2019 года миграционный прирост населения в России резко вырос и превысил значения 10 предшествующих лет. При этом доля легализованных на рынке труда мигрантов сократилась.

Таблица 1

Статистика показателей миграции по Российской Федерации в 2000–2018 гг. [5]

Годы	Количество прибывших, чел.	В пределах России	Внутри регионов	Количество выбывших, чел.	В пределах России	Внутри регионов
1	2	3	4	5	6	7
2000	2662329	2302999	1284592	2420574	2274854	1284592
2001	2334034	2140584	1204846	2252253	2131087	1204846
2002	2201914	2017302	1131369	2114765	2008080	1131369
2003	2168168	2039024	1141426	2124284	2030266	1141426
2004	2117434	1998277	1146382	2076159	1996364	1146382

1	2	3	4	5	6	7
2005	2088639	1911409	1095724	1981207	1911409	1095724
2006	2122071	1935691	1095693	1989752	1935691	1095693
2007	2284936	1997980	1137775	2044993	1997980	1137775
2008	2215945	1934331	1071863	1973839	1934331	1071863
2009	1987598	1707691	941255	1740149	1707691	941255
2010	2102304	1910648	1035899	1944226	1910648	1035899
2011	3415055	3058520	1705711	3095294	3058520	1705711
2012	4196143	3778462	2023865	3901213	3778462	2023865
2013	4496861	4014620	2102036	4201002	4014620	2102036
2014	4663427	4072603	2075442	4363437	4052941	2075442
2015	4734523	4135906	2053058	4489139	4135906	2053058
2016	4706411	4131253	2041392	4444463	4131253	2041392
2017	4773500	4184467	2006115	4561622	4184467	2006115
2018	4911566	4345881	2061251	4786712	4345881	2061251

Данные таблицы 1 показывают, что в 2017–2018 году имеет место превышение числа прибывших над числом выбывших, то есть иммиграционный прирост.

В первые месяцы 2019 года миграционный прирост населения составил 98 тыс. человек. В тот же период 2018 года этот показатель составлял 57,1 тыс. человек. При этом число выбывших почти не изменилось, то есть прирост обеспечен увеличением числа прибывших.

Больше всего увеличилось число мигрантов из Армении и Украины. Миграционный прирост из Белоруссии и Молдавии, напротив, упал.

«На 1 июня 2019 года в России находились 4,4 млн трудовых мигрантов (людей, указавших в качестве цели въезда работу по найму), на 0,2 млн больше, чем на ту же дату годом ранее. 97 % из них – выходцы из стран СНГ. По сравнению с 2018 годом мигрантов из всех трех государств Средней Азии стало больше, граждан Украины и Молдавии – меньше. При этом на тот же момент на руках у трудовых мигрантов было 1,7 млн действительных разрешений на работу и патентов (годом ранее – 1,85 млн). Также чуть более 1,1 млн человек (граждане государств, входящих в ЕАЭС) имели право работать без таких документов. Таким образом, около 64 % трудовых мигрантов потенциально имели возможность легально трудоустроиться в России. Годом ранее доля таких работников составляла 69 %» [4].

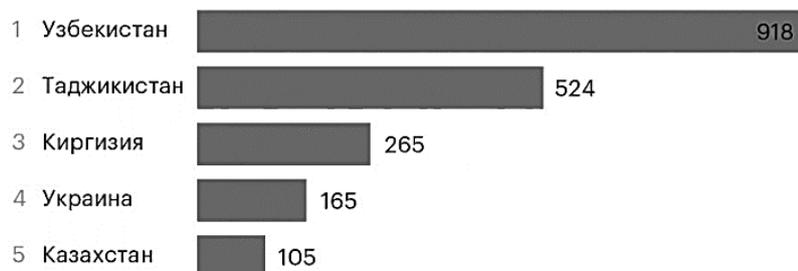
«Подавляющее большинство иностранных граждан, приезжающих работать в Россию, – из стран СНГ. Лидерство за первую половину 2019 года

принадлежит Узбекистану, из этой страны в Россию прибыли в целях работы 918 тыс. человек. На втором месте Таджикистан – 523,9 тыс. человек, затем следуют Киргизия – 265 тыс., Украина – 164,6 тыс., а также Казахстан – 105,3 тыс. человек. Масштабы притока иностранцев из стран дальнего зарубежья в целях работы намного скромнее. За январь–июнь из Китая прибыли 50,2 тыс. человек, на втором месте – Германия (10,8 тыс.) и Турция (10,2 тыс.). Кроме того, в Россию в целях работы прибыли 3,7 тыс. граждан США за первую половину текущего года, а также 4,3 тыс. граждан Великобритании» [3].

Центрами притяжения мигрантов, как и в предыдущие годы, остаются Московская и Санкт-Петербургская агломерации, а также Краснодарский край.

Однако, общий миграционный прирост достигается только за счёт приезжих из стран СНГ. Со государствами дальнего зарубежья миграционная убыль для России за 2018 год составила 4222 человека. В Россию из стран этой категории прибыло 54961 человек, а убыло из нашей Родины в государства вышеуказанной категории 58913. Это говорит о том, что россияне продолжают стремиться выехать за рубеж.

Наибольшие показатели по выбытию в государства ближнего зарубежья продемонстрировала Украина – 122954 человека в 2018 году. Затем с большим отрывом идут Казахстан – 45625 человек и Таджикистан – 36901 человек. Среди стран дальнего зарубежья лидирующие позиции по выезду из РФ удерживали Китай (7544), Северная Корея (6038), Индия (5217) и Германия (5209).

Без учета стран СНГ

Рисунок 1 – Страны-источники иностранных мигрантов в Россию на 1.07.2019 [3]

Таблица 2

Динамика миграционного прироста по видам населения [5]

Год	Миграционный прирост	Городское население	Сельское население
2000	241755	231192	10563
2001	81781	155470	-73689
2002	87149	134305	-47156
2003	43884	93168	-49284
2004	41275	86955	-45680
2005	107432	134308	-26876
2006	132319	166172	-33853
2007	239943	247729	-7786
2008	242106	269256	-27150
2009	247449	251292	-3843
2010	158078	254089	-96011
2011	319761	470279	-150518
2012	294930	461561	-166631
2013	295859	473010	-177151
2014	299990	433684	-133694
2015	245384	292919	-47535
2016	261948	298410	-36462
2017	211878	259174	-47296
2018	124854	194323	-69469

Интересной представляется информация международного миграционного прироста в России по полу и возрасту. Так, например, в 2017 году женщин прибыло на 94760 больше, чем убыло, а в

2018 году на 62761. Аналогичные цифры по мужчинам составили 117208 и 62183.

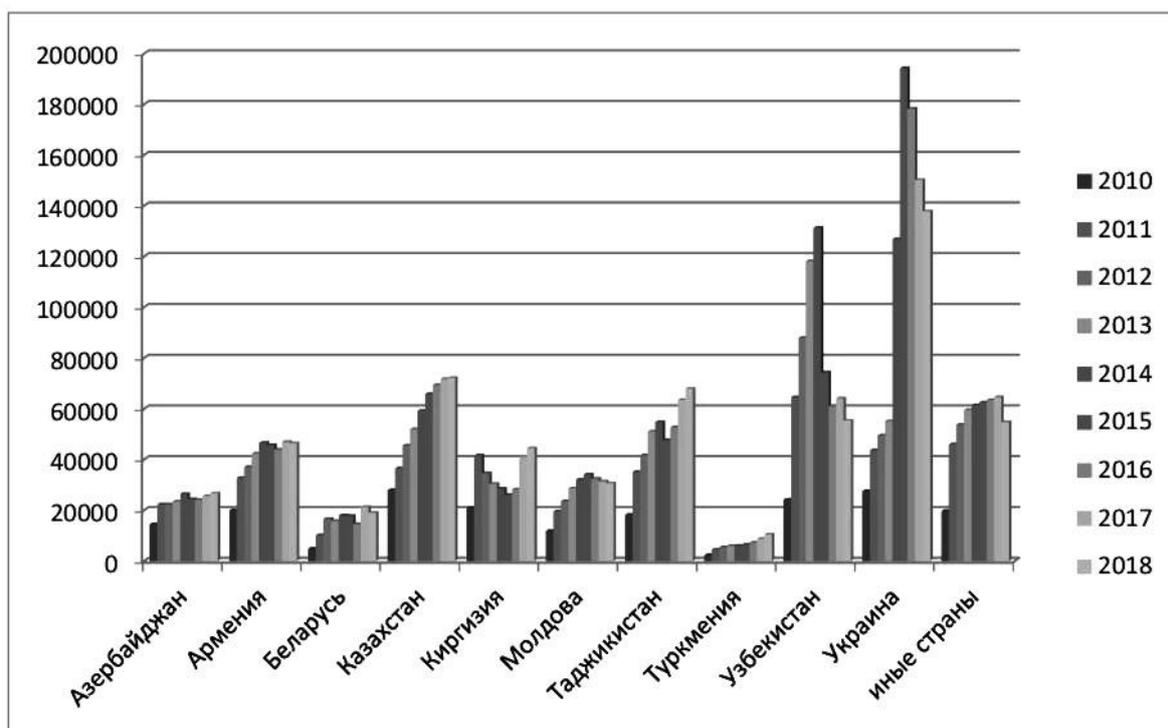

Рисунок 1 – Динамика прибытия в РФ по странам мира [5]

Таким образом, исходя из сведений Росстата, международная миграция в России относительно стабильна за последние 5 лет.

Что касается прогнозов миграционных процессов в мире и участия РФ в них, то сейчас в виду слож-

ных условий мировой пандемии их составлять довольно сложно. Если ситуация в российской экономике станет лучше, число приезжих в страну увеличится и наоборот. Но обвального роста можно ожидать только в случае каких-либо природных или политических катаклизмов в ближнем зарубежье.

Прибытие и убыль

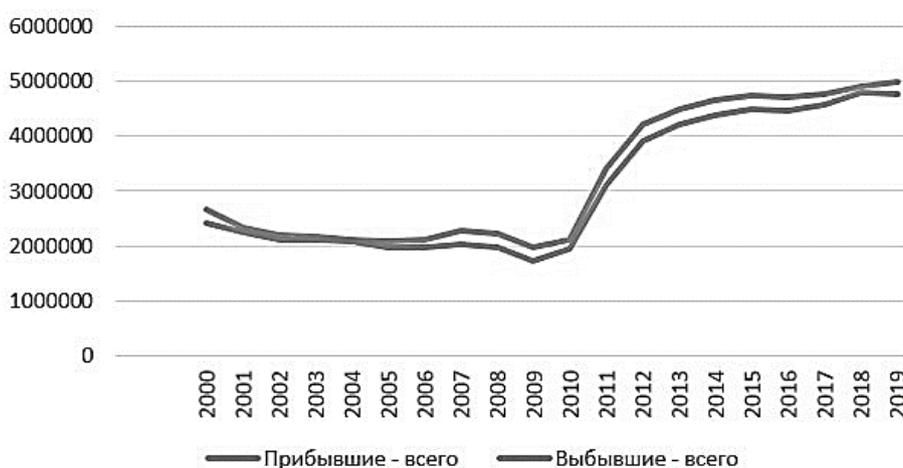

Рисунок 1 – Динамика прибытия и убытия мигрантов в Россию и из России [5]

Трудовая миграция населения создает ряд проблем и трудностей. Прежде всего, следует отметить, что потребность в иностранной рабочей силе в России на сегодняшний день сильно преувеличена. Так, выходцы из бывших союзных республик создают проблемы с работой местным жителям, поскольку труд иностранцев оплачивается

так низко, что ни один россиянин просто не сможет выжить на такую зарплату, не говоря уж о содержании семьи. Поэтому выгодным привлечение на работу иностранцев становится лишь работодателям.

Кроме того, следует отметить, что, трудовые мигранты, приезжая в Россию в поисках лучшей жизни, сталкиваются с нелегальной работой, без уплаты соответствующих налогов в бюджет страны, подрывая таким образом, экономическую мощь государства. Отток ученых и квалифицированных работников из страны также ослабляет ее экономику, задерживая развитие, еще больше укрепляя позиции сильных конкурентов. Работники России, получая зарплату за границей, не платят налоги в бюджет страны, увеличивается поляризация общества, Россия становится зависимой от миграционной политики принимающих

Литература:

1. Тюкавкин Н.М. Миграция рабочей силы: основные понятия // Вестник Самарского государственного университета. 2015. № 2(124). С. 256–261.
2. *Флоринская Ю.Ф.* Миграция и рынок труда / Ю.Ф. Флоринская, Н.В. Мкртчян, Т.М. Малева, М.К. Кириллова; Ин-т социального анализа и прогнозирования. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. 108 с.
3. ФСБ впервые за 20 лет раскрыла число приехавших работать иностранцев. URL : <https://www.rbc.ru/economics/16/08/2019/5d5560979a7947af4fa8a883>
4. URL : <https://newijurist.ru/statistika-po-migrantam-v-rossii-2019.html>
5. URL : <https://rosinfostat.ru/migratsia/>

государств.

К положительным сторонам трудовой иммиграции следует отнести то, что приток квалифицированных кадров из-за рубежа позволяет «двигать» экономику и научно-технический прогресс без затрат на образование специалистов. Товары, произведенные с помощью недорогой рабочей силы, более конкурентоспособны на мировом рынке. Кроме того, приехавшие иностранцы становятся потребителями, покупая местные товары. Миграция меняет демографическую картину, омолаживая принимающую страну.

Literature:

1. Tyukavkin, N.M. Labor force migration: basic concepts // Bulletin of the Samara State University. 2015. № 2(124). P. 256–261.
2. *Florinskaya Y.F.* Migration and the labor market / Y.F. Florinskaya, N.V. Mkrтчyan, T.M. Maleva, M.K. Kirillova; Institute of social analysis and forecasting. M. : Publishing house «Delo», RANEPА, 2015. 108 p.
3. The Federal security service for the first time in 20 years revealed the number of foreigners who came to work. URL : <https://www.rbc.ru/economics/16/08/2019/5d5560979a7947af4fa8a883>
4. URL : <https://newijurist.ru/statistika-po-migrantam-v-rossii-2019.html>
5. URL : <https://rosinfostat.ru/migratsia/>

Киселева Людмила Сергеевна

кандидат экономических наук,
доцент,
заведующая кафедрой
государственного, муниципального
и социального управления,
Российский государственный
педагогический университет
имени А.И. Герцена
kiseleva-l@mail.ru

Liudmila S. Kiseleva

Candidate of Sciences in Economics,
Associate Professor,
Head of the Department of State,
Municipal and Social Management,
Russian State
Pedagogical University
named after A.I. Herzen
kiseleva-l@mail.ru

**СИСТЕМАТИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ
«БЛАГОПОЛУЧИЕ» НА ОСНОВЕ
ФАСЕТНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ**

**SYSTEMATIZATION
OF THE «WELL-BEING»
CATEGORY BASED
ON FACET CLASSIFICATION**

Аннотация. Благополучие является концептом, к которому со своей методологической рамкой пытаются подойти все без исключения социальные науки. Эта научная интервенция существенно осложняет упорядочение имеющегося знания с тем, чтобы на его основе генерировать ценные идеи относительно благополучия. В данной статье автор предпринял попытку систематизации категории «благополучие» методом фасетного группирования. Было выделено 12 фасет, внутри которых выделены от двух до пяти видов благополучия. Впервые автором сформулирован аттитудный критерий для типологизации благополучия; в рамках медико-биологического критерия выделено ментальное благополучие. На основе результатов данной статьи впоследствии можно углубить работу по систематизации благополучия.

Annotation. Well-being is a concept to which all social sciences without exception try to approach with their methodological framework. This scientific intervention greatly complicates the streamlining of existing knowledge in order to generate valuable ideas on well-being based on it. In this article, the author attempted to systematize the category of «well-being» by the method of faceted grouping. 12 facets were identified, from which two to five types of well-being were identified. For the first time, the author formulated an attitudinal criterion for typologizing well-being; within the framework of the biomedical criterion, mental well-being is highlighted. Based on the results of this article, it is subsequently possible to deepen work to systematize well-being.

Ключевые слова: фасет, признак классификационный, субъективное и объективное благополучие, благополучие населения, ментальное благополучие, социальное благополучие, глобальное благополучие.

Keywords: facet, classification attribute, subjective and objective well-being, well-being of the population, mental well-being, social well-being, global well-being.

Многогранность определения понятия «благополучие» способствует появлению достаточно большого количества различных классификаций благополучия в соответствии с предметной областью той или иной отрасли науки. Концепт «благополучие» является предметом изучения разных наук на протяжении нескольких последних десятилетий, однако, до сих пор отсутствуют единые подходы к использованию этого понятия и связанных с ним терминов, понимания его структуры, свойств, функций. Представления о благополучии человека крайне противоречивы, а их концептуализация в науке вызывает еще больше вопросов.

Процессу систематизации предшествуют процессы типологизации и классификации. **Цель данной статьи** состоит в разработке классификации благополучия методом фасетного группирования и последующем сравнительном изучении уровней организации выделенных объектов, признаков, связей, отношений между ними.

Систематизация представляет изучаемое явление как систему, как организованную целостную формацию, помогает раскрыть системообразую-

щие связи. Фасетная система классификации, известная как «аналитико-синтетическая классификация», первоначально использовалась для кодирования и классификации технико-экономической информации. Фасетная система, в отличие от иерархической, позволяет отбирать признаки классификации независимо друг от друга, а также – от семантического содержания классифицируемого объ-

екта. Признаки классификации называются фасетами (от фр. *facette* – грань). В качестве отличительных преимуществ фасетной системы называется возможность добавлять новые фасеты, удалять старые, корректировать структуру. Значения в фасете возможно располагать в произвольной порядке, и в каждом фасете содержатся однородные значения классификационного признака [1].

Мы предприняли попытку классифицировать и учесть большинство видов и разновидностей благополучия, обнаруженных в научной, научно-практической и даже научно-популярной литературе для того, чтобы в дальнейшем систематизировать благополучие в более обобщенные блоки (рис. 1).

БЛАГОПОЛУЧИЕ	Фасет 1	Фасет 2	Фасет 3	Фасет 4	Фасет 5		
	Субъектный критерий	Критерий распределения благ	Социально-экономический критерий	Географический критерий	Медико-биологический критерий		
	индивидуальное	личное	субъективное	локальное	физическое		
	населения	семейное	объективное	региональное	психологическое		
	глобальное	государственное		страны	ментальное		
		общественное		группы стран			
		общечеловеческое					
БЛАГОПОЛУЧИЕ	Фасет 6	Фасет 7	Фасет 8	Фасет 9	Фасет 10	Фасет 11	Фасет 12
	Психологический критерий	Временной критерий	Социально-духовный критерий	Аттitudный критерий	Предметный критерий	Критерий потребления благ	Критерий измерения и оценки
	эмоциональное	непрерывное	духовное	аффективное	финансовое	достаток	шкала
	духовное	периодическое	политическое	когнитивное	профессиональное	нормальный уровень потребления	индекс
		моментное	нравственное	конотативное	экологическое	бедность	рейтинг
			социальное		социальное	нищета	

Рисунок 1 – Классификация благополучия

Отталкиваясь от субъектного критерия, можно выделить благополучие человека, благополучие социума как единого организма и глобальное благополучие. Г.Г. Булгакова и Е.С. Иванова указывают на то, что в настоящее время «отдельно взятому индивиду все сложнее становится определить критерии, позволяющие оценить собственную жизнь как счастливую, удачную, достойную, что порождает высокий уровень фоновой тревожности и общей неудовлетворенности, ощущение неблагополучия, невротические расстройства, перфекционизм» [2]. Причинами данного положения вещей являются повышенный уровень стресса, изменение социальных ролей, снижение духовного, физического, и психозмоционального здоровья. Психологи, основываясь на положениях транзактного подхода (Э. Берн, В.В. Макаров), огромное значение придают «жизненному сценарию человека как смысловой системе, выстраиваемой самой личностью в процессе самоопределения, оказывающую влияние на те жизненные позиции, которые проявляет человек в карьере, работе, браке, в сфере межличностных отношений» [3]. Щекотин Е.В., рассуждая о благополучии общества, оперирует термином «благополучие в турбулентном социуме», в котором одним из главных критериев «счастливой жизни» является безопасность, гарантом которой в части за-

щиты территории и обеспечения военной безопасности является государство [4].

Медико-биологический критерий акцентирует внимание на здоровье человека с выделением следующих признаков: отсутствие болезней, нормальное развитие и жизнедеятельность организма, гармоничное взаимодействие организма с внешней средой, адаптационные способности организма к происходящим в среде изменениям, успешная реализация социальных функций. П.С. Сидоров вводит термин «ментальное здоровье» – более широкий, нежели термин «психическое здоровье» [5]. С его точки зрения «ментальность – это способ видения мира, сформированный в процессе воспитания, образования и обретения жизненного опыта в конкретной культурной среде». Мы полагаем, что в настоящее время актуальным является употребление термина «ментальное благополучие», хотя такого термина в научной литературе пока не встречается. По определению ВОЗ (2001), «ментальное здоровье – это психическое благополучие человека, которое позволяет ему реализовать собственный потенциал, помогает противостоять стрессу, продуктивно работать и вносить свой вклад в развитие общества» [5, с. 80]. Число больных с психическими расстройствами непсихотического уровня за последние 100 лет увеличилось в 60 раз, что

увязывается не столько с финансовым обеспечением диагностики и лечения психических расстройств, сколько с косвенными расходами (трудовые потери, обеспечение разнообразных форм социальной поддержки), что обуславливает актуальность ментального благополучия.

В соответствии с *психологическим критерием* мы выделили несколько видов благополучия. В соответствии с *социально-духовным критерием* мы можем также вести речь о духовном благополучии как о «возможности приобщаться к богатствам духовной культуры, осознании и переживании смысла своей жизни, наличии веры (в себя, Бога или судьбу), свободе вероисповедания» [6]. Пыткин А.Н. и Клименков Г.В., вводя понятие «Я-концепции» индивидуума и подразумевая под ней гуманизм, гражданственность, патриотизм, безопасность, устойчивая «нет»-позиция по отношению к социально значимым заболеваниям, опасным явлениям, этические и эстетические нормы, религиозные устои, традиции, полагают, что ей определяется духовно-нравственное благополучие [7]. Уровень демократизации в стране, индивидуальная свобода и конфликты с другими странами определяют политическое благополучие, которое можно измерять с помощью опроса граждан и статистического анализа политических показателей. Наиболее объемным и сложным видом благополучия является, с нашей точки зрения, социальное благополучие. Однако большинство исследователей не ограничиваются таким подходом и трактуют социальное благополучие очень широко. Так, Ефремова Ю.Е. пишет, что «уровень социального благополучия может быть высоким тогда, когда у человека есть гарантии хороших жизненных условий, достойного образования и медицинского обслуживания. Работа, приносящая удовлетворение, позволяет человеку самореализоваться, обеспечивает социальные гарантии и стабильный доход» [8]. Такой подход вполне соотносится с точкой зрения Т. Рат и Д. Харпера [9], которые считают, что «благополучие – это сочетание любви к тому, чем мы занимаемся каждый день, хороших отношений с окружающими, устойчивого материального положения, крепкого здоровья и гордости своим вкладом в жизнь общества».

В рамках нашей классификации финансовое, профессиональное и экологическое благополучие выделены по *предметному критерию*. В работах С.А. Жиронкина и О.В. Кадниковой обосновывается термин «непрерывное социальное благополучие» [10]. Мы считаем целесообразным выделить *временной критерий* благополучия, который отражает динамическую, циклическую природу благополучия. Оценивая благополучие через степень обеспеченности материальными, духовными, социальными благами и степень удовлетворения потребностей, следует вести речь об уровне жизни как комплексе условий функционирования человека в сфере потребления. В данном контексте мы выделяем *критерий потребления благ* и, соответственно, 4 уровня благополучия: достаток; нормальный уровень; бедность; нищета. *Аттitudный критерий* (от фр. attitude – установка, поведение, образ действия) позволяет классифицировать благополучие в соответствии со специфическими реакциями, которые человек реализует или хочет реализовать в конкретной ситуации. Р.М. Шамионов отмечает, что субъективное благополучие содержит три компонента психического явления – когнитивный, эмоциональный (аффективный), конотативный (поведенческий) [11]. *Критерий измерения и оценки* благополучия дает возможность классифицировать имеющиеся шкалы, рейтинги и индексы благополучия, сложившиеся к настоящему времени.

В данной статье мы разложили имеющиеся виды, типы, разновидности благополучия в соответствии с фасетной системой классификации. Впоследствии можно обнаружить взаимосвязи различных теоретических концепций благополучия, выявить общее и особенное в понимании благополучия населения.

Литература:

1. Мочалов М.А. Преимущества выбора стратегии развития предприятия на основе фасетной классификации // Наука, образование и культура. 2018. № 1(25). С. 55–56.
2. Булгакова Г.Г. Первичный анализ жизненного сценария клиента техниками транзактного анализа и сказкотерапии / Г.Г. Булгакова, Е.С. Иванова // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. 2016. № 10. С. 47–48.
3. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Екатеринбург : ЛИТУР, 2002. 576 с.
4. Щекотин Е.В. Проблема благополучия в турбулентном социуме: аспект безопасности // Вестник науки Сибири. 2017. № 4(27). С. 80.
5. Сидоров П.И. От ментальной экологии к ментальной медицине // Экология человека. 2013. № 1. С. 34.

Literature:

1. Mochalov M.A. Advantages of choosing an enterprise development strategy based on facet classification // Science, Education and Culture. 2018. № 1 (25). P. 55–56.
2. Bulgakova G.G. Initial analysis of the client's life scenario by the techniques of transactional analysis and fairy tale therapy / G.G. Bulgakova, E.S. Ivanova // Personality, family and society: issues of pedagogy and psychology. 2016. № 10. P. 47–48.
3. Bern E. Games People Play. Ekaterinburg : LITUR. 2002. 576 p.
4. Shchekotin E.V. The problem of well-being in turbulent society: a safety aspect // Bulletin of Siberian Science. 2017. № 4(27). P. 80.
5. Sidorov P.I. From mental ecology to mental medicine // Human Ecology. 2013. № 1. P. 34.

6. *Куликов Л.В.* Субъективное благополучие личности // *Ананьевские чтения.* 1997. С. 162–164.
7. *Пыткин А.Н.* Качество жизни, здоровье и благополучие с позиции человеческого потенциала и человеческого капитала / А.Н. Пыткин, Г.В. Клименков // *Вестник УГАЭС. Наука. Образование. Экономика. Серия: Экономика.* 2012. № 1. С. 36.
8. *Ефремова Ю.Е.* Субъективное благополучие человека как фактор социально-экономического развития общества // *Региональные проблемы преобразования экономики.* 2014. № 6. С. 154–159.
9. *Rat T.* Пять элементов благополучия. Инструменты повышения качества жизни / Т. Рат, Д. Харпер; Пер. с англ. М. : Альпина Паблшерз, 2011. 148 с.
10. *Жиронкин С.А.* Непрерывное социальное благополучие в XXI в. / С.А. Жиронкин, О.В. Кадникова // *Теория и практика общественного развития.* 2016. № 3. С. 29–31.
11. *Шамионов Р.М.* Субъективное благополучие личности. Саратов : Издательство «Научная книга», 2008. 296 с.

6. *Kulikov L.V.* Subjective well-being of an individual // *Ananiev readings.* 1997. P. 162–164.
7. *Pytkin A.N.* Quality of life, health and well-being from the perspective of human potential and human capital / A.N. Pytkin, G.V. Klimenkov // *Bulletin of UGAES. The science. Education. Economy. Series: Economics.* 2012. № 1. P. 36.
8. *Efremova Yu.E.* Subjective well-being of a person as a factor in the socio-economic development of society // *Regional problems of economic transformation.* 2014. № 6. P. 154–159.
9. *Rat T.* Five elements of well-being. Tools to improve the quality of life / T. Rat, D. Harper. M. : Alpina Publishers, 2011. 148 p.
10. *Zhironkin S.A.* Continuous social well-being in the XXI century / S.A. Zhironkin, O.V. Kadnikova // *Theory and practice of social development* 2016. № 3. P. 29–31.
11. *Shamionov R.M.* Subjective well-being of the individual. Saratov : Scientific Book Publishing House. 2008. 296 p.

Костюченко Сергей Борисович
Управляющий директор,
ООО «Русские технологии»
kossb@bk.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫМ ОБОРУДОВАНИЕМ РОССИЙСКИХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В УСЛОВИЯХ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ САНКЦИЙ

Аннотация. В рамках настоящей статьи рассматриваются основные сложности и проблемы, связанные с обеспечением потребности российских производств современным высокотехнологичным оборудованием в условиях введения в отношении России внешнеэкономических санкции, направленных в первую очередь на сдерживание развития Российской Федерации путем формирования условий для технологического отставания страны. Поэтому, задачи опережающего развития России, как основы конкурентоспособности Российского государства на международной арене требуют использования современных технологических решений, доступ к которым не всегда открыт.

Ключевые слова: санкции, опережающее развитие, модернизация, преодоление технологической зависимости.

Современная Россия представляет собой крупнейшее государственное образование, обладающее огромной территорией, неисчерпаемыми ресурсами, достаточно развитой инфраструктурой, достаточно эффективной системой обороны. Вместе с тем население страны невелико относительно занимаемой площади государства, а внешнее геополитическое и экономическое конкурентное давление на Российскую Федерацию достаточно высоко в силу естественных, в т.ч. упомянутых выше причин. С учётом обширной территории и непростых природно-климатических условий, требующих эффективного решения задач опережающего развития и жизнеобеспечения населения, необходимым условием существования государства является наличие эффективной современной экономики, что практически невозможно при отсутствии доступа к передовым технологическим разработкам, реализованным в современных средствах производства.

Необходимо отметить, что технологическое развитие цивилизации еще несколько десятилетий назад вышло на тот уровень, когда даже крупные государства (экономические унии государств) не

Sergey B. Kostyuchenko
Managing Director,
Russian technologies
kossb@bk.ru

CURRENT PROBLEMS OF PROVIDING HIGH-TECH EQUIPMENT TO RUSSIAN INDUSTRIAL ENTERPRISES UNDER FOREIGN ECONOMIC SANCTIONS

Annotation. This article examines the main difficulties and problems associated with ensuring the needs of Russian industries with modern high-tech equipment in the context of the introduction of foreign economic sanctions against Russia, aimed primarily at curbing the development of the Russian Federation by creating conditions for the country's technological lag. Therefore, the tasks of advanced development of Russia, as the basis for the competitiveness of the Russian state in the international arena, require the use of modern technological solutions, access to which is not always open.

Keywords: sanctions, advanced development, modernization, overcoming technological dependence.

в состоянии обеспечить полный спектр имеющихся технологических потребностей в современных средствах производства, из-за узкой специализации отдельных отраслей, приводящей к потребности в сложном, дорогом оборудовании не в слишком большом количестве, в связи с чем к настоящему времени можно с уверенностью констатировать, что сфера производства средств производства в глобальных масштабах также как и большинство сфер глобальной экономики оказалась подвержена процессам общемирового разделения труда, поскольку для поддержания на приемлемом уровне себестоимости сложного высокотехнологичного производственного оборудования необходимы и достаточно серьезные объемы производства, необходимо также обеспечение достаточного рынка сбыта такого оборудования.

Во времена СССР мировое распределения рынков сбыта средств производства можно было условно разделить на три основных сегмента:

– государства преимущественного сбыта промышленного оборудования, производимого в

странах Запада, т.е. – в Западной Европе, США и Японии и др.;

– государства преимущественного сбыта средств производства, производимого в СССР и странах соцлагеря;

– государства (в т.ч. Индия и Китай), за рынки которых конкурировали производители промышленного оборудования из Западных стран и стран соцлагеря. При этом и страны Запада и технологическая зона СССР обладали своими уникальными и достаточно эффективными системами разработки и производства высокотехнологичного оборудования, а также в незначительных объемах закупали оборудование друг у друга, хотя уже тогда этот процесс имел массу административных ограничений, призванных не допустить технологического усиления конкурирующего лагеря. Одним из результатов социально-экономического кризиса, вызванного распадом СССР стало фактическое разрушение системы разработки технологических инноваций в странах СНГ, остатки которой удалось сохранить, лишь в России, Белоруссии и частично – Украине, однако все вновь образовавшиеся на месте Советского

Союза государства оказались в технологической зависимости в части оснащения своих производств передовым промышленным оборудованием.

К моменту преодоления экономического спада на рубеже 1990-х – 2000-х годов, в России возобновился стремительный рост доли импортного оборудования в промышленном комплексе, начавшийся еще в 1991–1992 годах и прерванный кризисом середины 1990-х. Данный тренд сумел переломить мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг, однако к 2014 году импортозависимость отечественного промышленного производства от импортных машин и оборудования стабилизировалась на уровне 35–40 % [1]. Необходимо отметить, что при этом в ряде отраслей объем импортируемого оборудования превышал 80 %: это станкостроение, тяжелое машиностроение, легкая промышленность, радиоэлектронная промышленность и др. Графически динамика изменения среднего показателя импортозависимости российской экономики от иностранных поставок промышленного оборудования отображена на рисунке 1.

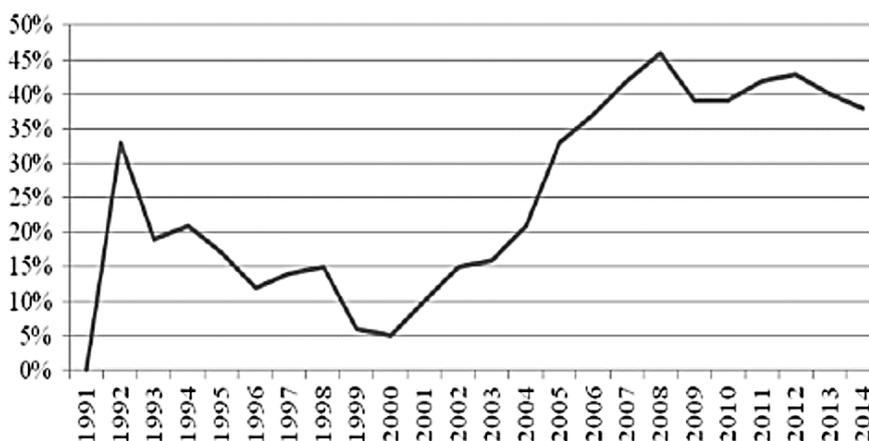

Рисунок 1 – Динамика изменения среднего показателя импортозависимости российской экономики от иностранных поставок промышленного оборудования

Как следует из представленных графических данных, резкий рост импорта иностранного оборудования в Россию произошел в первый же год после распада СССР. Затем следует спад, обусловленный общим падением экономики, и возобновление роста с началом экономического подъема, начиная с 2000 года.

Таким образом, можно констатировать, что выбор в пользу импортного промышленного оборудования, сделанный на государственном уровне руководством Российской Федерации на заре ее независимости, поставил возможность успешного экономического развития страны в зависимости от иностранных государств, интересы которых, как показала практика, далеко не всегда совпадают с российскими.

К началу санкционной войны, ставшей следствием Украинского кризиса 2014 года, российская экономика была в значительной степени импортозависима от технологий, фармацевтики, машиностроения и частично – продовольствия и именно санкционное противостояние предоста-

вило Российской Федерации весьма благоприятную и своевременную возможность начать реализацию программ импортозамещения и стимулирования собственного производства, в т.ч. в наукоемких отраслях [2]. Однако, введение эмбарго на экспорт высокотехнологичных товаров со стороны США и ЕС повлекло за собой остановку развития отечественной промышленности на основе заимствования зарубежных технологий, снижение уровня кооперации с иностранными производителями инновационных товаров [3].

Безусловно, в современных условиях глобализации мировой экономики довольно трудно полностью изолировать какую-либо страну от импорта товаров, технологий, или оборудования, свободно обращающихся на большей части мирового рынка, и государство, оказавшееся под воздействием эмбарго на поставку какого-либо товара все-таки может найти технические способы такой товар импортировать на свою территорию, однако его стоимость, безусловно, окажется зна-

чительно выше общемировой, а значит и технологические цепочки, для которых данный товар предназначен, начнут проигрывать в конкурентной борьбе именно из-за увеличения себестоимости.

Очевидно, что системные закупки высокотехнологического оборудования за рубежом (за пределами экономической унии) рано или поздно приводят страну-импортера к зависимости от иностранных поставщиков (поставщиков, не имеющих общих интересов со страной-импортером в рамках какого-либо экономического союза), поскольку не достаточно просто закупить технологическое оборудование за рубежом, - как минимум необходимы специалисты, которые могут такое оборудование эксплуатировать и обслуживать. Кроме того, необходим также постоянный доступ на период эксплуатации импортного оборудования к сервисному обслуживанию, комплектующим, расходным и сменным компонентам и т.п.

Соответственно, модернизация и технологическое развитие отечественной промышленности возможно лишь в случае успешной, реализации на государственном уровне комплексной и всесторонней стратегии импортозамещения. Опыт подобного масштабного технологического импортозамещения в период 1920-х – 1930-х годов в отечественной истории уже имеется, и он базируется на системной поддержке развития отечественных научно-исследовательских структур, опытных производств, привлечении иностранных специалистов, промышленной разведке и т.п. Безусловно, полностью скопировать опыт упомянутого периода в современных условиях не получится, однако общие принципы, применявшиеся тогда, с успехом использовали в целях своей технологической модернизации Япония, Китай и Южная Корея, а также Иран.

Итак, в чем должны заключаться комплексные, системные меры по обеспечению отечественной промышленности современным технологическим оборудованием в условиях санкционного давления, ожидать снятия которого в ближайшие годы явно не приходится?

Представляется целесообразным на первом этапе на государственном уровне обеспечивать поставки критически важного для экономики технологического оборудования в обход санкций, либо аналогов соответствующего оборудования, производимого в странах, не поддержавших санкционную войну.

Параллельно необходима реализация стратегически продуманной, долгосрочной комплексной национальной программы развития научно-исследовательских центров, опытных производств и подготовки научных кадров в соответствующей сфере.

Литература:

1. *Ильминская С.А.* Российский импорт оборудования в условиях санкционных ограничений / С.А. Ильминская, И.Б. Илюхина // Вестник ОрелГИЭТ.

Данная программа, очевидно должна сопровождаться также на государственном уровне мероприятиями, связанными с технологической разведкой, (заимствованием технологий) приобретением опытных образцов для изучения и копирования и т.п.

Сами по себе мероприятия, связанные с заимствованием технологий и попыткой копирования приобретенных образцов могут оказаться не эффективными без привлечения иностранных специалистов, имеющих опыт взаимодействия с той или иной заимствуемой технологией. Например, после Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в СССР поставлялось трофейное промышленное оборудование, попытки копирования которого советскими инженерами без участия немецких специалистов зачастую приводили к созданию образцов, существенно уступающих германским оригиналам в качестве именно потому, что отечественные специалисты не могли знать ряд нюансов, связанных с разработкой такого оборудования, его изготовлением и особенностями разработывавшей его научной школы. В абсолютно аналогичной ситуации оказались и китайские инженеры, скопировавшие российский военный самолет на основе партии поставленной из России.

Соответственно для успешного импортозамещения в сфере производства средств производства необходимо привлечение иностранных специалистов, имеющих опыт разработки и внедрения соответствующего оборудования. Очевидно, что успешная реализация данных предприятий невозможна без должных финансовых ресурсов, а значит необходима разработка и реализация программ финансирования (кредитования) соответствующих проектов.

Наконец, одним из наиболее важных вопросов, которые в принципе могут быть разрешены исключительно на государственном уровне, является обеспечение рынков сбыта производимого инновационного промышленного оборудования. Поскольку количественная точка безубыточности производства, например узкоспециализированного оборудования, даже для российских условий достаточно объемного рынка, может быть значительно выше, чем существующая потребность внутри макроэкономики страны, а значит необходим сбыт части такого оборудования и на рынках других стран, а здесь уже задача заключается в формировании экономических сообществ государств, готовых на определенных условиях участвовать в разделении труда в сфере производства средств производства внутри такой экономической унии, благо политика Коллективного Запада уже привела к формированию пула довольно развитых государств, доступ которым к промышленному оборудованию, производимому западными фирмами закрыт, или существенно ограничен.

Literature:

1. *Il'minskaya S.A.* Russian import of equipment under sanctions restrictions / S.A. Il'minskaya, I.B. Ilyukhina //

2015. № 3(33). С. 18–21.

2. *Дробот Е.В.* Особенности внешнеэкономической деятельности Российской Федерации в условиях санкционной политики // Российское предпринимательство. 2016. Т. 17. № 16. С. 1879–1902.

3. *Лебедева А.А.* Влияние санкций на инновационный потенциал российских предприятий // Научные записки молодых исследователей. 2017. № 1. С. 5–11.

Bulletin of OrelGIET. 2015. № 3(33). P. 18–21.

2. *Drobot E.V.* Features of foreign economic activity of the Russian Federation in the conditions of sanctions policy // Russian entrepreneurship. 2016. Vol. 17. № 16. P. 1879–1902.

3. *Lebedeva A.A.* The impact of sanctions on the innovative potential of Russian enterprises // Scientific notes of young researchers. 2017. № 1. P. 5–11.

Остальцев Антон Сергеевич
генеральный директор,
ООО «Гленкор Продактс»
Milena.555@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К МОДЕЛИРОВАНИЮ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА ПРЕДПРИЯТИЙ

Аннотация. В рамках настоящей статьи проводится детальный анализ ключевой задачи, поставленной перед государственной экономикой – экономического роста. Прежде всего, особое внимание уделяется достижению систематического, непрерывного экономического роста не только на макроуровне, но и на микроуровне.

Цель, с которой осуществляется в целом экономический рост – это достижение требуемых темпов увеличения национального производства. В то же время в качестве главной задачи экономического роста является применение государственных полномочий при регулировании, обеспечение гражданской занятости, наращивание прибыли российских компаний, конкурентоспособности на международном рынке. Также необходимо повышать прибыль бюджета, в том числе – посредством увеличения налогов, расширения международного влияния.

Ключевые слова: экономический рост, планирование, моделирование роста предприятия, экономические модели, финансовые измерения.

Н а сегодняшний день можно назвать два основополагающих подхода, которые применяются в плане трактовки понятия «экономический рост». С одной стороны, понятие анализируется в плане макроэкономической составляющей, а с другой стороны – на микроуровне. Итак, экономический рост на макроуровне – это наращивание в сравнении с прошлым годом реального размера ВВП, ВВП, национального богатства страны от расширения производства. В то же время важно констатировать факт: макроэкономика не может развиваться без микроэкономической составляющей. Это значит, что в некоторых государственных компаниях, которые в целом формируют основу экономики, должен быть рост прибыльности, развитие. А в остальном – рост экономики компании – это главная задача, с которой работает бизнес. Только так удается увеличить уровень конкурентоспособности в условиях стабильно меняющейся среды, наращивать объемы прибыли, производственные объемы, а также качество готовой продукции [1].

Anton S. Ostaltsev
CEO,
«Glencore Projects»
Milena.555@mail.ru

CURRENT METHODOLOGICAL APPROACHES TO MODELING ENTERPRISE ECONOMIC GROWTH

Annotation. Within the framework of this article, a detailed analysis of the key task set for the state economy – economic growth is carried out. First of all, special attention is paid to achieving systematic, continuous economic growth not only at the macro level, but also at the micro level.

The overall goal of economic growth is to achieve the required rate of increase in national output. At the same time, the main task of economic growth is the use of state powers in regulation, ensuring civil employment, increasing the profits of Russian companies, and competitiveness in the international market. It is also necessary to increase budget profits, including by increasing taxes and expanding international influence.

Keywords: economic growth, planning, modeling of enterprise growth, economic models, financial measurements.

В мае 2020 г. деловая активность в российской экономике оставалась пониженной под действием ограничительных мер по сдерживанию эпидемии коронавируса. В качестве существенного фактора, на основании которого снижался объем промышленности, выступает снижение добычи полезных ископаемых, когда было возобновлено соглашение ОПЕК+. Вместе с тем темпы снижения выпуска в мае уменьшились по сравнению с апрелем в месячном сопоставлении с исключением сезонности. Наметился восстановительный рост в выпуске потребительских и инвестиционных товаров. Начала восстанавливаться потребительская активность. Смягчение и полная отмена ограничений во многих регионах России будут способствовать ускорению роста деловой активности в ближайшие месяцы. Однако на горизонте 2020 г. спрос – как внешний, так и внутренний – будет сдержанным, а его влияние на темпы роста потребительских цен при этом будет дезинфляционным. В 2020 г., по оценкам Банка России, ВВП снизится на 4–6 %.

В таблице 1 представлена динамика производственной и инвестиционной активности в России.

Таблица 1

Динамика производственной и инвестиционной активности в России, %

	2019 г.	IV кв. 2019 г.	I кв. 2020 г.	Март 2020 г.	Апрель 2020 г.	Май 2020 г.
Промышленность	2,3	1,8	1,5	0,3	-6,6	-9,6
Выпуск продукции сельского хозяйства	4,0	5,3	3,0	3,0	3,1	3,2
Объемы выполненного строительства	0,6	0,9	1,1	0,1	-2,3	-3,1
Транспортный грузооборот	0,6	-0,8	-3,8	-6,7	-5,8	-9,5
Обороты по оптовой торговле	1,6	8,4	10,0	9,8	-11,3	-12,5

Отраслевая структура России представлена на рисунке 1.

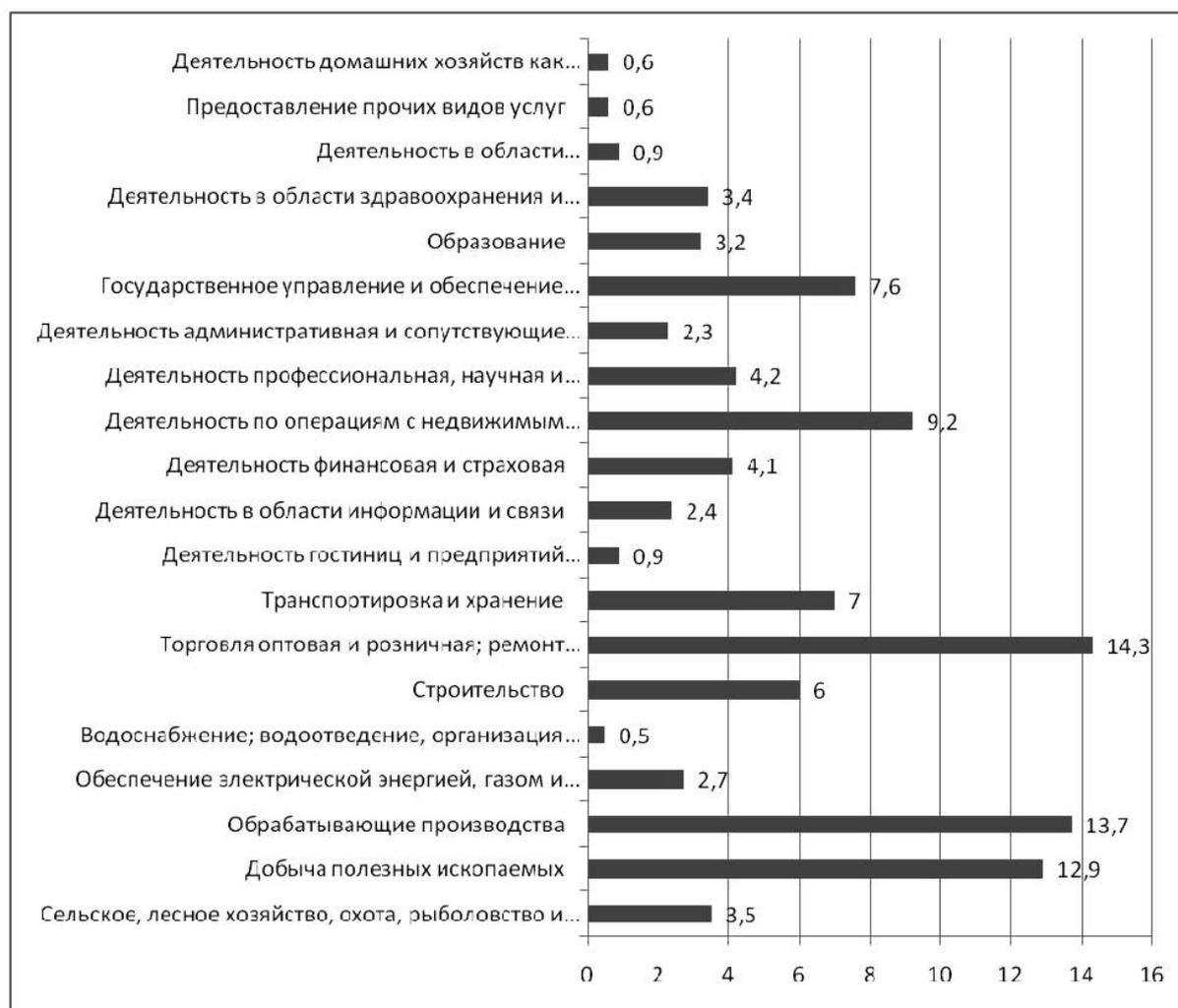

Рисунок 1 – Отраслевая структура России, %

Согласно данным, которые далее представлены на рисунке 1, в качестве центральных отраслей в отечественной экономике выступают:

– добыча полезных ископаемых;

– производства по обработке материалов (в течение пяти последних лет их доля в плане общего результата пребывает в рамках 13 %);

– розничная, а также оптовая торговля; ремонт автомобилей, мотоциклов (данная сфера занимает максимальный объем от валовой добавленной стоимости, но год за годом – отмечается тенденция к понижению);

– работа, связанная с операциями с недвижимостью.

Самую меньшую долю от общего объема занимает сфера, которая связана с водоснабжением, канализацией, утилизацией отходов, а также работой, которая связана с устранением всевозможных загрязнений.

Далее необходимо условно разделить все данные рисунка на три крупные группы: сфера промышленности, услуг, а также сельское хозяйство. Соответственно, можно легко понять, как в течение пяти лет менялось соотношение перечисленных направлений. Так, в промышленное произ-

водство оказываются включенными такие сферы, как добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства. К сфере сельского хозяйства относятся охота, лесное хозяйство, рыболовство и рыболовство. Что касается сферы услуг, то к ним относятся прочие сферы, о которых было сказано ранее.

Далее на рисунке 2 представлена информация относительно процентного соотношения перечисленных сфер.

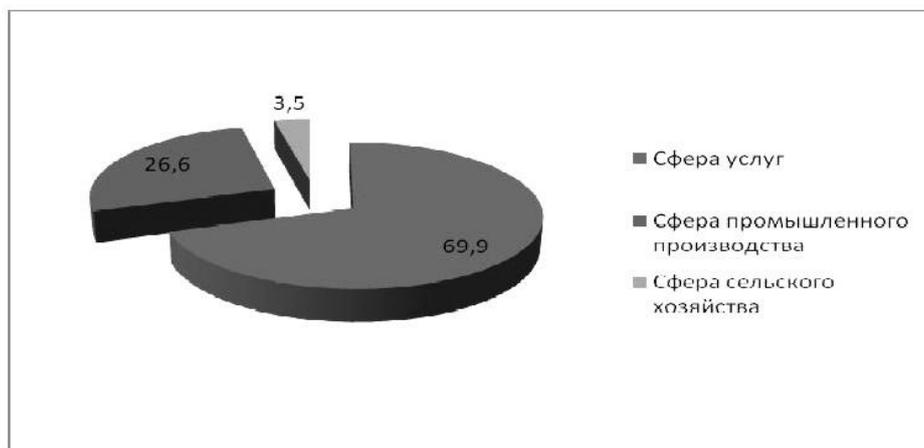

Рисунок 2 – Процентное соотношение трех сфер российской экономики, %

Детально проанализировав рисунок 2, можно установить, что в экономике России основное место приходится на сферу услуг. Впрочем, в 2019 год ее часть понижается до 69,9 %. Тем временем, сфера промышленного производства увеличивается на 2018 год до 26,6 %. Часть сельского хозяйства в период с 2015 по 2019 год – только понижается. В 2018 году, например, было только 3,5 % от общего итога.

Как видим, отечественная экономика преимущественно развивается за счет того, что активно продвигается сфера услуг. Кроме прочего, нужно уделить особое внимание промышленности – сбыту нефти на мировой рынок – прежде всего. К сожалению, с каждым годом уменьшается сфера сельского хозяйства. На первое место в промышленном производстве выходят сырьевые отрасли. Отсюда возникает ряд негативных ситуаций:

- экспортная структура приходит в упадок;
- тормозится рост НТП, понижается технический производственный уровень;
- наше государство постепенно становится в зависимость от прочих государств в плане новой продукции, технологий.

Итак, какой является самая ответственная задача в экономике на сегодняшний день для любой компании? Прежде всего, это планирование собственной деятельности.

В процессе планирования деятельности компа-

ния должна делать все возможное, чтобы получить баланс между рентабельностью и ликвидностью. В крайнем случае, нужно постараться сохранить данный баланс в очередном периоде, если цель не была достигнута сейчас [2].

Компания, которая предпринимает попытки сохранения достигнутого баланса между обозначенными параметрами, решает проблему, обусловленную стабильным ростом. В противном случае, если достигается баланс между ликвидностью и рентабельностью, то решается задача достижимого роста.

Известно, что сейчас в экономике есть множество методов, посредством которых удается определить нужные темпы роста для оценки экономического роста, собственно для выбора моделей развития. Компания, которая работает с несколькими моделями, может балансировать производственные издержки, источники и объемов финансирования.

Рассматривая концепции, распространенные в настоящее время, особого внимания заслуживает модель BCG (Boston Consulting Group) – стабильный корпоративный рост. В ней отражается скорость увеличения объема продаж с неизменной финансовой, а также операционной политикой. Для данной модели применяются следующие параметры:

- АТ – оборачиваемость по активам;
- ROS – рентабельность от продаж;

– FL – отражает, как активы относятся к собственному капиталу;

– b – отношение реинвестированной прибыли к сумме чистой прибыли.

В конечном итоге формула получает следующий вид: $BCG = ROS \times AT \times FL \times b$. Смена данных коэффициентов может помочь в оценке их воздействия на корпоративный рост.

Тем не менее, в настоящее время в литературе, посвященной экономике, приоритетное внимание отводится тому, что развитие предприятия обязательно должно носить сбалансированный характер. Так называемое «золотое правило» позволяет дать оценку компании: сбалансированная или несбалансированная система. В данной ситу-

ации нужно достичь выполнения следующего неравенства: Темп (прибыль) > Темп (продаж) > Темп (активов) > 100 %. С целью достижения стабильного роста, имеется обязательное условие – сбалансированный рост. Разумеется, есть ряд ученых, которые критически относятся к этому неравенству. Вот только нужно заметить, что они делают важный вывод: параметры экономического роста должны быть упорядочены, взаимосвязаны между собой в динамике [3].

Таким образом, нужно четко понимать, что экономический рост оценивается на основании продуманной системы коэффициентов, которые взаимосвязаны между собой. Только так, учитывая особенности рынка и положение на нем предприятия, достигаются поставленные цели финансовых итогов.

Литература:

1. *Гельвидес О.С.* Экономический рост предприятия: понятие, виды, факторы и показатели / О.С. Гельвидес, Е.Б. Федотова // Экономика устойчивого развития. 2016. № 4(28). С. 275–279.
2. *Дибулат Е.С.* Основные способы моделирования и оценки экономического роста предприятия // Научно-практический электронный журнал Аллея Науки. 2018. № 10(26).
3. *Зими́на А.А.* Управление развитием предприятия как относительно самостоятельный комплекс стратегического менеджмента // Ученые заметки ТОГУ. 2014. № 4.

Literature:

1. *Gelvides O.S.* Economic growth of the enterprise: concept, types, factors and indicators / O.S. Gelvides, E.B. Fedotova // Economics of sustainable development. 2016. № 4(28). P. 275–279.
2. *Dibulat E.S.* The main methods of modeling and evaluating the economic growth of the enterprise // Scientific and practical electronic journal Alley of Science. 2018. № 10(26).
3. *Zimina A.A.* Management of enterprise development as a relatively independent complex of strategic management // Scientific notes of TOGU. 2014. № 4.

Петрова Софья Игоревна
кандидат культурологии,
доцент,
Академия маркетинга
и социально-информационных технологий
Sofya8888@yandex.ru

ПОТРЕБЛЕНИЕ ПРОДУКТОВ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ КОНТЕКСТЕ

Аннотация. Новые потребности, которые формируются в социуме, становятся причиной социальных и культурных преобразований. Реагируя на эти новые потребности, общество может перейти к более совершенному развитию. В статье показывается, что постмодернистский мир торгует не товарами, а знаками и стилями. Культура постмодерна чрезвычайно разнообразна, в ней размываются границы между массовым и элитарным. Символические качества продукта начинают преобладать, в том числе в производстве и дизайне. Потребление культуры, это, прежде всего, потребление знаков и символов, так как вещи и ценности обладают не только потребительной, рыночной, меновой, но и символической стоимостью. Вещи могут передавать информацию, быть ее носителями и обозначать социальные качества. Они становятся не только объектом удовлетворения потребностей, но и символом, демонстрирующим социальную значимость ее владельца.

Ключевые слова: культура, потребности, общество, потребление, ценности, постмодерн, символы.

Н и количество материальных благ, ни удовлетворение тех или иных потребностей не являются, сами по себе, достаточными для определения понятия потребления, они создают только условия для этого.

Потребительские стимулы и требования в современном обществе постоянно растут. По мнению Согомонова А.Ю., удовлетворить потребности человека, в принципе, невозможно. Потребительские интересы формируются быстрее и формулируются в культуре гораздо четче, чем социальные возможности для их удовлетворения. Постиндустриальное общество часто называют обществом потребления и оба эпитета взаимозаменяемо используются как социологические метафоры [10].

Общество потребления характеризуется культивированием потребительства, повышением престижа индивидуалистических стандартов восприятия мира. С точки зрения культуры важна безличность потребления, обилие форм и стилей, ориентация на все и всех. Потребление стало ос-

Sophia I. Petrova
Candidate of Cultural Studies,
Associate Professor,
Marketing Academy
and Social and Information Technologies
Sofya8888@yandex.ru

CONSUMPTION OF CULTURAL PRODUCTS IN THE MODERN CONTEXT

Annotation. New needs that are formed in society are the cause of social and cultural transformations. Responding to these new needs, society can move to a more advanced development. The article shows that the postmodern world does not trade in goods, but in signs and styles. Postmodern culture is extremely diverse, blurring the boundaries between the mass and the elite. Symbolic qualities of the product are beginning to prevail, including in production and design. The consumption of culture is, first of all, the consumption of signs and symbols, since things and values have not only use, market, exchange, but also symbolic value. Things can transmit information, be its bearers, and denote social qualities. They become not only an object of satisfaction of needs, but also a symbol that demonstrates the social significance of its owner.

Keywords: culture, needs, society, consumption, values, postmodern, symbols.

новным содержанием общественной жизни, после перехода к массовому потреблению, явившимся поворотным моментом двадцатого века, поэтому начавшийся формироваться образ жизни стал называться «потребительским». Его сущность заключается в том, что престиж этого образа жизни становится самоцелью, а смыслом – поиск лучшего и нового. Часто общество потребления описывается как порочный круг, убивающий бытийное существование человека, так как сводится к формуле: «заработок – потребление».

Одним из первых периодов становления общества потребления стало конвейерное производство. А важнейшая особенность потребительского общества, связанная с социальным построением идентичности определенной социальной группы, появилась в середине прошлого века. А уже к концу 20 века возникают группы, для которых потребление становится образом жизни. Потребление с тех пор стало массовым. Таким образом, потребительство проникло во все сферы жизни общества, включая социальную и культуру, повсеместно воздействуя на потребительские

тенденции [9].

Как известно, массовое потребление шестидесятых годов прошлого века детерминировано гигантскими военными и гражданскими потрясениями первой половины двадцатого века и сформировалось из принципиально новых (нуклеарных) семей как потребительских социальных ячеек. Произошел сдвиг в самой природе и сущности богатства народа, в природе и сущности его производства, и в работе вовлеченных в этот процесс людей. Массовый спрос стал основной формой богатства, создающий массовые рынки и обеспечивающий стабильные темпы роста капитала и производства экономики и национального дохода.

Новые потребности, которые формируются в социуме, становятся причиной социальных и культурных преобразований. Реагируя на эти новые потребности, гипотетически общество может перейти к более совершенному развитию. На этот счет среди прогнозов исследователей есть весьма оптимистические концепции.

Если говорить о российском обществе, то следует отметить, что условия трансформации сильно повлияли на потребительскую сферу. Потреблению начали уделять значительно больше внимания, чем в экономических условиях СССР, где главным было производство, несмотря на существовавший тезис о необходимости наиболее полного удовлетворения потребностей людей. На фоне рыночных реформ произошли существенные изменения, однако до изобилия товаров еще далеко. Возникают проблемы и с доходами населения, что обуславливает многочисленные вопросы относительно характера потребления в России.

Риски социального развития во многом связаны с тем, что потребительские предпочтения становятся серьезным фактором расслоения общества, с точки зрения уровня доходов и, как следствие, уровню жизни.

Рост социального производства, параллельно с гуманизацией системы распределения, приводит к увеличению доходов растущей части населения общества, к их превышению над прожиточным минимумом, который обеспечивает только биологическое размножение человека. По мере того, как доходы удаляются от этой черты, потребление приобретает сугубо человеческий характер и направлено не на «подготовку к завтрашнему рабочему дню», а на собственное развитие, самосовершенствование или просто получения удовольствия, сохранение различных позиций в социуме. На этом этапе человек потребляет и живет не для работодателя, а для себя, своих родственников и друзей. Он производит себя не как сотрудник, а как человек участвующий во многих социальных связях. На этом этапе потребительские товары и услуги радикально меняются.

Для производства человека как живого существа требуются товары, отвечающие витальным потребностям. Соответственно, продукты оцениваются именно с точки зрения этой функции – хорошее питание, хорошая одежда, хорошее жилье.

На этапе производства человека социального, потребление постепенно теряет свой чисто утилитарный смысл. Оно направлено на желаемое место, его обеспечение в различных социальных структурах, символизацию собственной принадлежности к определенной группе или страте. В результате производство символов начинает играть все более заметную роль в структуре потребления [6].

Это означает, что требование к культурным товарам и услугам меняется. Для формирования человека как личности необходимы культурные ценности, отвечающие его потребностям. И в процессе развития человека, как социального существа, потребление основывается на места высокого «качества» в различных культурных и досуговых структурах, на их символическое значение.

Потребление символов (культурных ценностей, товаров, услуг) сильно варьируется, поскольку любое общество социально дифференцировано (потребление, например, на уровне высоких стандартов и банальное выживание). Такое потребление культурных ценностей является показателем, отражающим уровень благосостояния страны. Богатые тратят деньги на производство своей культурной идентичности, а бедные на свое физическое воспроизводство.

Принимая во внимание ключевые тенденции обновления потребительского сектора в России, исследователи убедительно показывают необходимость и высокую социально-экономическую эффективность гуманизации инноваций, приоритетность использования достижений современной технологической революции для повышения уровня и качества жизни населения, понесших большие потери в ходе антиобщественных реформ и кризиса девяностых годов прошлого века, для действительной реализации, записанной в Конституции страны, основополагающей нормы о Российской Федерации как о социальном государстве [7].

Будет ли наша страна развиваться как общество потребления, как и западные общества? Здесь, по-видимому, следует приять во внимание прогнозы исследователей, которые связывают возрождение российского общества с тем, что оно не так технически развито, нежели западные общества и сохранило запас духовности и культурных ценностей, которые, несомненно, будут приоритетными в будущем. В процессе социальной трансформации возрождение страны зависит от эффективного функционирования духовной сферы: культуры, науки, образования, а также, использования интеллектуальных ресурсов.

Правильное позиционирование индивида в обществе, его высокий потенциал, детерминированный развитыми системами воспитания, образования и культуры в целом, станут основными ресурсами развития. Многое также зависит от распространения новых информационных технологий, имеющих противоречивые последствия, но являющихся одним из приоритетов преобразования потребительского сектора. Оставление части ин-

дивидов в виртуальном мире означает определенную потерю творческого потенциала и возможностей для повышения динамики развития. Изменения в будущей экономике будут зависеть и от того, сможет ли общество противостоять негативным тенденциям в поведении в информационной сфере.

В социальном плане опасность заключается не только наличие духовно обогащающих индивида развлечений, но и нарушение баланса виртуальных и реальных способов реализации творческого потенциала личности. Создается опасная возможность полностью реализовать себя в виртуальных мирах, не испытывая неудобств, связанных с воплощением своих замыслов в реальной жизни [8].

Потребление культуры предполагает раскрытие сложных аспектов, учитывающих экономический фон потребления, деятельность культурных учреждений, наличие различий в потреблении искусства («подлинного» и «массового»). Сложные проблемы возникают в связи с изучением потребительской аудитории, ее вкусов, а также с состоянием продукции культуры, в том числе деятельности ранка и государства. Исследователи рассматривают рынок продукции культуры и искусства как товар, смещая акцент с продукта на потребителя, с предложения на спрос, изучая изменения в потреблении в культуре с переходом к обществу постмодерна в рамках процессов глобализации.

Потребление культуры имеет долгую историю изучения. В теоретическом плане описанию производства культуры уделялось внимания больше, чем потреблению. Роль потребления в культуре начинает серьезно изучаться с появлением общества потребления, в конце двадцатого века, где основное внимание уделялось экономическим аспектам потребления.

Одним из первых концептуальных подходов к потреблению был предложен К. Марксом в рамках теории товарного фетишизма, с помощью которой он сформулировал закон возвышения потребностей по мере их удовлетворения.

Веблен Т.Б. в конце девятнадцатого века предложил теорию престижного потребления. Демонстративное потребление, отмечал он, может наблюдаться в его наиболее очевидной форме в потреблении продуктов питания, одежды, жилья, обстановки. На ранних стадиях экономического развития потребление товаров, особенно высококачественных (идеально – все потребление выше прожиточного минимума) принадлежит «праздному» классу. Потребление продукта более высокого качества является свидетельством богатства, становится престижным, и наоборот, отсутствие потребления товаров необходимого качества и в необходимых объемах, является признаком низкого статуса. Для господина, показное потребление материальных ценностей является средством достижения уважения. В одном случае это ненужная трата времени и усилий, в другом – чрезмерное материальное потребление. Можно также отметить, что потребление, как средство

поддержания репутации, а также его пропаганда как одной из основ порядочности в полной мере проявляется в тех сферах социума, где социальные контакты человека наиболее распространены и где подвижность населения выше [3].

Зиммель Г.Г. изучал проблему потребления в аспекте теории моды. Мода, по его мнению, является одной из многих форм жизни, для которой тенденция к социальному выравниванию сочетается с тенденцией к индивидуальному различию в одной деятельности. Возможно, ничто не доказывает более убедительно, что мода – это просто результат социальных или формально психологических потребностей, чем то, что с точки зрения объективных, эстетических или иных факторов целесообразности, невозможно обнаружить малейшей причины, которую дает ей мода – должны ли вы носить узкие или широкие брюки, юбки, округлые или взбитые прически, красочные или черные галстуки. Во всем этом нет и следа целесообразности [5].

В современной культуре мода имеет большое значение – проникая в новые области и усиливая изменения там, где она уже действует постоянно. Мода также компенсирует незначительность индивида, его неспособность индивидуализировать собственное существование.

Зиммель Г.Г. обращает внимание на то, что привлекательность моды заключается в контрасте между ее широким распространением и спросом. Таким образом, мода характеризует потребность и потребительство как широких масс, так и людей обладающих вкусом.

Зомбарт В. рассматривал проблему потребностей в контексте созданной им концепции роскоши. Вебер М. сформулировал концепцию статусных групп и протестантской этики.

Важные подходы к теории потребления наметил Гофман И. Систематизируя понятия знакового символического взаимодействия, он отмечал, что в первом приближении коммуникация это процесс передачи друг другу и, соответственно, постепенная социализация частных переживаний, идей, эмоций, ценностей и т.п. Этот процесс детерминирует формирование и отдельной личности, и общества, и социальных институтов, организаций и учреждений. Обусловленность становления человека от процесса передачи жизненного опыта другим людям, и получения от них своих сообщений (коммуникация предполагает как передачу, так и прием) подразумевает теоретическое существование как с психологизмом, допускающим существование каких-то готовых, врожденных природных мотивов человеческого действия, независимых от среды социума ситуаций, окружающих институтов, так и с крайним социологизмом, представляющим человека чем-то вроде чистого листа (*tabula rasa*), заполняемого прямыми импульсами природой и социальной среды, коллективного сознания и т.п. Гофман И. пишет о важности «драматургического» подхода, имеющего свою особую «ситуационную» систему понятий из-за внутренней диалектики развития общественных

форм жизни. В любой микросистеме взаимодействия лицом к лицу, отмечает он, люди взаимодействуют с другими, непосредственно присутствующими, участниками, вступая в культурно обусловленные познавательные отношения, без которых было бы невозможно упорядочение совместной деятельности ни в вербальных, ни в поведенческих формах [4]. Углубляясь в межличностные взаимодействия как функциональные формы потребления и формирования культурных потребностей, Гофман И. рассмотрел проблемы человеческой деятельности используя законы драматургии, показывая как человек-потребитель, потребляя, представляет себя другим, участвует в повседневной жизни, формируя культурные потребности.

Во второй половине двадцатого века проблемой общества потребления заинтересовались Бурдые П. и Бодрийяр Ж., которые сосредоточили свое внимание не на материальной потребительной стоимости, а на символическом характере потребления, рассматривая потребление не как экономический, чисто утилитарный процесс, а как социально-культурный процесс.

В разных странах потребление связано, прежде всего, с экономическим положением людей, но люди также могут стремиться к покупке продукта, который рекламируется в прессе или по другим каналом массмедиа. В таком случае можно говорить о том, что потребление обусловлено не столько основными, базовыми потребностями, сколько символическим значением, заложенным в вещи. Разделять утилитарное и символическое значение вещи не следует, так как они дополняют друг друга. Вещи присущи не только потребительская ценность, но и символическая. Потребляя определенный продукт, человек подтверждает свой социальный статус, принадлежность к той или иной группе. Следует отметить, что у одних социальных групп эта символическая составляющая может быть слабой, в то время, как у других она будет занимать очень важное место.

Бурдые П. показал, что сегодня потребление это не просто пустая трата денег, эта трата, проходящая через определенные «культурные сетки», в частности, культурную сеть «хорошего вкуса» (являющегося одной из форм интеллектуального капитала). И в этом смысле образование (другая форма интеллектуального капитала) и «вкус» тоже являются компонентами современного потребления.

Бурдые П. считал, что в потребление культуры, когда другие факторы равны, влияние происхождения особенно важно, если речь идет «высшем обществе». Социально признанная иерархия искусств (а внутри каждого, иерархия жанров, школ), соответствует социальная иерархия потребителей. Это свидетельствует о том, что вкусы выступают как маркеры класса [2].

Такая категория, как «вкус», должна воспитываться через формирование культурных потребностей, эти два понятия взаимосвязаны. Практическое и качественное значение потребления

культурных ценностей зависит не только от работанной окружающей действительностью схемы, но и от формирования культурных потребностей.

Бодрийяр Ж. считал, что потребление, это, прежде всего, потребление знаков и символов. Вещи и ценности обладают не только потребительной, рыночной, меновой, но и символической стоимостью. По его мнению, вещи могут передавать информацию, быть ее носителями и обозначать социальные качества. Они становятся не только объектом удовлетворения потребностей, но и символом, демонстрирующим социальную значимость ее владельца.

Бодрийяр Ж. подчеркивает, что вещи и предметы отсылают к конкретным социальным целям и социальной логике. Они свидетельствуют не столько об их пользователе и технических практиках, сколько о социальных претензиях и покорности, социальной мобильности и инертности, о привыкании к новой культуре и погруженности в старую, о стратификации и социальной классификации.

Критикуя современное общество, Бодрийяр Ж. показывает его неизбежную модификацию как неоконсервативного общества потребления. Для него потребление потеряло связь с удовлетворением потребностей. Выбирая товар и услуги, человек создает свою идентичность, делая поправку на культуру сообщества. Потребляя, человек, по существу, делает текст, через который он выражает свое положение в обществе, идентифицирует себя с определенной группой. Потребление становится средством «доступа к социальным и культурным ресурсам», а также – средством оказания впечатления на других для достижения определенных целей в повседневной жизни [1].

Ожидание покупки, желание, часто воспринимается как приносящее большее удовольствие, чем сама покупка. Это означает, что желание потреблять безгранично, поскольку не имеет ничего общего с удовлетворением потребностей, так как потребляются идеи, а не сами вещи.

Постмодернистский мир торгует не товарами, а знаками и стилями. Культура постмодерна чрезвычайно разнообразна, в ней размываются границы между массовым и элитарным, возникает много потребительских стереотипов. Символические качества продукта начинают преобладать, в том числе, в производстве и дизайне продукта. Стандартные продукты пользуются меньшим спросом, чем те, которые рассчитаны на определенный культурный слой и поэтому имеют четкий специфический характер.

Сегодня потребление изучается различными науками, часто постижение этого феномена происходит на междисциплинарном уровне. Значительное расширение взглядов на поведение потребителей обусловлено отходом от экономики и вниманием к социально-философским проблемам потребления. Одной из черт нового направ-

ления стал интерес к культурологическим подходам. Современная теория потребления, под влиянием постмодерна, все больше переплетается с

Литература:

1. *Бодрийяр Ж.* К критике политической экономики знака. М. : Библион-русская книга, 2003. С. 17–20.
2. *Бурдьё П.* Практический смысл. СПб. : Алетейя; М. : «Институт экспериментальной социологии», 2001. С. 30–36.
3. *Веблен Т.* Теория праздного класса. М. : Прогресс. 1984. С. 113, 121, 122.
4. *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни. М. : Канонпресс-Ц, Кучково Поле, 2000. С. 7–23.
5. *Зиммель Г.* Созерцание жизни. Избранное. М. : Юрист, 1996. Т. 2. 269 с.
6. *Ильин В.И.* Социальное неравенство. М., 2001. С. 21.
7. *Кузык Б.Н.* Россия – 2050: Стратегия инновационного прорыва / Б.Н. Кузык, Ю.В. Яковец. М., 2014. С. 320.
8. Мир на рубеже тысячелетий (прогноз развития мировой экономики до 2015 г.). М. : Издательский Дом «НОВЫЙ ВЕК». 2001. С. 34–35.
9. *Петров И.Ф.* Аксиологический подход в социологии культуры // Бюллетень науки и практики. 2020. Т. 6. № 4. С. 480–483.
10. *Согомонов А.Ю.* Феномен «революции притязаний» в культурно-историческом контексте // Революция притязаний и изменение жизненных стратегий молодежи. 1985–1995. М. : Институт социологии РАН, 1998.

культурологией. Внимание переносится на символический характер потребления, формирование личности и ее стиля жизни под его влиянием.

Literature:

1. *Baudrillard Zh.* To the criticism of political economy, M. : Biblion-Russian book, 2003. P. 17–20.
2. *Bourdieu P.* Practical meaning. SPb. : Aleteia; M. : «Institute of Experimental Sociology», 2001. P. 30–36.
3. *Veblen T.* Theory of the leisure class. M. : Progress. 1984. P. 113, 121, 122.
4. *Hofman I.* Introduce yourself to others in everyday life. M. : Canon press-TS, Kuchkovo pole, 2000. P. 7–23.
5. *Simmel G.* Contemplation of life. Selected. M. : Lawyer, 1996. Vol. 2. 269 p.
6. *Ilyin V.I.* Social inequality. M., 2001. P. 21.
7. *Kuzyk B.N.* Russia – 2050: Strategy of innovative breakthrough / B.N. Kuzyk, Yu.V. Yakovets. M., 2014. P. 320.
8. Mir at the turn of the Millennium (forecast of the world economy development until 2015). M. : NOVY VEK Publishing House, 2001. P. 34–35.
9. *Petrov I.F.* Axiological approach in the sociology of culture // Bulletin of science and practice. 2020. Vol. 6. № 4. P. 480–483.
10. *Sogomonov A. Yu.* The Phenomenon of the «revolution of claims» in the cultural and historical context // The revolution of claims and changing the life strategies of young people. 1985–1995. M. : Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 1998.

Рим Алнажар
аспирант,
департамент страхования
и экономики социальной сферы,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации
reem17293@hotmail.com

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ НА РАЗВИТИЕ СТРАХОВОГО РЫНКА СИРИИ

Аннотация. Текущая глобальная пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 оставила след во всех сферах жизни тех стран, где были выявлены случаи заболеваний. Государствам пришлось адаптироваться и создавать новые реалии привычной жизни. В статье рассмотрено влияние эпидемии коронавируса на развитие рынка страхования Сирийской Арабской Республики. Выявлены особенности влияния коронавируса на развития страхования как сферы услуг. Анализируется роль эпидемии в снижении экономики Сирии на современном этапе. Страхование рассматривается как один из инструментов модернизации экономики Сирии, активации перехода на оказание услуг в электронном виде.

Ключевые слова: Сирия, эпидемия коронавируса, страховой рынок, такафул, инвестиции, здравоохранение, сфера услуг.

Официально первый случай заражения коронавирусом в Сирийской Арабской Республике зафиксирован 22 марта 2020 г. Однако еще с 14 марта в Сирии закрыты образовательные и культурные учреждения, а работа некоторых предприятий приостановлена или переведена на удаленный режим работы [3].

Несмотря на то, что, согласно официальным данным статистики, в Сирии сравнительно небольшой процент людей, заразившихся коронавирусом, в стране введены достаточно строгие меры по предупреждению распространения инфекции: прекращено транспортное сообщение между провинциями, закрыты магазины и рынки, за исключением продуктовых. Сирия, как и многие другие страны, приостановила авиасообщение, закрыла сухопутные границы [4].

В условиях современной экономической ситуации перечисленные меры государства по предупреждению массового заражения могут достаточно негативно отразиться на развитии экономики. Это обусловлено рядом факторов. В первую очередь, Сирийская Арабская Республика является аграрной страной и такие ограничительные меры, хотя и являются относительно эффективными в части предотвращения массового заражения сирийцев,

Reem Alnajjar
Graduate student,
Insurance Department
and the Social Economy,
Financial University under the Government
of the Russian Federation
reem17293@hotmail.com

THE IMPACT OF THE PANDEMIC ON THE DEVELOPMENT OF THE SYRIAN INSURANCE MARKET

Annotation. The current global pandemic of coronavirus infection COVID-19 has left a mark in all areas of life in those countries where cases have been identified. States had to adapt and create new realities of familiar life. The article examines the impact of the coronavirus epidemic on the development of the insurance market in the Syrian Arab Republic. The features of the influence of coronavirus on the development of insurance as a service sector were revealed. The role of the epidemic in the decline of the Syrian economy at the present stage is analyzed. Insurance is considered as one of the tools for modernizing the Syrian economy, activating the transition to the provision of services in electronic form.

Keywords: Syria, coronavirus epidemic, insurance market, takaful, investments, healthcare, services sector.

повлекут за собой проблемы в области занятости населения, и в будущем, возможно, неурожая и снижения объемов экспорта сирийской продукции на международный рынок. Последнее, безусловно, негативно скажется на экономическом росте страны, что обуславливает актуальность для Сирии поиска новых инструментов развития экономики в условиях глобальной пандемии.

Также, следует отметить, что на текущий момент недостаточно ясно можно спрогнозировать и процесс распространения в Сирии коронавирусной инфекции, что повлечет непредсказуемые последствия для населения, при условии недостаточно организованной системы здравоохранения в Сирии.

Так, Sham Newspaper (صحيفة شام) в публикации от 06 июля 2020 года сообщает, что число зарегистрированных случаев смерти в Сирии от коронавирусной инфекции составило 372.

При этом за день было зарегистрировано 20 новых случаев инфицирования, а в предыдущий день – три новых случая смерти, что является новым отрицательным рекордом для Сирии.

Введенные против Сирии экономические санк-

ции, в том числе, затрагивают и медицинский сектор, что не позволит Сирии при росте заболеваемости оперативно развернуть производство необходимого оборудования и медикаментов, а также устройство коечного фонда, как, к примеру, это удалось Китаю.

Sham Newspaper, в частности, указывает и на то, что приведенные официальные результаты статистики заражения коронавирусом по Сирии могут быть неточными ввиду недостаточного развития системы здравоохранения в стране, а реальное число заразившихся может быть существенно выше [1].

Это подтверждается и объективными реалиями (в частности, тем фактом, что правительство Дамаска контролирует лишь 65 % территории, а на остальной части карантинные меры не могут быть обеспечены).

Кроме того, мировое сообщество также подчеркивает проблему распространения коронавируса в лагерях сирийских беженцев, заболеваемость в которых не отражается в официальной статистике. Такие опасения высказывает и Б. Асад [2].

Следует отметить, что как для аграрной страны для Сирии введение ограничительных мер оказалось достаточно серьезной проблемой. Например, именно по этой причине не стала вводить карантинные меры республика Беларусь, которая проанализировала возможные негативные последствия для экономики. Однако для Республики Белоруссии отказ от карантинных мер и приостановления экономики был оправдан, ввиду того, что государства, расположенные вокруг Белоруссии закрыты границы и сообщение. Однако в случае Сирии столь благоприятной ситуации не сложилось.

Как и перед большинством стран, пандемия коронавируса поставила перед Сирией две основные проблемы:

1. Проблему оптимизации, финансирования и адаптации системы здравоохранения в государстве при возрастании на нее нагрузки.
2. Проблему создания условий для экономического роста и занятости населения.

При этом на современном этапе не выработано какой-либо единой системы механизмов для решения указанных проблем.

В рамках этого, в качестве одного из таких инструментов, можно рассматривать систему страхования (такафул).

В данном ключе достаточно актуальными являются, как семейный такафул (familytakaful), то есть, непосредственно страхование здоровья и жизни, так и общий такафул (generaltakaful) – страхование имущества и денежных средств.

Следует отметить, что страховые компании Сирии, работающие по принципу такафул-страхования, оказались весьма устойчивы к глобальному экономическому кризису, обостренному военными действиями на территории страны в 2014

году.

В условиях системы здравоохранения Сирии, которая не позволяет обеспечить охват всего населения услугами здравоохранения, семейный такафул является выходом из ситуации для людей, которые имеют относительно низкий или нестабильный доход, и не смогут в случае заражения коронавирусом обеспечить себе квалифицированную медицинскую помощь.

Согласно актуальным данным, лечение от коронавируса на протяжении 10 дней (примерный срок терапии) составляет по стоимости примерно 196 тыс. сирийских фунтов. Таким объемом свободных средств среднестатистические семьи в Сирии не располагают, при этом в случае продолжения роста заболеваемости коронавирусом и при отсутствии развитой системы здравоохранения возникнет ситуация, при которой медицинская помощь будет недоступна большинству зараженных.

Следует отметить и такой немаловажный национальный момент, как то, что обеспечение среднестатистической семьи в Сирии осуществляется главой семьи и иными мужчинами. В случае их нетрудоспособности или смерти для семьи достаточно велика вероятность не просто снижения доходов, но и перехода за черту бедности. Это обуславливает актуальность семейного такафула (который на текущий момент недостаточно распространен) для большинства сирийских семей, которые в случае наступления страхового риска болезни или смерти главы семьи смогут получать средства на лечение или материальную поддержку.

С данной точки зрения, пандемия коронавируса может стать позитивным фактором развития страховых услуг на рынке Сирии – через формирование сферы услуг, создания многочисленных такафул-фондов, которые по своей сути, в отличие от коммерческого страхования, играют роль своего рода «кассы взаимопомощи».

Опосредованно, такафул-фонды могут играть роль аккумуляторов финансовых резервов, и, следовательно, открывать перспективы для коллективного инвестирования средств. В целом, инвестиционная деятельность и сберегательное поведение нехарактерно для граждан Сирии, в отличие, к примеру, от жителей стран Европы. Это обусловлено, как достаточно непредсказуемой инфляцией в стране, и нерациональностью откладывания средств, так и низкими доходами населения. При этом такафул-фонды, которые могут действовать как коллективные инвестиционные инструменты, позволят существенно повысить инвестиционную активность граждан.

В свою очередь, инвестиционная активность населения в государстве является одним из факторов развития его экономики и банковской сферы, и следовательно – фактором роста ВВП, который обуславливает качество жизни населения.

Ввиду того, что страхование представляет собой

сферу услуг, ее развитие позволит снизить в производстве Сирии долю аграрного сектора, что также будет способствовать экономическому росту страны, за счет развития сектора услуг, а также – снижению зависимости экономики от климата, погодных и иных непредсказуемых условий, которые влияют на продуктивность сельского хозяйства.

В свою очередь, можно рассматривать такафул-фонды как потенциальный механизм стимулирования развития здравоохранения. На текущий момент Сирийская Республика не располагает бюджетными средствами, которые оказались бы достаточными для развития здравоохранения, строительства новых медицинских учреждений или модернизации имеющихся. В рамках этого, развитие такафул-фондов в стране – как общего, так и семейного такафула, за счет аккумуляции финансовых страховых резервов позволит осуществлять государственно-частное партнерство по строительству учреждений здравоохранения, их вооружению современным оборудованием.

Формирование государственно-частного партнерства с участием такафул-фондов позволит обеспечить государственную поддержку и правовую защиту деятельности таких фондов.

Применительно к развитию государственно-частного партнерства с такафул-фондами в области имущественного страхования, актуально в существующих условиях страхование со стороны государства отдельных объектов – например, зданий и сооружений, которые являются важной частью инфраструктуру (школы, больницы, станции связи). Страхование таких объектов позволяет перераспределить страховые резервы в стране, в целом (которые на текущий момент в более чем 70% сосредоточены в руках государственной страховой компании Сирии).

Такое перераспределение позволит снизить уровень монополизации рынка и обеспечить развитие небольших страховых организаций и такафул-фондов. Кроме того, через деятельность такафул-фондов возможно осуществлять привлечение в государство иностранных инвестиций, например, посредством страхования жизни и здоровья иностранных граждан, которые пребывают на территории Сирии, а также – объектов, которые принадлежат другим государствам (например, здания посольства и др.). Целесообразно и создание специализированных инвестиционных программ для иностранных инвесторов в такафул-фонды.

Развитие сферы такафул-страхования особенно значимо в современных условиях, ввиду того, что эпидемия коронавируса значительно усложнила гуманитарную ситуацию в Сирии. В Сирийской Республике сегодня отмечен огромный дефицит инфраструктуры, человеческих ресурсов, средств индивидуальной защиты, лекарств.

Сегодня отмечается проблема с коечным фондом (в Сирии примерное обеспечение составляет 650 человек на койку и на одну больницу около 13,6 тыс.

человек). В отдельных местностях показатель дефицита значительно выше. Среднее число больничных коек в провинциях Идлиб, Хассаке и Ракка составляет 1351, 1105 и 1148 человек на койко-место соответственно.

В результате военных действий, около 29 % от числа всех больниц Сирии было полностью или частично разрушено, а эффективность остальных снизилась наполовину, ввиду острой нехватки медицинского оборудования, а также, миграции профессиональных медиков из Сирии. Это обуславливает актуальность развития собственного производства медицинского оборудования, средств индивидуальной защиты и иных необходимы для обеспечения здравоохранения материалов. Однако развитие соответствующего производства требует инвестиционных средств, что может быть частично также осуществлено при развитии такафул-фондов.

В то же время, формирование такафул-фондов, их поддержка не могут осуществляться стихийно, на основании чего в государстве необходима соответствующая концепция их развития. Например, особое значение в современных условиях угрозы повторения военных действий приобретает взаимная поддержка такафул-фондов при наступлении страховых случаев.

В целом, принятие концепции развития страхового рынка Сирии с использованием инструментов стратегического планирования объективно необходимо на сегодняшний день. Стратегическое планирование развития различных отраслей, в том числе, и отрасли страхования, позволяет осуществлять централизованное управление развитием страны, и при необходимости корректировать процесс развития отдельных отраслей промышленности, при помощи элементов государственной поддержки или, напротив, инструментов сдерживания, например, посредством антимонопольного законодательства.

Это обуславливает актуальность в целом проблемы разработки отраслевых документов стратегического планирования и оценки их реализации, в том числе в части установления критериев и показателей достижения поставленных целей. Отраслевые документы стратегического планирования являются документами, определяющими развитие конкретной сферы или отрасли экономики, кроме того, отраслевые документы стратегического планирования являются базой для разработки государственных программ различного уровня (общегосударственных, региональных, муниципальных), схем территориального планирования Российской Федерации, а также плановых и программно-целевых документов государственных корпораций и иных предприятий с государственным участием.

Актуальность общегосударственных отраслевых документов стратегического планирования в области такафул-страхования состоит в том, что они позволяют сформировать систему целевых ориентиров для регионов в области развития данной сферы хозяйственной деятельности.

Мировая практика управления выработала два

подхода к разработке концепций и стратегий развития различных отраслей хозяйства – централизованный и децентрализованный.

Подход централизованный реализуется на основе совместного участия государственной и региональной властей при выработке концепций и стратегий, принятии решений, финансировании поддерживаемых территорий и используемых механизмов внедрения мероприятий.

Подход децентрализованный опирается на внутренние источники развития и требует для своей реализации больших усилий по обеспечению скоординированного развития территориальной структуры национальной экономики.

Для Сирии, в части развития системы такафул-фондов, как нам представляется, более актуален децентрализованный подход, который будет учитывать уровень экономического развития и особенности развития регионов Сирии (например, специфика городских и сельских местностей, уровень доступа к цифровизации и услугам связи).

В Стратегии развития страхового рынка Сирии, которую представляется целесообразным принять на государственном уровне, должны быть зафиксированы следующие основы развития:

1. Совершенствование системы распространения такафул-фондов по территории Сирии (с целью исключения их концентрации в крупных городах) и механизмы стимулирования процесса расселения.
2. Оптимизация структуры экономики такафул-фондов в региональном аспекте.
3. Конкурентные преимущества, экономическая специализация и основы экономической безопасности такафул-фондов.
4. Прогноз, мониторинг и оценка потребности различных регионов Сирии в трудовых и экономических ресурсах с учетом развития сферы страхования.
5. Прогноз, мониторинг и оценка потребности в услугах такафул-фондов по регионам.
6. Перечень планируемых инноваций в области развития страхового рынка, на основании проведенной комплексной оценки условий и потенциалов территорий страны.
7. Особенности территориального размещения технологических платформ на территории Сирии, с целью роста числа страховых услуг, оказываемых дистанционно.
8. Особенности интеграции Сирии в мировое экономическое пространство в части страхования –

Литература:

1. Sham Newspaper (شام صحيفة). URL : <http://www.shaam.org/news/syria-news> (дата обращения 25.05.2020).

создание связей с крупными компаниями – перестраховщиками за рубежом.

9. Результаты классификации регионов Сирии по уровню развития страхового рынка, перечень макрорегионов и особых территорий, требующих пристального внимания.

Стратегия также в обязательном порядке включает в себя анализ особенностей и основных проблем страхового рынка Сирии, базовые принципы и приоритеты, цели и задачи, варианты и сценарии развития, критерии и показатели развития, этапы реализации, механизмы достижения приоритетов.

Отдельно следует сказать о возможностях развития цифровизации рынка такафул-страхования. Наряду с иными последствиями, пандемия коронавируса обусловила необходимость перехода на дистанционную, удаленную деятельность, с целью минимизации контактов между людьми в процессе трудовой деятельности.

При этом большинство традиционных отраслей хозяйства и промышленности в Сирии (сельское хозяйство, добывающая промышленность) объективно не могут быть переведены на работу в удаленном режиме. Соответствующая возможность существует лишь у сферы торговли и предоставления услуг, в том числе и у сферы страхования.

В данном ключе можно ожидать, как скачка цифровизации страхового рынка – постепенного перехода страховых компаний и такафул-фондов на оказание услуг в электронном виде, так и повышения конкурентоспособности тех организаций, которые первыми освоят «цифровой» рынок в области страхования. Для государства в данном случае актуально оказание поддержки такафул-фондам через создание электронных платформ – виртуальных страховых рынков, на которых могут размещаться предлагаемые страховые и инвестиционные услуги, а также осуществляться и покупка-продажа услуг (по аналогии с финансовыми биржами или платформами государственного заказа).

Таким образом, пандемия коронавируса в части развития рынка страховых услуг позволяет создать условия для развития такафул-фондов, популяризации услуг страхования (общего и семейного такафула) среди граждан Сирии, будет способствовать развитию цифровизации страхового рынка, и в дальнейшем – при развитии обусловит постепенный переход экономики Сирии от преимущественно аграрного производства к сфере услуг и экспорту капитала, что выступает основной деятельности современных развитых стран.

Literature:

1. Sham Newspaper (شام صحيفة). URL : <http://www.shaam.org/news/syria-news> (date of application 25.05.2020).

2. Асад: Сирия может столкнуться с «катастрофой» из-за коронавируса // Коммерсант. URL : <https://www.kommersant.ru/doc/4336440> (дата обращения 27.05.2020).

3. Война в условиях пандемии. Коронавирус может стать катастрофой для Ливии, Сирии и Йемена // TASS. URL : <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/8056233> (дата обращения 25.05.2020).

4. В госпитале Алеппо открыли отделение для заразившихся коронавирусом // РИА-новости. URL : <https://ria.ru/20200404/1569565126.html> (дата обращения 12.05.2020).

2. Assad: Syria may face a «catastrophe» because of the coronavirus // Kommersant. URL : <https://www.kommersant.ru/doc/4336440> (date of application 27.05.2020).

3. War in a pandemic. Coronavirus could be a disaster for Libya, Syria and Yemen // TASS. URL : <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/8056233> (date of application 25.05.2020).

4. A department for those infected with coronavirus was opened in the Aleppo hospital // RIA-Novosti. URL : <https://ria.ru/20200404/1569565126.html> (date of application 12.05.2020).

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Корректор: Попов М.Ю.
Оригинал-макет: Шелкова Е.А.

Сдано в набор 17.07.2020
Подписано в печать 20.07.2020
Формат 60x84¹/₈. Бумага типографская № 18
Печать riso. Уч.-изд. л. 13,7
Тираж 550 экз.

Отпечатано ИП Фоменко О.Я.
Тел. +7(918) 41-50-571

Заказ № 49

e-mail: id.yug2016@gmail.com